

**ТАНКИ,
ВПЕРЕД!**

ТАНКИ В БОЮ

ТАНКОВЫЕ РЕЙДЫ 1941–1945

АМАЗАСП БАБАДЖАНЫН

ДОРОГИ ПОБЕДЫ

ТАНКИ В БОЮ

Амазасп Бабаджанян

**ТАНКОВЫЕ
РЕЙДЫ
1941-1945**

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2009

Оформление серии художника *П. Волкова*

Бабаджян А. Х.

Б 12 Танковые рейды. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 448 с.

ISBN 978-5-699-32119-3

Он воевал по-суворовски: не числом, а умением.

Он по праву считается одним из лучших танковых командиров Великой Отечественной.

На склоне лет он стал главным маршалом бронетанковых войск и начальником танковых войск Советского Союза.

А прославился Амазасп Бабаджян еще в августе 1941 года, когда его танковый полк, совершив ночной марш по вражеским тылам, захватил «высоту смерти» под Ельней, что заставило немцев оставить город.

С тех пор танковые рейды стали специализацией этого храброго, находчивого и высокообразованного командира. В течение всей войны танкисты Бабаджяна, сражавшиеся в корпусе легендарного Катукова, были на острие главного удара Красной Армии — сметали вражескую оборону, громили немецкие коммуникации, брали города в глубоком тылу противника. Полковник Бабаджян отличился при форсировании Днестра, на Сандомирском плацдарме (где был тяжело ранен в грудь, но всего через 20 дней вернулся в строй) и в битве за Берлин. Обо всех этих сражениях Амазасп Хачатурович рассказал в своих мемуарах, признанных одной из лучших книг о боевом применении советских танков в Великой Отечественной войне.

В данном издании воспоминания главного маршала бронетанковых войск дополнены уникальными фотографиями из семейного архива и личными записями автора, порой очень жесткими и критическими, которые прежде никогда не публиковались.

ББК 63.3

«Чар дах» в переводе на русский — «четыре горы»... Их действительно четыре, они окружают мое родное село со всех сторон, и потому оно зовется Чардахлы. Сорванцы мальчишки, мы любили когда-то, несмотря на строгий родительский запрет, забираться в горы — оттуда открывались необозримые просторы, поражавшие наше детское воображение. Но, странное дело, наши Чардахлы и на фоне этих просторов не казались нам маленькими. Наоборот, отсюда виделась их огромность — кто бы тогда осмелился переубедить нас в этом...

Я вспомнил это свое ощущение много позже, когда впервые услышал слова поэта: «Большое видится на расстоянии». Я вспоминаю его всякий раз, когда задумываюсь над уже отошедшим в прошлое, над самым важным, что довелось пережить в моей жизни, — над Великой Отечественной войной.

Это было как будто совсем недавно: память сохранила мельчайшие подробности боев, сотни лиц, имен. И вместе с тем это было больше тридцати лет назад.

Я окончил войну полковником, командиром танкового корпуса. Теперь я маршал, партия и правительство доверили мне высокий пост в танковых войсках Советской армии. Хочется, оглядываясь назад, увидеть и оценить пережитое по-новому, так сказать, с дистанции прошедших лет и накопленного опыта. Нас, военных, поставили охранять покой и труд народа, и нам нужно быть готовыми сразиться с теми, кто осмелится на эти покой и труд посягнуть. Вот почему нам надо изучать уроки Победы.

Минуло больше тридцати лет, а о победе над фашизмом спорят по сей день. Зарубежные военные теоретики, бывшие

гитлеровские военачальники издают и переиздают «труды» и «мемуары», в которых любыми средствами пытаются доказать, что Победу нам принесло все что угодно — громадность территории, загадочные особенности русской души, бесноватость или болезнь Гитлера, — только не советское военное искусство, не превосходство нашего строя, нашей идеологии... Если поверить им — нечего взять из уроков Победы для дальнейшей разработки военной доктрины, рассчитанной на отражение и разгром врага в новой войне, если ее все-таки развяжут империалисты. Тенденциозность — белые нитки, которыми они пытаются штопать историю.

Тридцать с небольшим лет... Для огромной мировой истории это, может быть, и вовсе краткий миг. Но для людей это целая жизнь.

И я обращаюсь к поколению, которое родилось после Победы, росло и мужало в славную пору мирных подвигов и свершений.

Радуйтесь солнцу, свежему ветру, любите жизнь, творите добро! В мире нынче мир!

Но пусть нетленна и трепетна будет для вас святая память о тогдашних ваших сверстниках, живых и павших. Повергая в прах лютых недругов Советской Отчизны и человечества, поднявших на нашу Родину оружие, солдаты Отечества извлекали из войны уроки мужества, умение осмыслять подлинные человеческие ценности, нигде так ясно и оголенно не предстающие взору, как на войне.

Их подвиг и опыт пусть будут вам, молодым, опорой, укрепляя веру в несокрушимость наших идеалов, удесятерят ваши силы.

Глава первая

ПРЕДГРОЗЬЕ

Вот никогда не думал, что прощание с Ленинградом будет таким тоскливым. Поезд мчит меня на юг. На юг, ближе к моим родным местам, дальше от шпиля Адмиралтейства, от Горбатого мостика, от Мойки и Фонтанки — от так полюбившегося мне Ленинграда.

Я получил под свое начало стрелковый полк. Получил после долгих просьб, многочисленных рапортов: меня не хотели отпускать со штабной работы. А меня тянуло в войска. Просьбы наконец возымели действие — сначала я стал заместителем командира полка под Ленинградом, затем получил полк. И вот осенью 1940 года еду к месту своего нового назначения.

В Ленинграде осталась моя семья — жена с сыном и маленькой дочуркой. Каково им там будет?.. Неотвязная, прилипчивая, эта мысль не оставляла меня ни на миг. Ведь всего год, как был заключен договор о ненападении с Германией, фашистской Германией, наиболее вероятным нашим противником в возможной войне. И, казалось на первый взгляд, для опасений не было оснований.

Поезд все дальше уносил меня к югу. Позади остались просторы России, Украины, и наконец в распахнутые окна вагона ворвались ослепительные краски предгорий Кавказа, и этот фейерверк отвлек меня от воспоминаний и размышлений.

Вот и вокзал. Не спеша, я пересек весь город, добираясь до места, где расквартировалась дивизия. Шумно, брызгая пеной, катил свои воды буйный Терек, петляла, скрываясь в темных ущельях, Военно-Грузинская дорога...

Штаб дивизии — в небольшом двухэтажном домике после благоустроенных казарм Измайловского проспекта в Ленинграде он показался мне еще меньше, чем был. Тесные коридоры, много командиров в кавалерийской форме, звякают шпоры. Даже усомнился на минуту, не заблудился ли я: почему так много конников, ведь дивизия-то стрелковая?

И комдив — с кавалерийскими петлицами. Перехватив мой удивленный взгляд, сказал резко:

— Удивляешься, майор? Понимаю, новых настроений набрался там, в столицах. А мы тут коня ни на какую машину не променяем. Тут вам не Невский проспект — бездорожье, не очень на машинах раскатаешься. Конь, он свое слово еще скажет. Мы Гражданскую на конях прошли и Советскую власть завоевали. На конях, да-да!

— Товарищ полковник, — пытался я возразить, — сам коня люблю, кавказец я.

— Так чего тебе еще?

— Немцы танками сколько стран сокрушили... В предстоящей войне...

— Что?! — громовым басом перебил он меня. — Может, тебе неизвестно, что с немцами у нас договор заключен?!

Я заверил его, что мне это известно.

* * *

Это было известно достаточно хорошо. Но вера в договор с фашистской Германией была очень зыбкой. Казалось, раньше или позже военного столкновения с ней не избежать. Ошеломляющие успехи фашистских вооруженных сил в Европе вскружили голову генералитету вермахта, оказали пагубное воздействие на значительную часть населения Германии. На полных оборотах действовала геббельсовская пропагандистская машина, на все лады восхвалявшая «гений фюрера», его «приматполитику». Верховное немецкое командование целиком отдало себя под эгиду Гитлера. Уже после войны я прочел, что в то время начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер записал в своем «Военном дневнике»:

«Решение вопроса о гегемонии в Европе упирается в борьбу против России. Поэтому необходимо вести подготовку к тому, чтобы выступить против России, если этого потребует политическая ситуация»¹.

К осени 1940 года Гитлер располагал военно-экономической базой почти всей Европы. После поражения Франции, с выходом к Ла-Маншу и захватом Бельгии, Голландии, Дании и Норвегии Германия изолировала Англию от Европейского материка и обезопасила свой западный тыл от серьезных атак со стороны англичан, могла оборонять западное побережье сравнительно небольшими силами. После же оккупации Югославии, Болгарии и Греции она обеспечила безопасность своего юго-восточного фланга от высадки крупных десантных войск противника.

Иначе говоря, в конце сорокового — начале сорок первого года гитлеровская Германия создала благоприятные условия для высвобождения крупных группировок войск и сосредоточения их на территории Румынии, Польши, Финляндии, в Восточной Пруссии. Для переброски их сюда требовалось не больше пяти-шести месяцев. Учитывая достаточное развитие сети железных и шоссейных дорог в Западной Европе, можно было предполагать, что эти сроки легко сократить до трех-четырех месяцев. Ближайшая к нашим границам аэродромная сеть на территории Румынии, Чехословакии, Венгрии, Польши и Финляндии позволяла разместить несколько тысяч самолетов всех классов и назначений.

К началу войны Германия сосредоточила на наших границах (включая войска сателлитов) пять с половиной миллионов солдат, почти пять тысяч боевых самолетов, около четырех тысяч трехсот танков и штурмовых орудий, огромное количество другой военной техники. Вся эта масса вооруженных сил требовала колоссального количества железнодорожных эшелонов. Конечно, все это не оставалось незамеченным нашей разведкой.

Так что утверждение некоторых тенденциозно настроенных западных историков Второй мировой войны, что

¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 298.

советское руководство слепо полагалось на заключенный пакт о ненападении и верило в «честность» и «добропорядочность» фашистских заправил по отношению к взятым на себя обязательствам, мягко говоря, клевета. ЦК партии и Советское правительство справедливо полагали, что этот пакт позволяет выиграть время для укрепления обороны нашего государства, препятствует созданию единого антисоветского фронта, к которому так стремился Гитлер.

Мы гордились в предвоенные годы тем, как быстро стала наша Родина могучей индустриально-колхозной державой. Военные, мы особенно радовались началу целой системы мероприятий по укреплению оборонной мощи, техническому перевооружению Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Завершился переход к кадровой системе комплектования войск, особое внимание было уделено увеличению количества частей и соединений, создавались крупные механизированные соединения — мехкорпуса. В 1940 году сформировали девять таких корпусов, в феврале — марте 1941-го началось формирование еще двадцати. Но, к сожалению, оно не было закончено к началу боевых действий — не хватило танков и других боевых машин, подготовленных командных кадров.

Тем не менее сделано было немало. И не могу не согласиться с Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым, который пишет, что период с 1939-го до середины 1941 года «характеризовался в целом такими преобразованиями, которые уже через два-три года дали бы советскому народу блестящую армию»¹.

В центре внимания советского военного руководства находились также и вопросы военной теории, полководческого искусства. Даже количество часов на лекции и семинары по теоретическим вопросам в Академии имени Фрунзе было увеличено чуть ли не вдвое. Мы, военные, увлеченно, до хрипоты, спорили между собой о новых книгах, которые удавалось прочесть; о характере будущей войны, роли в ней различных родов войск, особенно новых.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1970. С 238.

Эти проблемы заняли умы военных теоретиков всех стран сразу же после окончания баталий 1914—1918 годов и Гражданской войны. На полях сражений появился «неуязвимый» танк, полем сражения стали и небеса. Техника сулила возможность решить ход и исход войны без участия больших человеческих масс — будто бы появилась завидная вероятность простейшего решения политической, классовой проблемы. Так казалось иным буржуазным историкам и полководцам. На свет появились теории «малой армии», «воздушной войны» и т. д.

Джон Фуллер и Лиддел Гарт, английские теоретики, выдвинувшие теорию «малой армии», переоценивали роль танков и аэропланов в Первой мировой войне, в военном успехе Великобритании.

В библиотеках была очередь за книжкой Фуллера «Танки в Первой мировой войне», а еще больше за другой книжкой — «Реформация войны». Будущая война виделась ему как война небольших профессиональных армий наемников, обладающих огромным количеством боевой техники. Даже воинскую повинность он полагал обязательной лишь для тех контингентов войск, которые призваны нести оккупационную службу.

Своеобразные идеи встречались в книжке «Господство в воздухе» итальянского генерала Джулио Дуэ: воздушная армада — тысяча самолетов-бомбардировщиков (по представлениям тех времен, колоссальнейшая цифра) — ежедневно бомбит пятьдесят-шестьдесят промышленных центров, превращает города противника в груды развалин и принуждает врага капитулировать.

«Отец» теории «воздушной войны» сначала некоторых даже привлекал своей системой доказательств. Спасибо нашим специалистам-теоретикам — они быстро поставили все на свои места и доказали: Дуэ исходит, по существу, из тех же теоретических посылок, что Фуллер и Гарт. Как ни маскировались буржуазные военные теоретики, существо их взглядов было едино: страх перед многомиллионной массой, получающей в руки оружие. Масса ведь могла повернуть оружие против тех, кто его вложил в ее руки. При этом небезосновательны были опасения западных во-

енных теоретиков по поводу ненадежности тыла в длительной войне.

Советские военные специалисты утверждали: противопоставление человека технике, равно как и предпочтение одного рода войск другим, ненаучно, игнорирует объективные закономерности войны. Опыт обеих мировых войн полностью подтвердил справедливость этого взгляда советских специалистов.

Впрочем, теории Фуллера, Гарта, немецкого генерала Секта так ведь и не были взяты на вооружение правительствами их стран.

Во Франции, например, господствовала концепция позиционной войны, особые надежды возлагались на долговременные укрепления, на линию Мажино. Доктрина эта в какой-то степени тормозила развитие новых родов войск, наступательные средства, в частности танки, во Франции недооценивались.

В Англии и США, как в панацею, веровали в морскую силу. Тут считали, что военно-морской флот способен полностью обеспечить безопасность морских границ этих государств.

В Германии, жаждавшей реванша, еще в двадцатых годах зрела идея так называемой тотальной войны.

— Totalis, — говорил наш специалист по оперативному искусству, — словечко точное: древние умели выражать свои мысли лаконично. Сие означает по-латыни «всеобъемлющий». То есть всеобъемлющее подчинение экономики и всей жизни народа милитаристской системе и агрессивным целям правящей верхушки. Вот как мыслит его превосходительство генерал Эрих Людендорф, небезызвестный по военной истории...

Военная доктрина тотальной и «молниеносной войны» окончательно утвердилась в Германии с приходом к власти гитлеровцев. Она вполне отвечала звериному духу фашизма: истреблению подлежала не только армия противника, но и мирное население. Вероломство вводилось в норму.

Посему прежде всего — момент внезапности, противники громятся поодиночке, для быстрого сокрушения их

применяются все силы и средства, однако предпочтение отдается танкам и авиации, на них делается главный упор. Становилось ясно, что теория «молниеносной войны» недооценивает прочие рода войск.

Впоследствии на полях сражений Великой Отечественной мы убеждались в порочности немецко-фашистской военной доктрины, в частности, в несостоятельности предпочтения одних родов войск другим, в справедливости утверждения наших военных теоретиков о том, что победа достигается лишь объединенными усилиями всех видов вооруженных сил.

Мы видели, что при всех частных различиях военные концепции капиталистических стран объединяла единая политическая основа: защита интересов капитала, захватнические цели, порабощение других народов. Впрочем, этот базис остался для них неизменным и поныне...

Иная в корне социально-политическая база определяла развитие советской военной науки, лежала в основе разработки советской военной доктрины. Советская военная школа опиралась на надежный фундамент стройной и глубоко научной системы знаний закономерностей вооруженной борьбы, открытых В. И. Лениным.

Прежде всего учитывалось, что Страна Советов будет принуждена вести борьбу с коалицией капиталистических государств, что противник будет располагать большими вооруженными силами и для отражения этого натиска потребуются мобилизация всех сил и средств Советской страны, что для достижения победы понадобится военная техника не просто в массовом количестве, а в количестве, превосходящем силы противника. А для этого необходимо повышение экономического потенциала страны.

Советская военная наука уже в тридцатые годы выработала принципы ведения глубоких наступательных операций. Согласно этой теории, для достижения успеха в наступлении требовалось одновременное подавление обороны противника средствами поражения на всю глубину, прорыв ее тактической зоны на избранном направлении и стремительное развитие тактического успеха в оперативный путем ввода в сражение подвижных войск (танков,

мотопехоты, конницы), высадки воздушных десантов и т. д. Не были обойдены и вопросы теории обороны. В отличие от французской концепции позиционной войны советская военная школа рассматривала оборону как вынужденную меру, временную, для подготовки и перехода в наступление. Допускалась возможность ведения обороны в тактическом и оперативных масштабах, и она могла быть позиционной или подвижной, маневренной.

Комплексная теория наступления и обороны немало способствовала советским военным достижениям в сражениях 1941—1945 годов.

Вместе с тем в развитии военной науки, как теперь мы видим, были у нас и известные просчеты. Но не они определили в конечном счете силу советского военного искусства в достижении победы над таким могучим врагом, какого одолели советский народ и его армия, — над фашистской Германией вкуче с ее сателлитами.

Но вернемся к 1940 году, к тому самому моменту, когда началась моя служба командиром стрелкового полка на Северном Кавказе...

* * *

С командиром дивизии, бывшим кавалеристом, полковником И. В. Захаревичем за время совместной службы у нас установились прохладные отношения. Видит бог, не было с моей стороны неуважительности к начальству. Но и в армии случается, что с начальством не сходятся во взглядах. Другое дело, что это не должно мешать дисциплине...

Полковник Захаревич находил многие мои мысли, как, впрочем, и других командиров, «завиральными». Особенно расходились мы с ним в оценке роли конницы в будущей войне.

Он был прав, когда говорил, что конница сыграла выдающуюся роль в Гражданскую, была ударной силой Красной Армии в годы борьбы с белогвардейцами и иностранными интервентами. И упрямо твердил:

— Лично я ни на какую машину не променяю живого коня! А если вы променяете, так все равно не прожить вам

без тактики, без оперативных приемов, которые мы, красные конники, кровью своей выработали.

— Разрешите возразить, товарищ комдив. Не против мы применения тактических и оперативных приемов конницы для новых подвижных войск. Это вы не хотите замечать новых подвижных войск. А между тем Фуллер, Дуэ...

Ну, тут вступала в силу субординация, и однажды я все-таки схлопотал выговор...

Не скрою, я был очень обрадован, когда после очередных учений, на которых наш полк получил высокую оценку, меня забрал к себе заместителем начальника оперативного отдела в штаб формируемой новой 19-й армии генерал И. С. Конев.

Не скрывал своей радости, что избавляется от человека, претендующего на собственное суждение о будущей войне, и комдив Захаревич.

— Правильное местечко тебе генерал определил, — напутствовал он меня на прощание с усмешечкой по адресу моих настроений. — Понавыдумываешь там всякой всячины. Будут тебе в штабе для этого и простор, и досуг. А то все каркаешь тут: война, война... В штабе и повоюешь.

Между тем ряд наших войсковых соединений двигался из глубины страны на Запад. С целью приближения войск к границе проводились крупные перегруппировки в приграничных районах.

Как и другим работникам штаба армии, мне неоднократно приходилось выезжать в войска. Не только в штабах, но и в частях командирь вполголоса передавали друг другу тревожные вести с наших западных границ.

Потому я не удивился, когда в середине июня услышал, как лектор из политотдела дивизии, рассказывая офицерам о международном положении, сказал:

— В случае расширения орбиты мировой войны наш враг номер один — Германия.

Я не удивился словам молодого политработника, потому что партия проводила огромную работу по подготовке к отпору возможной агрессии со стороны фашистской Германии, но вместе с тем принимала меры, чтобы не

дать гитлеровцам повода для провокации. Меня поразила прямолинейность лектора: вслух говорить такое тогда было неприято.

Потому поинтересовался, как его фамилия.

— Старший политрук Скирдо Митрофан Павлович, — ответили мне.

Через несколько дней я сопровождал в штаб Киевского военного округа заместителя командующего армией генерала М. А. Рейтера. В Киев мы прибыли поздно. Остановились на ночлег в гостинице. Генерал был заядлым шахматистом, я неосторожно признался, что тоже люблю шахматы, и до двух часов ночи был нещадно бит на всех шестидесяти четырех клетках.

— Ну, это уже неприлично становится, — притворно недовольным тоном сказал Макс Андреевич. — Так я по твоей милости и буду произносить «мат» да «мат», — пробурчал он. — Пошли спать...

Не спалось. Командование и штаб округа накануне перебрались на запад, ближе к границе. Зачем? Долго еще я стоял у раскрытого окна, курил... Удивительно хороша была эта южная звездная ночь. Тишина как застыла в воздухе. Нарушали ее только редкие постукивания девичьих каблучков — это запоздалые влюбленные мерили Крещатик...

Посмотрел на часы: полтретьего ночи. Два часа тридцать минут двадцать второго июня тысяча девятьсот сорок первого года.

Сон все-таки сломил меня. Но вдруг словно что-то обрушилось в гостинице. И топот ног по лестницам, хлопанье дверей, громкие голоса. Выскакиваю в коридор. Мимо меня бегут.

— Что случилось, товарищи?

— Война!!!

Война... В это не хотелось верить. Но не верить было невозможно.

Да, свершилось. Война перестала быть областью споров политиков и сферой полемики теоретиков военного искусства, она стала реальностью — грубой и зримой.

Зримой: первые разрушения на улицах Киева, первые сироты...

Город — как растревоженный улей. Слухи о немецких диверсантах, переодетых вражеских лазутчиках... Немедленно вернулись с М. А. Рейтером к себе в 19-ю армию, но на следующий день пришлось снова выехать — в город Лубны. Вслед за мной должен был приехать заместитель начальника штаба армии полковник П. Н. Русаков. В ожидании его отправился посмотреть, что это за город такой — Лубны. Забрел на далекую окраину. Какое-то двухэтажное здание... Обошел его вокруг. А!.. Больничка, оказывается... И стоит-то как — просто утопает в зелени.

Красивый городок.

Вижу, раздвигаются занавески на окнах, мимо которых иду. Решил, что смущаю покой больных, надо уйти. Побрел в обратную сторону.

Не тут-то было. Чувствую шаги за спиной. Оглядываюсь: вслед за мной группа женщин в халатах — белых и в больничных, цветастых. Заметили, что я обернулся, тотчас попрятались за деревьями. Сделал несколько шагов — опять двинулись за мной. Гляжу, обгоняет меня мальчик с пионерским галстуком, бросает на меня полный любопытства и осуждения взгляд и мчит куда-то вперед. А через две-три минуты возвращается уже не один, а с милиционером.

Милиционер обращается ко мне, держа руку на кобуре нагана:

— С какой целью гуляете здесь?

— А что, это запретная зона?

— Много хотите знать, гражданин.

— Что же вам от меня надо?

— А то, что нельзя разгуливать, здесь будет военный госпиталь.

Тоже, конспиратор! Тотчас за моей спиной раздается предостерегающий женский голос:

— Что же это вы ему говорите, товарищ милиционер?

Оборачиваюсь — мама родная, меня обступают со всех сторон женщины, и на лицах у них написано такое, что мне явно не поздоровится. Но мне, мужчине, спастись перед женщинами! На вопрос милиционера: «Вы кто будете?» — ерепенюсь:

— Разве не видите: командир Красной Армии.

Однако бравый милиционер не сдаётся:

— Паспорт!

Ну откуда у меня, военнослужащего, паспорт? Что он, в самом деле...

— Никакого паспорта у меня нет. Вы...

Но продолжить мне уже не дают:

— Да что вы с ним цацкаетесь, товарищ милиционер!

— Хиба ж не бачите!

— Беруть же его, бо...

Кольцо женщин вокруг меня смыкается. Милиционера оттерли в сторону. Крики, угрозы. И наконец раздаётся:

— Шпиен, да ей-богу ж, шпиен! Ось мы ему покажем. А ну, жинки!

Не хватало только этого призывного клича. На мне рвут одежду, кто-то уже отцепил планшетку. «Славу богу, пистолета не нашли, — успеваю подумать я, — застрелят, право!»

Но меня, кажется, убьют и так — по лицу уже течёт кровь, ворот гимнастерки разорван, вцепились в волосы.

Как умеют бить женщины, лучше меня описал Михаил Шолохов в «Поднятой целине», не буду с ним соревноваться, скажу только, что пришел бы мне бесславный конец в первые же дни войны, если б в этот момент не подоспело сюда несколько военных.

Толпа расступилась перед ними. И когда женщины увидели, что те с удовлетворением возвращают мне удостоверение личности и берут при этом под козырек, их как ветром сдуло.

Надо было видеть, с каким изумлением осматривал меня полковник Русаков, когда меня, истерзанного, исцарапанного, с всклокоченными волосами, привели к нему. И как хохотал, когда я поведал ему, как чуть не пал жертвой бдительности санитарок и выздоравливающих небольшой местной больнички.

— Что ж, майор, поздравляю с первым, так сказать, боевым крещением, — сказал Русаков, утирая слезы. — И не стоит обижаться на женщин, они ведь из патриотических побуждений...

Сейчас я и сам не могу сдержать улыбки, вспоминая

свое «боевое крещение», а тогда... Тогда я не сразу отдал должное патриотизму моих мучительниц. Вот встретиться бы с ними нынче, от всей души поклонился бы им до земли и сказал бы все высокие слова, какие знаю...

А тогда всю ночь пролежал, не смыкая глаз, ощупывая свои синяки и шишки, терзая себя подробностями комической ситуации, в которую угодил. «И кого за шпиона приняли!» — сетовал я и вспоминал всю свою жизнь.

...Я родился в маленьком, закинутом высоко в горы армянском селе Чардахлы в Шамхорском районе Азербайджана. Здесь я впервые услышал слово «Отчизна».

Это было в те далекие для меня времена, когда еще мальчуганом удостоился высокой чести быть посланным на эйлаги¹ подпаском к чабану Мехти-даи, дядюшке Мехти — так теперь его уважительно зовут в наших краях. В ту пору он был хотя и значительно старше меня, но все-таки еще сравнительно молодым человеком. В высоченной островерхой папaxe, огромной черной бурке, вооруженный длиннющим посохом, чабанской палкой с крючком на конце, чабан Мехти был в моих глазах аксакалом — мудрецом, учителем, наивысшим авторитетом.

Педагогика он придерживался, правда, не современной, основанной главным образом на универсальном применении своего посоха: и для ловли заблудших овечек (он это делал виртуозно своим крючком на палке!), и для вразумления непонятливых подпасков.

Однажды, когда мы с ним и еще одним, уж вовсе малолетним мальчуганом карабкались в горы, разыскивая пропавшего барана, а мальчишка захныкал и я дал ему подзатыльник, Мехти огрел меня по спине своим посохом так, что я до сих пор забыть не могу. При этом он произнес лишь: «Мы с тобой мужчины» — и замолчал.

Чабан Мехти вообще мало говорил с нами, подпасками, со мной в частности, хотя прекрасно владел армянским, а я довольно хорошо знал азербайджанский язык. Наши села были соседями — азербайджанское Аиплу, неподалеку русская деревня Славянка. С эйлагов, с высоты,

¹ Горные летние пастбища.

казалось, что они примыкают друг к другу. Здесь, на высоте, повстречали мы другого чабана, моего родственника дядю Айказа.

Мехти с Айказом были старинными приятелями и в чем-то даже похожими друг на друга — оба немногословные, суровые на вид, хранители неписаных законов чабанской касты, пользующейся у жителей гор особым уважением. Настоящие мужчины, говорили о них. Еще бы — весь свой век в горах, вдали от дома, один на один с волками, ночной тьмой, ледяными ветрами и одиночеством!

Вот здесь и произошел разговор, когда, мне кажется, я впервые услышал слово «Отчизна». Одного только не помню: по-армянски ли, по-азербайджански было оно в тот раз произнесено.

— А что это — Отчизна? — спросил я.

Мехти посмотрел на меня как на недоумка.

— Отчизна — это земля отцов. Это ведь и по-армянски так? — повернулся он к Айказу.

— Да; земля отцов, — повторил Айказ. — Здесь был дом твоего прадеда. И его деда, — Айказ кивнул в сторону Мехти.

— Пусть земля, — сказал Мехти, — будет им пухом.

— Без хорошего соседа, — добавил Айказ, — очаг не очаг, дом не дом.

— Да... без очага дома нет, — подтвердил Мехти.

— А без дома — села. А без села — и Отчизны тоже. Понятно? — строго спросил Айказ.

— Понятно... — ответил я.

Впрочем, по-настоящему понятно мне это стало лишь много лет спустя.

Хоть и неписаными были суровые законы гор, но параграфом первым значилось в них: будь защитником своего очага, своего дома, своего края, своей страны. Жизнь твоя дорога, но не дороже чести Родины, отдай за нее свою жизнь, чтоб продлилась жизнь ее. Суровость закона этого прежде всего адресовалась мужчине. Мужчина брал меч или простой топор — что первое попадалось под руку — и становился в строй защитников, в строй воинов. Стать воином мог каждый, кто достигал возраста мужест-

ва. Но дальше нужно было с честью оправдывать свое мужское звание. И потому оно считалось в высшей степени почетным. Мальчик становился мужчиной, а значит, воином, защитником. Когда мальчуган совершал смелый поступок, о нем говорили одобрительно: «Погляди на него, взрослый уже, воин...»

И мы, мальчишки, мечтали, когда наконец мы станем взрослыми.

Кто из мальчишек в детстве не играл увлеченно в «войну»? Но в мое детство она вошла всей своей реальностью, как, впрочем, и у мальчишек сороковых годов. У меня это были двадцатые годы. Еще не закончилась Гражданская война. Еще бурлят вовсю на Кавказе военные и политические страсти; в которых мне, двенадцатилетнему мальчишке, конечно, не разобраться. Одно знаю: взрослые вооружаются, создают в селах дружины для самозащиты, значит, надо и нам (мы ведь тоже почти уже мужчины) вооружаться. Достāju старинный дедушкин кинжал, прицепляю его к своему поясу и в таком воинственном виде появляюсь на улице. Но вместо лютой зависти товарищей слышу насмешливый хохот прохожих: «Эй, вояка, от твоего вида у самого турецкого паши будут переполненные штаны!»

Я оглядываю себя и понимаю, что вызывает такую реакцию: дедушкин кинжал такой длины, а я такого маленького роста, что кинжал достает до самой земли. Закусывая до крови губы, снимаю кинжал, прячу его в саманник, но каждый день проверяю, цело ли мое грозное оружие.

Но вместе с тем мне уже начинают доверять — берут в ночной дозор, в караул. Крестьяне вооружаются на всякий случай — здесь уже знают, какая судьба постигла Бакинскую коммуноу. Правда, стало известно, что к Баку продвигается с боями Красная Армия, а точнее, 11-я ее армия во главе с Кировым, Орджоникидзе, Микояном, но все равно крестьяне не хотят быть застигнутыми врасплох: в горах свирепствуют националистические банды всякого рода, пытаются посеять рознь и раздор между веками живущими в мире и дружбе соседями, жителями армянских и азербайджанских сел. Это националистам удастся плохо, и

тогда они пытаются спровоцировать вооруженные столкновения, сами нападают на мирные селения. Народные дружины самообороны возникают повсеместно — крестьянам надо пахать и сеять, а не стрелять.

В преддверии мая 1920 года 11-я Красная Армия вошла в Баку, а вскоре ее части появились и у нас. С великой радостью встречал их народ. Ну а мы, мальчишки, целыми днями крутились среди красноармейцев, просили разрешить потрогать винтовку, позволить покормить коней. С удовольствием чистили и купали лошадей, за что порой получали в награду потертую буденовку — восторгу не было конца.

Начиналась новая жизнь.

...Вижу себя четырнадцатилетним босоногим мальчишкой-чардахлинцем, по простоте душевной предпочитающим горные тропки торным тропам науки. А уж тропинки всех четырех гор, окружающих мои родные Чардаклы, знаю назубок.

Помню, как однажды на такой вот дорожке повстречался с Ервандом Мартиросяном, парнем из нашего села, которого все звали «Ерванд-комсомол». Был он всего года на три старше меня, но обладал большой физической силой. Самого меня природа обделила — я рос маленьким и щупленьким. Твердо верил, что лишь из-за физической силы избрали Мартиросяна секретарем сельской комсомольской ячейки, чтоб нагонял страх на богатеев.

Была она немногочисленна, эта ячейка, всего семь человек поначалу, потом в нее входило уже почти пятьдесят ребят.

Непросто это было в те годы в наших краях — вступить в комсомол. Многие родители не только не разрешали самим стать комсомольцами, но не позволяли даже общаться с членами ячейки.

Не будем забывать, где это было.

Кавказ... Смешение языков. Сотни народов и народностей, речей и вероисповеданий. Власть адатов и вековых предрассудков. И, как везде в первые годы Советской власти, непреодоленная инерция классового неравенства

в сознании темных, невежественных жителей горных заброшенных сел.

Первый свет, первое слово ленинской правды принесли к нам в село бакинские большевики, рабочие, бывшие чардахлинцы, когда-то ушедшие на заработки в нефтяную промышленность. Еще в 1919 году они создали в Чардахлах подпольную большевистскую группу. В ней было всего девять коммунистов, но мусаватисты, дашнаки и прочие прихвостни буржуазии и помещиков знали их силу и влияние на массы. Как только в Азербайджане победила Советская власть, коммунисты организовали в Чарлахлах батрацкий комитет и нашу комсомольскую ячейку.

Вот тогда и стал ее вожакom Ерванд Мартиросян. Его кулаков побаивались сынки богатеев, да и богатые папаша предпочитали не связываться с ним, обходили стороной.

Ерванд хорошо начал. Каждое воскресенье собирал молодежь — ремонтировали бесплатно дома бедняков, дороги, мосты.

Завоевали комсомольцы села добрую славу в округе. И показалось Ерванду, что это все он один, его личная заслуга. В мысли этой его укрепляли собственные большие кулаки. Ерванд не выносил, когда ему перечили. Нерадивых, как ему казалось, ребят воспитывал подзатыльниками, тумакaми. А поскольку нельзя дать подзатыльника девочке, зачем девушек и в комсомол принимать?

А девушек и так не пускали родители. Напоминаю, дело-то происходило на Кавказе.

И вот стою я на узенькой тропочке перед Ервандом Мартиросяном, смотрит он на меня тяжелым своим взглядом и цедит сквозь зубы:

- Почему тебя не было на последнем воскреснике?
- Ты мою сестру не пустил на работу, и я не пошел.
- Воскресник для комсомольцев.
- А почему моя сестра не может быть комсомолкой?
- Не бабское дело комсомол. А тебе, парню, стыдно, за бабью юбку держишься! Прочь с дороги!

Ну, вскипело тут у меня, конечно. А Ерванд только свои кулачищи сжал. Куда мне против него! Сознаю это

вроде, а сам ни с места, как врос. Упрямый был, не лучше этого Ерванда.

И не выдержал Мартиросян. Плюнул для виду в обрыв и круто повернул назад.

Наверное, тогда я впервые понял, в чем истинная сила человека.

А Ерванд между тем продолжал упиваться своей властью. Дошло до того, что крестьяне стали жаловаться на него, а получилось так, что жалуются на комсомол. Потому вскоре приехал в Чардахлы секретарь уездного комсомольского комитета (укомола).

Бурное было собрание. Размахивая кулачищами, призывал Ерванд все «революционные» проклятия на головы «зарвавшихся интеллигентов», но это не помогло. Собрание проголосовало за снятие его с поста секретаря ячейки.

Новым вожаком сельской молодежи был избран Алексей Баграмов, младший брат будущего Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна, тоже чардахлинца по происхождению. Алексей — умница; светлая голова, книжник. «Учиться» было его любимое слово. И вот уже все ребята ходят в вечерний ликбез — какую там «грамоту» давала приходская школа сельского попа Геворка! Многие посещают кружки политучебы. Оборудовали сельский клуб, возникла самодеятельность. Идут на сцене пьесы на злободневные сельские темы, драматурги — наши деревенские учителя.

Одна беда — и мужские и женские роли приходится исполнять парням. Нет девушек. Нет их почти и в комсомоле — родители не пускают, да и Мартиросян в свое время поспособствовал.

Тогда, помню, собрал нас Алексей.

— То, что не идут к нам девушки, наш позор, ребята. Значит, мы с вами не можем так себя с ними вести, чтобы они нам верили, чтобы уважение к нам имели. А откуда у них возьмется, если у нас к ним нет?

— Почему это у нас к ним нет? — зашумели ребята. — Как еще с ними обращаться, как с шахинями?

— Как с девушками, — спокойно отвечал Алексей.

— Но ведь ты сам твердишь: равноправие, равноправие. Как же с ними обращаться? — не унимался кто-то.

— Как с девушками, — твердо повторил Баграмов.

К концу 1923 года в нашей ячейке уже десять девушек. И они не только в самодеятельности играли, они были везде, были действительно нашими товарищами.

А в Новый год от нас забрали Алексея. Забрали на повышение — в укомол. И радовались мы, и печалились, прощаясь с другом. Но связь с Баграмовым у чардахлинских комсомольцев не прервалась.

Когда на прощальном собрании Баграмов сказал, что взамен себя рекомендует избрать секретарем Амазаспа Бабаджаняна, я не сразу поверил своим ушам...

— Меня? Но ведь и я, как Ерванд... — Нет, не кулаки я имел в виду. — Горячий...

Меня избрали. И было мне очень нелегко. Шутка сказать: уже почти сто пятьдесят комсомольцев в нашей — и ячейкой-то уже не назовешь — организации. Спасибо, помогали коммунисты.

Однажды позвал меня к себе секретарь партийной ячейки:

— Слушай, сынок. Не очень увлекайся администрированием. Комсомол — это демократия. Понял?

Я отлично понял, что он хотел сказать, хорошо знал все свои пороки как руководителя, хотя вовсе не понимал, что означают сами слова «администрирование», «демократия»... Куда уж там, окончил пять классов деревенской школы с грехом пополам. Может, и не из-за недостатка способностей, но из-за недостатков домашних определено. Было в нашей семье ни много ни мало восемь душ детей...

Но еще одно иностранное слово пришлось мне усвоить в те далекие годы...

Такая произошла история. Во время очередной репетиции драмкружка, которая проходила на летней площадке, на сцену бросили дохлую кошку. Девушки наши разбежались, долго отказывались возвращаться в драмкружок, и мне, секретарю комсомольской ячейки, уговорить их стоило больших трудов.

Еще через несколько дней все село огласил душераздирающий вой осла. Люди выбежали на улицы, и их глазам предстала отнюдь не смешная картина: бедное животное металось в ужасе — кто-то подвязал к его хвосту пук соломы и поджег. Осла спасли, конечно, но сельчане расходились, ворча:

— Вот она, новая молодежь, а еще всякий там «комсомол» придумали...

Кто же мог творить такое, пытался догадаться я. Кто-то хулиганит, а виноват комсомол, то есть я и мои товарищи. А может, это «дачники»?

Они могли. «Дачники» — молодые люди, подавшиеся из Чардахлов в город, сыновья состоятельных родителей, которые на лето возвращались под отеческий кров. У сельских жителей считается само собой разумеющимся, что в разгар полевых работ все заняты делом, как-то не принято оставаться в стороне. «Дачники» же считали себя уже горожанами, сельский труд для них был делом низким, и они предпочитали «отдыхать» — буяннить, устраивать гулянки и выпивки до поздней ночи. Такие гулянки, как правило, завершались какой-нибудь очередной «изобретательной» выходкой — вроде проделки с ослом.

Я решил проследить за ними. И вот однажды, когда уже стемнело, я увидел, что компания «дачников» поймала собаку, подвязала ей к хвосту пустую жестянку и с криками, гиканьем погнала собаку по улицам, швыряя ей вдогонку камни. Бедный пес обезумел, он бросался с пронзительным лаем из конца в конец села. Лай тут же подхватили остальные собаки, а их было много, как в каждой деревне. Начался такой «концерт», что хоть беги прочь из села.

А «дачники» стояли руки в боки и, довольные, хохотали вовсю. Тут пришел конец моему терпению.

— Останови собаку и отвяжи жестянку! — сказал я одному из «дачников».

— Еще чего! Слышите, братцы, что мне этот «начальник» приказал? А знаешь ли ты, комсомольский вождь, чья это собака? Попа!

— Останови! — твердо повторил я.

Раздался обидный смех «дачников». Их было трое, я один.

— Гляньте-ка, ребята, на это пугало! — завизжал один из них. По-городскому одетый франт, он издевался над моей чухой¹ с отцовского плеча.

Тут пришел конец и моей «секретарской» выдержке. Я нанес ему удар снизу вверх, он был намного выше меня, и удар пришелся в подбородок. Он опрокинулся навзничь, затем вскочил, бросился на меня, его дружки тоже. И плохо бы мне пришлось, если б не сбежались люди, не растащили нас.

Об этой драке я бы, может, и забыл, если б не последующие события. Избитый «дачник», обвязанный полотенцем, и его дружки явились на следующий день на комсомольское собрание, потребовали, чтоб им разрешили сделать «важное заявление».

— Вот видите, — указав на обвязанного полотенцем, сказал один из них, — это дело рук вашего вожака. Он его избил вчера. А за что? За собаку. Собака ему дороже человека. И чья?! Попа сельского. Отца Геворка.

— А ты что, выбирал, какой собаке банку привязывать? — выкрикнул кто-то в зале.

— Но собака поповская. А кто из нас у попа в классе не слышал: «идиотик», «ослиная голова» и прочие приятные вещи?

Что тут поднялось! Одни кричали:

— Да, наш поп такой, так ему и следует!

Другие:

— А при чем тут бедная собака, она в религии не разбирается!

Больше всех кричал пострадавший «дачник», даже полотенце с себя сорвал:

— Поп Амазаспу благодарность выразит, в молитве его помянет! Религия — опиум для народа!

— Тихо! — перекрыв дикий шум, раздался зычный голос секретаря нашей партячейки. Неизвестно, когда он заглянул в школьный зал, где шло собрание, и примос-

¹ Крестьянская одежда.

тился где-то в последнем ряду. Сейчас он быстрыми шагами приближался к сцене. — Тихо! — повторил он. — Как ты сказал? — обратился он к пострадавшему. — «Религия — опиум для народа»? Да кто тебе право дал великие эти слова для своей выгоды использовать? Знаешь, как это называется? Демагогия. Де-ма-го-ги-я, — повторил он по складам. — Понял?

«Пострадавший» стал опять заматывать лицо полотенцем.

— Не позволим, — твердо сказал секретарь партячейки. — По-моему, ребята, здесь все абсолютно ясно, и пора закрывать этот вопрос. Глупая дискуссия.

— Правильно! — закричали с мест. — Амазасп, веди собрание дальше! Пусть посторонние удалятся!

«Дачники» удалялись, опустив головы. Первое серьезное сражение было выиграно.

Летом 1925 года меня вызвали в уездный комитет комсомола. Ехал туда я и по пути придумывал себе разные оправдания: уверен был — вызывают из-за истории с «дачниками». Но секретарь укомола, наш Алексей Баграмов, оглядел меня внимательно и объявил:

— Ну, воин, решили послать тебя на учебу. Возражений не предвижу: парень ты толковый, нашему делу преданный. Тебе остается только один вопрос: куда? Есть две комсомольские путевки — на рабфак и в военную школу. Что выбираешь?

— Военную школу, — не задумываясь ответил я. Да и мог ли по-другому: в нашем краю о военных всегда говорили с чувством высочайшего почтения, издревле жило представление о воине как о человеке доблести, рыцарезаступнике. А двоим моим родственникам с материнской стороны удалось выбиться из голытьбы в офицеры русской армии: дядя стал штабс-капитаном, георгиевским кавалером и погиб в Первую мировую, а брат моего деда дослужился даже до генерал-майора и вышел в отставку еще до 1914 года.

— Ну и отлично, — одобрил Баграмов. — Получишь сегодня рекомендательное письмо в ЦК комсомола Армении. И завтра же в путь.

Путь предстоял в Ереван, где находилась одна из военных школ, располагавшихся в Закавказье. Я говорю — одна, потому что в то время в каждой из Закавказских республик — в Армении, Азербайджане и Грузии — была своя военная школа, где обучение велось на местном языке.

Итак, я собрался в Ереван — Эривань, как он тогда назывался, — в город, где я сроду не бывал и, конечно, не имел ни единого знакомого человека. Мать, посетовав, что сын покидает отчий кров, и вдосталь поплакав, достала из-под спуда затертую трехрублевку — деньги, вырученные за шкуру нашей старой коровы. Это был весь наш наличный капитал.

Но билет до Тифлиса, а прямых поездов до Эривани не было, стоил, помнится, целых два рубля двадцать копеек. Такую роскошь я себе позволить не мог и отправился, разумеется, зайцем. Избрал для этого товаро-пассажирский поезд, неизвестно за что кощунственно названный «Максим Горький». Забрался на третью полку, спрятался там между чьими-то мешками-хуржинами и затих.

Целых шестнадцать часов полз наш поезд до Тифлиса, а езды-то настоящей было, наверно, часа четыре. Все эти шестнадцать часов я сидел между мешками действительно как заяц, боясь шевельнуться, вздохнуть.

Страшно обрадовался, что мне удалось перехитрить кондукторов — сберечь свои три рубля, — и твердо решил продолжать и дальше путь зайцем. Забрался на тормозную площадку вагона какого-то товарного поезда, идущего в сторону Эривани, и был через два часа, сонный, снят оттуда кондуктором и передан милиционеру, который, крепко держа меня за руку, доставил в помещение пункта железнодорожной милиции.

Дежурный по пункту — пожилой человек с густыми черными усами — внимательно оглядел меня с головы до пят, взялся было за перо, но потом отшвырнул его в сторону.

— А ну, парень, признавайся, куда едешь и почему без билета?

Я сказал сразу правду и неправду: дескать, хочу учиться, а денег нет ни копейки.

Дежурный еще раз внимательно в меня вгляделся. Сначала усы его угрожающе поползли вверх, но когда взгляд его опустился вниз и на глаза ему попались мои деревенские чарыки, привязанные на манер русских лаптей, усы тоже опустились в миролюбивое положение.

— Отпустите! — бросил он приведшему меня милиционеру.

— Так ведь он опять... — начал было милиционер.

— Отпустить! — перебил его дежурный и отвернулся.

— Дяденька, больше не буду, — на всякий случай скороговоркой выпалил я, шмыгнул за дверь и через час снова дремал на тормозной площадке очередного товарняка.

К вечеру второго дня я наконец прибыл в Эривань. Благополучно переночевав в городском саду, почему-то громко именовавшемся «английским парком» (от этого спать на садовой скамейке было не мягче и не теплее), наутро стоял перед проблемой, куда идти: у меня на руках было выданное Алексеем Баграмовым направление в Эриваньскую военную школу и им же подписанное письмо-ходатайство в ЦК комсомола Армении. Погадав недолго, я предпочел идти прямо в школу, тем более что меня уже грыз проклятый голод, за несколько дней в пути я успел порядочно отощать — старался тратить свой скудный трехрублевый капитал как можно более расчетливо.

Распросив прохожих, не без труда добрел до нужного места — забора с железными воротами и красной звездой над ними. В воротах возвышался часовой с винтовкой в руках, в шинели, один вид которой вызывал у меня великое почтение. У часового же мой вид вызвал, видимо, только чувство презрительного снисхождения.

— Э-эй, — протянул он насмешливо, — езжай, парень, восвояси, прием в школу закончен десять дней назад...

— Но послушайте...

— Прием закончен десять дней назад.

Тут я взбеленился:

— Пусти меня к начальству!

Рванулся в проходную, пытаюсь оттолкнуть часового.

— Что-о-о! — крикнул он. — Назад!

И я увидел направленный прямо на меня штык. Аргу-

мент был слишком убедительным. Я только плюнул перед собой и повернул вспять.

— Иди-иди! — раздалось мне вслед. — Шляются тут всякие!

Я показал моему обидчику кулак и, задыхаясь от обиды, повернул обратно. Шел я, не разбирая пути, думая лишь о том, что, если действительно прием окончен десять дней назад и часовому даны полномочия, чтобы в опоздавших штыком тыкать, тут уж никакой ЦК комсомола не поможет, не стоит туда, наверное, и ходить...

Ноги мои от усталости и голода заплетались, но тут до носа донеслись такие возбуждающие, аппетитные запахи поджаренной баранины, что я, забыв обиду, поднял голову и увидел, что забрел на знаменитый ереванский базар — гантар.

Давно уже нет в нынешнем Ереване гантара, снесен, застроен современными городскими кварталами. А тогда это была огромная площадь — настоящий восточный рынок. Здесь торговали всем, что только можно себе представить.

Но, не обращая внимания ни на что другое, я брел прямо туда, откуда несся пьянящий запах шашлыка и котлет. Чуть не качаясь, отсчитал продавцу несколько монет за пару крошечных котлет и, обжигаясь, так быстро проглотил их, что даже стал оглядываться, куда эти чертовы котлеты подевались.

Пришлось купить еще одну котлету. И хотя лишь заморил червячка, на душе стало как-то полегче, и уже не таким грустным казалось все на свете.

— А где тут улица Абовяна? — спросил я первого же человека в базарной толчее.

На улице Абовяна находился ЦК комсомола Армении. В помещении, где располагался ЦК, было многолюдно, оживленно и шумно. Еле нашел приемную первого секретаря, которому надлежало передать письмо. Миловидная девушка спросила:

— Вы к товарищу Гургену?

— Нет, к секретарю ЦК.

— Товарищ Гурген — это и есть секретарь ЦК Гурген Гумедин. А ты из Апарана?

За апаранца приняла, обиделся я. Про апаранцев, жителей самого далекого горного района Армении, ходили шуточки и анекдоты. Я оскорбленно насупился.

— Сейчас, сейчас, — как бы извиняясь, проговорила девушка и через минуту ввела меня в кабинет к Гургену Гумедину.

Прочитав письмо, Гумедин посетовал, что я опоздал, попросил зайти завтра.

— А до завтра что мне делать? — И я рассказал, что мне снова придется ночевать в «английском парке».

— Да, дружище... — протянул Гумедин. — Ладно, посиди, — и взялся за телефонную трубку.

Долго он звонил куда-то, добивался кого-то, просил, требовал, опять просил, наконец сказал мне:

— Все. Порядок. Знаешь, где военная школа? Дуй туда, не теряя времени.

Теперь уж знакомый мне путь не казался таким длинным. Но в дверях стоял все тот же часовой.

— А, это ты опять! А ну давай отсюда, пока жив.

— Но, братец...

— Двигай, говорю, пока жив.

— Но...

Неизвестно, сколько продолжались бы наши препирательства, если бы не показался дежурный командир.

— Бабаджанян? — коротко спросил он.

— Да... — От неожиданности я растерялся: «Откуда он знает мою фамилию?»

— Следуйте за мной.

Я последовал за начальником, не отказав себе в удовольствии показать своему обидчику язык.

Дежурный привел меня в казарму, подозвал какого-то военного с двумя треугольниками в петлице:

— Новичок. Примите, разместите, обмундируйте.

Ничего не сказав мне, дежурный ушел. Младший командир, указав мне на койку с набитым соломой матрацем, покрытую одеялом грязновато-желтого цвета, тоже

куда-то ушел. Меня тут же окружили курсанты, посыпались вопросы: откуда, кто такой, почему опоздал?

Из разговора я тут же узнал, что в разгаре вступительные экзамены. Узнав, что мне предстоит сдавать, я пал духом. Вскоре, однако, меня вызвали в учебную часть, там сказали, что первый экзамен предстоит по математике. Математика мне давалась хорошо, хуже обстояло с грамматикой и литературой — этих предметов я всегда больше всего боялся.

Но, оказывается, больше всего следовало опасаться медицинской комиссии. Нет, я был совершенно здоров. Дело заключалось совсем в ином. Баграмов перед отъездом сказал, чтоб я захватил свою метрику. Но какая там была в те годы метрика! Я пошел в сельсовет и попросил справку, что мне девятнадцать лет — именно с девятнадцатилетнего возраста тогда брали в военные училища.

— Но тебе же всего семнадцать! — возразил председатель.

— Учиться хочу.

Председатель покачал головой, поставил в справке «19», добыл из кармана печать, завернутую в огромный лоскут, долго дышал на нее, словно раздумывал, идти на обман или нет. Я в это время не дышал. И оба мы облегченно вздохнули, когда наконец со словами «Ну, дело это доброе...» он прихлопнул печатью мою справку.

Теперь я снова стоял, затаив дыхание, перед медкомиссией, а она пыталась догадаться, на сколько лет ее обманывал с помощью своей справки этот низкорослый деревенский паренек.

Наверно, поэтому я был зачислен в курсанты условно. Это означало, что выдали мне обмундирование, которое на языке интендантов именовалось «б/у» — «бывшее в употреблении»: брюки мои были сплошь из заплат, а сапоги разного размера — левый спадал, правый не налезал. В таком виде я был предметом шуток и насмешек товарищей и в свободные часы старался куда-нибудь подальше забрести по территории школы.

Так забрел я в школьный тир, где курсанты старшего курса упражнялись в стрельбе из малокалиберной винтов-

ки. За их стрельбой внимательно наблюдал военный с двумя ромбами и чертыхался при каждом неудачном курсантском выстреле.

— Чего слоняешься, парень? — строго спросил он, заметив меня. — Ты что, из музкоманды? Стрелять хочется? А ну... выдать ему патроны!

Я неуклюже улегся, выстрелил раз, другой, третий.

— Да ну! — вскричал начальник, когда показали мою мишень. — Вот это да! Да это ж три десятки! Вот как должен стрелять будущий краском! Постой, а почему, парень, ты в таком виде?

Я ответил, что я условный курсант.

— Чего? — грозно спросил он. — Какой такой условный? Сегодня же зачислить! — коротко бросил он подошедшему руководителю стрельб. — И пусть ваши люди учатся, как надо стрелять.

Потом я узнал, что это был сам начальник училища товарищ Г. Ованесян.

Произошло это 20 сентября 1925 года. С этого дня я перестал быть «условным», а стал профессиональным военным.

Забота об учебе наших военных кадров всегда была предметом первостепенного внимания партии и государства. Это был вопрос обороны Родины. И Родина не жалела для этого средств. Но у нее в те трудные годы были довольно скудные возможности, и мы, курсанты, делили трудности со всей страной: учебной литературы не хватало, питались довольно скромно, как все красноармейцы, одеты были в обычное обмундирование рядовых, не то что нынешние курсанты советских военных училищ (костюмы на все случаи жизни: полевой, повседневный, парадный — да с галстуком). Сами строили себе столовую, санитарную часть, конюшню, помогали трудящимся по благоустройству города.

И как бы велики ни были трудности, учились мы с каким-то подъемом. Мне спервоначала доставалось особенно трудно — серьезной общеобразовательной подготовки у меня не было. Приходилось крепко налегать на книжки, не всегда даже ходил в увольнение. Старался я изо всех

сил, и постепенно дело пошло на лад. Вскоре меня даже избрали секретарем комсомольской организации роты.

Летом 1926 года мы были в лагерях. Наш лагерь располагался в Нафтлуге, пригороде Тифлиса, как тогда называлась столица Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, в которую четыре года назад объединились Азербайджанская, Армянская и Грузинская советские республики. Их объединение, как я теперь вижу, было велением времени. Тогда сообща, в Федерации, им было легче решать сложные задачи развития народного хозяйства. Впоследствии, по Конституции 1936 года, три Закавказские республики вошли в СССР как суверенные союзные республики.

История развития моего родного Закавказья в советское время вновь со всеми яркими подробностями встала в моей памяти, когда я познакомился с проектом новой Конституции. Закрепленное в ней решение национально-государственного устройства обеспечивает подлинно демократическое сочетание общих интересов нашего многонационального Союза и интересов каждой из республик, обеспечивает всесторонний расцвет и неуклонное сближение наций и народностей нашей Советской страны. «...Главное направление того нового, что содержит проект, — отмечал Л. И. Брежнев, — это расширение и углубление социалистической демократии». Радостно сознавать, что эстафета, которую приняло мое поколение, продвинулась на новые высоты на пути к коммунизму.

...В Тифлисе в 1926 году рядом с лагерем армянской школы были разбиты лагеря азербайджанской и грузинской военных школ, а также 21-й пехотной школы, где обучение велось на русском языке. В этой школе учились многие краскомы и политработники — участники Гражданской войны, имевшие большой боевой опыт, но нуждавшиеся в пополнении знаний по военному делу. 21-я школа шла впереди всех наших школ, мы с огромным интересом ходили в гости к ее курсантам, любили посещать собрания этой школы, на которых с очень содержательными докладами выступали сами курсанты — бывшие ко-

мандиры и политруки. Мне, как комсоргу, тоже было что здесь перенимать.

И вот однажды пронесся слух, что все наши четыре школы — три национальные и 21-ю — сольют в одну.

По-разному отнеслись к этому курсанты. Подавляющее большинство встретили это сообщение с энтузиазмом — мы жили в Закавказской Федерации, и такое решение вытекало из логики всей нашей жизни.

Нашлись, однако, и другие. Не стану называть имени — ныне это заслуженный человек, героически сражался на фронтах Великой Отечественной. Но тогда... Тогда нам было по девятнадцать лет, и многие, как и я, пришли из далеких, глухих деревень. Мы пережили тяжелые годы временного господства буржуазных националистов — дашнаков и мусаватистов, меньшевиков. И хотя повсеместно победила Советская власть, националистические пережитки все же кое-где оставили свои следы...

Он ходил в те дни хмурый как туча. Я попробовал его разговорить, и тогда он выдал из себя:

— Очень нужно! Я и своим языком обойдусь...

— Как это обойдешься? — не понял я.

— Хватит мне моего собственного. А что, еще по-грузински и по-азербайджански учиться?

— Нет, только по-русски.

— А ты сам хорошо знаешь русский? — с подковыркой спросил он.

— Слабо знаю, — признал я. — Но выучусь.

— Выходит, мне на своем родном учиться уже нельзя? Дело тут было, оказывается, серьезное. Подумав, я сказал:

— Послушай, а как ты себе представляешь: если враг нападет, ты воевать будешь только на армянской территории, а дальше ни на шаг?

— Почему? — не сдавался он. — Поведу свой армянский взвод и дальше преследовать противника.

— А если тебя поставят полком командовать?

— И полк поведу.

— А если дивизией?

— И дивизию.

— А если... армией?

Он рассмеялся:

— Меня?

— Ну а вдруг? Вдруг ты окажешься таким талантливым? А в твоей армии будут и армянские, и грузинские, и украинские, и... ну, какие хочешь еще полки? На каком ты языке будешь командовать? СССР — большой, Красная Армия — одна. Как же тут без русского обойтись?..

Сейчас, когда русский стал для каждого гражданина нашего великого Союза республик независимо от его национальной принадлежности вторым родным языком, приведенный мною диалог может казаться, наверно, искусственным. Но в середине двадцатых годов процесс превращения русского в язык межнационального общения только еще начинался. И наша армия шла авангардом в этом процессе.

Русский язык помогал нам овладевать богатейшей сокровищницей великой русской культуры. А в первую голову, конечно, русским военным искусством — суворовской «наукой побеждать», накопленным в годы Гражданской войны опытом первых красных полководцев.

Через год национальные военные школы в Закавказье были слиты в единую Закавказскую пехотную школу.

Перелистываю совершенно пожелтевшие — да и немудрено: минуло так много лет — страницы книжечки под названием «Курсант Закавказья. Орган бюро коллектива ВКП(б) Зак. пех. школы».

В книжечке, посвященной нашему выпуску, в разделе «Слово молодых командиров», я читаю заметку Ашрафа Ибрагимова: «В течение 4 лет я достаточно изучил русский язык, из которого ни слова, ни буквы не знал до поступления в школу. Без знания русского языка командир не может повышать свои знания...»

А вот это писал я сам: «Я абсолютно не знал русского языка, а сейчас говорю свободно...»

Нынче средняя школа в любом уголке нашего огромного Советского Союза дает своему выпускнику знания русского — языка межнационального общения народов СССР. В нашей Советской Армии солдат повышает свою

Курсанты Закавказской пехотной школы

грамотность, углубляет свои навыки в «великом и могучем» русском языке. Не говорю уж о военных училищах, куда приходят по окончании средней школы достаточно подготовленные кадры, хорошо знающие русский язык, позволяющий овладеть всеми сложностями современных военно-научных дисциплин и многочисленных наук, освоение которых необходимо офицеру современной армии.

...Объединенная Закавказская пехотная школа размещалась в здании бывшего тифлисского юнкерского училища на Плехановском проспекте. Тут к услугам курсантов было все, только учись хорошо: отличные спальные и учебные корпуса, клуб, библиотека. Курсанты — армяне, азербайджанцы, грузины, русские, украинцы, дагестанцы, осетины — быстро перезнакомились друг с другом, подружались.

На первых порах преподавание некоторых общенаучных дисциплин еще велось на национальных языках, но все стремились поскорее и получше овладеть русским языком. Наиболее подготовленные курсанты по желанию переводились в русский сектор.

Вскоре после объединения республиканских военных

школ я вновь был избран секретарем комсомольской организации роты, а затем и всей школы. Надо было подавать пример остальным, и я, хоть и опасался, что моих познаний в русском языке еще недостаточно, попросил о переводе в русский сектор.

Когда я впервые появился в 1-й русской группе, ребята сыграли туш, а староста группы, подав шутливую команду «Смирно», доложил:

— Товарищ отсекр! Когда комсомольский вождь с нами, нам никакие бури не страшны!

— Вольно! — поддержал я шутку, но все же добавил: — Только, чур, братцы, не очень смейтесь надо мной, если я что не так по-русски скажу...

Наверно, поначалу я многое произносил не так, но надо мной никто не подшучивал. Группа жила удивительно дружно, сплоченно. Однако заниматься мне пришлось еще больше. Без всякого преувеличения могу сказать: я забыл, что такое выходной день.

Совмещать учебу с комсомольской работой было еще труднее. Тем более что наша организация стала очень многочисленной — 600 человек на комсомольском учете. И, как ее секретарь, я был к тому же избран членом городского комитета комсомола.

А скидок на занятость мне наши преподаватели никаких не делали, наоборот, один из них приговаривал, модернизируя старинную русскую поговорку: «Назвался отсекром, полезай на передовую — даешь сто процентов пяттерок!»

Пришлось выдавать эти сто процентов. Тем более что незадолго до этого в моей жизни произошло событие чрезвычайной важности. Расскажу о нем подробнее.

Однажды я услышал:

— Бабаджанян, в ротную канцелярию!

В ротную канцелярию зря не приглашали, только если проштрафился. Шел я и думал — вроде бы ни в чем не провинился. Но все-таки было тревожно.

За столом сидели наши комроты Чеков и старшина роты Кантемиров.

— Садитесь! — коротко сказал Чеков. — Как идут комсомольские дела?

Я доложил.

— Об учебе не спрашиваю, знаю, — продолжал Чеков. — У нас к вам другой вопрос. Вот вы комсомольский вожак и учитесь отлично... — Ротный остановился, почему-то сурово на меня посмотрел и сказал решительно: — Почему в партию не вступаете?

Вопрос был неожиданный. Я сказал, что считаю себя недостаточно подготовленным...

— Это хорошо, что сознаете ответственность такого шага для молодого человека.

— И рекомендации не знаю, у кого просить, — продолжал я.

— Об этом можно подумать, — заметил Кантемиров, и они с Чековым переглянулись.

— У вас есть все данные, чтоб подать заявление в партию, — сказал Чеков. — Учитесь успешно, служите образцово, ведете руководящую комсомольскую работу. Что же еще? А рекомендацию... вот вам моя. — И он протянул мне бумагу.

— И моя, — сказал Кантемиров, протягивая мне с улыбкой вторую бумагу.

От нахлынувших чувств я растерялся.

— Иди, дружище, сочини заявление, — сказал Чеков и крепко пожал мне руку: — Уверен — не подведешь.

Это было зимой 1927 года. Уже нет в живых ни комроты Чекова, ни старшины Кантемирова, этих дорогих мне людей, моих первых наставников и учителей, давших мне путевку в партию коммунистов, с которой вот уже ровно полвека связана вся моя жизнь.

Я смело говорю — вся жизнь. После окончания военной школы мне предлагали пойти на военно-политическую работу, на должность политрука роты. И хотя я предпочел строевую службу, пошел командовать взводом (и, думаю, не ошибся в выборе своей военной специальности), действительно вся моя жизнь органически связана с партией. В первый же год службы меня избрали членом партбюро полка, полк нес службу в Азербайджане, я был деле-

гатом X партсъезда республики. Неоднократно избирался делегатом высших партийных форумов, членом партийных комитетов различных уровней.

Партия учила нас, молодых командиров, жить интересами народа, быть в гуще народа, учиться у народа его великой мудрости, учила служить народу. В курсантские годы перед нами был пример выдающихся борцов за свободу трудового народа, светлых рыцарей партии.

Над школой шефствовал завод — бывшие знаменитые Тифлисские железнодорожные мастерские, где работал до революции М. И. Калинин, где когда-то был рабочим М. Горький. Встречи с рабочим коллективом, вошедшим в историю революционного движения России, были лучшим средством идейного воспитания и политической закалки для курсантов.

По приглашению комсомольской организации к нам на собрание приезжали известные деятели революции и Советской власти в Закавказье — М. Цхакая, Г. Мусабеков и другие. Они не держали перед нами официальных речей, встречи с ними превращались в душевные беседы. Но особенно, помню, мы, курсанты, любили их воспоминания о революционерах-боевиках — легендарном Камо, Петре Монтине, Ханларе...

Помню, мне, как комсомольскому отсеку ЗПШ, довелось приглашать на встречу с курсантами одного из руководителей Закавказской Федерации, председателя ЗакЦИКа товарища Муху Цхакая.

Я знал, что Михаил Григорьевич Цхакая — личность поистине легендарная: сподвижник Ленина, один из организаторов революционного движения в Закавказье, ныне председатель Советской власти всего Закавказья.

И к такому человеку шел я теперь. Мною овладело смущение, когда я ступил на мраморную лестницу бывшего дворца царского наместника Кавказа, где нынче располагался ЗакЦИК. И уж вовсе оробел я, когда за мной затворилась дверь огромного кабинета его председателя.

Навстречу мне быстро шагал, протягивая руку, невысокий человек в пенсне, с седой бородой, гладко зачесанными волосами.

Я вытянулся по стойке «смирно», начал было рапортовать:

— Товарищ председатель Центрального...

Но он не дал мне договорить, крепко взял за руку, обнял за плечи и буквально силой усадил на стул, сам сел рядом, энергично заговорил:

— Так, значит, молодежь хочет видеть председателя ЗакЦИКа? Хорошо, очень хорошо. Обязательно буду. А когда вам, сынок, это удобно?

— Когда вам удобно, товарищ Цхакая?

— Вот это неправильно. Вы, будущие командиры Красной Армии, живете по строгому распорядку, и не мне ваш регламент нарушать. Я сам солдат партии, а в партии тоже строгая дисциплина, и никому не дозволяется на нее посягать. Так всегда Владимир Ильич требовал. И строго взыскивал с нарушителей — в любом ранге. Договорились? — Из-за стекол пенсне лукаво и добродушно светились его глаза. — Значит, когда? — продолжал он. — Видимо, после конца ваших занятий. И... наверное, после того, как завершите подготовку к следующему дню занятий... Как эти часы у вас называются?

— Самоподготовка.

— Ну вот, после этой самой самоподготовки. Это в каком часу? И вообще, ну-ка опишите мне свой учебный день, — потребовал он.

Один за другим последовали вопросы: как живем, как питаемся, что читаем, какие газеты и книги приходят в библиотеку...

Выспросив все, Миха Цхакая встал, еще раз уточнил день и час встречи, проводил меня до дверей кабинета, обнял на прощание и только тогда отпустил.

Минута в минуту в условленное время он вошел в забитый до отказа зал нашей школы, смущенно остановил аплодисменты и заговорил.

Как он говорил! Это на самом деле был партийный пропагандист ленинской школы. Удивительная логика доводов облеклась в такую выразительную форму, что ей мог позавидовать любой публицист-литератор. Доходчивость, простота, выразительность — и все это при такой довери-

тельной интонации, что, когда он кончил свою речь, аудитория взорвалась оглушительной овацией и из зала курсанта вынесли его буквально на руках.

А он смущенно произносил при этом:

— Ну зачем же так... Нельзя же так... — Решительно высвободился из курсантских рук и потребовал: — Ведите, показывайте, как живете, как учитесь. Только правду говорите. В чем нуждаетесь, поможем, вы — надежда рабочего класса, вы — защитники завоеваний трудящихся...

Прощаясь, пожимая руки всем, кто стоял рядом, он говорил:

— Зовите нас, руководителей, к себе почаще. И запросто. Плох тот руководитель, который отрывается от масс. Так учит Ильич...

Учиться у Ленина большевистской принципиальности, преданности делу рабочего класса, теплоте и отзывчивости в отношениях с товарищами, непримиримости к любым проявлениям классово чуждой идеологии призывал нас старейший деятель нашей партии.

Дух товарищества был непреложным законом молодой армии Советов. При этом он не входил ни в какое противоречие с законами армейской службы и дисциплины, не нарушал субординации.

В ЗПШ примером этого были отношения курсантов с начальником школы В. Г. Клементьевым.

Василий Григорьевич Клементьев, носивший два ромба, был человек вида внушительного — крупный, высокий, с волевым лицом и буденновскими усами, — вызывал по первому впечатлению чувство робости. Но робость тут же покидала вас, как только начальник школы, выслушав уставной рапорт, доброжелательно протягивал огромную руку.

Слабостью Клементьева была охота — любил он брать с собой на охоту курсантов, слывших хорошими стрелками. И еще любил в горы ходить. Привечал тех, кто гор не боялся. Организовывал даже восхождение на Казбек. В альпинизме видел одно из средств воспитания в молодежи смелости и отваги.

Сам человек беспредельной храбрости и мужества, ге-

рой Гражданской войны и борьбы с басмачеством в Средней Азии, он одного не любил — рассказывать о своих боевых делах и подвигах.

В двадцать седьмом году в СССР с официальным визитом прибыл афганский шах с супругой, посетил он и Тифлис. В его честь выстроился почетный караул из курсантов нашей школы. Во главе был Клементьев верхом на своем белой масти красавце скакуне чистых арабских кровей, с роскошной шашкой в золоченых ножнах у пояса.

Шахиня, увидев Клементьева на коне, проявила какое-то беспокойство, потом подошла, протянула руку к холке коня, стала ласково его поглаживать, что-то приговаривая. Конь при этом почему-то невежливо воротил морду в сторону, и все уж подумали про себя, не будет ли из-за этого каких-либо дипломатических осложнений. Тут шахиня спросила у Клементьева, откуда у него конь и эта шашка.

Клементьев с достоинством отвечал, что это дары бухарского народа за личное его, Клементьева, участие в установлении в Бухаре Советской власти.

Только спустя тридцать пять лет мне стало известно, что взволновало в те далекие времена ее величество. Шахиня, оказывается, узнала коня и шашку своего отца. Она ведь была дочерью того самого эмира, которого свергли трудящиеся массы Бухары, провозгласив Бухарскую народную советскую республику. На помощь им пришли части Красной Армии под командованием М. В. Фрунзе. В. Г. Клементьев тогда геройски сражался в этих частях.

Это мне в 1962 году поведал сам Клементьев. Ему тогда исполнилось уже 82 года. Он поразил не только тем, что узнал меня по прошествии стольких лет (все эти годы мы не встречались), но и тем, что вспомнил чуть ли не все детали наших восхождений на Казбек, и даже то, как однажды на охоте я, курсант, убил дикобраза. А тогдашних курсантов, моих однокашников, называл не только по фамилиям, но и по именам...

Он вспоминал, кстати, как ему однажды пришлось вступить за курсанта-отличника по фамилии Чавчавадзе.

Этот курсант как-то рассказал, что прадед его — Илья Чавчавадзе, великий поэт, по происхождению князь. Ну

коль князь, мы, комсомолия тех лет, немедленно решили исключить этого курсанта из комсомола.

Клементьев попросил секретаря партбюро школы Жолудева разобраться, судьба курсанта-отличника волновала его.

Жолудев остудил наши не в меру горячие головы. Он сказал:

— Братишки, вы знаете, кто я по происхождению?

— Рабочий, — ответили мы хором.

— Да, верно. Причем путиловец, — не без гордости до-
бавил Жолудев. — А теперь еще вопрос: а кто будет по про-
исхождению великий русский писатель Тургенев?

— Понятно, товарищ Жолудев, но... — пытались мы
возразить, однако он снова прервал нас:

— А Пушкин Александр Сергеевич?

Мы молчали.

— Так вот. Илья Чавчавадзе тоже хоть и дворянином
был, но это не помешало ему любить простой народ. И свои-
ми стихами бороться за его свободу. Причем лучше, чем
иной — клинком. Улавливаете? Таким прадедом гордить-
ся можно. Что же касается курсанта Чавчавадзе, то, я ду-
маю, быть ему в комсомоле или нет, это надо решать по
тому, что он сам сегодня стоит.

— Сегодня князь останется в комсомоле, завтра — в
партии. А ведь наша партия — партия рабочего класса и
трудового крестьянства!

— В партии, — сказал Жолудев, — есть достойные лю-
ди и дворянского происхождения. Они поняли, что един-
ственная правда на земле — наша, рабочая правда. А глав-
ное — понять, где правда. И честно за нее бороться. Если
борешься за нее честно, значит, ты наш...

Курсант Чавчавадзе остался в комсомоле, остался в шко-
ле, окончил ее одним из лучших, стал замечательным коман-
диром, отважно сражался, снискал всеобщее уважение.

Теперь, спустя несколько десятилетий после описан-
ного случая, Клементьев сказал:

— Молодец был Жолудев! Сколько раз находил он вер-
ные решения таких по тем временам запутанных проблем.
Настоящий был большевик, питерская рабочая школа.

Жолудев внимательно следил за тем, как учится и му-

жает рабочая прослойка в курсантской массе. А в ЗПШ больше семидесяти процентов курсантов были выходцами из рабочих.

— Помни, комсомольский секретарь, — наставлял он меня, — один раз пообщаться с рабочим коллективом — это больше, чем десять лекций о рабочем классе. Больше организуйте встреч с рабочими, чаще бывайте на заводах и фабриках. Оторвешься от народа — навсегда потеряешь его доверие. А мы — армия народа. Вот это пусть для тебя будет главный лозунг в жизни. Уловил?

Как он любил это словечко — «уловил»!..

Да, надо было «улавливать» главное, что возникло в нашей жизни, в нашем бурном времени, конце 20 — начале 30-х годов. Годов первых пятилеток, коллективизации, годов стройки и борьбы...

А вскоре состоялись и выпускные экзамены в пехотной школе.

ПРИКАЗ

по Закавказской пехотной школе

№ 251

г. Тифлис

3 сентября 1929 г.

§ 1

Товарищи командиры — выпускники Закавказской пехотной школы.

После упорной, напряженной военно-политической учебы вы вливаетесь в ряды частей Красной Армии как настоящие надежные командиры-ленинцы, воспитатели и руководители красноармейцев.

В вашем лице Красная Армия получает новых, молодых командиров в тот момент, когда над Советским Союзом вновь вплотную нависла угроза вооруженного нападения международного капитала и его наймитов...

Будьте готовы знания, полученные в школе, умело и толково передать красноармейцам. Совершенствуйте, углубляйте и расширяйте эти знания на практической работе в части. Будьте образцом дисциплинированности, выдержанности, аккуратности, культурности. Все силы отдавайте на укрепление боеспособности Красной Армии.

Школа выпускает вас не только командирами, но и подготовленными политическими воспитателями...

Всегда и везде проводите четкую классовую линию Коммунистической партии, ни на один миг не ослабляя классовой бдительности и классовой непримиримости...

Приветствуя вас с успешным окончанием школы, выражаю твердую уверенность, что вы полностью оправдаете возлагаемые на вас надежды и еще выше поднимете авторитет Закавказской пехотной школы, авторитет всех вузов РККА.

Да здравствуют выпускники-командиры!

Да здравствует Рабоче-Крестьянская Красная Армия и ее вождь — ВКП(б)!

§ 2

Приказом РВС СССР с. г. Л» 462 нижепоименованные курсанты выпускного класса вверенной мне школы удостоены звания командира Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

1. Хазов Федор.

2. Исми Заде.

3. Гванцеладзе Леонид.

4. Бабаджанян Амазасп.

5. Казимир Гавриил.

6. Илющенко Григорий...

* * *

На заре создания и развития нашего военного образования партия и Ленин подчеркивали, что без глубоких знаний, без серьезной образованности нет настоящего командира. Глубокие знания у командира должны сопутствовать целому ряду других качеств. «Раз мы готовим армию к решающей борьбе с крупными и серьезными противниками, — говорил М. В. Фрунзе, — мы должны иметь во главе наших частей людей, обладающих достаточной самостоятельностью, твердостью, инициативностью и ответственностью. Нам нужно иметь такой командный состав, который не растерялся бы ни при какой обстановке, который мог бы быстро принять соответствующее решение, неся ответственность за все его последствия, и твердо провести его в жизнь»¹.

¹ Фрунзе М. В. Собр. соч. М., 1927. Т. 3. С. 316.

В нашей ЗПШ, как и во всех других военных школах, основной упор делался на воспитании у будущих командиров инициативности и самостоятельности, энергичности, крепкой воли и решительности. В нас воспитывали способность к анализу самых сложных, быстроменяющихся данных обстановки, умение отделять главное от второстепенного. От нас требовали быстроты решения, но отнюдь не бездумно-автоматической, а как следствие размышления, вникания в самую глубинную суть дела. Нас учили, что настоящими командирами становятся не сразу, не в то же мгновение, когда на тебя надета форма с командирскими знаками различия, а постепенно, и поэтому нечего стыдиться первых своих робких шагов, когда тебе вдруг доверены вместо конспектов и учебников техника и вооружение и — что куда важнее — жизни и души твоих подчиненных.

Из ЗПШ в часть мы отправлялись втроем — новоиспеченные взводные: П. Осекин, А. Айдамиров и я. Явились представляться командиру полка. В кабинете присутствовал и комиссар полка Н. И. Викторов. Комполка Н. П. Недвигин выслушал наши доклады, пригласил сесть, объявил нам, кто в какую роту назначается, тут же вызвал помощника по хозяйству, велел разместить нас в общежитии комсостава.

Комиссар Викторов зорко, но очень благожелательно разглядывал каждого из нас. Когда Недвигин наконец отпустил нас, Викторов вышел вслед.

— Посидим немножко, братцы, если не возражаете. Хотел вам кое-что сказать наедине, чтоб при командире вас не смущать. Я насчет этого самого смущения. Понимаю, оно у вас от робости. Вполне, впрочем, мне понятной. Но вот что скажу в напутствие, что ли, перед тем, как примете свои подразделения: не тушуйтесь. Может, и трудно будет на первых порах, так ведь от этого никуда не денешься — от первой поры, — он как-то удивительно располагающе рассмеялся. — У всех у нас она была, первая пора... Но задача в том, чтоб в силы свои, в возможности верить. Верить... Да, да. А это ощущение уверенности приходит, если умеешь создать правильные отношения с под-

чиненными, особенно со своими помощниками — младшими командирами. И, конечно, с партийной и комсомольскими ячейками в подразделениях... И еще вот что: будут трудности какие — всегда приходите без стеснения, в любой час: помозгуем вместе.

Трудности, конечно, не ставили себя ждать. Как всегда, молодого командира проверяли каверзными вопросиками. Подкидывали эти вопросы обычно «старички» — красноармейцы, прослужившие уже почти весь

Взводный Бабаджян вскоре после выпуска из ЗПШ

свой срок. Особенно отличался этим некий Маньков. Признаюсь — допекал он меня крепко. А что поделаешь: отвечать-то надо. Не ответишь — неучем ведь прослывешь.

И вот однажды иду я мимо ротной канцелярии, дверь приоткрыта, слышится голос нашего старшины:

— Товарищ Маньков!.. Ну-ка станьте как положено перед командиром. То-то. И слушайте меня. Это что за шутки выдумали вытворять на занятиях у взводного? Думаете, молодой — вам над ним поиздеваться можно? Так знайте: раскусил я вас, невелика загадка — Маньков. Ишь, какой герой! А ну, может, мне какой каверзный вопросец припасли: по материальной части или там по уставам? А может, по политике? По политике ты не решаешься взводного задирать — посильнее тебя будет. Что касается матчасти, так, думаешь, если второй год служишь, больше взводного знаешь? Он школу командирскую окончил. А ты профессор? Отвечай!

— Да я... — пытался оправдываться Маньков, — я, товарищ старшина, я же...

— Что языком кренделя выделываешь — нечего ответить, да? То-то. А хоть бы чего и не знал взводный, так тогда помочь ему надо. Свой же брат, такой же, как ты, хлеббороб бывший. А ты его шпынять, ровно он тебе «ваше благородие» какое. Ясно, боец Маньков?

— Ясно, товарищ старшина!

Да, именно в этом заключалась та главная разница, что отличала взаимоотношения между бойцами и командирами Красной Армии от взаимоотношений солдат и офицеров старой русской армии, капиталистических армий. Разница качественная, кроющаяся в иной социальной сущности, определяющая и новое существо дисциплины армии социалистического государства.

В приказе начальника Закавказской пехотной школы, который я довольно подробно, но все-таки лишь частично процитировал выше, содержался еще один призыв к нам, выпускникам, молодым командирам: «Будьте хорошими массовиками...»

Пусть своеобразность лексики тех лет не отвлечет читателя от огромного смысла, который вкладывался тогда в это слово: массовик — организатор массы, плоть от плоти ее, человек из народа и потому теснейшим образом связанный с народом.

...Вижу себя новоиспеченным взводным — командиром пехотного взвода 4-го Кавказского стрелкового полка.

Не просто начинать новую жизнь. Еще вчера курсант, и хоть трудно овладевать премудростями военного дела, но все-таки отвечаешь лишь за себя одного. И вдруг — «отец-командир»! И вручены тебе жизни и души твоих подчиненных, ты за них в ответе. До сих пор тебя воспитывали, теперь ты сам воспитатель и должен из вот этого рабочего или крестьянского парня сделать воина, доблестного бойца Красной Армии, научить его не только метко стрелять, но и вселить в его душу неистребимую ненависть к классовому врагу и неугасимую веру в дело народа и партии.

Хорошее училище — великая вещь. Но никакая, пусть самая что ни на есть идеальная, школа не в состоянии снабдить молодого офицера всем, что понадобится ему, когда он, переступив ее порог, шагает в жизнь. Всякое случилось с молодыми выпускниками нашей Закавказской пехотной школы в первые годы после выпуска. И в судьбе нашей сыграли огромную роль наши старшие товарищи, бескорыстно помогавшие нам отыскать свое место в строю.

Нелегко путь старшего начальника к сердцу молодого

командира. Надо ведь вызвать не просто повиновение своему приказу и распоряжению, а чувство веры, стремление подражать. Скажу больше — любви и привязанности.

Мне повезло, у меня были хорошие учителя на первых порах моей командирской работы. Нашей ротой командовал опытный и умный командир Н. Г. Селихов. Это был человек крутого нрава, строгий, но справедливый. Счастливым это сочетание качеств селиховского характера я медленно испытал на себе.

Память человеческая обладает, как известно, таким счастливым свойством — о людях дорогих и близких сохраняет лучшее. Вот и всплывает сейчас то, что вспоминалось и в ту далекую ночь, — первые мои занятия с красноармейцами, на которые пришел ротный. От волнения я растерялся, что-то перепутал. Но Селихов сделал вид, что ничего не заметил. Причем получилось это у него настолько правдоподобно, что я уверился — ротный не заметил моей промашки. Успокоенный, я довольно уверенно довел занятие свое до конца.

Селихов, впрочем, не оставил меня в моем приятном заблуждении. Уходя, он сказал:

— Неплохо, вполне даже хорошо.

Я расцвел было, Селихов же, помедлив немного, вдруг добавил:

— Для начала, говорю, неплохо. Допустили грешок. Заметил я и ошибку, и ваше смущение. То, что смутились, — это тоже хорошо. Значит, почувствовали. А раз почувствовали, выходит — переживаете. А если командир не переживает, какой он командир! В нашем деле нельзя без переживаний. Другое дело — чтоб это... про себя. Ты переживай, пусть у тебя на душе кошки скребут и собаки кусаются. А другие чтоб ни-ни, сам переживай. Переживай и исправляй. И дело пойдет.

На всю жизнь я запомнил советы своего ротного командира. Об одном только сожалею — недолго довелось нам служить вместе. Военная судьба разбросала нас в разные стороны.

Но вот сорок лет спустя нашла меня в Министерстве обороны вдова героя Великой Отечественной войны пол-

ковника Н. Г. Селихова. Сколько воды утекло, а не забыла меня Людвига Иосифовна. Когда-то дружили семьями. Ротный командир обладал сдержанным и, пожалуй, суровым характером, но это ничуть не мешало ему в неслужебное время, как нынче говорят, крепить «личные контакты» с сослуживцами. Молодым командирам это было и приятно, и полезно. Атмосфера дружеская не только не исключала, не мешала, но, напротив, стимулировала и дисциплину, и любовь к общему делу, и самоотдачу.

Но когда я мысленно произношу свое «спасибо за науку», всегда адресую ее не одному Селихову, а еще П. Я. Яремчуку — помощнику командира роты по политической части. В памяти как-то слились для меня эти два человека — слитны и едины были они и в действительности.

— Послушай, Бабаджанян, — как-то обратился ко мне Яремчук, — что-то ты больно часто твердишь бойцам: смелого, дескать, пуля боится...

— Так это же Суворов! — вскипятился я.

— Суворов, не спорю, — миролюбиво продолжал Яремчук, — только я за то, чтоб ты добавлял все время к слову «смелого» еще и «умелого». Разумеешь? Кстати, это тоже Суворов...

Жизнь вскоре подтвердила мне правоту Яремчука.

На южных границах нашей страны в ту пору было все еще беспокойно: в Средней Азии действовали отдельные отряды басмачей, а в Закавказье — контрреволюционные банды кулаков, князей, беков, ханов...

1930-й. Сводная рота полка, в котором я начал свою командирскую службу, послана в район Кедабека для ликвидации кулацкой банды Меджида Якублы. Эта банда терроризировала крестьян, вступивших в колхозы, совершала злодейские убийства работников советских учреждений, партийных активистов.

Рота укомплектована старослужащими и младшими командирами — задание чрезвычайной трудности. Бандиты скрываются в ущельях Кара-дараси, что в переводе значит Черное ущелье, и Кечи-дараси — Козлиное ущелье.

Зимой, когда выпадает снег, продвигаться по этим ущельям почти невозможно. Толщина снежного покрова

несколько метров, и вдобавок грозят снежные обвалы. Гряды скал с обеих сторон ущелий высотой метров двести, каменные утесы поднимаются от самого дна ущелья до вершин хребта. Вход в ущелье между скалами узкий, всего метров тридцать-сорок. Бандиты где-то вверху, невидимы для нас, а вот мы у них как на ладони.

За целый день подвинулись всего на несколько шагов. Но людей потеряли много. А еще через день погиб новый командир роты А. Арбузов — человек поразительной, безрассудной храбрости. Бандиты ведут по нашим боёвым порядкам сильный ружейно-пулеметный огонь. А Арбузов ходит от взвода к взводу во весь рост, даже не пригибаясь, словно бросает вызов смерти. Пули свистят вокруг него, а ему хоть бы хны. Даже зависть берет: откуда у человека столько отваги? Бойцы глядят на него, восторженно ахают: «Похоже, заколдован Арбузов!»

Как могу, пытаюсь подражать Арбузову, но получается это у меня неважнецки.

Чтоб хоть чуточку походить на бесстрашного своего начальника, мобилизовал всю волю — стал тоже вышагивать во весь рост. Иду этак к пулеметному взводу, вдруг слышу строгий окрик:

— Ложись!

Амазасп Бабаджанян проверяет результаты стрельбы пулеметчиков

Смотрю, это комполка Н. П. Недвигин.

— Что еще за лихачество такое — подставлять голову под пули противника! Умный командир действует так, чтобы сразить противника, а самому остаться целым и невредимым. Ты умеешь организовать бой, а не ходи, как петух, под обстрелом, не выставляйся на всеобщее обозрение.

Вскоре на нашем участке появились вражеские снайперы. Чуть зазеваается боец — и нет его. Мы с помкомвзвода Н. Белоусом укрылись за небольшой скалой. Пули жжик-жжик — от скалы отскакивают. Страшно нос высунуть.

Вдруг слышим над собой громовой бас Арбузова:

— Сдрейфили? Противника испугались? А еще красивые командиры! Буза вы — не командиры.

Выхватил у меня из рук бинокль, высунулся и стал высматривать, откуда палят вражеские снайперы. Пули вокруг него свищут.

Шепчу Белоусу:

— Скорее за Яремчуком, пусть уймет его, а то ведь убьют командира!

Вскоре подполз Яремчук. Окликает Арбузова:

— Командир!

Арбузов не слышит его или делает вид, что не слышит.

— Командир! — громче повторяет Яремчук.

— Комиссар, ты бы лучше пример молодым подавал, а то сам норовишь поглубже закопаться...

— Товарищ Арбузов! — гневно перебивает его Яремчук.

— Отстань! — отвечает Арбузов и высовывается еще выше.

Тут до моего слуха доносится резкий одиночный щелчок, Арбузов беззвучно падает. Яремчук стремглав подлетает к нему, подхватывает, но Арбузов бессильно повисает у него на руках.

— Замертво, — говорит Яремчук, опуская тело Арбузова на землю. — Прими командование ротой. И не бери с этого пример. Пуля и так тебя достанет...

Мне пришлось взять командование на себя.

Я четко понимал, что пробиваться напрямую — безумие. Тем более что мы уже трое суток были без горячей пищи, на ледяном, пронизывающем ветру. Яремчук поддержал мою просьбу, командование разрешило спуститься в населенный пункт для обогрева и отдыха.

Пока люди отдыхали, мы с Яремчуком ломали головы, как же все-таки выполнить задание, но никакого решения не нашли. Утром прибыл новый командир роты, приказал мне со своим взводом обойти Черное ущелье с запада, то есть зайти банде в тыл.

Для выполнения этого задания взводу придавался проводник. Это был особенный человек, я расскажу о нем подробнее.

В штабе руководства операцией по ликвидации банды (разумеется, не одна наша рота была привлечена для ее осуществления, и в штаб входили представители местных органов Советской власти и управления внутренних дел) мне сообщили, что наш проводник Мансур — двоюродный брат главы банды Меджида, прежде тоже был в этой банде, но потом повздорил с братом, тот даже стрелял в него, ранил, но Мансур выжил, явился в советские органы, заявил, что Меджид — отныне его заклятый враг, и предложил свою помощь для поимки Меджида.

— Какая гарантия, что Мансур не предаст и нас? — спросил я человека со значком чекиста.

Тот развел руками:

— Гарантий никто дать не может, конечно. Действуйте, сообразуясь с обстоятельствами. Вашему взводу особое задание: если, выйдя в тыл Меджиду, увидите, что есть возможность захватить его, берите. Относительно надежности Мансура... — Чекист тут еще раз бросил взгляд на меня. — Сами вы из этих мест, знаете, как силен здесь обычай кровной мести...

— Но, — возразил я, — в данном случае не столько кровная месть, сколько кровные родственники.

— Это, может быть, и верно, но что имеем, то имеем. — Чекист еще раз развел руками: — Другого проводника, знающего, где прячется Меджид, у нас нет...

С этим я и ушел к себе. Яремчук оставался в роте, мой взвод уходил, все решать предстояло мне самому.

Вскоре ко мне привели Мансура. Он вошел, сильно прихрамывая на правую ногу, энергично заговорил по-русски, сразу заявил, что точно проведет нас к месту, где прячется Меджид, и этим еще больше подогрел мои познания.

К несчастью, о том, кто таков наш проводник, узнали и бойцы. А вселить недоверие в успех операции — этого больше всего следует опасаться, так учили нас в ЗПШ. И чтоб не давать бойцам материала для кривотолков, я отвечал Майсуру по-азербайджански.

— Откуда вы так хорошо знаете азербайджанский? — спросил Мансур.

— Я ваш земляк, из Чардахлов.

— Правда? — обрадовался Мансур и далее с удовольствием продолжал говорить со мной на своем родном языке.

Я отпустил его, но тут же вызвал помкомвзвода Белоуса и приказал неотступно находиться рядом с Мансуром. Белоус понял меня с полуслова.

Когда ночь окончательно опустилась на землю, мы двинулись длинной, растянувшейся метров на двести цепочкой: впереди Мансур, за ним Белоус, не снимавший пальца со спускового крючка нагана, за ним я, потом остальные бойцы взвода.

Шли, согнувшись в три погибели, колючий снег бил в лицо. Вскоре попали в сплошную, непроглядную пелену. Тогда Мансур остановился. Белоус тотчас настороженно застыл рядом с ним.

— Дай поговорю с командиром, — сказал ему Мансур и подождал, пока к нему приближусь я. — Скажите людям, — кричал он мне в ухо, преодолевая вой ветра, — чтоб не отклонялись от гребня скалы — по сторонам снег глубиной метров восемь! А лучше сделать маленький привал — вот здесь, под скалой, дальше негде будет!

Привал сделали.

— Курите здесь, — сказал Мансур, — выше нельзя будет, заметят.

Закурили.

Мансур тихо сказал по-азербайджански:

— А ведь вы мне не доверяете, вижу. Не понимаете меня. А еще земляк, должны, кажется, душу горца знать. Может, Меджид меня, как к рассвету доберемся, в этот раз добьет до конца, мне терять нечего...

— Что значит нечего? — спросил я.

— Нечего... — повторил Мансур. — Мне тридцать два года. Я за всю жизнь одну женщину любил. И счастлив был — за меня ее выдали. Когда Меджид вынудил всю родню за ним в горы уйти, и я ушел вместе с женой. Там, — Мансур указал рукой вверх, в горы, — он — будь проклят в седьмом колене! — услали меня на три дня вниз и за эти три дня обесчестил мою жену. Она с обрыва бросилась. Он потом сказал: случайно упала. Я хотел убить его, а вышло наоборот, он меня калекой сделал...

Мы долго молчали. Потом Мансур резко встал.

— Пора идти, скоро рассвет. Пусть все идут, храня мертвую тишину.

Мы пошли. Мансур вел нас все выше и выше. Когда один боец отошел на метр от гребня, он тут же провалился в снег, и только по счастливой случайности удалось его вытащить.

Наконец мы оказались на вершине гряды. Остановились, еле переводя дух.

— Вот это, — проговорил Мансур, — его позиции, отсюда он днем обстреливает вас. Сейчас он со своими людьми прячется внизу, в ущелье, в пещере, там тепло, можно проводить ночи.

Я дал приказ не открывать огня без моей команды. Чуть рассвело, мы увидели, как черные точки стали подниматься вверх по склонам. Мы лежали, затаив дыхание. Вскоре можно было в бинокль различить лица людей Меджида. Впереди шел большой рыжебородый мужчина с винтовкой в руке.

Я дал сигнал открыть огонь. Белоус первым же выстрелом уложил рыжебородого. Затем мы стали преследовать бандитов, которые бросились отступать вниз, в глубины ущелья.

Но судьба их уже была предрешена. Мы захватили пе-

щеру, в которой они прятали огромный запас продовольствия и свои семьи — стариков, женщин, детей.

Семьи мы тотчас с двумя бойцами отправили вниз, а сами продолжали преследовать оставшихся в живых бандитов, которые вместе со своим главарем Меджидом уходили, маскируясь, снова вверх, к вершине хребта.

Впереди нас кошкой карабкался разгоряченный Мансур. Белоус уже не нависал над ним, как коршун.

Вскоре смеркло, наступление пришлось прекратить. Утром нас нашел офицер связи, передал приказ изменить направление движения — идти к ущелью Кечи-дараси. Дело в том, что плененные люди Меджида показали: он намерен переправиться через труднопроходимый хребет Черного ущелья, чтобы проникнуть в Козлиное ущелье.

— Знаю, где он там спрячется, — сказал Мансур. — Я доведу.

Предстоял путь через горы, глубокий по пояс снег. Измотанные, без сна и отдыха, мы еле двигались. Когда перевалили хребет и оказались в Кечи-дараси, мы поняли — не зря так прозвал народ это ущелье: только горные козлы могли здесь продвигаться без опаски сломать шею.

Вот и пещера, которую искал Майсур. Но уже ночь. А пещера хранит молчание. Прямо сказать, жуткое молчание.

Расставляю посты. Ночь проходит в тревожном ожидании.

Наутро начинаем кричать в пещеру, предлагаем выйти и сдать. В ответ молчание. Тогда приказываю открыть огонь по входу в пещеру. В ответ несколько одиночных выстрелов. Ага, значит, они здесь!

Здесь-то здесь, но как их оттуда выкурить? Из пещеры раздавались меткие выстрелы и укладывали наповал каждого смельчака, отважившегося приблизиться ко входу в нее.

Так прошел еще целый день. К вечеру прибыл на помощь взвод войск НКВД под командой моего однокашника Ростовцева.

— Что ты с ними цацкаешься! — сказал Ростовцев. — Давай обстреляем их ружейными гранатами, прямо внутрь пещеры. У тебя же другого выхода нет.

Я промолчал, потом сказал по-азербайджански:
— Мансур, скажи им ты... А то... сам понимаешь, гранатами если...

Мансур сломал палку, которую сжимал в руках.

— И что? Пусть он там подохнет!

— Но ведь он там не один...

Мансур встал, сложил руки рупором и крикнул в пещеру:

— Эй, люди! Бросьте там этого сукиного сына и выходите, а то все погибнете! Это говорю вам я, Мансур...

Тотчас раздался выстрел. Как только Мансур увернулся от него, не знаю!

Делать было нечего. Скомандовал — в пещеру полетела граната. Послышался грохот, умноженный эхом пещеры.

Через несколько минут из пещеры вышли четверо, опустили на землю оружие. Можно было ожидать подвоха. Я спросил:

— Где остальные?

— Нас осталось всего пятеро. Пятый — Меджид. Он там. Мертвый, — отвечал один из бандитов.

К нему тут же подскочил Мансур, схватил за грудки:

— Это правда?

— Правда, Мансур. Он застрелился.

А.Бабаджян (в белой гимнастерке, справа) с бойцами своего взвода

Мансур оттолкнул от себя бандита, опустился на снег, обхватил голову руками.

А в пещере действительно лежал мертвый Меджид.

С бандой было покончено.

Но пуля все же достала меня. Видно, не внял я должным образом советам командира полка и П. Яремчука — был ранен в тех боях.

Эти воспоминания еще больше растрavляют меня... Ранен в бою за Советскую власть. А эти женщины за шпиона приняли... С обидой я и засыпаю.

Наутро с усмешкой вспоминаю свои ночные «тягостные» размышления. Да и некогда. Надо исполнять свои обязанности.

Глава вторая

ВОЙНА!

19-я армия И.С. Конева была мощной боевой силой — три корпуса и стрелковая дивизия. Она получила приказ перебазироваться в район Витебска. Однако начало погрузки в железнодорожные эшелоны почему-то задерживалось, мы томились в вынужденном ожидании, а события на фронтах развивались бурно, и, увы, не в нашу пользу.

Глубокими клиньями танковые группировки врага рвали нашу оборону, устремлялись на восток. Его авиация держала под своим контролем все наши коммуникации, нещадно бомбила их вплоть до Киева и Брянска.

28 июня гитлеровские войска овладели Минском, Бобруйском, 3—4 июля противник вышел на своем правом фланге в районе Рогачева к Днепру, на левом занял Борисов. Фронт неумолимо перемещался на восток. Аэродромы противника подтянулись совсем близко, налеты его авиации становились все интенсивнее и наглее. Под вражескими бомбардировками затруднялась не только погрузка войск армии, но и передвижение эшелонов, они растянулись на колоссальное расстояние, более чем на пятьсот километров: когда первые достигли района Смоленска, другие только начинали грузиться.

В условиях непрерывных авиационных ударов противника для ввода армии в действие после начала погрузки требовалось не менее двенадцати-пятнадцати суток. А их в запасе не было.

Бронированные армады врага развивали наступление на Могилев, Оршу, Витебск. 19-й армии была поставлена задача: занять оборону по рекам Западная Двина, Вонь.

Подходили эшелоны, войска совершали марш и с ходу вступали в бой с танковыми группировками. Бои были тяжелыми и кровопролитными. К вечеру 9 июля из четырехсот эшелонов прибыло к месту назначения всего сто три, остальные медленно пробивались к Смоленску. К этому времени в 19-й армии не было ни одной полнокровной дивизии, в соединениях оставалось всего по три-четыре стрелковых батальона. Не было артиллерии — она еще находилась в пути.

Несмотря на крайне тяжелую обстановку, личный состав 19-й армии, как и все советские воины на всем протяжении советско-германского фронта, героически дрался с численно превосходящим противником. Ф. Гальдер записывает в своем дневнике: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека»¹.

Танковый десант Гудериана — за Днепром. Гудериан хвастливо пишет в своих «Воспоминаниях солдата» («Erinnerungen eines Soldaten», Гейдельберг, 1951), широко пропагандируемых на Западе: «11 июля ранним солнечным утром, в 6 час 40 мин, в сопровождении моих гостей я выехал со своего командного пункта, располагавшегося в Толочине, который еще в 1812 году служил штаб-квартирой Наполеона I, и направился к Копысь, чтобы присутствовать при форсировании реки 47-м танковым корпусом».

Он свято верил в непобедимость своих бронированных армий, потому и пригласил поглядеть на форсирование Днепра, как на торжественную церемонию, своих гостей — личного адъютанта Гитлера фон Белова и представителя Муссолини генерала Марасса. Он был полон приятных исторических ассоциаций — до зимы еще было далеко... Мы пока еще отступали.

12 июля я ехал по дороге Витебск — Смоленск, из кузова грузовой автомашины наблюдая за «воздухом». На перекрестке Минской и Витебской дорог навстречу на большой скорости выскочил мотоцикл с коляской.

¹ Цит. по: Военно-исторический журнал. 1959. № 7.

Немцы! Дал по мотоциклу очередь из автомата. Мотоциклист пытался увернуться и свалил машину набок. С шофером мы обезоружили немцев, усадили их в кузов и доставили на КП 19-й армии.

И. С. Конев лично допрашивал этих первых немецких пленных, взятых 19-й армией.

— Какой дивизии? — обратился он к высокому белобрысому пулеметчику. Тот не спешил с ответом, стоял, широко расставив ноги, презрительно сузив веки с рыжеватыми ресницами. — Повторите ему вопрос, — приказал И. С. Конев переводчику.

— 17-й танковой, — наконец выдал белобрысый.

— Где части дивизии?

— Не знаю.

— Врет! — бросил Конев.

Перевели. Белобрысый хмыкнул:

— Не вру. Могу сказать, где были вчера, а где сегодня... — Он замялся, подыскивая подходящее слово. — Вы так быстро... отступаете...

— ...«драпаем», так он хотел выразиться, — поправил Иван Степанович переводчика. — Ладно.

Немцу показалось, что превосходство их признано, он осмелел и, полный высокомерного презрения к «аборигенам», с вызовом процедил:

— Могу сказать, где дивизия будет завтра — в Смоленске.

— Увести! — резко бросил И. С. Конев.

Я пожалел, что привел этих пленных к командующему. Сердце сжималось от обиды и от сознания, что наглость противника порождается его успехами и нашими неудачами.

Увы, инициатива была в руках врага. Он диктовал свою волю, он не давал нам ни малейшей возможности подтянуть крупные силы и организовать оборону. Авиация противника поражала наши войска на глубину четырехста-пятьсот километров. Господство в воздухе в первые дни войны безраздельно принадлежало врагу, наши войска несли от авиации противника большие потери. В результате ее непрерывных атак по железным и шоссейным до-

рогам срывалось сосредоточение наших войск и подвоз необходимых боеприпасов. У нас не хватало техники и вооружения. Но нам было не занимать храбрости, отваги и убежденности в правоте нашего дела.

После войны я не раз слышал от старых солдат: «Кто не познал войну в сорок первом — начале сорок второго, тот не знает, что такое настоящая война». Пожалуй, они правы. Автору этих строк доводилось видеть, с какой беззаветной отвагой дралась советские воины не только на передовой, но и в условиях, казалось бы, отчаянных — в окружении.

А враг наглед. Успехи в первые дни войны вскружили ему голову. Потому так вызывающе дерзко вели себя на допросе у командующего два гудериановских танкиста.

Вспомнилась книга Г. Гудериана, с которой мы успели познакомиться перед войной, — «Внимание, танки!». Что же это, невольно думалось в те дни, — подтверждение правоты Гудериана, воскликнувшего еще в 1940 году у Арденн по поводу стремительного продвижения германских бронетанковых сил: «Ничто не может остановить эту мощную ударную силу!»?

Так неужели он прав? Может быть, мы недооценили немецкую военную доктрину «молниеносной войны»; по которой успех в войне решают прежде всего танки и авиация? А люди — отнюдь не главные детали военной машины. Может быть, в самом деле мы вовремя не вняли возгласу «Внимание, танки!», не повторили его с должной степенью восторга, и война преподносит сейчас нам этот свой урок?..

Во время изнурительных оборонительных боев на подступах к Смоленску в войска 19-й армии прибыл маршал С. К. Тимошенко. Помимо работников штаба Западного фронта сопровождали маршала в его поездке по войскам и мы с полковником Русаковым. По дороге на Смоленск нас атаковали три вражеских пикирующих бомбардировщика Ю-87. Все повыскакивали из машин, залегли. Бомбы попадали веером, не причинив нам вреда. Самолеты повернули назад.

Поднимаясь с земли, отряхиваясь, С. К. Тимошенко погрозил кулаком вслед удаляющимся самолетам:

— Ну, ну, еще посмотрим!.. — И тут увидел стволы зенитных пушек. — Зенитки?! А почему молчат? — Маршал направился к орудиям.

От орудий отделился небольшого роста, крепко сбитый сержант, четким строевым шагом подошел к маршалу и отрапортовал, что он за командира батареи, комбат погиб вчера при отражении танков противника, командир огневого взвода тяжело ранен.

— Где же люди? — спросил С. К. Тимошенко.

— В укрытиях, товарищ маршал. Разрешите подать команду «К орудиям»?

— Подайте.

Расчеты молниеносно заняли свои места.

— Почему же не стреляете? — удивился Семен Константинович.

— Нечем, товарищ маршал. Снарядов нет. Очень хочется бить гадов, а снарядов нет. Потому и приказал всем: в укрытия. Зачем зря людей подвергать опасности?

— Что ж, резонно, — согласился Семен Константинович. — Люди наши и так достаточно собой жертвуют. И не возьмешь нас! — Он опять погрозил кулаком в сторону улетевших немецких бомбардировщиков.

— Это точно, товарищ маршал, — браво подхватил сержант, — снаряды без людей — мертвые, а люди без снарядов — живые.

Маршал и все мы дружно рассмеялись, и смех наш как бы дал разрядку накопившейся в душе горечи.

На просторах Смоленщины 19, 16, 22-я армии продолжали ожесточенные бои. Наше командование принимало все меры, чтобы остановить наступающего врага, но обстановка на Западном направлении была крайне тяжелой.

Корпуса 19-й армии, отражая яростные атаки вражеской танковой группировки, откатывались назад. 25-й стрелковый корпус пробивался на Сураж, Витебск. Командир корпуса просил по радиации подкреплений и поддержки. Что с 34-м стрелковым корпусом, никто в штабе армии не знал.

Тяжкое положение было и во всех остальных соединениях армии. Однако советские воины проявляли беспримерное мужество, сражаясь с врагом. В штаб 19-й армии все время поступали донесения о героических делах воинов, да и сами мы, работники штаба, постоянно выезжая в части, на передовую линию обороны, воочию убеждались в этом.

Не имея поддержки авиации, испытывая недостаток в танках и артиллерии, 19-я армия не добилась заметного успеха. Впрочем, в этих условиях трудно было ожидать иного.

И пока соединения 19-й армии, пытаясь наступать на Витебск, израсходовали свои силы, противник стал развивать наступление на Смоленск.

И. С. Конев сообщал в штаб фронта: «...не имею ни одного полнокровного боеспособного соединения. Фронт держу за счет отдельных подразделений. В течение 4 дней не имею поддержки нашей авиации. Войска держатся крепко против наземных войск»¹.

Действительно, положение было критическим. В мехкорпусе, например, имелось по два-четыре танка в каждой дивизии, в то время как противник на отдельных направлениях скапливал по двести-четыре ста боевых машин. И тем не менее ни одной позиции не оставляли без боя.

В районе Смоленска обстановка была угрожающей, противник именно сюда направил главный свой удар. Сосредоточив в направлении Смоленска свои усилия, он 16 июля занял танковыми соединениями юго-западную часть города, главными силами 2-й танковой группы нанес другой удар — в направлении Починок, Ельня, Красный. С севера Смоленск обошла танковая группа Гота.

Главный удар вражеских танков принял на себя батальон 127-й стрелковой дивизии, которым командовал капитан Джабаев.

— Стоим насмерть! — сказал он своим ребятам. — Умереть со славой лучше, чем отходить с позором.

¹ Центральный архив Министерства обороны СССР (далее ЦАМО), ф. 208, оп. 70438, д. 1, л. 48.

В боевых порядках стрелковых рот находилась артиллерийская батарея старшего лейтенанта Музылева, бывшая прямой наводкой. Горели немецкие танки и бронемашины, вздымались в небо столбы дыма и пламени.

Но черные машины с крестами на броне все ползли и ползли. В орудийном расчете уже почти никого не осталось, упал, сраженный осколком, наводчик. Тогда на его место встал сам командир батареи.

Вот от его прямого попадания загорелся один танк, другой...

— Врешь! Здесь не пройдешь! — кричит Музылев. — Огонь! Огонь!

Три вражеские боевые машины уничтожил отважный воин, коммунист Музылев, но и сам пал на поле сражения.

Однако все равно не пройти здесь врагу. Навстречу танкам ползут пехотинцы — красноармейцы Дробязко и Козлов. В руках у них всего лишь бутылки с горючей смесью, но еще три танка врага превращаются в горящие факелы.

Пишу в донесении штабу армии о дерзких действиях красноармейца Василия Дробязко и запоминаю эту фамилию — в 1944-м с радостью узнаю, что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Фашисты не ожидают столь ожесточенного сопротивления небольшого отряда советских воинов: велика ли сила — батальон. Бросают против него авиацию и танки, новые и новые свои батальоны. Но джабаевский батальон не отдает без крови ни метра советской земли. Шквал артогня и авиабомбардировки обрушиваются на горсточку оставшихся в живых. Они упорствуют, но вокруг них замыкается огненное кольцо. И тогда капитан Джабаев командует:

— Будем держаться до темноты. Пока не стемнеет, ни шагу назад!

Ночью остатки батальона прорвали огненное кольцо окружения. Весть о подвиге джабаевцев наутро облетела всю дивизию. По указанию комиссара дивизии Ф. Я. Кривякова политработники во всех подразделениях поведали о беспримерной стойкости и мужестве героев. Бойцы клялись подражать примеру отважных.

А у капитана Джабаева тем временем шел большой,

хотя и по-фронтовому лаконичный, разговор с вышедшими из окружения остатками батальона.

Меня, подошедшего и присевшего рядом, никто не замечает.

— Мало нас осталось, нелегко стоять, чтоб ни шагу назад... Кровью своей за это надо платить... жизнями товарищей. «Ни шагу назад» — это Родины приказ. Но ведь я его произносил — я в ответе за жизнь тех, кто в этом бою пал.

— Товарищ капитан! — прерывает комбата пожилой боец. — Я старше вас годами, разрешите поперек сказать. Вины вашей, что товарищи наши головы сложили, нету. Потому не отступили мы, землю русскую не отдали. Вот вы, товарищ капитан, не русский, а сами готовы грудь свою под пулю подставить, чтобы землю эту защитить. Почему это? Потому — я так понимаю — земля эта наша общая, советская.

— Спасибо, — взволнованно отвечает капитан Джабаев, встает, делает несколько шагов вперед, назад, возвращается, вновь садится на пригорок, где расположились его измученные солдаты — кто перевязку поправляет, кто в котелке сухарь размачивает.

Молчат. Потом опять заговаривает Джабаев:

— Власть мне над вами моя шпала дает. И приказ командира — закон. Вы его свято до сих пор выполняли. У меня нет к вам замечаний. Могу только похвалить за службу... Другое хочу сказать — потому что впереди, видно, еще страшнее бои: никогда власть свою не употреблю, не обдумав все десять раз.

Джабаев заметил наконец меня.

— Здравствуйте, товарищ майор. Извините, не подал команду «Встать» — сами видите, в каком состоянии люди.

— Конечно, конечно! — успокоил я его, крепко пожимая руку. — Давайте присядем в сторонке, помогите мне составить донесение командарму. Ваш батальон действовал успешно...

— Не батальон, а вся наша 127-я дивизия, товарищ майор.

С каждым днем обстановка на боевом участке нашей 19-й армии все более осложнялась. Два наших полка вели тяжелые оборонительные бои по удержанию промышленного района Смоленска на северо-восточном берегу Днепра. Севернее Смоленска рвалась на Ярцево танковая группа Гота — отдельные, разобщенные наши части еле сдерживали ее натиск. На левом фланге армии, юго-восточнее Смоленска, шло сражение с главными силами Гудериана. Проникновению противника в глубь нашей обороны способствовал ее очаговый характер — была она разорвана во многих местах на всем своем огромном протяжении.

Положение казалось катастрофическим, спасти его могли только самые срочные меры Ставки Верховного Командования, и они последовали — в конце июля на смоленско-московское направление были двинуты свежие силы. Кроме того, нужны были люди, способные выдержать невероятные трудности и опасности, обладающие огромной волей к победе. Такими оказались бойцы, командиры, политработники 19-й армии. Примером для всех прежде всего был сам командующий И. С. Конев.

Генерал неизменно появлялся там, где решалась судьба боя. Властность не мешала ему быть обаятельным, влияние на людей было колоссальным. Человек горячий и увлекающийся, он сочетал в себе трезвость мысли и спокойную рассудительность с блеском полководческого таланта, доброту и благородство с твердостью и непримиримостью. Он был жестко требователен ко всем и прежде всего к себе. Любил смелых и сам являл образцы отваги, подчас напроочь пренебрегая собственной безопасностью.

В штабе порой удерживали командующего от шагов, опасных для его собственной жизни, тогда он резко возражал: «Вам можно, мне нет?» «Нет, — отвечали ему, — вы командующий». Тогда Конев недовольно отворачивался, всем своим видом показывая, что с людьми, которые прибегают к такой аргументации, ему и толковать не о чем.

Мы, работники штаба, негласно дежурили, поочередно присматривая за командующим. Счастье наше, что он не разгадал нашего «заговора», а то бы... Был Иван Степанович строг с подчиненными, порою крут, но необидной

была его строгая требовательность и ощущалась нами как законная. Это происходило, наверное, оттого, что знали мы: если тебе надо, обратись к Коневу смело. Если твое дело стоящее, Конев поможет.

Так уверял меня мой друг, тоже работник штаба армии, майор с фамилией, никак не шедшей к его bravому облику, П. Я. Фиалка.

— А что же ты сам не обратишься к командующему, коли говоришь, что так же поступил бы, как я собираюсь?

— Робкий я, друже, — замялся П. Я. Фиалка. — Это, наверное, оттого, что родители меня такой фамилией наградили.

— Что-то я не заметил, чтоб ты в бою робким был.

— Так то ж в бою... А так я боюсь с начальством гутарить. Представляешь ему: «Докладывает майор Фиалка», — а оно на тебя очи пялит, что это за явление такое... ароматное...

Я расхохотался и пообещал попросить командующего заодно и за П. Я. Фиалку.

Улучив момент относительного затишья, я обратился к генералу:

— Отпустите меня в войска.

Конев вскинул удивленные брови, посмотрел на меня, потом на присутствующих:

— Не поладил с кем-нибудь в штабе?

— Нет, все в порядке, товарищ командующий.

— То-то! Никуда не пойдешь. А кто здесь работать будет?

Я молчал, только переводил просительный взгляд с командующего на члена Военного совета армии И. П. Шекланова. Иван Прокофьевич обладал даром настоящего поллитработника — умел глядеть человеку в душу.

— Пусть идет, Иван Степанович, не удерживай в штабе. Парень боевой, сейчас как раз такие нужны в войсках.

И. С. Конев ходил из угла в угол блиндажа, потом остановился, еще раз посмотрел на меня в упор.

— Хорошо. Уговорили с комиссаром. Пойдешь командиром полка в 127-ю стрелковую дивизию. — Положил

руки мне на плечи, добавил: — Если погибнешь, то смертью храбрых. Выживешь, будь героем. Лучше второе.

Никак не ожидая, что Конев так быстро сдастся, я молчал, не зная, что сказать.

— Что стоишь, иди! — притворно-грубовато прикрикнул Конев.

— Товарищ командующий, у меня еще просьба.

Конев повернулся ко мне всем корпусом:

— Не многовато ли просьб, дружок, в один присест? Ну?

— Отпустите в войска Фиалку.

— Кого? — не сразу понял Конев. — Ах, майора Фиалку! А он что, решил оправдать свою фамилию, сам не отважился обратиться? Комиссар! Что это бегут из нашего с тобой штаба, дезертируют?

— Дезертируют на передний край, — с улыбкой уточнил Шекланов.

...Вечером того же дня мы с Фиалкой пешком добирались в расположение 127-й дивизии, куда были назначены командирами полков на место товарищей, сложивших головы в боях под Смоленском.

Путь был неблизкий. Ночь застала нас в дороге. Неподалеку от берега Днепра прямо на нас спускался парашютный десант противника. Мы с Фиалкой дали по парашютистам автоматную очередь. В ответ десантники открыли сильный, но беспорядочный огонь. Стреляли без разбору, куда попало. Прикинув место сбора десанта, мы решили ускользнуть подобру-поздорову в противоположную сторону.

На нашем пути оказалась небольшая речушка, метров двадцать — двадцать пять шириной. Поискали брод — брода нет. Что делать?

— Что делать, что делать, — проворчал Фиалка, — вплавь, чего там.

Тут я признался, что не умею плавать, так в своих горах и не выучился.

— Чего уж там, прыгай в воду, — повторил Фиалка. — Да поскорее, пока не рассвело, не то засекут десантники.

Я не решался. Тогда Фиалка неожиданно столкнул ме-

ня в реку, сам прыгнул вслед за мной. Я беспомощно барахтался, готовый закричать в голос. Когда тонешь, тут уж не до того, свои рядом или чужие. Фиалка подхватил меня, мучаясь и сопя, приговаривая:

— Только тихо, смотри, тихо, братец... смелее работай руками и ногами... Я и сам пловец не очень, но тебя не брошу, не бойсь...

Еле живой от страха и холода — ночь оказалась не полетному прохладной, — я с помощью товарища выкарабкался на берег. Стуча зубами, выжимая одежду, вслух только сетовал, что не течет никакая река возле моих Чардахлов, и клял себя за то, что не удосужился в мирное время хоть один отпуск провести у моря — все недосуг да недосуг...

В ту ночь я не очень представлял себе, сколько еще водных преград предстоит мне преодолеть за годы военной страды...

127-й стрелковой дивизией командовал полковник А. З. Акименко. Я знал его еще тогда, когда он был командиром 34-го стрелкового корпуса, перед расформированием стрелковых корпусов. Храбрый был человек, но несколько резковатый. Однажды накричал на меня за показавшийся ему преувеличенно критическим мой доклад командованию о действиях некоторых частей его корпуса. Встретил он нас настороженно.

— Ну вот что, товарищи штабисты, — не без ехидства закончил он свое напутствие, — езжайте в свои полки прямо сейчас. И помните, что тут не донесения писать, а воевать надо. Поглядим, что вы в этом деле кумекаете.

Я было вспыхнул от этого выражения, но Фиалка и здесь меня спас — ткнул локтем в бок: молчи, мол, не рыпайся.

Это не ускользнуло от цепкого взгляда Акименко.

— Что ж, майор Бабаджанян, за вами остается возможность доказать, что кумекаете. А на лексикон не обижайтесь. Мы окопники...

395-м полком, куда я был назначен, временно командовал начальник штаба И. В. Артюх. Я с ним встречался еще в двадцатых числах июля под Смоленском, когда ди-

визия вела тяжелые бои на западном берегу Днепра. Толковый, дельный, немногословный... Я был очень рад, что именно такой будет у нас начштаба. Комиссаром полка был Н. И. Пивоваров. С ним я познакомился только что, но было ощущение, что знаем друг друга давно.

Когда наступила ночь, дивизия начала отход на левый берег Днепра. Противник бешено обстреливал переправу. Увы, нашлось немало бойцов, которые, как и новый командир полка, не умели плавать.

Организовав переправу всего личного состава, в воду полезли и мы с Артюхом и Пивоваровым. Пивоваров по первым моим движениям понял, что меня надо выручать. Незаметно для себя я оказался на другом берегу и констатировал: в течение суток дважды испытал свои плавательные способности, я уже имел кое-какие успехи. Впрочем, констатировал я это про себя, не совсем уверенный в том, что Артюх и Пивоваров тоже придут к такому выводу, не зная, с чем сравнивать. «Где Фиалка?» — подумал я. Каково ему досталось сегодня, моему первому учителю плавания, моему первому спасителю... На войне много нелегких для человека законов, но есть и невероятно высокий в своем благородстве: сам погибай, а товарища выручай...

Помню, в 1946-м при зачислении в Академию Генерального штаба начальник политотдела, покойный генерал-майор Заблицын, рассматривая мой партбилет, обратил внимание на неопрятный вид ряда страниц — расплылись чернильные записи об уплате членских взносов.

— Партбилет у вас в безобразном состоянии. Нехорошо. Отчего чернила расплылись?

— Купался.

— Что это еще значит?

— Значит: учился плавать, а по правде говоря, тонул. И однажды был спасен друзьями, товарищ генерал.

— Тогда-то вам, наверное, было не до шуток, — проворчал Заблицын, но тут же заинтересованно потребовал: — Извольте доложить подробно, как и кто вас спасал. А то, что с партбилетом, видно, никогда не расстаетесь, за это хвалю.

Войне, невиданной по своим масштабам, уже два месяца. Теория блицкрига неожиданно для своих авторов на глазах всего мира стала давать заметные трещины. В невыгодных условиях начального периода войны наши войска, несмотря на ряд очевидных неудач, нанесли неожиданный урон немецкой теории «молниеносной войны», затормозили победный марш фашистских танковых полчищ.

Браухич, Главнокомандующий германских сухопутных войск, записал в своем дневнике в июле 1941-го: «Не может быть и речи о дальнейшем стремительном продвижении танков на восток... Русские дерутся не так, как французы: они нечувствительны на флангах. Поэтому, — делает вывод гитлеровский генерал-фельдмаршал, — основным является не овладение пространством, а уничтожение сил русских»¹.

Не отстает от своего коллеги и генерал-фельдмаршал Клейст: «Русские стали первоклассными солдатами, как только накопили опыт. Они дрались упорно, отличались исключительной выносливостью».

Приведу еще одно высказывание — генерала К. Типпельскирха: «Убедительным было упорство противника... Это был противник со стальной волей... но и не без знания оперативного искусства»².

Блицкриг терпел фиаско и в глазах тех, кто еще совсем недавно, ослепленный мощью гитлеровского наскока, пел отходную Советам. На третий день войны американский конгрессмен Мартин Дейс вещал с трибуны конгресса: «Гитлер через тридцать дней уложит Россию на обе лопатки». Ему вторили американские газетные трубадуры: «Для того чтобы красные смогли спастись от катастрофы, в течение очень короткого времени должно последовать гораздо большее чудо, чем это было когда-либо со времен написания Библии» («Нью-Йорк пост»). «Россия приговорена к смерти» («Нью-Йорк джорнэл америкэн»).

¹ Цит. по: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., 1968. С. 235.

² Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Пер. с нем. М., 1956. С. 180.

Но уже в августе Гитлер вынужден был признаться своему генералитету, что для него сюрпризом явились советские танки. Но этого мало. «Немцы с негодованием увидели, что русские ведут себя совсем иначе, чем французы на Западном театре военных действий, — свидетельствует американский военный корреспондент Джозеф Григ. — Когда немцы окружали их, они дрались до последнего человека и убивали столько немцев, сколько могли».

И хотя в руках противника уже часть Украины, вся Молдавия, Белоруссия, хотя геббельсовская пропаганда захлеб кричит, что «победоносные войска» рейха прошли две трети расстояния от Варшавы до Москвы, в самом гитлеровском стане отнюдь не спокойно — всем видно, что ставка на блицкриг оказывается авантюрой, впереди русская зима. И ассоциации — теперь уже иного порядка, хотя и на ту же тему: о Наполеоне, — невольно возникают в воображении гитлеровских заправил. 30 июля Гитлер вынужден издать приказ о переходе основных сил группы армий «Центр» к обороне.

«Гитлер... подчеркнул, — пишет Гудериан в своих «Воспоминаниях», — что сырьевые ресурсы и продовольствие Украины являются жизненно необходимыми для продолжения войны... Мои генералы ничего не понимают в военной экономике».

Им казалось, что захват Москвы, столицы, означал бы фактическое завершение войны. Но фашистские стратеги вынуждены пересмотреть свои планы по овладению Москвой и в августе поворачивают часть сил группы армий «Центр» в южном направлении, на Киев. Немецкая «Франкфуртер цейтунг» признается: «Психологический паралич, который обычно следовал за молниеносными германскими прорывами на Западе, не наблюдается в такой степени на Востоке... в большинстве случаев противник не только не теряет способности к действию, но, в свою очередь, пытается охватить германские клещи»¹.

Итак, идея «молниеносной войны» постепенно оказы-

¹ Цит. по: Фулер Дж. Ф. С. Вторая мировая война 1939—1945 гг. Пер. с англ. М., 1956. С. 161.

валась блефом, приходилось брать в расчет сырьевые ресурсы Украины, чтоб выдержать длительную войну.

Но одновременно развеивались и другие, тоже оказавшиеся несостоятельными военные теории — «малых армий», «воздушных войн», главенствующей роли танков и авиации в современной войне, которые будто бы способны решать ход и исход войны без взаимодействия с другими родами войск. И хотя далека еще наша победа, но уже первые месяцы войны приносили доказательства справедливости советской военной доктрины — решающую роль наряду с подготовкой армии, ее техникой и вооружением играют морально-боевые качества солдат, уровень военно-политического руководства.

Таков был один из первых уроков войны.

Однако наступательные возможности врага далеко не исчерпаны, и угроза смертельной опасности все еще висит над страной. Кое-кто на Западе молчаливо потворствует Гитлеру, соглашаясь, что само существование страны социализма — угроза капиталистическому строю.

Дивизия полковника А. З. Акименко заняла оборону на восточном берегу реки Ужа. Здесь же находился и 875-й стрелковый полк под командованием подполковника М. И. Добровольского.

Чтоб не привлекать внимания противника, оборонительные работы производили ночью. Днем в небе по-прежнему свирепствовали «мессершмитты», «юнкерсы» и «хейнкели». Чутьочку стало веселее на душе, когда навстречу им устремились наши «яки» и «миги». Помню, на КП у меня вдруг раздался телефонный звонок:

— Здорово, сосед. У тебя «на кухне» случайно рации свободной нет? Хочу, понимаешь, с небом связаться, поприветствовать наших летунов, давненько не видали их... Как кто говорит? Не узнал соседа? Подполковник Добровольский, это... тьфу, Шестнадцатый я, совсем забыл.

— Вот погоди, Шестнадцатый, услышит Первый, он тебе выплет «рацию»!

Первый, командир дивизии Акименко, действительно вскоре приехал. Он частенько наезжал в полки ко мне и к

Фиалке, стремясь, видимо, получить доказательства, «кумекаем» ли мы, бывшие штабисты, в боевых делах.

— Кумекаете, — удовлетворенно констатировал он, приехав в последний раз.

Уходя, не отказал себе в удовольствии прибавить:

— Надеюсь, сейчас, Бабаджанян, ты не обижен на наш лексикон? Окопники мы, — закончил он как ни в чем не бывало.

— «Окопники» — это он для красного словца, — сказал Пивоваров после ухода Акименко. — Ты не верь в эту грубость, показная она у него. Знаешь, есть такие люди: им кажется, что мужество и мужиковатость — тождество. На самом деле я-то Акименко понял, он душой болеет за тебя, за меня, за всех. Это такой...

Пивоваров понял. Он мастер был понимать, я — нет. Но, наверное, потому именно он был комиссаром, а я строевым командиром. И учился у него постижению этой науки понимать, понимать человека. Без ложной скромности скажу, что, наверное, политработники потому и дружили со мной, что замечали мое прилежание в постижении этой науки.

В конце августа, когда готовился контрудар под Ельней, передавая нашему полку, подкрепленному еще одним батальоном, приказ временно перейти в распоряжение соседей, 102-й танковой дивизии, полковник Акименко в завершение обронил: «Возвращайтесь со славой, без славы мы вас назад не примем».

Наутро мы с комиссаром Пивоваровым прибыли в распоряжение командира 102-й полковника И. Д. Илларионова. Сверив наши карты, вычертив красную стрелку и твердо заострив ее конец, командир 102-й отшвырнул карандаш.

— Наступать не-мед-лен-но... Ясно?

— Ясно. Но разрешите доложить: немедленно не могу.

— Это еще что такое?! — грозно переспросил комдив.

— Полк на марше — в пятнадцати-двадцати километрах от переднего края. Для выхода на рубеж требуется не менее четырех-пяти часов.

— Майор, вы плохо начинаете, каково кончите?

Обратился к начальнику штаба:

— Полк усилить танковым батальоном, четырьмя арtdивизионами.

Повернулся вновь ко мне:

— Марш сократить вдвое.

Снова повернулся к кому-то:

— Начальник разведки! Проверить точность выполнения приказа. Все свободны. Выполняйте приказ!

Легко сказать: выполняйте приказ. Люди придут еле живые после такой бешеной гонки и не успеют даже поесть.

Мы шли с Пивоваровым, угрюмо опустив голову. Нас нагнал начальник разведки, которому был поручен контроль за нами. Чувствуя крайнюю неловкость от поставленной ему задачи, этот майор, как бы извиняясь за своего начальника, произнес:

— Вы, товарищи... не очень огорчайтесь. Мы в штабе к нему уже приладились. Наш командир строгий, но храбр до дерзости, и обстановка сложная. Начальник штаба дал мне распоряжение сделать все, чтоб неоправданных действий не было. Не беспокойтесь, — смущенно улыбаясь, закончил он, — я буду информировать начальство соответственно.

Мы с Пивоваровым молча пожали руку нашему ново-явленному другу.

Наступление мы подготовили тщательно. В намеченный час артиллерия, танки, пулеметы открыли ураганный огонь по огневым точкам противника. Затем рванулась в наступление наша пехота, теперь уже легко преодолевая слабенькое сопротивление редких сохранившихся огневых точек врага. А затем ринулись вперед те восемь танков, которые придал нам комдив 102-й. Но после той подготовки, что мы провели, восемь КВ — уже серьезная сила.

Оборона противника прорвана, советские войска ворвались и полностью закрепились в городе Ельня.

— Молодец, победителей не судят, — сказал, отпуская мои «грехи», прибывший сюда командир 102-й полковник И. Д. Илларионов.

Всегда был мне не по душе этот афоризм древних. И кажется, не я первый беру на себя смелость опровергать его. Победителей судят. Судят дважды: современники — однополчане тех, кто полег; история, которая в назидание тем, для которых цель оправдывает средства, сохранила воспоминания о пирровой победе. Но первый суд, суд однополчан, может быть, самый суровый, ибо он требует ответа за человеческие жизни. Тот, кому они доверены, имеет право рисковать и жертвовать ими гораздо меньше, чем своей собственной. И потому обязан всегда, и при всех обстоятельствах, и во имя любой цели руководствоваться единственной мыслью: а все ли я сделал, чтобы избежать этих жертв? Мне, военному, кажется, что это непреложное требование, ибо оно вытекает из нашей, коммунистической морали.

Под Ельней советскими войсками была проведена одна из первых успешных наступательных операций и враг понес чувствительные потери. Немцы вынуждены были отвести отсюда ослабленные две танковые, одну моторизованную и семь пехотных дивизий.

Бои за Ельню навсегда останутся в моей памяти. В дни двадцатипятилетия Победы, в 1970 году, ельнинцы удостоили меня, как командира сводного отряда, в числе других войск освободившего Ельню от фашистской нечисти, звания почетного гражданина этого древнего русского города.

К 8 сентября опасный ельнинский выступ был ликвидирован. Мы снова вернулись в свою родную 127-ю...

Верхом едем с Н. И. Пивоваровым вслед за головным батальоном нашего 395-го полка. Впереди на горизонте замаячили силуэты двух всадников. Один из них энергично машет фуражкой. Узнаем начальника политотдела дивизии батальонного комиссара Е. И. Сорокина.

Подъехав, он потребовал:

— Остановите движение колонны. Получен приказ наркома обороны — надо огласить всему личному составу. И вас поздравляю: нынче вы — гвардейцы!

Недоуменно мы смотрели на радостное выражение лица Сорокина.

— Да, да, братцы, это я буквально говорю — гвардейцы. Родилась советская гвардия! Вот приказ. Кто из вас его будет оглашать?

— Ну это все-таки лучше сделает комиссар полка. Давай, Николай Игнатьевич, действуй! — сказал я Пивоварову. — А я сейчас остановлю движение. Сто-ой!..

Через несколько минут полк уже был выстроен прямоугольником в небольшой рощице.

— Смирно! Слушай приказ Народного комиссара обороны!

Пивоваров выступил вперед и четким голосом начал:

— «Приказ Народного комиссара обороны СССР № 308, 18 сентября 1941 года, город Москва. О переименовании 100, 127, 153 и 161-й стрелковых дивизий соответственно в 1, 2, 3, 4-ю гвардейские дивизии.

В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против немецко-фашистской Германии 100, 127, 153, 161-я стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас...»

Пивоваров закончил. В молчании застыл строй. Прерывающимся от волнения голосом Пивоваров спросил:

— Дорогие друзья! Содержание приказа наркома понятно?

— Товарищ комиссар! — послышался голос сержанта Стуканева. — Можно попросить: прочитайте еще раз.

Когда Пивоваров повторил текст, раздался общий, как по команде, хотя никто ее не подавал, крик «ур-ра!».

Ликование было безмерным. Гордое слово «гвардия» вдохновляло на подвиг, вселяло уверенность в безусловность грядущей победы над врагом, в силу Красной Армии, в незыблемость советского строя. Свидетельство тому — поток заявлений в партию и комсомол. Пожалуй, никогда еще наше партбюро не разбирало такого количества заявлений.

...Короткая передышка между боями. С Пивоваровым

присутствуем на заседании партбюро. Проходит оно в подвале полуразрушенного дома. Внезапно открывается дверь, на пороге вырастает коренастая фигура сержанта Прохоренко.

— Можно до вас?

— У тебя что-нибудь срочное, Прохоренко? Заседание у нас.

— Та я ж прийшов для того же. Ну як, можно пройти до вас?

— Коли так, — отвечал секретарь партбюро, — проходи, Прохоренко, садись.

— Спасибо. Ось и бумаги мои. — Он положил на ящик перед секретарем сложенные вчетверо листы.

— Ага, заявление... рекомендации. Что ж, товарищи члены бюро, рассмотрим заявление Прохоренко?

Присутствующие одобрительно закивали.

На все вопросы Прохоренко отвечал бойко и как бы давая понять, что готов отвечать на новые вопросы. Все время добавляя: «Та це я вже знаю!»

— Вроде как все на свете знаешь, — придирчиво пробурчал присутствовавший старшина Капустин. — А скажи нам... Программу партии знаешь?

— Программу? — переспросил Прохоренко. — А як же. Программу я дюже добре разумию.

— Так, — поддержал его старший политрук Якубов. — В чем же основная суть Программы нашей партии?

Прохоренко встал, вытянулся по стойке «смирно» и торжественно отрапортовал:

— Товарищи! Вы уси знаете, шо вчора из своего пулемету я убив шестнадцать фашистов. Их усих, гадов, треба изничтожить. Назад ни шагу. О це вам и Программа нашей партии!

Присутствующие широко заулыбались, оживленно заговорили.

Сержант Прохоренко был единогласно принят кандидатом в члены ВКП(б). В ближайшем же бою он показал, как реализует свою «программу», — на его счету появились новые десятки уничтоженных фашистов.

И все же фашистские полчища продвигаются вперед. Еще в августе Гитлер после долгих споров со своим генералитетом принял решение о временном переносе основных усилий с московского направления на южное, киевское.

Нельзя здесь, кстати, не отметить нелогичность современных фальсификаторов истории по поводу того, что это была, мол, «роковая» ошибка Гитлера, и, внемли он тогда Браухичу, настаивавшему на продолжении наступления на Москву, война была бы выиграна Германией.

Обратимся к фактам. Немцы создали опасную ситуацию на Юго-Западном направлении. Будет объективным, если отметим, что действия Брянского фронта оказались недостаточно эффективными, 2-я танковая группа немцев пробилась за Десну, фронт был прорван, группа Гудериана одерживала новые победы. Успех на Южном направлении в тот момент также сопутствовал врагу. Что же «рокового» было в решении Гитлера отложить наступление на Москву и нанести решающий удар там, где, казалось, добиться победы легче?

Для обеспечения левого крыла Брянского фронта на стыке с Юго-Западным фронтом, где создалась чрезвычайно тяжелая обстановка, была создана оперативная группа генерала А. Н. Ермакова, армия которого отличилась впоследствии при обороне Тулы, в битве под Москвой.

А сейчас, в конце сентября, оперативная группа А. Н. Ермакова, в которую была включена и наша дивизия, перебазировалась в район восточнее города Глухова.

Группе было приказано нанести контрудар врагу, а затем стойко оборонять занятые рубежи.

К этому времени танки Гудериана захватили Ямполь, Глухов, Путивль, Конотоп, Бахмач. На участке Глухов, Путивль действовал моторизованный корпус противника, усиленный пехотной дивизией. Оперативная группа генерала А. Н. Ермакова значительно уступала противнику по своей мощности. Она подошла к Глухову, а затем к Путивлю. Большого сделать не удалось.

Здесь мне кажется уместным сказать, что нельзя сме-

шивать контрудар с контрнаступлением. И хотя моему читателю может показаться, что эта военная премудрость сложна и интересна лишь для специалиста, все же попробую, елико возможно, популярно разъяснить эти военно-теоретические тонкости, ибо без представления о них нельзя понять, почему войска оперативной группы А. Н. Ермакова не достигли значительного успеха.

Советская военно-теоретическая школа еще до начала, а затем и в ходе Великой Отечественной со всей четкостью определила грани наступления, контрнаступления, контрудара и контратаки.

Если наступление и контрнаступление предпринимаются для разгрома врага и достижения победы в операции, кампании, в войне в целом, то контрудар и контратака — функции обороны.

Оборона, в свою очередь, бывает стратегическая, оперативная, тактическая. В начале войны Советские Вооруженные Силы вынуждены были осуществлять оборону по всему фронту — стратегическую оборону. Да, это была мера временная — для подготовки к будущему наступлению.

При ведении стратегической обороны в крайне тяжелой сложившейся обстановке мы кое-где позволяли себе перейти в контрнаступление, но только при наличии вполне благоприятных условий. Так было под Тихвином, под Ростовом, так было, наконец, в конце осени 41-го под Москвой.

Другое дело контрудар или контратака (в зависимости от количества войск, участвующих в сражении). Эти меры предпринимаются в системе оперативной или тактической обороны, когда в систему обороны прорывается противник, чтобы его отбросить и восстановить существовавшее положение. Но контрудары и контратаки тоже предпринимаются лишь при мощной поддержке артиллерии, авиации, танков. Более того, приводят к успеху в том лишь случае, если на узком участке фронта создается превосходство своих сил над силами противника.

На участке же оперативной группы А. Н. Ермакова не сложилось благоприятного соотношения сил.

Противник бросил в бой много танков, одним ударом рассек боевые порядки нашей пехоты, разобшил их на многочисленные отдельные группки, на севере вышел к реке Клевень, на юге, в районе Чернева, прижал к реке полки 2-й гвардейской стрелковой дивизии.

Неся потери, особенно от авиации противника (нашей авиации и зенитных средств почти не было), наши дивизии вынуждены были с тяжелыми боями отойти на восточный берег реки Клевень. На западном берегу, в районе Чернева, отстаивая крошечный участок в два километра, остался, теряя сотни людей, наш 395-й полк, в который влились отошедшие из района Путивля остатки двух батальонов 875-го полка.

Противник простреливал наш крохотный плацдарм насквозь. В батальонах оставалось по сто — сто двадцать активных штыков. Дрались все, даже солдаты хозяйственных подразделений.

Командир дивизии А. З. Акименко, уже генерал в то время, требует по телефону:

— Доложите, где находитесь.

— На своем командном пункте, товарищ генерал.

— Это понимаю сам. А где ваш командный пункт?

— На кладбище, товарищ генерал.

— Худые шутки, Бабаджанян.

— Никак нет, товарищ генерал, не шучу, действительно на кладбище села Чернева.

— Гм... Меня информировали, что вы намереваетесь к ночи отступить на восточный берег.

— Да, действительно просил начопера дивизии передать вам об этом мою просьбу: много раненых, мало боеприпасов, противотанковых средств. Надо спасти оставшихся людей.

— Ни шагу назад. Стоять насмерть.

— Ясно, товарищ генерал. Других просьб не имею.

Трубка долго молчала, потом раздалось покашливание. Наконец Акименко произнес:

— Ну пойми же, дружок, видимо, так нужно. Я ничего изменить не могу.

Ко мне в блиндаж неожиданно вваливаются двое. Я ахнул: майор П. Я. Фиалка, весь в крови, и его ординарец.

— Вот, тащит, — как бы оправдываясь, проговорил П. Я. Фиалка. — Як бы я ему куль, чи шо...

— Ранен чуть повыше сердца, — докладывал ординарец. — Я их в госпиталь тащу, а они сопротивляются. Скажите им вы, товарищ майор, — умоляюще просит солдат.

— Да ну тебя, привязался, — ворчит ему в ответ Фиалка, а сам на ногах не стоит, обессиленно опускается на землю.

— Вот что, Петр Яковлевич, тогда на переправе ты меня не слушал, спасти хотел. Теперь я тебя слушать не буду... Веди в госпиталь, — приказал я ординарцу. — Будет сопротивляться, свяжи.

— Ну ты не очень-то командуй моими хлопцами, — слабо возражает Фиалка.

— Петр Яковлевич, ты же пойми, твое место, по самому-самому честному, сейчас в госпитале.

«Пусть отлежится в госпитале, — подумал я, — авось выживет в этом аду».

А бой с каждой минутой становился все ожесточеннее. Доносят: танки противника прорвали наш правый фланг.

— Командир, я туда! — крикнул комиссар Пивоваров и уполз по ходам сообщения, остановить его я уже не мог.

Там, на правом фланге, неравный бой вели пулеметчики лейтенанта Н. А. Василяна. Убили командира расчета, ранили пулеметчика. Василян ложится к пулемету, рядом, не говоря ни слова, Пивоваров. Пехота противника бежит.

Бывшего бакинца, ныне инженера одного из крупнейших ереванских заводов, Николая Арташесовича Василяна я встретил после войны. Мы снова вспомнили тот бой.

Пивоваров подает и подает ленту.

И вдруг Василян чувствует, что Пивоварова нет. Пивоваров убит.

Нет комиссара Пивоварова, я не знаю утраты горше. На войне горька любая утрата. Но каждая в тот момент, когда она постигает тебя, кажется горше всех. Нет Пиво-

варова, нет друга и спасителя. Нет человека, который в первую же встречу показался знакомым всю жизнь. «Командир, — любил он говорить, — ты думай о том, как полку достигать победы в бою, остальное доверь мне — дисциплину, сознательность, снабжение... Не подведу».

Он не подводил. Он был из славной когорты старых кадровых комиссаров Красной Армии. Это о таких, как он, наверное, впервые кто-то сказал: душа полка...

Весь следующий день, несмотря на все хлопоты, я не мог заставить себя забыть хоть на минуту о Пивоварове.

«...Командир, можешь верить, не подведу», — не шли из памяти его слова, его интонации.

Сам того не замечая, я забрел во второй батальон. Улегся к станковому пулемету и короткими очередями обстреливал немецкую пехоту — нужно было дать выход потребности вот так, буквально физически, отомстить за Пивоварова.

Еще очередь, еще... Кто-то за моей спиной всунулся в окоп, тяжело дышит. Не отрываясь от пулемета, спрашиваю:

— Кто там еще?

— Товарищ командир, разрешите обратиться.

— А после не сможете? Тоже нашли время! — отвечаю в сердцах, не оборачиваясь. .

— Разрешите доложить. Вновь назначенный комиссаром вверенного вам полка старший политрук Скирдо прибыл для прохождения службы.

Кто-кто? Что-то очень знакомая фамилия. Оборачиваюсь. Передо мной молодой человек со шпалой на петлице.

— Повторите, как ваша фамилия?

— Скирдо.

— Митрофан Павлович?

— Да, — растерянно отвечает старший политрук. — А вам разве уже обо мне докладывали?

— Нет еще.

— Откуда же...

— Откуда знаю вас по имени и по батюшке? У меня пока память хорошая. Ведь это вы дней за пять до начала

войны, читая лекцию о международном положении, заявили во всеуслышание: «В случае расширения орбиты мировой войны наш враг номер один — Германия»?

— Я...

Впоследствии война раскидала нас с М. П. Скирдо по разным фронтам, но, видно, суждено нам было встречаться неожиданным образом. Вскоре после окончания войны в Москве, в толчее самого оживленного перекрестка, я вдруг нос к носу столкнулся с полковником М. П. Скирдо — впоследствии профессором Академии Генерального штаба, доктором философских наук. Труды его, посвященные отражению борьбы материализма и идеализма в истории развития военно-теоретической мысли, о роли народных масс и личности в современной войне широко известны в кругах военных ученых...

Ночь прошла относительно спокойно.

С первыми же лучами солнца в небе появились десятки пикирующих бомбардировщиков противника.

За неполный час от Чернева не осталось ровным счетом ничего. Дым и пыль не успели рассеяться, как последовала артиллерийская подготовка. А потом двинулись вражеские танки и пехота.

Казалось, такой удар невозможно выдержать. Связь с дивизией потеряна, помощи ждать неоткуда. Выдержат ли нервы бойцов?

Выдерживают. Батарея старшего лейтенанта И. Ф. Зыбина, перед тем как погибнуть, успела уничтожить тридцать фашистских танков. Бутылками с горючей смесью подожгли по два-три танка сержанты Калининченко, Стуканев, красноармеец Слабоданюк, старший лейтенант Близняк.

Ценой больших потерь, бросив в сражение множество новых танков, враг прорвал нашу оборону.

Танки двигались в направлении нашего командного пункта, медленно, опасно, по огородам, подминая под себя стебли кукурузы, коноплю, кустарник, ведя на ходу

огонь из своих пушек и пулеметов. Они постепенно окружали нас.

Калиниченко решительно придвинул к себе противотанковые гранаты.

В тот же момент на плечо ему легла рука Слабоданюка:
— Погоди, сержант, дай-ка я...

Он взял левой рукой у Калиниченко одну из гранат, в другой руке у него была зажата бутылка с горючей смесью.

— Не лезь поперед батьки, — проворчал Калиниченко. И они двинулись оба навстречу танкам. До танков осталось метров тридцать-сорок.

Траншеи замаскированы, танкисты их не замечают. Откинулись люки на двух башнях, высунулись двое в черных шлемах. Старший лейтенант Близнюк бьет по ним из пистолета, его поддерживает из автомата сержант Стукачев. Мертвые тела немецких танкистов проваливаются в люк.

Но траншея демаскирована, и вражеские танки, резко заскрежедав гусеницами, ползут в нашу сторону. Однако к ним уже приблизились Калиниченко и Слабоданюк — летят бутылки и гранаты, две машины вспыхивают, остальные, отстреливаясь, пятятся назад. Новая волна танков. И снова бой. Смертельный бой.

— Знай наших, знай гвардейцев! — кричит в иступлении Слабоданюк, швыряя навстречу черной машине очередную гранату. — Стоим насмерть!

— Врешь, гад, не пройдешь... — вторит ему Калиниченко. А сам уже еле губами шевелит, испекшимися, закусанными до кровоподтеков. Видно, ранен, но даже перевязку сделать некогда.

Вечером мы все-таки получили команду отойти на восточный берег реки Клевень. Под прикрытием дыма и темноты через широкую болотистую пойму остатки полков перебрались на другой берег. Там нас поджидал генерал Акименко. Подошел ко мне, обнял, поцеловал.

— Спасибо.

— Вот все, что осталось от гвардейского полка, товарищ генерал, — обвел я рукой редкие шеренги бойцов.

— Полк дрался геройски, со славой.

— Но Пивоварова-то больше нет...

Акименко обеими руками сжал мои руки.

3 октября Орел пал. Создалась угроза Курску. Наша дивизия была отведена для обороны этого города. Командование понимало, что бои на этом направлении играют немаловажную роль в новом наступлении противника на Москву. Как известно, этот замысел врага, которому он дал помпезное кодовое наименование «Тайфун», оказался порочен и потерпел позорный крах, с которого начался закат военной славы вермахта. Но не стану забегать вперед, отмечу только, что, сознавая ответственность за обороняемый под Курском рубеж, советские войска дралась с удвоенной силой, большое участие в оборонительных мероприятиях принимало гражданское население Курска. Энтузиазм защитников города был так велик, что казалось, ни за что не быть Курску в руках неприятеля. Но врагу удалось обойти город с севера и юга и лишь тем заставить защитников Курска оставить его.

В ноябре бои шли в районе города Тим, причем успешные оборонительные бои, когда части дивизии, переходя в контратаки, сковали продвижение врага и заставили его перейти к обороне.

Ударили первые морозы, сковали действия и наших, и войск противника. Участились случаи, когда подразделения, коченея от холода на открытых местах, чтоб согреться, врываются в небольшие деревеньки и села, выколачивали оттуда немцев и блаженствовали у русских печей, которые обрадованное население ради такого праздника — возвращения своих — готово было раскалить докрасна.

— Замерзают люди, — сказал мне однажды мой новый комиссар Скирдо.

Я понял, на что он намекает.

— А что, политруководитель не боится, что нас обвинят в партизанщине?

— Обвинят, — невозмутимо подтвердил Скирдо.

— Так что же делать?

— Люди мерзнут, командир.

— Ладно, комиссар, возьму на себя, — сказал я. — Обвинений начальства в партизанщине я, кажется, меньше опасаясь, чем твоих — в бессердечии, антигуманизме и... чего еще там придумаешь...

С небольшой группой солдат мы со Скирдо ночью ворвались в небольшое селцо Чумаково. Там был гарнизон — человек двести. Большинство мы перебили, а остальные через несколько часов явились сами добровольно в плен: холод заставил.

В теплых хатах мы коротали остаток ночи. Но недолго было наше блаженство — ранним утром нас со Скирдо потребовал к себе комдив Акименко.

— Ты, командир... не очень-то бери на себя, — проговорил Скирдо, — мне отвечать, как политработнику, ведь это я и подбил тебя...

— Ладно, ладно. Тоже самоотверженный какой отыскался, — отмахнулся я.

В избе комдива было тепло, сидело много незнакомых людей.

— Вот, позвольте вам представить моих ночных героев, — обращаясь к незнакомцам, сказал ворчливо Акименко. — Уж и не знаю, что с ними делать — под трибунал отдать, что ли, за партизанщину?

Скирдо, отодвинув меня, выступил вперед:

— Товарищ генерал, мы истребили целый батальон, захватили село, и за это нас под трибунал?

— Да ты, дурья голова... Простите, — генерал повернулся к женщине в военной форме, — лексикон у нас тут, знаете... Окопники мы...

И, уже обращаясь ко мне, продолжал:

— Не за то наказывать вас надо, что село захватили, а за то, что командир полка да плюс еще комиссар во главе батальона лезут в самое пекло. А не ровен час угодили бы в плен комполка и комиссар — что тогда?

Мы молчали, понутив головы.

— Знаете, как это называется? — продолжал Акименко. — Легкомыслие и... и... мальчишество, вот как это называется.

— Простите, товарищ генерал, что я вмешиваюсь, — сказала женщина со шпалами на петлицах, — но мне кажется, что можно подобрать еще и другие синонимы. Например: дерзость, удаль... ну... решимость, что ли...

— Ванда Львовна делает явные успехи в русском языке, — сказал другой военный, тоже в довольно высоком чине.

— Будет хорошо, если генерал представит нас своим смельчакам, — сказала женщина.

— «Смельчакам»... — проворчал Акименко. — Ну, идите, «смельчаки», знакомиться. К нам в гости писатели приехали, героев ищут, в «Правде» описать, вы тут вроде и некстати оказались.

Нам протягивали руки с трех сторон.

— Ванда Василевская.

— Микола Бажан.

— Александр Корнейчук.

А генерал не унимался:

— Вы, товарищи писатели, вон сколько синонимов им понадавали, а я вот сейчас про них такое расскажу — убедитесь, что мой окопный лексикон самый точный: легкомыслие это. И еще фокусничество. Вот возьмите его, например. — Он ткнул пальцем в мою сторону. — Думает, я не знаю, какой фокус он учудил третьего дня в наших тылах. И хоть он и сами пострадавшие обещали держать все в тайне, мне все-таки об этом доложили.

И Акименко стал рассказывать. Он так рассказывал, что, хотя я и уверен, многие давно забыли, как он это делал, и мне уже не грозит опасность выглядеть не очень пристойно в глазах читателей, лучше этот случай перескажу я сам.

В тот день поздним вечером вызвали меня в штаб по каким-то вопросам, видимо, не очень срочным. На дворе тьма, идет колючий мелкий снег, дороги замело. И за каким чертом надо мне в такую погоду мчаться в штаб, да еще

по вопросам какого-нибудь фуражного снабжения! Клянусь тыловикив последними словами.

Путь был долг — коня, и то загнал. Приезжаю, вхожу по темной каменной лестнице в станционное строение. Тьма кромешная, двигаюсь по коридору ощупью. Наконец вижу щелочку, из которой выбивается тоненький лучик света.

Приоткрыл эту дверь и вижу такую картину: четверо сидят за столом. Светит им керосиновая лампочка, в железной печурке дрова потрескивают по-домашнему. И все четверо... забивают «козла».

Ну, проняло тут меня. Распахнул дверь, влетел — весь в снегу, из-под подшлемника только глаза видны. Кричу, подделываясь под немца: «Хенде хох!»

В руке плетка кавалерийская, замахнулся ею...

Теперь понимаю — хоть кто на их месте испугался бы в тот момент. Бывали случаи, когда в поисках теплых мест немецкие отдельные группы врывались в населенные пункты, где расквартировывались наши части.

Мое счастье, что никто из «пленных» мной не выхватил пистолет и не уколошил незваного пришельца, а то кто бы теперь написал эти воспоминания!..

Как подумал об этом в тот момент, тут же подшлемник сдернул с себя. Вдоволь насладился их растерянностью и смущением, но пообещал никому о случившемся не рассказывать.

Так по сей день остается для меня тайной, кто же поведал обо всем комдиву, даже не остановившись перед опасностью быть оконфуженным на всю жизнь...

Рассказывает все это комдив гостям, сердито рассказывает, а они хохочут.

Видит комдив, что суровость его не производит впечатления на писателей, и сам уж улыбается. И уже смеемся мы все, вдосталь давая разрядку своим нервам, напряженным до предела в те трудные дни.

Но всеобщий смех перекрывает чей-то могучий бас — здесь, оказывается, еще и командир 875-го гвардейского стрелкового полка подполковник М. И. Добровольский:

— Товарищ генерал, коль пришли Бабаджанян и Скирдо, я, наверное, уже не нужен товарищам писателям.

— Мы уважаем вашу скромность, товарищ Добровольский, — сказал кто-то из гостей, — но вы нам так и не поведали о, так сказать, лично ваших героических делах.

Добровольский слыл у нас в дивизии человеком неистребимого балагурства, и невозможно было предвидеть, какое очередное коленце он сейчас выкинет. Но тут Добровольский смешался. Однако сказал, старательно пряча ухмылку:

— Товарищ комдив, разрешите мне отбыть, меня ждет полк, мне надо его вести в атаку.

Щелкнул шпорами, отвесил поклон гостям, вскочил у крыльца на своего коня и, чтоб видели в окно, картинно выхватил шашку, рывкнул, словно действительно перед ним рыли копытом кони его эскадронов:

— Полк! В атаку! За мной! — Только снежный вихрь от него остался.

Статья в «Правде» действительно появилась. Переоценив наши боевые заслуги — если судить по количеству эпитетов, отведенных нам, — Бажан, Василевская и Корнейчук рассказали в ней о том, что под деревней Выползово полк Добровольского при помощи и моего полка, зашедшего к немцам в тыл, полностью уничтожил пехотный полк противника...

Конечно же, ни о шашке Добровольского, ни о том, как я покуражился над беднягами тыловиками, в ней не было ни слова...

Аппетит приходит во время еды.

— Послушай, Митрофан Павлович, — сказал я как-то Скирдо, — тут идея одна есть... Сам бы принял в ней участие, если б не боялся Акименко.

— Гнева Акименко ты, похоже, больше немца боишься, — рассмеялся Скирдо. — А что за идея?

— Разведчики доложили: в селе Синьчуково — штаб немецкого пехотного полка. Чувствуют себя немцы там, как у Христа за пазухой: дескать, до передовой далековато... Улавливаешь?

— Пока только в общих чертах. А дальше? — торопил явно заинтересованный Скирдо.

— Дальше — выделить добровольцев-лыжников — и с богом. Хороший «язык» нужен до зарезу...

— Кому командовать?

— Вот то-то и оно — кому? Заманчиво, но...

— «Но» твоё понимаю... Однако и Акименко, сам понимаешь, прав... Может, командиром назначить майора Заброду?

— Идет! Подходящая кандидатура.

Отряд Заброды выступил. Мела пурга, ограничивала видимость. Лыжники, в белых маскхалатах, с помощью двух проводников — местных колхозников — незаметно для противника пробрались в Синьчуково.

Вот и здание школы, где расположился штаб немецкого полка. Группа сержанта Пожидаева — красноармейцы Константинов, Беридзе, Ткаченко — бесшумно сняла часовых и ворвалась внутрь здания. Можно себе представить, каковы были изумление и ужас немецких штабников, вдруг увидевших советских воинов.

Фашисты совершенно не ожидали такого дерзкого налета. Другая наша группа проникла в дом, где ничего не подозревавшие офицеры беспечно играли в карты. Карта их оказалась бита — ни один не ушел живым. Третья группа бутылками с горючей жидкостью подожгла автомашины и танки противника.

В селе началась страшная паника. Перепуганные гитлеровцы выбегали на улицу в одном белье, а из бани — прямо нагишом. И везде их настигала карающая десница советских бойцов.

Особо отличились в этом налете недавно принятые в партию сержанты Прохоренко, Пожидаев. Получил тяжелое ранение лейтенант Ярош. За ранеными ухаживала санинструктор Катя Арепьева, но и сама была ранена.

Выполнив задание, подобрав раненых, захватив пленных, отряд возвратился «домой».

А. З. Акименко, поблагодарив за «языка», долго допытывался, не приняли ли участие в этом рейде мы со Скирдо.

— Что вы, товарищ генерал, я и на лыжах ходить не умею, а пурга, сами видите, какая, — объяснял я.

— Не умеешь? — недоверчиво переспросил Акименко.

— Не умею, — твердо повторил я, впервые не постеснявшись, что это так на самом деле. — Не учили нас в ЗПШ этому. Редко идет на Кавказе снег.

Этот последний довод, кажется, убедил генерала, хотя он проворчал насчет того, что физподготовка личного состава не находится на должной высоте. Увы, он был прав.

После войны мы в военных училищах и в частях уделяем самое серьезное внимание всестороннему физическому развитию будущего командира и бойца. Но каждый юноша, кем бы он ни был сегодня — рабочий или студент, колхозник или старшекласник, — завтра может оказаться воином, защитником Родины. Физическая закалка, любовь к спорту — необходимые качества, которые должна воспитывать в себе молодежь. Гармоническое развитие личности немислимо без настоящей, разумной и обязательной физической подготовки. И то, что в твоём краю река не течет или снег не выпадает, — не убедительное, а с годами грустное оправдание...

Зимой 1941/42 года наша дивизия находилась в составе Юго-Западного фронта. Затем вместе с 3-м гвардейским стрелковым корпусом, в состав которого входила, она передается Южному фронту и сосредоточивается в отбитом у врага Ростове-на-Дону. Командиром корпуса назначается генерал-майор А. З. Акименко, а комдивом полковник К. П. Неверов, которого я знал прежде — он был в нашей дивизии начальником штаба. За глаза мы все звали его не Неверов, а Веров. И в этом сказывалась общая к нему симпатия, которую он завоевал эрудицией, уравновешенностью, недюжинной храбростью.

Прифронтовой Ростов жил по суровым законам — светомаскировка погружала во тьму и Садовую, и Буденновский, и Ворошиловский. Строгие патрули прекращали всякую уличную жизнь после наступления комендантского часа.

Ночью мы начали вывод войск из города, чтобы перегруппировать их наиболее подходящим образом для перехода в наступление.

После успешного освобождения Ростова в конце 1941 года наши войска в марте 1942-го, чтоб освободить Таганрог, предприняли новое наступление. По замыслу командования 3-й гвардейский стрелковый корпус, в который входила наша дивизия, должен был прорвать мощную оборону противника на реке Миус севернее Покровского и, обойдя с севера Таганрог, окружить таганрогскую группировку противника.

Наши военные историки справедливо пишут о том, что осеннее контрнаступление под Ростовом в 1941 году сыграло в сочетании с другими операциями наших войск огромную роль. Мне хочется высказать и некоторые критические замечания по поводу того, как иногда на некоторых оперативных участках готовились наступательные операции. Я имею в виду наступление наших войск в районе Таганрога, наступление на широком фронте, без создания очевидного превосходства над противником на определенных узких участках; отсутствие глубокого эшелонирования своих войск; недостаточность и слабость артиллерийской и авиационной подготовки наступления. И, конечно же, я имею в виду имевшие при этом место тактические недостатки командиров частей.

Расскажу об одном таком случае, за который я клянусь себя по сей день.

В нашем полку долгое время мы готовили снайперов. Их уже было человек шестьдесят, молодых парней, не старше двадцати лет. Глаз острый, рука крепка. У каждого на счету десятки уничтоженных солдат и офицеров противника.

Так вот, этих ребят я собрал и приказал до начала наступления на нашем участке не допустить ни одного передвижения вражеских солдат. Ну, ребятам только того и надо — за день на участке в два километра они загубили десятки фрицев.

Но этого было достаточно, чтобы противнику стало ясно: на данном участке — прибытие новых воинских час-

тей. Это потом подтвердили и пленные. От заслуженной кары за недомыслие меня спасло, пожалуй, только в тот же день начавшееся наступление 56-й армии, которой к этому времени вместо Ф. Н. Ремезова уже командовал генерал-майор В. В. Цыганов.

Атаки пехоты на широком фронте оказались бесплодны — им предшествовал столь слабый артиллерийский налет, что огневые точки противника тотчас же ожили.

В атаку вместе с частями 2-й гвардейской стрелковой дивизии пошли три морские стрелковые бригады, входившие в наш корпус, дружно пошли, геройски — вот уж недаром прозвали их немцы «черной смертью». Но, не поддержанное танками и авиацией, наступление моряков захлебнулось.

Да, прав был А. З. Акименко, когда настаивал на создании глубоко эшелонированных боевых порядков, на сосредоточении корпуса на узком участке прорыва, чтобы возникла более плотная артиллерийская группировка. Генерал Акименко был способным военачальником. Опыт, приобретенный еще в Гражданскую войну, сочетался у него со смелостью мысли, а бесстрашие — с глубоким и трезвым расчетом, основательностью суждений. Жаль, тогда его не послушали...

Три дня длился штурм переднего края противника — и все безрезультатно. Тогда генерал-майор Цыганов бросил в бой танковую бригаду. Теперь уже танки шли в бой без поддержки пехоты и авиации. И хотя они местами вклинились в оборону противника, но вскоре были отброшены, и многие машины уничтожены противотанковыми средствами.

Передают приказ командарма: командирам полков лично возглавить атаку пехотных цепей, любой ценой прорвать оборону противника.

Скирдо, оказавшийся свидетелем разговора командарма с нашим комдивом, позже пересказал мне этот диалог примерно так:

— И не спорь со мной, комдив, мы в Гражданскую

всегда впереди своих полков шли в атаку, личным примером поднимали бойцов.

— Но, товарищ командующий, — пытался возразить ему комдив полковник Неверов, — у нас остались считанные танки; если их бросить сейчас, немцы и их пережгут, с чем останемся?

Приказ есть приказ. Добрался я до передовых рот — там в живых осталось до трети положенного состава. В окопах вода по колено.

А напротив — отличные дзоты, хорошо замаскированные на господствующих высотах. Попробуй сунься. «Нет, — подумал я, — о наступлении не может быть и речи». Этой же ночью дополз обратно на командный пункт дивизии, доложил обо всем комдиву. Выслушав мой доклад, Неверов сказал:

— Хорошо, примем меры.

Было это уже к утру, и утром нас всех вызвали на совещание в штаб армии.

Присутствовали все командиры и комиссары полков. Вел совещание сам командарм.

Генерала Цыганова я видел впервые — в полках он появлялся редко. Говорить начал, преодолев сильную одышку, сидя:

— Собрал вас, братцы, чтоб по душам потолковать. Надо разобраться, отчего наше наступление не получается. Не было такого в Красной Армии, чтоб перед противником спасовать. Деникинцев и то — в «психическую» атаку ходили, в рост, под барабан, в белых перчатках, — били! Был командир перед шеренгой бойцов — орел! Сиваш по грудь в воде преодолели? Преодолели. А тут воды, видишь ли, в траншее по шиколотку, мы и... Ну да что там... А может, у вас к командованию претензии есть — стратегия, дескать, того... хромает? Так вы без стеснения выкладывайте.

Все молчали.

— Ну, кто первым?

Никто не прервал молчания.

— Я ведь сказал, приглашаю высказаться смело, по-

товарищески, без утайки. Ну... вот вы, товарищ. — Он ткнул пальцем в мою сторону.

— Подполковник Бабаджян, — привстал я.

— Давай, подполковник. Кавказцы — народ храбрый.

Я попытался объяснить, в каком состоянии части.

Затем сказал, что, по-моему, надо лучше продумать вопросы поддержки атакующих, взаимодействия, а иначе бесплодные атаки обречены на... Цыганов не дал мне договорить:

— Пораженческие настроения? Не позволю!..

Ничего себе — товарищеское объяснение.

— Значит, ты пораженец, подполковник? Отвечай!

— Ни слова больше, — шепнул мне комиссар нашего корпуса А. С. Павлов.

В комнате установилось гнетущее молчание. Наконец Цыганов, справившись с одышкой, спросил:

— А что скажет комиссар этого полка?

Скирдо ответил медленно и веско:

— У нас с командиром единое мнение.

— Заговор?! — вновь вскипел Цыганов.

— Никакого заговора, товарищ генерал. Вы просили откровенного мнения, мы его высказываем, — ответил Скирдо.

— Та-ак... А кто имеет другое мнение? Прошу, товарищи.

Никто не шевельнулся.

— Пусть скажет командир 875-го полка.

М. И. Добровольский вскочил, лихо шелкнул шпорами. Но молчал.

— Есть у тебя другое мнение — докладывай!

— Никак нет, товарищ командующий.

Продолжать совещание после этого было безрассудно. Цыганов буркнул:

— Командирами полков 2-й дивизии я отдельно займусь, — и отпустил всех...

Распутица под Таганрогом парализовала действия частей 56-й армии. Люди и техника буквально тонули на дорогах. Враг еще осенью 41-го возвел на рубеже реки Миус

мощный оборонительный рубеж высокой плотности противотанковых огневых точек, мог сравнительно небольшими силами отражать удары наших наступающих войск.

Промокшие до нитки, бредем со Скирдо к себе в полк.

— «Пораженец»... Ишь ты... — ворчит Скирдо. — Это про тебя, командир.

— И про тебя, комиссар, — угрюмо парирую я.

— А ты знаешь, что такое «пораженец»?

Молчу. Еще бы не знать...

Наш НП на кургане, а курган посреди голой степи — как на тарелке. И авиация противника нещадно бомбит наши боевые порядки. Особенно надоедает нам немецкий самолет-корректировщик с двойным фюзеляжем, который бойцы с первого дня войны окрестили «рамой». Висит эта «рама», как назойливый комар, над нашим курганом — когда только собьют ее зенитчики!

Ко всему человек привыкает, и к «раме» этой мы привыкли как к неизменной детали нашего фронтового быта — группками, правда небольшими, перемещались с одного участка на другой. Но новому человеку тут должно быть явно не по себе.

После полудня раздался телефонный звонок из штаба полка:

— Алло! Алло! Докладывает капитан Дюжик! — Голос у начальника штаба был явно взволнованный. — Вы слышите меня? К вам вместе с товарищем Скирдо направляется высокое начальство.

— Какое сюда, в такое пекло, начальство?

— Замначальника политуправления фронта.

— А фамилия как? Фамилия — спрашиваю!

— Фамилии не знаю, спрашивать было неудобно, а по званию — бригадный комиссар.

— Уговорите бригадного комиссара отказаться от своего намерения — здесь небезопасно, дорога на НП непрерывно обстреливается артиллерией противника. Если очень нужно — передайте — сам приеду.

— Уже поздно, товарищ подполковник, они в пути.

— А вы сами, сами почему не объяснили бригадному комиссару обстановку?

— Что я! И комиссар Скирдо его не убедил, а уж как старался!

— Ладно, — сказал я и остался сидеть с телефонной трубкой в руке. Если ко мне, подвергая себя смертельной опасности, направляется фронтовое начальство — это не иначе как в связи с совещанием у Цыганова. Назвал же он меня «пораженцем»...

Меряю блиндаж из угла в угол — какие только мысли не лезут в голову. А гостей моих все нет.

Наконец в блиндаже оказываются двое — на каждом сапоге по пуду глины, и сами в глине с головы до пят. Я еле узнал в одном из них Скирдо, значит, второй и есть фронтовое начальство. Я обратился к нему:

— Товарищ бригадный комиссар, разрешите доложить...

— Здравствуйте, здравствуйте, товарищ Бабаджян! — приветливо остановил он меня. — Сейчас все доложите. Только сначала дайте нам с товарищем Скирдо чуточку отдышаться. Извините, даже поздороваться не могу, руки в глине... Ну и местечко себе выбрали — четыре раза пришлось по-пластунски ползти — тренировочка!

Он заразительно рассмеялся, и это показалось мне добрым предзнаменованием.

Ординарец принес полотенце. Бригадный комиссар привел себя в порядок, протянул мне руку, назвался:

— Брежнев. Так как вы тут поживаете? Кое-что я уже знаю — товарищ Скирдо докладывал, да и сам я видел, пока по-пластунски к вам добирался!

Он снова широко улыбнулся.

— Такая прогулочка — школа стратегии. Особенно для таких, как я, — не кадровых военных. — И, поясняя, добавил: — До войны на партработе был. Тут неподалеку — на Украине. А вы, товарищ Бабаджян, из каких краев? Впрочем, догадываюсь, с Кавказа. А если поточнее: Армения? Азербайджан?

— И Армения, и Азербайджан, товарищ бригадный комиссар.

— Сразу? Интересно, интересно, расскажите.

Я стал рассказывать. Подбадриваемый его вопросами и вниманием, я вскоре освободился от первоначальной скованности и от опасения, что предстоит «допрос с пристрастием».

Разговор между тем сам собой перешел на причины неудачного наступления нашей, 56-й армии. Бригадный комиссар стремился получить исчерпывающую информацию о положении дел на миусском рубеже. Разговор наш затягивался.

Доложили, что обед готов. Солдатские щи да кашу наш повар подал в алюминиевых мисках. Я извинился за такой «сервиз».

— Чепуха — сервиз! Кончим войну — будут у нас сервизы из лучшего фарфора. А нынче была бы каша, да вдовсталь. Худо солдату, когда ее мало. Давайте поедим да двинемся на передний край, окопы осмотрим, поговорим с бойцами.

Мы со Скирдо категорически запротестовали: нельзя бригадному комиссару подвергаться такой опасности.

— Вы же подвергаетесь! — возразил он.

— Ну, мы... — отвечал я. — Командир полка вряд ли благополучно дотянет до конца войны...

— Вот это и вовсе зря, — перебил он сурово. — Давайте верить, что все мы трое кончим войну благополучно. А кончится война и приведет судьба — встретимся и вспомним наш разговор. По рукам?

Как мы ни противились, он настоял на своем — отправился в обход окопов переднего края. Возвратившись в блиндаж, снова втянул нас в разговор о положении дел на миусском направлении. Уже то, как он ставил вопросы, не только вызывало на откровенность, но и принуждало нас мыслить творчески, видеть проблему с разных сторон.

Интересы прорыва такой сильной оборонительной линии, какой был миусский рубеж, требовали внимательно-го изучения системы организации обороны противника.

— Может быть, следовало за счет других направлений фронта сосредоточить именно здесь достаточное количество крупной артиллерии, танков, авиации? — спросил бригадный комиссар.

— И уж, во всяком случае, — подхватили мы со Скирдо, — вести наступление, имея вторые эшелоны...

— Правильно, — поддержал нас бригадный комиссар, — вторые эшелоны, готовые поддержать и развить успех...

— А не вытягивать части ниточкой...

— Потому что, где тонко, там и рвется! — одобрительно рассмеялся наш гость.

Когда мы проводили бригадного комиссара, М. П. Скирдо восхищенно сказал:

— Вот это политработник, а?

— Да, — согласился я, — а еще говорит: я, дескать, не кадровый военный...

...На миусском направлении весной 42-го мы понесли большие потери и вынуждены были вернуться на исходные позиции.

Мне трудно сейчас вспомнить, какова была хронология: Цыганова раньше сняли или раньше прочел я в «Правде» — где уж там было посмотреть на сцене — пьесу Александра Корнейчука «Фронт». Только, когда читал, не мог избавиться от мысли: не с Цыганова ли списывал своего Горлова драматург?

Ведь вот тоже заслуженный, боевой генерал, а воюет так, словно и не минуло два с лишком десятилетия — и каких десятилетия! — после Гражданской войны.

И так мне захотелось тогда повидать этого писателя, пожать ему от всего сердца руку. Тем более ведь незадолго до этого мы с ним познакомились лично.

Подполковник Бабаджян,
1942 год

До сих пор храню свою записную книжку тех лет, куда с огромным удовлетворением занес слова из «Правды», которая писала тогда, что опубликование этой пьесы является «признаком величайшей силы и жизненности Красной Армии, нашего государства, ибо только армия, уверенно смотрящая в будущее, уверенная в победе, может столь прямо и резко вскрывать собственные недостатки, чтобы быстро ликвидировать их».

Тяжелыми были сорок первый и начало сорок второго для нашей Родины. Но они были и временем первой большой победы — победы под Москвой. Мне не довелось принимать непосредственного участия в боях на рубежах столицы, но все мы, солдаты Отчизны, где бы мы ни находились в это время, почувствовали, что блицкриг — это миф, что развеять его выпала честь нам и что хотя до окончательной победы еще дорога в сотни и тысячи километров, но мы шагаем по ней, по этой дороге. И, успешно сдав нелегкий экзамен, мы способны освоить еще немало науку и дойти до Победы.

Глава третья

«ВНИМАНИЕ, ТАНКИ!»

Весна на юге ранняя. Но буйное цветение не радует на этот раз — кончается весенняя распутица, подсыхает почва, открываются дороги, а немцы с новым летом связывают надежды на разгром Советских Вооруженных Сил. Это ясно, и потому мы напряженно ждем новых боев, сражений не на жизнь, а на смерть.

20 апреля 1942 года — как сейчас помню это весеннее, ясное и исполненное тревожных ожиданий утро — я срочно был вызван в штаб корпуса.

Генерал А. З. Акименко уже ждал меня.

— Ага, явился, значит. Что полк, в порядке?

— В порядке, товарищ генерал.

— Видишь, какое дело, Бабаджанян... Ну, в общем, сдай сегодня же полк заместителю.

Я молчал в полной растерянности: как будто бы за мной нет серьезных грехов...

— Что смотришь на меня так, словно убил я тебя? Не волнуйся, жив ты. Направляем тебя на учебу...

— Сейчас, в такой момент, на учебу?

— Да, на учебу. В Академию Генерального штаба! — торжественно провозгласил Акименко. — Все, что ты можешь сказать, наперед знаю... Если б меня коснулось, также возражал бы. Но не тебе же растолковывать, что для победы над врагом нам нужны командиры отличной подготовки... Да и потом, — голос генерала обрел привычную властность, — приказ есть приказ...

Да, приказ есть приказ, его надо выполнять. С тяжелым камнем на сердце попрощался я с командирами, по-

литработниками и солдатами полка и отправился с фронта в далекую дорогу, в Ташкент, как было указано в предписании.

В Ташкенте Академии Генштаба не оказалось. Здесь находилась Академия имени Фрунзе.

Ничего другого не оставалось — явился к начальнику этой академии генерал-лейтенанту Н. А. Веревкину-Рахальскому.

— Что поделать, — сказал Николай Андреевич, — какой-то писарь недоглядел. И придется тебе, пока запросим Москву, оставаться в нашем распоряжении.

Через десять дней опять стою перед Н. А. Веревкиным-Рахальским.

— Пока ничего... Потерпи...

— Товарищ генерал, разрешите мне самому выехать в управление кадров НКО для получения направления на фронт.

— Хочешь, чтоб начальника академии объявили пропагандистом партизанщины? Нет, придется ждать приказа.

Про себя ругаю всех: генерала Акименко, пославшего меня в разгар боев в Ташкент, штабистов, которые не знают, куда какую академию эвакуировали, кадровиков, которым наплевать на какого-то там Бабаджаняна...

В Крыму и на Украине, у Харькова, идут кровопролитные сражения. В начале июля наши войска вынуждены были оставить Севастополь, немцы остервенело рвались на Воронеж, военное положение объявили в Сталинградской области.

Самому уехать? Но как — документы в канцелярии у Веревкина-Рахальского, угодишь в дезертиры.

Как всегда бывает, вызов пришел, когда я уже окончательно отчаялся.

Примчался в Москву, в НКО, в управление кадров. Не тут-то было, говорят: «Ждите, не вы один». Заперли в общежитие, резервистов там тьма-тьмушая.

Жду и жду, а подо мной, что называется, земля горит. Еще бы, столько сводок Совинформбюро слушаешься за день, уже не сможешь со спокойной совестью в резерве

сидеть: Донбасс оставили, Ростов снова сдали, под Сталинградом жестокие бои, враг рвется на Кавказ...

Наконец дошла до меня очередь. С удивлением узнаю: на меня сделано представление — в командиры... механизированной бригады.

— Тут явная ошибка, — пытаюсь втолковать кадровикам, — пехотинец я.

— Знаем, — снисходительно улыбается кадровик, — изучили ваше личное дело. Но... — он доверительно перегнулся ко мне через стол, — есть решение отобрать командиров стрелковых полков для командования механизированными бригадами. Таких бригад сейчас создается... — кадровик таинственно понизил голос, — очень много.

Итак, я в распоряжении Главного автобронетанкового управления Красной Армии. И было бы это событие игрой судьбы, в данном случае олицетворенной в чине кадровика из Главного управления, если б не его последняя доверительная фраза о том, что в Советских Вооруженных Силах создается много новых механизированных бригад.

Что это все-таки означает, думал я: «Внимание, танки!»? Вспоминалась, однако, и другая предвоенная книжка Гудериана, она называлась знаменательно: «Бронетанковые войска и их взаимодействие с другими родами войск». В ней ведь «создатель немецких бронесил», как его величали в буржуазной военной литературе, все-таки признавал, что ни один отдельно взятый род войск не в состоянии решать все задачи, возникающие на поле брани, хотя и торжественно провозглашал: броня, движение и огонь — существеннейшие признаки новых средств атаки...

Я знал, что за поражение под Москвой Гудериан отстранен от командования танковой армией. Но это отнюдь не привело к уменьшению на советско-германском фронте количества танков противника, генералитет вермахта продолжал осуществление гудериановских идей о гегемонии танков в войне.

Значит, противнику собираются противопоставить достаточное количество танковых сил. Когда это произойдет, вот тогда вступят в действие другие факторы.

«Что ж, поживем — увидим», — размышлял я в вагоне поезда, который поразительно медленно, переживая все авиационные бомбежки, пробивался в город Калинин. Я ехал в распоряжение командира 3-го мехкорпуса генерала М. Б. Катукова, к которому был назначен командиром 3-й механизированной бригады.

Танки... Я много думал о них, я представлял их в бою, видел, как они помогают стрелковым подразделениям прогрызать оборону противника...

Но сейчас, в полутьме вагона, мне представлялись уже другие танки. Не те, что поддерживают пехоту, а те, что, соединенные в огромные массы, берут в клещи вражеские боевые порядки, вклиниваются, вколачиваются в оборону противника, обходят его города, замыкают их в тиски, несут победу...

«Постой, погоди, — остановил я полет своей фантазии, — вот тут ты буйно размышлялся, а что ты знаешь о танках? Немножко по тактике...» «Но ведь сколько книг прочитал, — возражал я сам себе, — того же Гудериана, Фуллера...» — «А сам в живом танке сидел?» — «Зато бронетранспортер знаю, имею водительские права второго класса. Не автомобиль, правда, но ведь это почти одно и то же...» — «Почти, да не совсем», — опять возражал внутренний голос.

Так я, не решив всех своих внутренних сомнений и колебаний, предстал перед комкором.

М. Е. Катукоев встретил меня радушно, попросил рассказать о прошлой службе.

Ну вот, вопрос прямо в точку — танкист-то я от нуля...

— Большой беды нет, — успокоил меня М. Е. Катукоев, — будем считать, что тебе повезло: корпус стоит, и, пока стоит, есть время подучиться. Остальное все от тебя самого зависит. Не стоит ведь объяснять, что одного боевого опыта, чтоб завоевать расположение подчиненных, мало. Надо хорошо знать и технику, и вооружение... У танкистов прослыть случайным человеком нетрудно, вот отделаться потом от этого мнения трудно...

С тем и явился я в бригаду. Первое, что сделал, вызвал заместителя по технической части инженера-майора

Е. Х. Горбунова. Разговор был краток, но ясен для обоих. Горбунов все сразу понял и сказал доброжелательно:

— Ничего, товарищ полковник. Прежде всего давайте за вами закрепим самого грамотного замкомроты по техчасти — техника-лейтенанта Мухина. Возьмите себе самого лучшего механика-водителя. Ну, старшину Полторака. На танк к вам дадим в наводчики сержанта Васина. Часа три в день в комбинезоне...

— Пять, — поправил я.

Инженер-майор недоверчиво оглядел меня: дескать, имеет ли представление этот щупленький человечек, что такое пять часов в танке?

— Хорошо. Составим расписание ваших занятий из расчета пяти часов в день.

Уже на следующий день я понял, что зампотех имел основания для сомнений: даже три часа в танке (два уходило на занятия по материальной части) — это не пять и даже не восемь за баранкой в кабине автомобиля. Пот заливает глаза из-под шлема, чувствуешь себя, как мешок костей, которым бьют о железные стенки.

Но рядом крепкие руки моего учителя — старшины Полторака и приглушенный ободряющий его голос: «Хорошо, товарищ полковник, ей-богу, хорошо». А где уж там хорошо, сам вижу: швыряет мою машину, как будто это и не тяжелый танк, а деревенская колымага.

И опять голос Полторака: «Вот, вот уже совсем хорошо, товарищ полковник...»

Знаю, что Л. А. Полторак после войны работал ведущим инженером на одном из предприятий. Но если б мне сказали, что он учительствовал где-нибудь, я бы воспринял это как не менее естественное — на себе испытал его педагогический дар.

Месяца через полтора я уже мог позволить себе делать критические замечания командирам и техникам по проведению техосмотров машин, восстановлению неисправной техники, подготовке ее к предстоящим боям...

Работал по восемнадцать часов в сутки и — как награда за это. — узнал, что зампотехи полков жалуются на при-

дирчивость нового комбрига: «Учили-учили, выучили, на свою голову...»

На совещаниях у комкора я поначалу позволял себе высказываться только по вопросам тактики бронетанковых войск, их действий при прорывах, при нанесении контрударов и контратаках и так далее. По техническим вопросам предпочитал отмалчиваться.

Однако на одном из последних совещаний перед отправкой корпуса на фронт отмолчаться мне уже не удалось. М. Е. Катукоев обратился ко мне с вопросом о состоянии техники бригады.

Пришлось отчитываться:

— ...машины обеспечены достаточным количеством запчастей, подготовлены к эксплуатации в зимних условиях северных районов, — заканчивал я свой доклад, — дал указание полностью заменить смазку, заправить антифризом.

— Та-ак! — довольно резюмировал М. Е. Катукоев. — Да ты, я вижу, уже профессор по танковому делу. Хвалю. Докладывали мне о том, какой ты себе... танк-класс устроил. Если так и воевать будешь, считай себя своим в семье танкистов.

На этом совещании я познакомился с командиром 1-й танковой бригады нашего корпуса полковником В. М. Гореловым, с которым у нас сразу установились очень простые, сердечные отношения. Дружба наша не прерывалась до самой его трагической гибели в 1945 году.

Горелов подошел ко мне, широко улыбаясь:

— Амазасп Хачатурович, воевать придется рядом. Давайте условимся: не доносить командиру корпуса, что, дескать, мой батальон первым ворвался в неприятельскую оборону, проутюжил танками и прочее такое... В общем, вы меня понимаете?

Разумеется, я понял и сразу согласился:

— Это честный разговор. Идет!

Мы крепко пожали друг другу руки. Началось совещание. Вдруг получаю записку: «Зови меня Володей, говори мне «ты». Тут же отвечаю на обратной стороне листка: «Твой друг навеки. Армо».

Вот так началась дружба, скажу больше, фронтовое братство.

В октябре 3-я механизированная бригада получила Боевое Знамя части. Для вручения Знамени прибыл член Военного совета Московской зоны обороны генерал К. Ф. Телегин. О Константине Федоровиче я был немало слышал: в Красной Армии его хорошо знали — опытного политработника еще со времен Гражданской. Присутствие члена Военного совета придавало церемонии вручения Знамени особую торжественность. Тот, кому приходилось принимать Знамя, знает, какое волнение охватывает человека, когда он склоняется на колено перед святыней. Я целую край Боевого Знамени и на всю жизнь запоминаю эту минуту...

В октябре наш мехкорпус перегруппировался в район между Ржевом и Великими Луками. Ржевский выступ, глубоко вклинившийся в нашу оборону, затруднял сосредоточение наших войск для дальнейшего наступления. Этот выступ необходимо было ликвидировать.

Лили непрерывные дожди. Дороги стали почти непроходимыми. Автотранспорт подвозил боеприпасы, горючее и продовольствие с невероятными трудностями. Для движения автоколонны заболоченные участки покрывали поперечным настилом из кругляка. Машины движутся по такой трассе со скоростью чуть побольше десяти километров в час.

А дождь все льет и льет. В такую погоду хорошо перебрасывать боевую технику по железной дороге — авиация противника бессильна из-за тумана, не способна бомбить эшелоны. Но, увы, в сторону города Белого железнодорожного пути нет. От Осташкова, Старой Руссы движется по бездорожью сплошными колоннами техника нашего корпуса. Не марш — мученье какое-то. Часть машин застряла, не вытащить ничем...

Но затем ударил крепкий мороз, выпал обильный снег. Полегчало. Постепенно части корпуса сосредоточивались на указанном рубеже.

После такого марша надо было провести осмотр техники, осуществить необходимый ремонт машин. Однако

нас торопили — на подготовку к наступлению отводилось мало времени.

Наша бригада расположилась примерно в тридцати — тридцати пяти километрах от переднего края обороны противника.

Однажды вечером ко мне на КП прибыл офицер связи командующего 22-й армией, куда входил наш корпус, и вручил боевое распоряжение — начать наступление сегодня в 16.00, а не завтра, как это предусматривалось приказом нашего комкора.

Я посмотрел на часы, показал их офицеру связи:

— Приказ невыполним не только потому, что вы мне его передаете спустя два часа после назначенного времени. Чтобы бригаде выйти к переднему краю, требуется еще часа два. Ни я, ни мои командиры не имеем представления о системе обороны противника, артиллерия не может вести огонь, не зная куда...

Офицер связи сказал в ответ, что его дело лишь передать мне боевое распоряжение. Я взял у него боевое распоряжение и расписался в получении, проставив, однако, время получения.

Он только пожал плечами.

— Но вы же не механизм, — взорвался я, — обещайте хотя бы довести до командующего мои доводы!

Он обещал. Я поручил начальнику штаба доложить о полученной задаче командиру корпуса и приступил к подготовке бригады к боевым действиям.

До полуночи подразделения бригады еле сумели в темноте выйти в назначенные районы для наступления.

Занятый хлопотами, я и не заметил, как невдалеке остановился гусеничный вездеход и, сопровождаемые тремя автоматчиками, из него вышли и приблизились ко мне три командира.

— Вы полковник Бабаджанян?

— Я.

— Я начальник особого отдела 22-й армии, это прокурор и председатель военного трибунала. За невыполнение боевого приказа в боевой обстановке вы арестованы. Сдайте оружие.

Тут же меня окружают автоматчики. Я отстегнул пистолет, протянул прокурору.

— Может быть, заодно распорядитесь, чтоб мне связали руки, а то вас всего шестеро против одного, опасно.

— Не беспокойтесь, Бабаджанян, охрана надежная, — не поняв шуточки, серьезно ответил прокурор.

Председатель трибунала недобро усмехнулся:

— Вам должно быть не до шуток, полковник. Все может кончиться трагически. Кто остается за вас? Где ваш зам?

Меня посадили в кузов вездехода напротив автоматчиков, и мы поехали. Ехали почему-то очень долго. Или мне так тогда показалось. Но вездеход петлял и петлял по лесным тропам, пока наконец остановился.

Меня привели к входу в какой-то блиндаж... Автоматчики остались наверху, а меня провели в тускло освещенную комнату. Навстречу поднялся из-за стола тот самый офицер связи, который вручал боевое распоряжение.

— Вы не подумайте, что это я на вас...

Я не ответил и прошел вслед за моими сопровождающими во вторую комнату.

Тут было светло, за столом сидел широкоплечий светловолосый генерал-лейтенант В. А. Юшкевич, командующий 22-й армией.

— Так это вы и есть Бабаджанян? — спокойно спросил он.

— Полковник Бабаджанян, командир 3-й механизированной бригады 3-го мехкорпуса.

Генерал Юшкевич внимательно вглядывался в меня. Тем же ровным тоном продолжал:

— Ясно... Так почему не выполнили боевой приказ?

— Не мог его выполнить.

— Объясните, — благожелательно предложил генерал.

Повторил все, что просил передать ему через офицера связи. Закончил словами:

— Если бы я успел и стал наступать ночью, к утру вся бригада была бы расстреляна противником. Предпочитаю сохранить бригаду.

Юшкевич удивленно посмотрел на меня, обвел взглядом окружающих.

— Интересно... дело-то действительно пахло трибуналом. Интересно! — повторил он. — А где сейчас ваша бригада?

— В полном составе на исходном рубеже для наступления, товарищ генерал.

— А завтра сумеете прорвать оборону?

— Если дадите время для подготовки и организации прорыва.

— Сколько для этого нужно светлого времени?

— Думаю, хватит трех часов.

— Когда нынче рассветает? В 9.00? Так вот... полковник Бабаджанян, командир 3-й мехбригады 3-го мехкорпуса, начало наступления назначаю на 12.00, сам буду следить за его ходом.

Он встал, вышел из-за стола, подошел ко мне.

— Совместно с войсками Западного фронта мы проводим весьма серьезную операцию — надо ликвидировать ржевскую группировку врага. Оборону надо прорвать во что бы то ни стало. Слишком дорого обошелся нам этот рубеж, и ни на метр не продвинулись. На ваш мехкорпус мы возлагаем большие надежды. Вместе с вами будут наступать стрелковые войска. Желаю успеха. И... не взыщите, что оторвали вас от бригады. — Пожал руку. Вдруг заметил: — А почему вы без ремня, без оружия?

Я молча посмотрел в сторону моих «телохранителей».

— Ага, поспешили, — понял Василий Александрович. — Сейчас же возвратите. И когда будете извиняться, не забудьте предоставить свой вездеход полковнику — вернуться в бригаду.

Всякое бывало на войне...

Назавтра после тщательной подготовки, сосредоточенного артиллерийского огня 3-я мехбригада вместе с 1-й гвардейской танковой моего друга В. М. Горелова прорвала оборону противника на глубину десять-двенадцать километров. За два последующих дня корпус М. Е. Катукова продвинулся вперед километров на сорок.

Зима была в полном разгаре. Пылающая зима 1942/43 года. Совинформбюро приносило радостные вести: Красная Армия громит немецкие войска под Сталинградом,

деблокирован город Ленина.. Советские войска перешли в стратегическое наступление по всему фронту — от Ленинграда до Кавказского хребта.

Ставка ВГК в январе 1943 года наметила наступательную операцию с целью разгрома войск противника в районе Демянска и выхода в тыл вражеской группировки, действующей против Ленинградского и Волховского фронтов. Здесь же, в районе города Осташкова, начала формироваться 1-я танковая армия. Она предназначалась, в частности, для усиления войск Северо-Западного фронта, для придания наступательным операциям сухопутных войск фронта маневренности и стремительности, для успешного расчленения обороны противника, быстроты нанесения решительного удара.

Создание танковых армий, крупных объединений бронесил не было новейшим изобретением. Советская военно-теоретическая мысль еще задолго до войны справедливо предусматривала образование подобных организационных структур. Далее я еще буду возвращаться к теории этого вопроса, рассказывая, какую роль сыграли такие крупные танковые объединения в ряде решающих операций Советских Вооруженных Сил по разгрому вермахта. Сейчас о том, почему только в начале сорок третьего мы сумели приступить к формированию однородных по составу танковых армий. А заодно — о самих танках, наших и вражеских.

По ряду причин к началу Великой Отечественной мы не смогли обеспечить войска достаточным количеством бронетанковой техники, хотя по уровню нашей теоретической мысли и по достижениям в танкостроении опережали все капиталистические страны, в том числе и фашистскую Германию.

В первые годы после победы Октября отсутствовала необходимая промышленная база, не хватало квалифицированных кадров: конструкторов, инженеров, рабочих.

В годы первых пятилеток в результате осуществления ленинской политики индустриализации страны были заложены основы несокрушимой военной мощи Советского государства. Родились танковая, авиационная и другие от-

расли оборонной промышленности, обеспечившие оснащение армии и флота новейшим оружием.

С развитием экономики постепенно начала складываться и советская школа танковых конструкторов, избравшая наиболее целесообразное направление развития танкостроения, создавшая оригинальные отечественные конструкции боевых машин.

В начале тридцатых годов в войска поступают танкетки Т-27, легкие танки Т-26 и БТ, средний танк Т-28, тяжелый пятибашенный танк Т-35, а также плавающий танк Т-37. Они обладают достаточной огневой мощностью и подвижностью. Бронирование их пока «противопульное», но в иностранных армиях в то время противотанковой артиллерии тоже еще нет.

По своим боевым и техническим свойствам эти машины не уступают соответствующим зарубежным образцам, вполне на уровне тех лет.

Однако капиталистические государства, и особенно Германия, усиленно готовятся к войне, создают новые, более совершенные танки. Значит, необходимо противопоставить им соответствующее вооружение, изыскать принципиально новые пути дальнейшего совершенствования советских танков.

И вот в результате всестороннего учета возможного характера боевых действий в будущей войне советские конструкторы М. И. Кошкин, А. А. Морозов, Н. А. Кучеренко, Ж. Я. Котин, Н. Л. Духов и другие создают к 1940 году средний танк Т-34 и тяжелый танк КВ. В отличие от своих предшественников они впервые гармонично сочетают высокую подвижность и маневренность с сильным вооружением и надежной броневой защитой экипажа. Здесь были установлены длинноствольные 76-миллиметровые пушки, превосходившие по способности пробивать броню все зарубежные танковые орудия того периода. Впервые в мире на них установлен дизельный двигатель мощностью 500 лошадиных сил (368 киловатт. — *Ред.*), надежный и экономичный, позволивший значительно увеличить радиус действия и уменьшить опасность возникновения пожара в танках.

Широкие гусеницы оказывали малое удельное давление на грунт (несколько более 800 граммов на квадратный сантиметр), а это придавало танкам высокую подвижность и вездеходность. При довольно значительной массе, соответственно тридцать и больше сорока тонн. А скорости они достигали: средний — 55, а тяжелый — 35 километров в час. Танк Т-34 имел высокую удельную мощность — 16,2 лошадиной силы (11,9 киловатта) на тонну массы, что делало его одним из самых высокоманевренных танков.

При хорошей маневренности танки эти имели и надежную броневую защиту — у танков Т-34 толщина лобовой брони составляла 45—52 миллиметра, а у танка КВ — 75—100 миллиметров.

Поистине уникальной оказалась форма корпуса и башни танка Т-34, позволившая избрать наиболее оптимальные углы наклона броневых листов и значительно повысить снарядостойкость наиболее поражаемых узлов.

Танки Т-34 и КВ в тот период являлись не только лучшими во всем мире, но и предопределили на многие годы прогрессивные пути развития всего мирового танкостроения. Легендарной стала судьба тридцатьчетверки. Она без радикальных конструктивных изменений успешно прошла все испытания Великой Отечественной войны и многие годы оставалась образцом для подражания.

Однако история отпустила нам, к сожалению, слишком мало времени для перевооружения войск этими танками. Накануне войны заводы успели выпустить лишь 636 КВ и 1225 Т-34. Этого, конечно, было слишком мало. Да и поступать в приграничные округа новые танки начали только во второй половине сорокового года, и личный состав не сумел их освоить в полной мере. Поэтому в первый год войны мы вынуждены были применять в боях с фашистскими войсками танки более ранних выпусков (Т-26, БТ и другие), к тому времени в известной мере устаревшие.

В фашистской Германии танки создавались и разрабатывались в соответствии с теорией «молниеносной войны». Им, согласно этой теории, отводилась решающая роль в планах войны против СССР, и поэтому гитлеровцы перед нападением на нашу страну стремились создать как

можно больше этих средств борьбы. Для достижения этой цели они использовали не только свою возросшую военно-экономическую базу, но и ресурсы оккупированных стран, своих сателлитов, весь промышленный потенциал которых был поставлен на службу немецкой военной машине. Все это дало возможность немецкому командованию создать полуторное превосходство над нашими войсками в средних и тяжелых танках. На направлениях же главных ударов численное превосходство врага в танках было еще большим.

Каковы же были немецкие танки того времени? Основу танкового парка гитлеровской армии составляли танки Т-III и Т-IV. Они имели массу, соответственно, 20 и 21,5 тонны, были вооружены 37- и 75-миллиметровыми пушками, двумя пулеметами. Максимальная толщина их лобовой брони составляла 30 миллиметров. Бензиновый двигатель мощностью 265 лошадиных сил (195 киловатт) обеспечивал удельную мощность около 13 лошадиных сил (9,5 киловатта) и скорость движения, соответственно, 55 и 40 километров.

Нетрудно заметить, что предпочтение отдано подвижности в ущерб броневой защите и вооружению. Удельное давление на грунт — почти килограмм на квадратный сантиметр (у Т-III), низкая проходимость вне дорог. Все это отвечало тому, как их задумали — в расчете использовать массированно, по хорошим дорогам, и к тому же в летних условиях. Слабое бронирование тоже свидетельствовало об определенной ставке — на отсутствие у противника необходимых средств борьбы с танками и организованной обороны. Эта концепция немецкого танкостроения стала очевидной в ходе операций на Западе, где фашистская армия одерживала легкие победы над европейскими странами, разобщенными и не имевшими достаточного потенциала.

Война с СССР окончательно вскрыла несостоятельность и порочность немецкой концепции танкостроения, как и всей теории блицкрига. В первые же бои немецко-фашистские захватчики убедились в превосходстве советских танков Т-34. В начале 1942 года они почти полно-

стью прекратили выпускать свои легкие танки Т-I и Т-II и спешно начали усиливать броню средних танков Т-III и Т-IV. 37-миллиметровая пушка на танке Т-III была заменена 50-миллиметровой, а 75-миллиметровая короткоствольная пушка Т-IV — длинноствольной. Но это увеличило вес танков, снизило их маневренность, проходимость. По-прежнему они значительно уступали нашим тридцатьчетверкам.

Высокие боевые качества проявил и танк КВ. Можно без преувеличения сказать, что в первые месяцы войны он был полным хозяином на поле боя. Броня его не пробивалась ни одной танковой и противотанковой пушкой гитлеровцев. Не раз приходилось наблюдать, как эти танки после упорных боев с превосходящими силами противника, многочисленных атак и контратак выходили из боя лишь с вмятинами и царапинами на броне, при этом в полной боевой готовности для последующих действий.

Одно было плохо — их было мало, этих замечательных машин, чтоб отразить лавины немецких танков, развернувших при поддержке авиации активные наступательные действия на всем советско-германском фронте. Положение усугублялось также тем, что основные наши танковые заводы располагались в западных районах страны, мы были вынуждены эвакуировать их на восток, и в первое время они, естественно, не смогли дать армии дополнительного количества танков.

Необходимо было в кратчайшие сроки завершить эвакуацию заводов в глубокий тыл, перестроить всю экономику на военный лад и в несколько раз увеличить производство танков. Это была необычайной трудности задача. Но благодаря большой организаторской работе, проведенной нашей партией, самоотверженности тружеников тыла она была успешно решена. В невероятно тяжелых условиях перебазируемые и вновь развернутые в восточных районах страны заводы приступили к серийному производству танков. Во второй половине 1941 года было выпущено уже 4740 машин.

Этого еще было мало для удовлетворения потребностей действующей армии и вновь формируемых частей и

соединений, но это уже был фундамент для грядущей победы.

Усилиями партии, правительства и всего народа в срок втором завершилась перестройка тыла страны, социалистическая экономика во всевозрастающих размерах начала снабжать фронт всем необходимым для борьбы с врагом. На танковых заводах развернулся массовый выпуск танков Т-34 и других боевых машин. Промышленность в этом году оказалась способной дать фронту 24,7 тысячи танков и САУ, в том числе более половины Т-34. Это создало реальные предпосылки для ликвидации бывшего имущества врага в танках.

Рост производства танков и позволил вновь приступить к формированию танковых и механизированных корпусов и танковых армий, сыгравших впоследствии очень важную роль в разгроме немецко-фашистского вермахта.

Расскажу пока что о том, как проходило формирование 1-й танковой армии. В состав ее были включены два корпуса — танковый и механизированный, отдельные танковые бригады и полки, воздушно-десантная дивизия, другие части и даже... лыжные бригады. Видно, такой состав был продиктован условиями погоды...

Формирование и сосредоточение армии осуществлялось в исключительно тяжелых условиях, в том числе и метеорологических, лесисто-болотистой местности, бедной даже грунтовыми дорогами. Высота снежного покрова достигала человеческого роста. Лютый сорокаградусный мороз внезапно чередовался со снегопадами и метелями. Населенные пункты сожжены отступавшими гитлеровцами, население угнано в неволю.

Красноармейцы были измучены до предела, но героическими усилиями всего личного состава 1-я танковая армия, командующим которой был назначен М. Е. Катукوف, постепенно сосредоточивалась в районах назначения.

Прибывший в это время сюда представитель Ставки, заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, дал высокую оценку частям танковой армии за организованность, проявленную при перегруппировке.

Пока 1-я танковая с колоссальными трудностями сосредоточивалась в своих исходных районах, соединениям 11-й и 53-й армий Северо-Западного фронта 15 февраля был отдан приказ перейти в наступление на демянский выступ.

Боясь окружения своей 16-й армией, противник начал отвод войск за реку Ловать. Воспрепятствовать в этом наши войска не могли. Во-первых, ему удалось уплотнить свои боевые порядки за счет отошедших частей своей 16-й армии, и, во-вторых, наступившая весенняя оттепель полностью парализовала передвижение нашей артиллерии и танков.

Тем временем немецкое командование решило исправить свое тяжелое положение на юго-западе, где его войска терпели одно поражение за другим — их выбили из Курска, Белгорода, Харькова. Собрав крупные резервы, противник организовал контрнаступление и вновь захватил Харьков и Белгород.

Обстановка на Воронежском фронте осложнилась. И чтобы не допустить дальнейшего продвижения врага, было принято решение Ставки перебросить 1-ю танковую армию в район Курска. В начале марта началась ее погрузка в железнодорожные эшелоны.

Сейчас представляется, насколько эффективнее для общего положения дел оказались бы действия 1-й танковой, окажись она еще в самом начале 1943 года на южном крыле фронта. Кто знает, может, и не возникло бы немецкого контрнаступления и не переходить бы Харьков и Белгороду из рук в руки. На северо-западном же театре военных действий лесисто-болотистая местность, заснеженность, отсутствие дорог, наступившая вскоре оттепель делали недостаточно эффективным использование такого крупного танкового объединения.

Нельзя не отметить и следующего. Хотя это и диктовалось обстановкой, но события на демянском выступе подтвердили, что такую крупную структурную единицу, как танковая армия, нельзя использовать, пока она окончательно не сколочена. Действия подобной единицы могут

принести желаемый эффект только при условии однородности ее состава. Конгломерат танков и лыж несостоятелен, если ставить перед танковыми армиями большие задачи. Но, как я уже говорил, об этом далее...

Однако, несмотря на частные неудачи, советская военная стратегия в начале 1943 года уже прочно стяжала себе славу и признание во всем мире.

Масштабы катастрофы на Восточном фронте привели в самом германском генералитете к оппозиции Гитлеру — явной и тайной, а самого Гитлера — к признанию в «Волчьем логове», своей ставке: «Возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует. Это мы должны ясно представлять себе».

Но годы уходят, становятся историей, а историки не все, увы, объективны. Это чувство сожаления возникает у меня, когда я перелистываю внушительный фолиант «История Второй мировой войны» бывшего генерала, сменившего после войны гитлеровский мундир на тогу летописца, Курта Типпельскирха.

«Три года германские вооруженные силы вели наступление: Германия захватила обширную территорию, которая от Нордкапа до Эль-Аламейна раскинулась на 4500 километров, а от Бреста на побережье Атлантического океана до Сталинграда на Волге — на 3600 километров, но как раз это, — сокрушается К. Типпельскирх, — и привело к опасной раздробленности сил»¹.

Если вдуматься в это утверждение, то сразу становится ясно: оно рассчитано на простачков... От Атлантики до Сталинграда 3600 километров — это, оказывается, только для немецких вооруженных сил. А для советских — другая протяженность советско-германского фронта? Для последних нет «опасной раздробленности»? И не в равных ли условиях в этом смысле противоборствующие стороны? От Нордкапа до Эль-Аламейна 4500 километров, верно. Но на этом расстоянии еще и войска сателлитов — Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии и прочих. А сколько ди-

¹ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. С. 255—256.

визий у германской стороны в Норвегии или Африке, на побережье Атлантики — всего ведь чуть больше трех десятков.

А сколько войск вынужден был держать Советский Союз на удалении в десять тысяч километров от фронта — на Дальнем Востоке, с другой стороны пресловутой Оси, против японских империалистов!

Несолидно прибегать к аргументации подобного рода в научных трудах. Нелогично, мягко выражаясь...

Минуло после поражения гитлеризма в войне против СССР десятилетие, умер танковый стратег вермахта Гейнц Гудериан. Его однополчане и поклонники бережно, скрупулезно собрали его черновые рукописи, и вот в Мюнхене вышла последняя, так сказать, посмертная книга Гудериана «Танки — вперед!».

Эту книгу перевели на русский язык и издали¹, поскольку она представляет известный интерес для советского читателя с точки зрения изучения боевого опыта применения танков. Нам не страшны ни тенденциозность автора в изображении событий Второй мировой войны, ни его стремление оправдать поражение вермахта на Восточном фронте. Пусть себе утешаются его издатели и поклонники, разделившие с ним горечь поражения. Что еще остается потерпевшим!.. Да и вряд ли кого-нибудь в наше время можно убедить доводом подобного рода: «Бескрайние просторы страны, как и во времена Наполеона, спасли русских».

В сорок третьем эти доводы еще не приводились для оправдания неудач на Восточном фронте. В это время вермахт и Гитлер уповали на свою военную звезду, еще веровали в успех готовящегося ими наступления под Курском под кодовым названием «Цитадель».

Чем окончилась для Гитлера Курская битва, сейчас знает каждый школьник. Это была катастрофа, знаменовавшая собой закат военной звезды вермахта.

О Курской битве сложены уже легенды. О ней написа-

¹ Гудериан Г. Танки — вперед! Пер. с нем. М., 1957.

ли, пишут и еще будут писать повести и романы, ей посвящают кинофильмы. Может быть, автор будущей «Войны и мира» сумеет рассказать о ней не хуже, чем Льву Толстому удалось поведать о Бородине. Впрочем, ему будет сложнее, ибо это, если перефразировать слова поэта, «битва посерьезнее Бородина»...

Я не писатель и никак не ставлю перед собой литературной задачи, но вместе с тем не могу избавиться от возникающих ассоциаций.

«Солдаты! С сегодняшнего дня вы становитесь участниками крупных наступательных боев, исход которых может решить войну... И вы должны знать, что от успеха этого сражения зависит все...»

Это из обращения Гитлера к своим войскам 4 июля, накануне Курской битвы.

Удивительно знакомо: Я это уже читал когда-то, давным-давно, еще в юности.

«Воины! Вот сражение, которого вы столько желали. Победа зависит от вас... Действуйте так, как вы действовали при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске...»

Таковыми словами начинался приказ Наполеона перед Бородином, свидетельствует Толстой в «Войне и мире»¹.

Как и Бородино, Курская дуга давно стала достоянием историков.

«Некоторые историки говорят, что Наполеону стоило дать свою нетронутую старую гвардию для того, чтобы сражение было выиграно. Говорить о том, что бы было, если бы Наполеон дал свою гвардию, все равно что говорить о том, что бы было, если бы осенью сделалась весна». Это снова Толстой.

Сокрушаясь об «утраченных победах», генерал-фельдмаршал Э. Манштейн валит все на Гитлера:

«Командование группы армий (группа «Юг». — А. Б.), однако, полагало, что если уж мы предприняли упреждающий удар, то надо было сделать все для достижения

¹ Толстой Л. Н. Собр. соч. в 14 т. М., 1951. Т. 6. С. 221.

полного и быстрого успеха операции «Цитадель». Если бы нам удался этот удар, если бы были уничтожены отрезанные на Курской дуге войска противника и, кроме того, в этом сражении была разгромлена значительная часть его оперативных резервов, то тем самым был бы сделан первый шаг для достижения столь желанного ничейного исхода войны» (Манштейн Э. Утерянные победы¹).

Осенью не делается весна, господин фельдмаршал. Позволю себе дальше процитировать из моей любимой книги:

«Этого не могло быть. Не Наполеон не дал своей гвардии, потому что он не захотел этого, но этого нельзя было сделать. Все генералы, офицеры, солдаты французской армии знали, что этого нельзя было сделать, потому что упавший дух войска не позволял этого»².

Весной 1943 года на советско-германском фронте наступило относительное затишье. Впрочем, тишина эта была зловещей — обе стороны готовились к решающим летним сражениям.

1-я танковая армия в составе Воронежского фронта сосредоточилась неподалеку от Курска, близ города Обоянь. Танкисты, как и другие советские войска, начали планомерную подготовку к предстоящим летним сражениям. Особое место в этой работе занимала морально-политическая и психологическая подготовка войск.

Два года боев с фашистскими захватчиками не прошли даром для советских воинов: Сейчас они окончательно осознали свое, пользуясь выражением Толстого, «нравственное превосходство» над противником. Но даже в начальный период войны, период наших неудач, они внушали захватчикам, как и в первую Отечественную, «чувство ужаса перед тем врагом, который, потеряв ПОЛОВИНУ войска, стоял так же грозно в конце, как и в начале сражения»³.

¹ Manstein E. Verlorene Siege. Bonn, 1955.

² Толстой Л. Н. Собр. соч. в 14 т. Т. 6. С. 269—270.

³ Там же. С. 270.

Толстой пишет об истощении «нравственной силы атакующей армии». Так было и с гитлеровцами, несмотря на заверения их фюрера: «До сих пор достигнуть того или иного успеха русским помогали их танки. Мои солдаты! Наконец вы имеете теперь лучшие танки, чем они!..»

Про какие «лучшие танки» взалхлеб кричит фюрер? О, их к моменту Курской битвы у него целый «зверинец» — тяжелые танки: «тигр», «пантера», штурмовое самоходное орудие «фердинанд».

Всерьез говоря, это было действительно грозное вооружение. «Тигр», ощерившийся 88-миллиметровой пушкой и двумя пулеметами, заслонившийся лобовой броней толщиной в 10 сантиметров, огромный, весом до 60 тонн, в самом деле казался неуязвимым для противотанковой артиллерии. Рядом с ним коварно рычала более маневренная, несколько меньше весом — 45 тонн — «пантера» с 75-миллиметровой пушкой. И, наконец, «фердинанд» — самоходное артиллерийское орудие.

Танкисты шутят: «Самоходное орудие — испорченный танк». Это потому, что у него нет вращающейся башни, и, чтоб изменить направление стрельбы, самоходка должна разворачиваться как бы своим туловищем. Все так. Но коли на самоходке орудие калибром 88 миллиметров, лобовая броня 20 сантиметров и весит вся эта махина до 70 тонн, тут есть чего опасаться.

Стремясь угнаться за качественным и количественным ростом советской танковой техники, гитлеровское военное руководство после провала под Сталинградом отказывается от попыток модернизацией имеющихся моделей выйти из кризиса, встает на путь создания новых. Вот и появляются «пантера», «тигр», самоходка «фердинанд».

Однако Курская битва и последовавшие за ней сражения подтвердили, что немцам так и не удалось добиться превосходства над советскими машинами. В отличие от своих предшественников (Т-III и Т-IV) новые немецкие танки имели более сильное бронирование и вооружение. Однако резкое увеличение толщины брони привело к чрез-

мерному увеличению размеров и веса танков, а это, в свою очередь, — к снижению маневренности и повышению уязвимости.

Ошибочное стремление укрыться за броню в ущерб другим качествам еще более проявилось в «королевском тигре» (Т-VIB), созданном немцами в 1943 году. Броневая защита его достигала 18 сантиметров, а вес 68 тонн.

В конце концов немцы создали сверхтяжелый (180 тонн!) танк с двумя пушками (75- и 128-миллиметрового калибра) и броневой защитой в 21 сантиметр.

Самое занятное, что этот огромный танк получил игровое название «мышонок». Может быть, это было сделано в целях закодирования, только толку от этого не вышло. Германия была повержена, «мышонок» так и не вышел на поле боя.

Впрочем, один экземпляр его можно увидеть в своеобразном советском танковом «музее», где хранятся трофеи, захваченные Красной Армией в боях Великой Отечественной.

Гармоничное сочетание всех необходимых боевых свойств оказалось под силу советскому танкостроению. В 1943 году советские танкисты получили самый мощный тяжелый танк Второй мировой войны — ИС-2. В нем удачно сочеталось сильное вооружение (122-миллиметровая пушка), мощная броня (90—120 миллиметров), подвижность (скорость — 37 километров в час). Гитлеровским танкистам велено было избегать встречных боев с этими машинами, вступать с ними в борьбу только из засад и укрытий.

В том же 1943 году на полях сражений появились также советские танки Т-34-85 с 45—90-миллиметровой броней и 85-миллиметровой пушкой, способной с больших дистанций пробивать лобовую броню тяжелых гитлеровских танков. Несмотря на некоторое увеличение веса, подвижность и проходимость танка остались примерно прежними. В большом количестве стали производиться самоходные артиллерийские установки. Наиболее высокими боевыми качествами отличались СУ-85 и СУ-100 —

на базе танка Т-34; ИСУ-122 и ИСУ-152 — на базе танка ИС и другие.

Большим достижением советской танковой промышленности явилось значительное увеличение в 1943 году выпуска танков. Танковые заводы дали фронту 24,1 тысячи танков и САУ. Это намного увеличило боевую мощь и возможности бронетанковых войск в борьбе с гитлеровскими захватчиками. Военная промышленность фашистской Германии в этот год выпустила лишь 10,7 тысячи танков и самоходок.

Для обеспечения разгрома врага советский народ не жалел не только своего труда и времени, но и личных трудовых сбережений. Развернувшийся по почину тамбовских колхозников всенародный сбор средств на постройку танковых колонн был подхвачен по всей нашей стране. За годы войны от трудящихся поступило около шести миллиардов рублей деньгами и большое количество различных ценностей, на которые было построено несколько тысяч танков. Рабочие Урала, ставшего подлинной кузницей танкового вооружения, создали добровольческий танковый корпус, изготовив для него танки и другое вооружение за счет своих сбережений.

В последующие годы войны поток танковой техники на фронт стал еще более мощным. В 1944 году у нас было произведено почти 29 тысяч танков и САУ, а в гитлеровской Германии только 18,3 тысячи танков, штурмовых орудий и САУ.

В 1945 году основные усилия советской танковой промышленности были сосредоточены на выпуске новых танков и САУ, необходимых для окончательной победы над врагом. Всего за время войны наша промышленность произвела более 95 тысяч танков и САУ. К концу войны Советская Армия превосходила фашистскую Германию по количеству танков и САУ более чем в три раза...

Но вернемся к Курской битве. К началу ее у нас было мало тяжелых танков КВ, но зато у нас было немало испытанных и ставших поистине легендарными за время войны тридцатьчетверок — средних танков, обладавших

большой маневренностью и способных навязать «тиграм» и «пантерам» ближний бой. Припомним, что к этому времени у нас в войсках уже были гвардейские минометы — «катюши», самоходки не только с 76- и 85-, но и 122- и 152-миллиметровыми орудиями.

И все-таки следовало провести немалую работу в войсках, чтоб развеять миф о неуязвимости «тигров» и «пантер», чтоб преодолеть так называемую танкобоязнь. Как мы этого добивались?

Представьте себе, что прямо на окоп, где ты укрылся, движется многотонная стальная махина. Навалилась на твое укрытие, ты вжался в землю, на тебя сыплются комья, обдает жаром, гарью. Машина переползла через окоп, а ты поднимаешься, отряхиваешься от земли. Окоп оказался надежным укрытием. Лишь бы нервы твои выдержали. А там вставай, бей в корму противотанковой гранатой или бутылкой с зажигательной смесью.

На себе я испытал такую тренировочку — в первую очередь ее проходили мы сами, командный и политический состав, обучая солдат буквально собственным примером.

От тренировки к тренировке крепла уверенность, что с танком человеку можно бороться даже один на один. Бойцы твердо усвоили, что в так называемом мертвом пространстве, метрах в десяти от брони, пушка и пулеметы танка не опасны, они так расположены, что не могут обстреливать это пространство.

Бойцам на фотографиях и макетах показывали уязвимые места «тигров», «пантер», «фердинандов», учили, как выбирать позицию для действенного огня. Раздавались специальные памятки, инструкции по борьбе с этими новыми машинами врага.

Целеустремленно проводилась партийно-политическая работа, что повышало моральный дух солдат и офицеров. Поступали все новые и новые заявления о приеме в партию и комсомол. Политработники изыскивали все новые и новые формы агитации и пропаганды, учитывающие конкретные задачи обстановки. Помимо докладов,

бесед важное место занимали рассказы о подвигах ветеранов, товарищей по подразделению, части.

Вот эта морально-психологическая подготовка и привела к тому, что «нравственное превосходство», опять пользуясь выражением Толстого, было на стороне советских войск и на Курской дуге, выдающемся сражении не только Великой Отечественной войны советского народа, но и всей Второй мировой войны.

Дуга, которую пытался выпрямить Гитлер, возникла в очертаниях советско-германского фронта благодаря успешному наступлению наших войск. Она, причудливо охватывая район города Курска, на 200 километров вклинивалась в расположение противника. В свою очередь, войска противника севернее Курска, в районе Орла, и южнее, в районе Харькова, вдавались в расположение наших войск.

По плану «Цитадель» два мощных клина должны были вгрызаться в нашу оборону: с севера группа армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Г. Клюге, с юга — группа «Юг» другого генерал-фельдмаршала — Э. Манштейна, тогда еще не подозревавшего, что ему придется писать книгу со столь одиозным названием — «Утерянные победы».

Разгадав замыслы противника, советское Главнокомандование для отражения наступления врага противопоставило ему два фронта: Центральный — под руководством К. К. Рокоссовского — и Воронежский (командующий Н. Ф. Ватутин). В резерве Ставки был еще Степной военный округ.

Колоссальные военные силы были здесь у обеих сторон. В Европе все еще нет второго фронта, и гитлеровцы перебрасывают в район Курской дуги войска из Франции и Германии — тут в ударных группировках сосредоточиваются пятьдесят дивизий вермахта, огромное количество техники, а на их флангах действуют еще двадцать дивизий. Советская сторона имела здесь тоже достаточно крупные силы, могла первой прервать грозное затишье лета 1943

года. Однако советская полководческая мысль выдвинула иной план действий.

«Переход наших войск в наступление в ближайшие дни с целью упреждения противника считаю нецелесообразным, — доносил еще весной Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину представитель Ставки маршал Г. К. Жуков. — Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выьем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

Предложения эти были приняты, легли в основу советской идеи Курского сражения.

Курская битва по упорству борьбы почти не имеет себе равных в истории войн. В ней с обеих сторон приняло участие такое неслыханно огромное количество танков, что ее по праву называют танковой битвой, несколько при этом не умаляя роли в ней других родов войск.

Вместе с тем именно здесь, под Курском, была окончательно похоронена немецко-фашистская военная концепция, согласно которой одними лишь подвижными войсками можно решать на войне все задачи, в том числе прорыва любой обороны. В ходе военных действий немецкое командование практически не раз само опровергало собственные теоретические воззрения. И тут, под Курском, бронированные кулаки германской армии разбились о глубоко эшелонированную оборону советских войск.

Танки — очень большая сила на войне. Танкист, я не могу не сказать об этом без гордости. Военачальник, я не могу не подчеркнуть основной идеи советской военной доктрины о том, что окончательная победа достигается только совместными усилиями всех родов войск. Вместе с тем на различных этапах битв и сражений, в системе взаимодействия различных родов войск всегда выделялось ведущее звено, на которое возлагались наиболее ответственные задачи. Бронетанковые войска в минувшую войну часто становились этим ведущим звеном. Особенно характерна в этом отношении Курская битва. Ее изучали и

рассматривали с разных сторон. Танкист, я попробую рассмотреть, как использовались в Курском сражении бронетанковые войска.

Весной 43-го был возвращен из опалы и вновь принял высокий пост, на этот раз Генерального инспектора бронетанковых войск вермахта, генерал Гейнц Гудериан. На флангах Курского выступа он включает в состав своих ударных группировок 16 танковых и моторизованных дивизий — до 70 процентов всех немецких танковых дивизий, действовавших на советско-германском фронте. Это составляло до 2700 танков и штурмовых орудий.

Более того, это был «цвет» фашистского воинства — танковые дивизии СС «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Рейх», моторизованная «Великая Германия». Танковые дивизии были усилены тремя отдельными танковыми батальонами и двумя дивизионами штурмовых орудий, вооруженными новой техникой — «тиграми», «пантерами», «фердинандами». Высокие боевые качества этой новой техники, помноженные на ее большое количество, видимо, и позволили Гитлеру воскликнуть на совещании своего генералитета в начале мая: «Неудачи не может быть!»

Советское командование смогло противопоставить противнику в Курской битве достойную преграду — сюда были нацелены все пять танковых армий, которые имелись к тому времени в Красной Армии, 15 танковых и механизированных корпусов, множество отдельных полков и бригад.

На это смелое решение советское командование пошло, будучи твердо уверенным, что именно здесь решается судьба кампании.

«И вот нашли большое поле...» На относительно небольшом пространстве Курской битвы, таким образом, были сосредоточены основные бронетанковые силы обеих сторон — в общей сложности более 13 тысяч танков и самоходок! Такого крупного скопления техники не было еще в мировой истории.

Впрочем, в этом поединке количественное преиму-

щество советской стороны по танкам не было еще абсолютным преимуществом. Ибо, во-первых, значительной частью наших танковых ресурсов были легкие танки Т-70. На Воронежском и Центральном фронтах легкие танки составляли целую треть общего количества машин. Тяжелых же танков на обоих фронтах насчитывалось всего около 200.

Во-вторых, наши танковые армии были только-только созданы, а формирование 4-й гвардейской танковой вообще было закончено только лишь к началу контрнаступления. Штаб нашей армии, укомплектованный за недостатком опытных кадров молодыми офицерами, не мог еще полностью обеспечить необходимого уровня управления таким сложным механизмом, как это войсковое объединение. Нельзя не отметить, что и в штабах более высоких инстанций еще не было накоплено опыта по оперативному применению танковых армий однородного состава. Здесь еще шел поиск наиболее целесообразных методов их использования. А при всяком поиске неизбежны и ошибки и просчеты...

Итак, войска обеих сторон подготовились к жаркому поединку.

Еще 2 июля Ставка предупредила командование фронтов и армий, что в ближайшие дни следует ждать перехода немцев в наступление. Предполагалось, что главный удар противник нанесет по левому флангу и центру Воронежского фронта, где стояли войска 6-й гвардейской армии и, во втором эшелоне, наша 1-я танковая армия.

В ночь на 4 июля перебежчик сообщил, что враг ведет последние приготовления — создает проходы в минных полях, снимает проволочные заграждения и так далее.

Наступившее утро, казалось, не предвещало ничего подобного тому, что должно было вот-вот развернуться на поле Курской битвы. Пахло поспевающей пшеницей, в садах наливались соком знаменитые курские яблоки. Звенели цикады. Но это была обманчивая тишина. Мы знали, что надвигается нечто зловещее, и готовились к тяжелейшим боям.

Вечером в подразделениях крутили старые, но всегда волнующие кинокартины «Чапаев», «Выборгская сторона».

Спустилась ночь на 5 июля. Новые пленные показывали, что немецкое наступление назначено ровно на три часа утра. И тогда на рассвете Центральный и Воронежский фронты обрушили на боевые порядки противника ураганный огонь. Эта артиллерийская контрподготовка настолько ошеломила его, что задержала наступление противника, и мы уж думали, не отказался ли он вообще от намерения наступать.

Но противник не отказался. В 6.00, после довольно сильного артобстрела наших войск, противник на южном фланге Курского выступа ринулся в наступление.

Главный удар он нанес в направлении Обояни силами своей 4-й танковой армии по боевым порядкам советской 6-й гвардейской армии генерала И. М. Чистякова. Войска этой армии проявили массовый героизм при отражении озверевшего врага. В первые же дни стал известен подвиг комсомольской батареи противотанковых пушек под командой старшего лейтенанта Алихана Гагкаева, бившейся с фашистами до последнего. А. А. Гагкаеву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а его батарея награждена Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Погибли, но не сдались врагу все члены комсомольского танкового экипажа И. К. Зайцева — командир башни П. В. Федин, стрелок-радист В. В. Пермьяков, механик-водитель Г. А. Матросов. Они дважды тушили пожар в своем танке, а когда танк был подожжен в третий раз и пожар уже нельзя было потушить, героический экипаж своим пылающим танком таранил немецкий тяжелый танк.

1-я танковая армия во второй половине дня 5 июля получила приказ командующего Воронежским фронтом о занятии второго оборонительного рубежа 6-й гвардейской армии на обоянском направлении. Противник сумел к этому времени несколько вклиниться в расположение обороны наших войск. С большим пылом рванулись в бой танкисты — танки ринулись в назначенные им районы и с

ходу заняли оборону на рубеже Мелово, Раково, Щепелевка, Алексеево, Яковлево.

Забегая несколько вперед, скажу, что наличие в составе фронтов танковых армий было новым для оперативной обороны и, пожалуй, определило то, что, несмотря на массивные танковые удары, наша оборона оказалась для противника непреодолимой преградой. Этому способствовала тщательная отработка вопросов взаимодействия танковых войск с пехотой, артиллерией, авиацией, инженерными частями, проведенная на местности и совместных штабных учениях. На картах и так называемых штабных играх были разыграны также возможные варианты нанесения контрударов (контратак) для разгрома наступающего противника.

3-й мехкорпус выдвинул в первый эшелон обороны 1, 3, 10-ю механизированные и 1-ю гвардейскую танковую бригады. Впереди бригад, на расстоянии примерно в полкилометра, заняли позиции танковые засады.

Наша бригада оседлала автостраду Белгород — Курск, центр обороны — высокий курган в двадцати метрах от дороги. На самой вершине кургана спрятан в укрытии танк командира бригады. Тут тебе и наблюдательный, и командный пункты, и долговременная огневая точка — танк буквально зарыт в землю по самую башню: стоять на смерть! Так и стояли советские солдаты. Сколько их здесь сложило головы... После войны белгородцы воздвигли на нашем кургане памятник павшим. На нем слова:

*Путник!
Куда б ни шел, ни ехал ты,
Но здесь остановись. Могилам этим дорогим
Всем сердцем поклонись.*

На участке Чапаево, Яковлево танковые дивизии противника «Адольф Гитлер», 3-я и 7-я, моторизованная дивизия «Великая Германия», пехота прорвали главную полосу обороны 6-й гвардейской армии, не подозревая присутствия целой нашей танковой армии на второй полосе

обороны, полагая, что основная трудность уже позади, неожиданно столкнулись с нашими танковыми засадами.

Преодолев первое замешательство, «тигры», «пантеры», «фердинанды» развернулись в боевые порядки и кинулись в атаку.

На степном просторе, на холмах, в балках и оврагах, в населенных пунктах завязались танковые сражения, ожесточенные и невиданные.

«Земля тряслась — как наши груди... и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой...» С обеих сторон на обоянском направлении 1400 танков, более двух тысяч орудий, в воздухе полторы тысячи самолетов.

Да, стонала земля. Масштабы сражения превосходили человеческое воображение. Сотни танков, орудий, самолетов превращались в горы металлического лома. Во мгле — солнце, его диск еле пробивается сквозь тучи дыма и пыли от тысяч одновременно раздающихся разрывов снарядов и бомб. От ударов снарядов о броню адский скрежет, столбы копоти от горящих машин...

Танковые полчища Манштейна, весь этот железный «зверинец», изрыгая пламя из длинных хоботов своих пушек, медленно напоззает на наш передний край. Снаряды наших противотанковых орудий, угодив в лобовую броню «тигра», рикошетируют, ставя в небе свечку. А все-таки и «тигры», и «пантеры» ползут с опаской, побаиваются приблизиться к нашим тридцатьчетверкам, чтоб не угодить под снаряд бортом.

Со своего НП на кургане, лишь малость утихнут артиллерийская канонада и авиационная бомбежка и медленно рассеется дым, вижу все вокруг километров на шесть-восемь, ведь летний солнечный день! Вот за первым — второй эшелон танков противника в предбоевых порядках, вот расположение наших соседей — танковой бригады моего друга Горелова. Танкисты и мотопехота, артиллеристы, саперы вместе отбивают уже, наверное, десятую атаку врага.

Но вот новая авиаволна противника. Навстречу им на-

ши истребители, снизу залпы зениток, такие частые, что напоминают скорее пулеметную пальбу.

Назойливые бомбардировщики противника Ю-87 один за другим, звено за звеном пикируют на курган. Правда, наши зенитчики и «ястребки» не всегда позволяют им бомбить прицельно, но кому приятно сидеть на макушке горки и ждать прямого попадания бомбы! А бомбы падают, падают с выматывающим душу надсадным воем и свистом где-то вокруг тебя, в каких-нибудь пятнадцати-двадцати метрах.

Вокруг кургана поле, сплошь изрытое воронками, а макушка кургана, как заговоренная, — не берут ее бомбы.

Остервеневшие пикировщики бомбят курган с отчаянием, словно именно он один, а не тысячи бойцов повинны в неуспехе фашистских войск.

— Что ж, пусть бомбят, военная фортуна, видно, повернулась к ним задом, и праздничек грядет на нашу улицу!

Это я кричу в трубку по радиотелефону Владимиру Михайловичу Горелову, а он, как всегда уверенный и бодрый, басит в микрофон:

— Держись, Армо. Марс иногда и армянам помогает!

— Спасибо, Володя, знаю, ты всегда был уверен в интернациональных настроениях языческих богов!

— Гляди, — басит Горелов, — на бога надейся, а сам не плошай.

Не плошаю, как могу.

Есть потери, но люди чувствуют себя уверенно. С переднего края в полосу обороны бригады отошли артиллерийские подразделения 6-й гвардейской армии, снова включились в борьбу с танками врага. С ними чувствуем себя веселее, хотя становится все тяжелее.

И ни единого случая, чтобы солдат без приказа сделал хоть шаг назад. Не до исторических ретроспекций, но ловлю себя на мысли, что с восторгом думаю, как изменился наш солдат сорок третьего по сравнению с бойцом сорок первого. Сколько у него нынче мастерства и стойкости, упорства и уверенности! И какая мощная техника у него в руках!

А враг упрямо лезет вперед. В орбиту боя втягиваются все новые и новые части. Из своего танка вижу как на ладони всю панораму местности, на которой разворачивается борьба сторон, борьба безжалостная и бескомпромиссная. Повсюду ожесточенные схватки танков и пехоты, боевые порядки смешиваются, идет рукопашная схватка.

Где-то танки противника прорвались через первые траншеи нашей пехоты, перевалили через них, углубились в нашу оборону. Кажется, ничего живого не осталось в этих траншеях.

Ан нет! Танки ушли вперед, а траншеи ожили, в них поднимаются бойцы и снова ведут бой с вражеской пехотой, наступавшей под прикрытием этих танков.

То тут, то там вспыхивают факелы подоженных фашистских танков, получивших удары в борт и в корму, облитых сзади горючей жидкостью.

То тут, то там видны стреляющие башенки, чуть возвышающиеся над полем сражения, — это закопанные в землю наши танки. Они менее уязвимы для артиллерийских снарядов. Танковая рота лейтенанта В. А. Вочковского уничтожила десять танков. Лейтенант Б. В. Павлович подбил три вражеских танка, из них одного «тигра» (потом он вместе с экипажем отбуксировал этот «тигр» № 824 в тыл, и эта машина демонстрировалась в Москве на выставке трофейного оружия). Два «тигра» на личном счету лейтенанта Г. К. Карпиноса, три — лейтенанта И. А. Никитина.

А битва все шире по своим масштабам, все ожесточеннее, особенно на направлении, которое обороняют части 3-го мехкорпуса, сюда наступают главные силы вражеской танковой группировки. Но к исходу 6 июля противник ни на одном участке не достиг значительного успеха, его танковый кулак натолкнулся на крепкую преграду.

«Изведал враг в тот день немало, что значит русский бой удалый...»

Я думаю, читатель понимает, что, хотя Бородино под Москвой, а не под Курском, мои ассоциации правомерны, потому что нравственная сила нашей армии прояви-

лась в сражении под Курском в не меньшей степени, чем в битве под Москвой, или под Сталинградом, или впоследствии на Висле и под Берлином.

Когда «на поле грозной сечи ночная пала тень», огневой бой обеих сторон стал затихать. Только факелы многочисленных горящих танков и автомашин освещали окружающую местность. Отдельные самолеты, ориентируясь по ним, освобождались от бомбового груза.

Войска готовились к завтрашнему дню: ремонтировали подбитую технику, подвозили боеприпасы и горючее, командиры и штабы подсчитывали потери, подбирали раненых с поля, хоронили убитых.

Обстановка по-прежнему оставалась напряженной и весьма сложной. Восточнее Яковлева еще к вечеру 6 июля танковые дивизии СС «Рейх» и «Адольф Гитлер» прорвали оборону 51-й гвардейской стрелковой дивизии и 5-го гвардейского танкового корпуса и подошли с востока к крупному населенному пункту Покровка.

Командующий 1-й танковой армией, чтобы не допустить вражеского удара во фланг и в тыл 3-го мехкорпуса, перебросил из своего второго эшелона в район Покровки 31-й танковый корпус. Но из-за разрушенных вражеской авиацией мостов и переправ на речке Солотинке, недостаточной разведки бродов этот корпус не сумел выйти на необходимый рубеж, и 7 июля противнику удалось буквально просунуться в щель между 1-й танковой армией и 5-м гвардейским танковым корпусом. Правда, всего на пять-шесть километров.

Еще 5 июля немецкие самолеты сбрасывали над расположением наших войск листовки, в которых хвастливо грозились вступить в Курск на второй день наступления. Но кончается третий день, а успеха враг не добился. Ночью лишь яркие вспышки ракет разрезали небо и полыхали костры догорающих танков. Пахло пеплом, горячим железом, горелым человеческим мясом.

Наутро 8 июля, едва забрезжил рассвет, вражеская авиация и артиллерия нанесли удар по войскам нашей танковой армии. Противник стремился использовать брешь, об-

разовавшуюся на левом фланге армии, чтоб все-таки ударить ей во фланг и в тыл.

Авиационный налет был мощным и долгим. Эшелон за эшелон «юнкерсы» и «хейнкели» разгружались над нашими позициями, тучи пыли от взрывов бомб поднимались до самого неба. «Юнкерсы» пикируют с включенными сиренами, которые завывают так, что даже у видавших виды солдат мурашки по коже. Прижимаешься к земле, не смея шелохнуться, поднять голову.

Не успела еще осесть пыль от бомбежки да затихнуть рокот авиационных моторов, как на поле брани показались табуны вражеских танков, изрыгающих огонь. Впрочем, «табуны», хоть у непосвященных и складывалось такое впечатление, — это неточно: танковые части противника шли организовано, несколькими боевыми курсами. Их встретил огонь гвардейских минометов — «катюш», артиллерии, противотанковых ружей, танковых орудий, по наступающей вслед за танками вражеской пехоте били из пулеметов, автоматов, винтовок. Все это слилось в дикую какофонию грохота, лязга, скрежета.

Противник рвался вперед, несмотря на то что нес огромные потери. Атаки повторялись одна за другой — все безуспешно.

Больше 50 вражеских танков преодолели заградительный огонь нашей артиллерии. Два танка шли прямо на окоп, в котором находилось отделение старшего сержанта Ивана Трофимовича Зинченко. «Пантера» была подбита, а тигр продолжал двигаться. И тогда Зинченко, схватив противотанковые гранаты, бросился под вражеский танк. Отважный воин погиб. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Против бригад 3-го мехкорпуса при массовой поддержке авиации наступали танковая и моторизованная дивизии противника. Наша авиация активно сражалась с самолетами врага. Бои в воздухе были не менее жаркими и кровопролитными, чем на земле.

7 и 8 июля были самыми напряженными в Курской битве на направлении действий Воронежского фронта.

Как справедливо отмечает Г. К. Жуков, здесь наступала более сильная вражеская группировка и войсками противника руководили более инициативные и опытные генералы, а во главе группировки стоял генерал-фельдмаршал Э. Манштейн¹. Несмотря на героические усилия наших войск, врагу удалось кое-где вклиниться в наше расположение.

В этой обстановке командующий Воронежским фронтом Н. Ф. Ватутин ввел на этом направлении 2-й и 5-й гвардейские, 2-й и 10-й танковые корпуса, несколько стрелковых дивизий и артиллерийских частей, взятых с других направлений.

Контрудар танковых корпусов, нанесенный совместно с левофланговыми соединениями 40-й армии, облегчил положение 1-й танковой армии, и хотя фронт ее обороны не раз гнулся под натиском превосходящих сил противника, но не ломался, и за каждый метр территории, на время попадавшей в его руки, враг расплачивался десятками уничтоженных машин, тысячами убитых и раненых.

Наступательные возможности его резко ослаблены, но не исчерпаны, и противник 9 июля возобновляет свое наступление. Командующий фронтом усиливает 1-ю танковую армию еще одним танковым корпусом и другими частями.

И снова начинается бешеная борьба. И опять солнце меркнет в дыму и мгле сражения. Но волны вражеского наступления разбиваются об утес нашей обороны, все время наращиваемой из глубины.

На правом фланге танковой армии врагу удалось вклиниться в нашу оборону, он пытался окружить 6-й танковый корпус, но это ему не удалось — отважно дрались советские танкисты. Когда в танке лейтенанта П. И. Битковского кончились снаряды, он таранил фашистский танк, свалив его в кювет.

Замечу, впрочем, попутно, что танковый таран при

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 486.

всей заманчивости для описания в художественной литературе и публицистике — дело исключительное. И отнюдь не из-за отсутствия достаточного количества смельчаков, готовых пойти на него. А из-за того просто-напросто, что танк не самолет и земля не воздух. Хорошо, если так сложилось на местности, что твой танк, толкнув вражеский, спихнет врага в кювет и он опрокинется набок. Скорее же всего — толкнешь его, чуть с места сдвинешь и, чего доброго, себя еще и повредишь. Ну конечно, если уж горит твоя машина и нет тебе спасения, как было в случае с экипажем И. К. Зайцева, который так ярко описал Н. К. Попель, тогда другое дело.

Но я не разделяю восторга Николая Кирилловича по поводу, как он выразился, «массового танкового тарана»¹, что был применен якобы в первый год войны советским 8-м мехкорпусом против 16-й немецкой танковой дивизии. Н. К. Попель вслед за описанием этого пресловутого «массового танкового тарана» приводит выдержки из «Военного дневника» немецкого генерала Ф. Гальдера: «Советский 8-й мехкорпус идет на самоубийство».

Да, верно, Гальдер в этот же день, 26 июня 1941 года, в своем дневнике отметил, что тот же 8-й мехкорпус нанес 16-й немецкой дивизии сильнейший контрудар. Но я убежден, что успех этот был порожден отнюдь не ударами по броне противника, а, очевидно, успешным маневром и мощью танковых орудий.

Танк призван сближаться с противником на необходимое расстояние и расстреливать танки врага из своего вооружения. Рвать же собственные гусеницы о чужую броню — это и вправду самоубийство, ничего не скажешь... Если такое и имело место, то извинить его можно, наверное, лишь тем обстоятельством, что происходило оно в самые первые дни войны. Последующий опыт не позволял нашим танкистам совершать подобные малообдуманные поступки...

Однако я отвлекся от своего основного рассказа о ходе

¹ Попель Н. К. Герои Курской битвы. — Дружба народов. 1970. № 7.

Курского сражения. Итак, к вечеру 11 июля на обоянском направлении была полностью сорвана попытка противника прорваться здесь к Курску.

Несколько слов о сражении на севере Курской дуги — на орловском направлении.

Здесь в первый день своего наступления противник в результате неоднократных атак мощным бронированным кулаком сумел вклиниться в оборону нашей 13-й армии и продвинулся вглубь на шесть-восемь километров. Командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский нанес по противнику контрудар силами 16-го танкового корпуса 2-й танковой армии, 19-го отдельного танкового и 17-го стрелкового корпусов. Это сковало действия противника, а последующие активные действия войск фронта остановили его перед второй полосой нашей обороны. Все попытки вражеских войск прорваться к Курску на этом направлении были пресечены. С тем большим остервенением враг бился на южном фланге Курского выступа. Перегруппировавшись, он ринулся на Прохоровку, намереваясь захватить Курск с юго-востока.

И вот здесь, у Прохоровки, произошло кульминационное сражение Курской битвы, приведшее к перелому в развитии боевых действий на этом направлении.

Враг не подозревал, что советское командование подтянет сюда свежие силы — 5-ю гвардейскую общевойсковую, 5-ю гвардейскую танковую армии и два танковых корпуса — и усилит ими Воронежский фронт.

12 июля здесь произошло сражение, в котором приняло участие с обеих сторон около 1200 танков и самоходок, огромные авиационные и другие силы. Бронированная лейб-гвардия Гитлера — его отборные танковые дивизии, руководимые одним из опытнейших мастеров вождения танковых войск в фашистской армии генералом Готом, — не выдержала встречного удара 5-й гвардейской танковой армии, которой командовал известный советский танковый военачальник Павел Алексеевич Ротмистров, 5-й гвардейской общевойсковой армии А. С. Жадова и других советских войск.

О размахе сражения под Прохоровкой красноречиво говорит следующий факт: только в течение одного дня немцы потеряли почти 400 танков! Немалые утраты понесли и наши войска, но потери противника были еще большими, его вера в победу окончательно рухнула.

Чем же характерна оборонительная часть Курской битвы для танковых войск?

Прежде всего глубоким эшелонированием их с заранее определенным целевым назначением каждого эшелона.

Первый эшелон составляли отдельные танковые полки, полки самоходной артиллерии, отдельные танковые бригады. Это были подвижные резервы командующих общевойсковыми армиями, командиров стрелковых корпусов и дивизий. Часть танковых полков использовалась в составе противотанковых опорных пунктов и узлов обороны, а также в танковых засадах. На первый эшелон уходила половина всех танков, которые имел фронт.

Во втором эшелоне стояли танковые армии и отдельные танковые корпуса. Они располагались в 30—50 километрах от переднего края обороны и предназначались для нанесения контрударов по прорвавшимся группировкам противника.

Второй, бронетанковый, эшелон обороны был основным маневренным ударным средством. С его помощью советское командование рассчитывало изменить и изменило ход оборонительного сражения в свою пользу.

Подчеркну еще раз, что наличие в составе фронтов таких крупных объединений, как танковые армии, явилось одним из решающих факторов того, что наша оборона оказалась непреодолимой.

Использование крупных соединений и объединений бронетанковых войск при ведении оборонительной операции для удержания полос обороны в глубине — второй и тыловой оборонительных полос общевойсковых армий — было новой формой оперативного применения танковых войск, резко увеличивало устойчивость оперативной обороны и позволило отражать атаки крупных танковых масс

противника, наступавших на узких участках фронта группами по 200—300 машин.

Оборонительная часть Курской битвы многим обогатила советское военное искусство. Особенно по вопросам применения в обороне крупных танковых масс. Причем обогащению служат и недостатки, имевшие место при использовании крупных масс бронетанковых сил, если их критически осмысливать.

Ход сражений подтвердил, например, что контрудар достигает цели лишь в тех случаях, когда он наносится мощной группировкой, а действия участвующих в нем танковых армий и корпусов достаточно согласованы, когда ему предшествует не только умело проведенная арт- и авиаподготовка, но атака непрерывно поддерживается артиллерией и авиацией по всей глубине действий войск, осуществляющих контрудар.

Когда не соблюдены эти условия, как это было 8 июля при контрударе 40-й нашей армии и трех танковых корпусов, должного успеха не жди, недаром же противник на этом участке не отказался от намерения продолжать свое наступление...

Но, конечно, не эти просчеты определяют место, занимаемое оборонительными сражениями на Курской дуге в советском полководческом искусстве. Многие принципы действия войск и командования в обороне, выработанные здесь, не потеряли своего значения для современных представлений о ведении боевых действий.

Наша 1-я танковая армия успешно выполнила свою задачу в оборонительных боях под Курском — совместно с 6-й гвардейской армией И. М. Чистякова и другими соединениями обескровила танковые дивизии «Адольф Гитлер» и «Рейх», моторизованную дивизию «Великая Германия», 3-ю и 11-ю танковые и 332-ю пехотную дивизии, уничтожила огромное количество техники и живой силы противника. За героизм и мужество, проявленные в боях, тысячи воинов 1-й танковой армии были удостоены высоких правительственных наград... Многие — посмертно. Неподалеку от памятника павшим, что воздвигнут на

кургане, о котором я писал выше, стоит нынче горделивая фигура танкиста. Это памятник Герою Советского Союза В. С. Шаландину. И есть нечто, крепко связывающее оба эти памятника. Ибо первый — это взнесенная на постамент, израненная вражескими снарядами тридцатьчетверка. Славно послужила она танкисту, что сложил здесь свою голову, героически принял смерть, защищая нашу жизнь.

«Жизнь, ты помнишь солдат, что погибли, тебя защищая?» Для меня, солдата, эти строчки исполнены особого смысла. И я хочу, чтобы молодежь, преклоняя колени перед святой памятью павших, всегда имела перед собой этот самый достойный пример, «с кого делать жизнь»...

Провал операции «Цитадель», непрерывные удары наших войск вынудили фашистские войска отступить на рубеж, который они занимали в ночь на 5-е, к началу Курской битвы.

Приведу, однако, две цитаты из сочинений послевоенных:

«Хотя немецкие войска и отошли, они показали, что ни в чем не уступают русским. Выявилось их бесспорное превосходство в тактике, короткая операция по отходу была проведена очень быстро и организованно».

«Войска, а также их командование не виноваты в этой неудаче. Они вновь показали себя с самой хорошей стороны...»

Авторы? Уже знакомые нам К. Типпельскирх¹ и Э. Манштейн².

Не могу обойти молчанием еще одно заявление этих гитлеровских генералов:

«Немецкая армия приобрела такой боевой опыт, чувствовала себя, несмотря на все понесенные до сих пор потери, так хорошо подготовленной и настолько сознавала свое превосходство над противником, что вполне была

¹ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. С. 255—256.

² Manstein E. Verlorene Siege. Bonn, 1955.

на высоте задач, вытекающих из стратегии борьбы на истощение противника путем оперативного маневрирования»¹.

Выходит, что немецкие войска после каждого понесенного ими поражения становились все сильнее, только вот победы почему-то не одержали...

На сем, пожалуй, можно и кончить полемику, вернуться к рассказу о том, как, закрепляя успех, одержанный в обороне, советские войска перешли в мощное контрнаступление.

12 июля 11-я гвардейская армия И. Х. Баграмяна (а с 13 июля и 50-я армия И. В. Болдина) на левом крыле Западного фронта и войска Брянского фронта (61-я армия П. А. Белова, 3-я — А. В. Горбатова и 63-я — В. Я. Колпакчи) нанесли жестокий удар войскам противника, удерживающим, как они его хвастливо называли, «кинжал в сердце России» — орловский выступ. 15 июля начал теснить врага Центральный фронт. 5 августа советские войска освободили Орел. Была выполнена операция под условным названием «Кутузов».

На юге Курской дуги нашим командованием была проведена Белгородско-Харьковская наступательная операция (условное наименование «Полководец Румянцев»).

Противостоящая группировка врага была еще довольно сильной — в ней оставалось 18 дивизий (в том числе 4 танковые), свыше 3000 орудий и минометов, около 600 танков и штурмовых орудий, до 300 тысяч солдат. Войска группировки заняли прочную оборону на заранее хорошо подготовленном в инженерном отношении рубеже.

Воронежский и Степной фронты получили задачу Ставки разгромить белгородско-харьковскую вражескую группировку и создать условия для освобождения Левобережной Украины. Для этого предусматривалось нанести по врагу глубокий рассекающий удар смежными флангами фронтов в направлении Богодухов, Валки, Новая Водолага. Здесь действовали четыре общевойсковые, две танковые

¹ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. С. 311.

армии, танковый и механизированный корпуса. Танковые армии предполагалось ввести в сражение после прорыва главной полосы обороны противника. Одновременно Воронежским фронтом наносился второй удар силами двух общевойсковых армий и трех танковых корпусов на Ахтырку.

Нашей 1-й танковой армии предстояло действовать в полосе 5-й гвардейской общевойсковой армии, развить ее успех и к исходу первого дня операции овладеть рубежом Борисовка, Дырдан, а на третий день выйти к Богодухову. Нашим соседом слева была 5-я гвардейская танковая армия П. А. Ротмистрова.

Войска готовились к наступлению в сжатые сроки, штабы занимались планированием, организацией взаимодействия войск, в войсках ремонтировали технику, получали новую, прибывало пополнение. В назначенное время наши танки начали сосредотачиваться в исходных районах.

Днем меня вызвал командир нашего 3-го мехкорпуса генерал С. М. Кривошеин. Генерал стоял у входа в свою землянку. Подъехав, я постарался незаметно оставить в кузове «виллиса» костыль, на который опирался вот уже три недели. Дело в том, что еще 9 июля, сбитый взрывной волной от упавшей неподалеку бомбы-фугаски, я сильно повредил ногу.

Подхожу к С. М. Кривошеинн, стараясь не хромать, но это мне, видно, не очень удается, потому что генерал берет меня под руку и этак бережно, как даму, ведет в землянку. Там сидят три офицера. Генерал, как только мы вошли, мягко так обращается ко мне:

— Ну-ка разувайся!

Тут только я замечаю на погонах офицеров эмблему — змею над чашей. Вот оно что!

— Я здоров, товарищ генерал.

— Ладно, ладно. Разувайся.

— Товарищ генерал...

— Заладил. Разувайся, Армо, и не сопротивляйся, нас, как видишь, четверо.

С меня сняли не только сапоги, но и брюки. И это меня «демаскировало»: лодыжка уже почти зажила, но огромная красная опухоль все еще держалась на коленке.

— Так... — протянул С. М. Кривошеин голосом, не предвещавшим ничего доброго, и вопросительно взглянул на медиков. Те согласно кивнули. — Все! — непрерываемо резюмировал Кривошеин. — Вопрос ясен. В госпиталь.

— Как в госпиталь? Перед самым наступлением?

— Да. И прямо отсюда. Берите его. Ишь, каков — с такой ногой наступать собирается. Гангрены захотел?

Эскулапы опять согласно кивнули.

И сколько я ни сопротивлялся, комкор был неумолим. Единственное, что я смог выпросить, — разрешение на несколько минут вернуться в бригаду, чтоб оставить за себя заместителя.

На пороге штаба бригады меня встречал наш начальник политотдела подполковник А. И. Кортелев. Он умел как-то по-особенному располагающе улыбаться, но сейчас я почувствовал в его открытой улыбке что-то виноватое. Недоуменно поглядел на него.

— Да, командир... Лучше признаюсь: это я Кривошеину про вашу ногу сказал.

— Значит, доносить на меня решил — и еще улыбаешься?!

— А иначе на вас управы нет. С такой ногой и до гангрены недалеко.

— Гангрены, говоришь?! — вскипел я, вспомнив, что это буквально слова Кривошеина, и теперь уж окончательно поверив, что мой политотделец действительно «донес» на меня. — В бой без меня, значит, да?

— Командир! Сначала вылечитесь, а потом «на бой кровавый, святой и правый», — напел он, стараясь свести все к шутке.

Кортелев вообще, наверное, дня без шутки не мог прожить. Я решил сыграть на этой его струне.

— Слушай, Кортелев, давай шутку сыграем, а? Я буду

лечиться, слово даю, только не в госпитале, а в тылах бригады, а?

— Как это — в тылах бригады? — не понял Кортелев.

— А так: в щели какой-нибудь примощусь, никто меня не заметит, и с обозом вслед за вами. Понимаешь? Ну а вы ко мне с донесениями и от меня...

— Ага, — улыбнулся Кортелев.

«Клюет», — обрадовался я.

— А ты доложишь по тому же адресу, куда уже докладывал, что комбриг, дескать, в госпитале. Славная шутка получится, а?

Кортелев опять широко улыбнулся:

— Отличная шутка. Кавказская шутка. Всем понравится, кроме гангрены.

— Тьфу, чтоб тебя! — в сердцах махнул я рукой на непреклонность своего комиссара. — Скажи Богомолу, пусть людей построит — попрошаюсь.

И ушел, назло ему не опираясь на костыль, а неся его в руке.

Перед отъездом в госпиталь я решил — хоть сам проверю готовность людей к завтрашнему наступлению.

За меня оставался начальник штаба бригады Н. В. Богомол. Доверял я ему как себе, но момент был такой, что Богомол на меня не обиделся.

И вот ковыляю вдоль строя, не столько оружие осматриваю, сколько в лица вглядываюсь: вот они, мои ребята — танкисты, мотострелки, артиллеристы, саперы, — загорели под летним солнцем, вид бравый. Таким сам черт не брат. Еще бы, средний возраст солдат и офицеров — двадцать лет, большинство комсомольцы, немало коммунистов.

Вот Г. К. Карпинос, командир танковой роты, со своим экипажем в оборонительных боях шесть вражеских танков подбил. Вот И. А. Никитин — пять танков на счету. А это П. И. Пospelовский, бронебойщик, тоже пять танков поджег. Из ружья! Останавливаемся около него с Богомоловым и Кортелевым. Солдат четко представляется:

— Рядовой Пospelовский! — а сам улыбается, мы с ним старые знакомые, сколько дорог прошли — от самого Ржева, не меньше.

— Ну как дела, Пospelовский?

— Везде поспеваю, товарищ полковник! — под общий смех отвечает солдат. С таким не соскучишься.

Вечером опять позвонил комкор, возмутился, что я еще не уехал в госпиталь.

Уехал наконец. В полевом госпитале ногу загипсовали, уложили меня в какой-то беленькой хате — до Украины-то каких-нибудь сорок километров.

Лежу. Тепло, оконце приоткрыто, видно звездное небо. Дожди прекратились, дороги просохли. Завтра наступление. Уснуть не могу, куда уж там...

Время как остановилось, не шелохнется. Танки сейчас все росой покрыты, стоят замаскированные в оврагах, в рощах. Почему птицы не поют? Нету птиц — война распугала...

И вдруг среди этой ночи и тишины далекий голос. Пусть не Козловский, но как поет!

Толкаю костылем окошко, чтоб пошире открылось, и еще лучше слышу песню, доносящуюся издалека:

Повій, вітре, на Україну,
Де покинув я дівчину,
Де покинув карі очі..

Где же ты, танкист, покинул свою дивчину? Где она теперь — ушла на фронт, успела пробраться к партизанам? Или томится в бараках Майданека? Или, угнанная в неволю, гнет спину на опостылевший рейх?

Сколько же тоски может вместить в себя непритязательная мелодия... И когда получит солдат ответ на мучительный свой вопрос? Только когда на своем танке войдет в родное село. Дойдет ли, улыбнется ли ему военное счастье — не подорвется ли на противотанковой мине, не сгорит ли в своем танке...

Сейчас он сам и не думает об этом. В войну к каждому приходил страх, приходил не раз и не два. В эту ночь, в пред-

чувствии встречи с родной землей, какой уж у этого парня может быть страх. Дай ему бог дойти до родного дома...

Встает заря. Клубится дымка над лощинами и оврагами. Это вот-вот начнется. Знаю, что вчера командиры бригад и корпусов, командующие армиями с оперативными группами заняли свои наблюдательные пункты, на КП фронта прибыл представитель Ставки маршал Г. К. Жуков.

Смотрю на часы. 5.00. Вот оно!

Землю потряс страшный грохот. Началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка. По врагу били тысячи орудий и минометов, его позиции бомбили сотни самолетов. Представляю сплошную пелену дыма над вражескими укреплениями. Там, наверное, уже все перемешано. А бомбы все падают, падают. Прошло уже полтора часа, а артподготовка все продолжается.

Дрожит земля на десятки километров. В грохоте тонут все звуки. Кажется, это предел возможного. Но вот грохот еще мощнее, к нему теперь примешивается вой эрэсов гвардейских минометов. А в небе волна за волной идут наши бомбардировщики. Гула моторов не слышно, его заглушают артиллерийские раскаты, но зрелище это настолько величественно, что, как потом рассказывали, бойцы вставляли в окопах во весь рост, восторженными криками приветствуя наших соколов.

Штурм переднего края обороны противника начался в 7 часов 55 минут. К 12 часам 5-я гвардейская армия прорвала две позиции главной полосы вражеской обороны и углубилась в нее километров на четыре-пять, однако дальнейшее наступление замедлилось.

Тогда командующий Воронежским фронтом генерал Н. Ф. Ватутин ввел в бой передовые отряды 1-й и 5-й гвардейской танковых армий. Сила удара общевойсковых армий была наращена, прорыв главной полосы вражеской обороны завершен, главные силы танковых армий вошли в прорыв для развития успеха в оперативную глубину. В первый же день наступления советские войска вклини-

лись в расположение противника до двадцати пяти километров.

5 августа Степной фронт возвратил Родине Белгород. В этот вечер прозвучал в Москве первый артиллерийский салют в честь победителей — в честь освободителей Орла и Белгорода.

Еще в зимнюю кампанию 1942/43 года советское командование впервые применило прием последовательного наращивания усилий войск при развитии оперативно-стратегического наступления. Но наиболее ярко и эффективно этот метод был использован в наступательной фазе Курской битвы.

7 августа начал наступление Западный фронт — на Смоленск, вместе с ним Калининский и Юго-Западный, 18-го — Южный фронт. Это стало характерной особенностью наступления лета и осени сорок третьего — последовательность ударов советских фронтов. Как пулеметная очередь, по всей линии советско-германского фронта.

Сейчас бывшие генералы вермахта, пытаясь в своих мемуарах оправдать поражения фашистской армии, твердят, что советские успехи — за счет переброски войск с других фронтов. Однако если восстановить ход операций, то окажется, что, скажем, от первой до седьмой операции — всего месяц. Разве за столь короткий отрезок времени мы могли перебросить с одного фронта на другой такое количество войск, какое необходимо для серьезного усиления наступления?

Умелые перегруппировки внутри фронта, с одного направления на другое — иное дело. Вот это действительно удавалось советскому командованию.

Ломая сопротивление врага, наши части рвались к Украине. 49-я танковая бригада А. Ф. Бурды овладела крупным населенным пунктом Домнин, 200-я танковая Н. В. Моргунова завязала бой на северной окраине Томаровки, главные силы танковых корпусов вынуждены форсировать реку Ворсклу, там разрушены мосты... Это затруднило переправу, корпуса армии не смогли нарастить ударов своих передовых отрядов, а противник тем временем силами

своей 19-й танковой дивизии организовал на этом рубеже прочную оборону.

Ввод в прорыв крупных подвижных объединений в наступательной операции в период Великой Отечественной войны впервые был применен здесь, на Воронежском фронте, на белгородско-харьковском направлении. Этот первый урок поучителен, ибо ни в штабах танковых армий, ни в штабах корпусов не было необходимого опыта, инженерное обеспечение было недостаточным, в войсках не хватало табельного инженерного имущества, войска не умели как следует использовать местные материалы для форсирования небольших рек.

И вот результат — даже такая маленькая речушка, как Ворскла, чуть не поставила под угрозу срыва всю операцию.

Только на следующий день, 6 августа, 1-я танковая переправилась через Ворсклу и завязала затяжные бои у второй полосы обороны противника. 5-я гвардейская танковая П. А. Ротмистрова, однако, уже в первый день сумела с ходу прорвать эту полосу на своем участке, но, не будучи поддержанной другими войсками фронта, тоже вынуждена была вместо дальнейшего продвижения вперед перейти к отражению ударов подошедших резервов противника.

Почему я говорю, что эти бои были поучительны для дальнейших операций Советских Вооруженных Сил? Потому что они снова с достаточной ясностью продемонстрировали главное назначение танковых армий — глубокое вторжение в оперативную оборону противника с целью ее дезорганизации. Поставленные же совместно с общевойсковыми соединениями на длительное прогрызание отдельных узлов и рубежей сопротивления, они не могут использовать до конца свою ударную и маневренную силу.

В первый же день наступления, когда добилась успеха 5-я гвардейская танковая армия, следовало, как теперь понятно, на этом же направлении сосредоточить главные силы 1-й танковой и, стремительно развивая успех, выйти

навстречу подходящим резервам противника, которые он спешно подтягивал с Донбасса, не дать возможность этим резервам изготавиться для нанесения контрудара, разгромить их поодиночке. И продолжать решительное проникновение в глубь оперативной зоны обороны противника.

Даже Э. Манштейн признает, что между немецкими армиями в районе северо-западнее Харькова была брешь, достигавшая пяти километров, и «путь на Полтаву и далее к Днепру для противника, видимо, был открыт».

Был бы действительно, по-моему, открыт, если бы наши танковые армии и отдельные танковые корпуса, не задерживаясь у каждого узла сопротивления, совершили смелый маневр, вышли бы в тыл противника, и тогда не только Полтава, но и другие важные объекты оказались бы в наших руках еще в начале августа.

Конечно, все это так ясно и понятно только теперь, спустя многие годы. Но тем не менее Белгородско-Харьковская операция стала серьезной школой для командиров всех степеней.

Генерал армии С. М. Штеменко в своих воспоминаниях об А. И. Антонове, бывшем в то время заместителем начальника Генштаба, рассказывает, что 7 августа А. И. Антонов, предварительно согласовав с Верховным Главнокомандующим И. В. Сталиным, послал командующему Воронежским фронтом следующее указание:

«Из положения войск Пятой гвардейской армии Жадова видно, что ударная группировка армии расплылась и дивизии армии действуют в расходящихся направлениях. Товарищ Иванов (так тогда условно именовался И. В. Сталин) приказал вести ударную группировку армии Жадова компактно, не распыляя ее усилий в нескольких направлениях. В равной степени это относится и к Первой танковой армии Катукова»¹.

Шли кровопролитные бои, а я томился в чистенькой

¹ Штеменко С. Генерал армии Алексей Антонов. — В кн.: Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1970. С. 27.

горнице беленькой хатки. Моя хозяйка, симпатичная украинка лет тридцати, старательно ухаживала за мной, а еще больше за Лешей Карпенко, моим ординарцем.

Однажды ночью сквозь открытое оконце слышу, громко шепчутся на завалинке:

— Ой, Леша, як я тебе кохаю. Ніч не можу спаты.

Леша басит в ответ:

— Чого ты мне кохаэш... В мене жинка е...

Тяжелый вздох — и быстро удаляющиеся шаги, сначала легкие, женские, вслед за ними тяжелые, Лешины.

Уж и не знаю, ругать его наутро за бессердечие или хвалить за целомудрие.

Через два дня меня будет смотреть хирург, решит мою дальнейшую судьбу. А пока ко мне каждый день приезжает от Богомолова офицер связи, информирует об обстановке, я аккуратно наношу на свою карту движение бригады. Но на сердце у меня беспокойно.

И потому, когда приезжает наконец хирург, мой друг военврач Л. А. Эльдаров, заявляю ему ультимативно:

— Снимай гипс, эскулап. Не снимешь — сам срежу.

— Я тебе срежу! Лежи и не дури. Не маленький — комбриг! Если комбриги самовольничать начнут, что я с рядовыми буду делать? Охрану к госпиталям приставлять? А кто воевать будет?

— Как раз те, кто из вашей лекарской тюрьмы сбежит, — пытаюсь отшутиться я.

— Тоже воинство костыльное! — парирует Л. А. Эльдаров. — Лежи, а то хуже будет. И не подумай удрать, я тебя знаю.

«Спасибо за идею», — произнес я, разумеется про себя, и, как только Л. А. Эльдаров удалился, вылез из-под одеяла, попрыгал по комнате с костылем, потом без него. Больно, но уже не так, как вначале. Значит, нечего тянуть, хватит.

— Карпенко! — заорал я во весь голос. Вбежал встревоженный ординарец.

— Алексей, добудь у хозяйки ножик побольше и поострее.

— Это зачем? — недоверчиво медлил Леша.

— Выполняй приказ и не рассуждай, — проворчал я. — Побыстрой!

Через несколько минут Леша явился, неся обеими руками нож, который по размерам походил на кинжал моего деда.

Я расхохотался.

— Ты решил: быка резать будем?

— Другого у хозяйки острого нема. — Растерянный Леша не знал, куда положить такой нож.

— Это она от любви к тебе, от всего сердца самый большой дала... Ты, кстати, не очень с ней мил, как я посмотрю...

— Та у них же, товарищ полковник, что постоялец, то коханий.

— А муж где?

— Погиб.

— Так ты тогда дурень, Леша. А еще обобщаешь...

— Может, и так... — согласился Леша после небольшого раздумья.

— Похоже, что самокритика тебе на пользу. Однако уже поздно, друг...

Алексей непонимающе хлопал глазами.

— Сейчас догадаешься. Держи крепко свой кинжал и режь гипс. Только ногу заодно не откромсай.

— Товарищ полковник, но ведь доктора...

— Режь, тебе говорят!

На рассвете мы уже мчались вдогонку бригаде.

Чем ближе к линии фронта, тем больше вокруг покоренных танков, самоходок, автомашин, врезавшихся в землю самолетов. По обеим сторонам дороги обгоревшие мертвые деревья. Снуют машины с горючим и боеприпасами. И все нарастает гул артиллерийской канонады, превращаясь постепенно в грохот.

Спешим добраться до бригады, пока еще свободен «воздух». У меня на карте нарисован треугольник — это КП бригады. Если за ночь ничего не случилось, легко найдем его. Но вдруг нагоняю колонну тридцатьчетверок. Гля-

жу на номера машин — батюшки, да это же наши, из танкового полка нашей мехбригады. Останавливаю головную машину. На ходу оттуда выпрыгивает майор А. П. Петров, заместитель командира полка. Узнал, несмотря на то что мы с Лешей черные от пыли, как негры. Доложил обстановку, задачу полка и бригады. И пока докладывал, смотрю — в небе восемнадцать Ю-87.

Перестраиваются, ага, значит, сейчас начнут пикировать.

— Воздух! — кричит А. П. Петров. — Товарищ полковник, отгоните вашу машину в сторону. Дать зеленую ракету! — командует майор. — Еще одну зеленую!

Гляжу, «юнкеры», сделав круг над колонной, уходят. Молодец Петров, значит, знает опознавательный сигнал врага, наблюдателен. И разведка, видно, у нас не промах.

На КП бригады застал троих — Н. В. Богомолова, А. И. Кортелева и начальника оперативного отделения майора А. П. Коваленко.

Досрочное возвращение мое было воспринято без большого удивления. «А чего еще от тебя ждать», — сказал Богомолов, а Кортелев почему-то не улыбался. Коваленко подробно информировал о делах в бригаде и об общей об-

На переправе

становке: о том, что противнику удалось подтянуть резервы, контратаками затормозить наше наступление, что он массированно применяет авиацию — пикирующие бомбардировщики.

— Нет моготы, замучили проклятые «юнкеры», — закончил А. П. Коваленко.

— И в такое время, — продолжил разговор начальник политотдела А. И. Кортелев, — у вашего любимчика, комбата Кунина, развлекаются: напоили гусей водочкой, гуси гогочут, падают...

— Ровно алкоголики в день получки! — рассмеялся Богомолов.

— Ничего тут смешного нет, — серьезно, куда только девалась всегдашняя улыбка, возразил Кортелев. — За это стружку снимать надо. Как малые дети...

Капитан А. М. Кунин — храбрый офицер, весьма толковый комбат, не раз был ранен и не раз представлен к наградам, даже к самым высоким. Не отставал от него по храбрости и его замполит.

— Погоди стружку снимать, — сказал я Кортелеву. — Пожури Кунина немного, и хватит.

— Ну, хорошо... — согласился тот и перешел к рассказу о том, какую значительную партполитработу провели в частях перед наступлением. В ротах, батальонах, дивизионах прошли партийные собрания, новые члены партии получили партийные документы. Партдокументы выдавались даже в ходе боев. Решено поставить коммунистов и комсомольцев на самые трудные участки предстоящего наступления.

Замечательные люди — и Богомолов, и Кортелев, и Коваленко, и Кунин. Все геройски завершили войну. Афанасий Иванович Кортелев скончался в 1967 году в родном Брянске, где жил и работал еще до войны. С Коваленко я встретился в 1960-м в Одессе, он там был председателем горисполкома. Мы с ним вспоминали весь его боевой путь в нашей армии — начал младшим лейтенантом, офицером связи, кончил майором, начальником оперативного отдела корпуса.

Богомоллов и Кунин — москвичи, позванивают мне время от времени, приезжают. Старых однополчан всегда волнуют минувшие дни и битвы...

Приступив к своим обязанностям, позвонил комкору. С. М. Кривошеин хмыкнул в трубку:

— Ну, приступил так приступил. После боя покажись, каков ты сейчас есть добрый молодец. А пока желаю успеха.

В 1-й танковой благодаря большой работе Военного совета, командиров и политработников была создана исключительно дружеская атмосфера, несколько не мешавшая соблюдению субординации, но стимулирующая проявление разумной инициативы и творчества, взаимовыручки и товарищества.

Тон этот задавали прежде всего сам командующий Михаил Ефимович Катуклов и член Военного совета Николай Кириллович Попель — личным примером, личной заботой о каждом своем подчиненном. Можно полагать, что эти качества не только украшают военачальника, но немало способствуют укреплению его авторитета и душевного к нему отношения подчиненных.

1-й танковой предстояло выйти на рубеж Максимовка, Сковординовка, овладеть Богодуховом, населенным пунктом Купьеваха. Во второй половине дня 7 августа 6-й танковый корпус нашей армии сломил сопротивление противника и стремительно начал развивать успех. Его передовой отряд — 22-я бригада под командованием полковника Н. Г. Веденичева — ворвался в Богодухов, 200-я бригада этого же корпуса, которой командовал полковник Н. В. Моргунов, захватила железнодорожную станцию города.

Эффект получился ошеломляющий — богодуховский гарнизон сдался без серьезного сопротивления, было захвачено много железнодорожных эшелонов, складов боеприпасов, бензина, продовольствия.

Одним из первых ворвался в город на своем танке младший лейтенант И. М. Ивченко, коренной житель Богодухова. Здесь, в городе, в оккупации оставались его мать, сестра, жена с маленьким сынишкой. Из распахнутого люка

Пулеметчики ведут огонь по врагу

танка он пристально вглядывался в улицы родного города, торопил водителя: «Скорей!», а тот и так гнал машину на полной скорости. Вот и дом, вот они, родные, — жена, мальчуган...

Население Богодухова встречает освободителей цветами, хлебом-солью. У многих на лицах слезы. В центре города жительница Мария Бачинская у своих ворот накрыла большой стол, устала его нехитрым угощением: квасом, молоком, фруктами — всем, что имела.

Какие-то люди, изможденные, в рваной одежде, просят танкистов проводить их к самому главному начальнику. Они окружают нас, обнимают, целуют. Оказывается, танкисты подоспели очень вовремя — немцы собирались расстрелять их, подозревая, что они поддерживали связь с партизанами.

Наш 3-й мехкорпус продолжал отражать удары подошедших резервов противника, 5-я гвардейская танковая армия билась за Золочев.

Отражая непрерывные контратаки подошедших вражеских танковых дивизий СС «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг» и других частей, наши войска понемногу теснили противника, в буквальном смысле слова выталкивали его с занимаемых рубежей. Очевидно, целесообразнее бы-

ло прикрыться на правом фланге частью сил фронта, а главными танковыми корпусами нанести сосредоточенный удар на ахтырско-полтавском направлении и выйти в глубокий тыл харьковской группировки врага, которую войска Степного фронта уже успешно громили с востока и юго-востока.

«В тот момент, — пишет С. М. Штеменко, — сосредоточение усилий наших наступавших войск приобрело исключительную важность, поскольку сражение под Харьковом вступало в решающую фазу. Поэтому в ночь на 10 августа А. И. Антонов от имени Ставки Верховного Главнокомандования направил еще одну телеграмму, на этот раз адресованную представителю Ставки Г. К. Жукову. Речь шла опять-таки о сосредоточении усилий танковых армий на определенных направлениях, что ставило врага в крайне тяжелое положение»¹.

Наша 1-я танковая армия имела в своем составе к этому времени после ряда тяжелых боев всего около 200 танков и самоходок, а действовать ей приходилось более чем на 40-километровом фронте. Равномерное распределение войск по всему фронту для постепенного «выталкивания» противника вместо сконцентрирования главных сил на избранном для прорыва участке могло привести к ослаблению темпа наступательной операции.

11 августа дивизии «Викинг», «Рейх» и «Мертвая голова» нанесли по нашей танковой армии сильный контрудар из района южнее Богодухова. Совместно с переброшенными сюда частями 5-й гвардейской танковой армии и 32-го стрелкового корпуса удалось к 17 августа остановить врага.

Тогда он силами 7, 11, 19-й танковых дивизий, моторизованных дивизий 10-й и «Великая Германия» 18 августа ударил из района Ахтырки на Богодухов, в первый же день продвинулся, потеснив 27-ю армию, на 24 километра.

Чтобы остановить его, снова была брошена 1-я танко-

¹ Штеменко С. Генерал армии Алексей Антонов. — В кн.: Полководцы и военачальники Великой Отечественной. С. 27.

Колонна пленных немцев

вая. Вместе с 4-й гвардейской общевойсковой, переброшенной сюда из резерва Ставки, она остановила врага, но далее наступать уже не смогла, натолкнувшись на хорошо организованную оборону противника.

Танковая армия исчерпала свои возможности в оборонительных и наступательных сражениях под Курском, в ней осталось столь незначительное количество танков, что далее оставлять ее в боях не имело смысла. В сентябре она была выведена в резерв Ставки. В составе общевойсковой армии продолжали действовать механизированные бригады 1-й танковой.

Этой 4-й гвардейской армией командовал генерал Г. И. Кулик. Однажды сюда прибыл заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков.

3-я механизированная бригада должна была наступать совместно со стрелковым корпусом армии Г. И. Кулика, поэтому я находился на КП этого корпуса, уточняя с офицерами штаба вопросы взаимодействия. Закончив работу, направился к своей машине и тут столкнулся нос к носу с приехавшим Г. К. Жуковым.

— А где генерал Кулик? — спросил Георгий Константинович.

— Уехал, товарищ маршал.

— Как уехал?! Он же был предупрежден о моем приезде. И комкора с собой увез?

Я молчал.

— А вы чем занимаетесь?

— Уточнял у начальника штаба корпуса боевую задачу.

— Так... Слушайте, а нельзя ли тут у вас чего-нибудь перекусить? С утра ничего не ел, — как бы извиняясь, спросил маршал.

«Жуков принимает меня за офицера этого корпуса, надо объяснить ему», — подумал я.

— Очевидно, можно, товарищ маршал, — отвечал я и шепнул кому-то из рядом стоящих офицеров, чтоб распорядился насчет обеда и заодно срочно вызвал сюда хотя бы их начальника штаба.

Принесли обед. Жуков съел тарелку первого, второе устало отодвинул и вдруг спросил:

— А вы почему не едите?

— Уж обедал, товарищ маршал. У себя, в 3-й механизированной бригаде.

— Ага! — понял Жуков. — Так... Значит, выходит, командарм и комкор отбыли, услышав о моем приезде?

И что я мог ему на это ответить...

— Ну а вы почему не уехали?

— Не успел, — непроизвольно вырвалось у меня. Маршал вскинул брови, улыбнулся:

— Выходит, попали в плен к Жукову. Тогда проводите меня на КП Кулика.

Я проводил и оказался невольным свидетелем довольно неприятной для Г. И. Кулика сцены. Впрочем, все, что ему сказано по поводу его деятельности как командарма, было правильно и справедливо. Я слушал, а на память снова приходил корнейчуковский «Фронт».

Сейчас, читая книгу Георгия Константиновича, я узнал, что Г. И. Кулик не случайно преуменьшал возможности приданных ему механизированных сил. Еще до войны, будучи маршалом и заместителем наркома обороны по вооружению, Кулик недооценивал необходимость бы-

стрейшей механизации войск¹. Поэтому, очевидно, неслучайным был и финал этого посещения маршалом Жуковым Г. И. Кулика: «К сожалению, он плохо справлялся со своими обязанностями, и вскоре его пришлось освободить от командования»².

В боях под Богодуховом и Ахтыркой погибли славные сыны Родины — командир 31-го танкового корпуса генерал-майор Д. Х. Черненко, командир 112-й танковой бригады полковник М. Т. Леонов, начальник политотдела этой бригады полковник С. Е. Вобян, командир 237-й танковой бригады майор Н. П. Проценко и многие другие...

С. М. Штеменко рассказывает:

«Докладывая в ночь на 22 августа обстановку Верховному Главнокомандующему, генерал А. И. Антонов сделал вывод о том, что наши возможности выйти в тыл харьковской группировки противника ухудшились. А произошло это потому, что командование фронта недооценило нависающую угрозу, даже, правильнее сказать, проглядело ее. Продвижение наступающих войск продолжалось без достаточного закрепления отвоеванных рубежей и обеспечения флангов.

Вот тогда-то, после этого заключения А. И. Антонова, Верховный Главнокомандующий продиктовал директиву командующему фронтом Н. Ф. Ватутину, ставшую впоследствии известной всем начальникам и штабам. Содержание ее отчетливо выражало центральную идею о том, что продвижение вперед в ходе наступления не должно превращаться в самоцель. В частности, в этой директиве было сказано:

«Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера. Такое наступ-

¹ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 194—195, 206.

² Там же. С. 501.

Бой на Курской дуге

ление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям.

Как известно, — пишет далее С. М. Штеменко, — нашим войскам к моменту издания этой директивы удалось отбить контрудар противника. Действия правого крыла Воронежского фронта стали более организованными, и попытки противника приостановить наше наступление провалились»¹.

Воронежский фронт активными действиями ликвидировал ахтырскую группировку врага.

От мощного удара советских войск на белгородско-харьковском плацдарме открылись «ворота» в пределы Левобережной Украины и Донбасса.

Белгородско-Харьковская операция успешно завершилась. 23 августа войсками Степного фронта И. С. Конева при содействии войск Воронежского и Юго-Западного фронтов был освобожден Харьков.

Страна вновь салютовала победителям.

¹ Штеменко С. Генерал армии Алексей Антонов. — В кн.: Полководцы и военачальники Великой Отечественной. С. 27—28.

Так был завершен план «Полководец Румянцев». Так завершилась Курская битва. Так начинался новый этап Великой Отечественной — стратегическая инициатива в войне прочно в руках Советских Вооруженных Сил.

И сейчас, мне кажется, самое время, подводя итоги Курской битвы в целом, сформулировать роль в ней танковых и механизированных войск, их значение для успеха Советских Вооруженных Сил в этой битве.

Блестящие успехи советских войск в оборонительных сражениях создали благоприятные условия для второго этапа Курской битвы — наступательного. В ходе наступательных операций бронетанковые войска обогатились качественно новым опытом — новыми принципами использования и эшелонирования при наступлении фронтов.

Танки и здесь использовались двояко: как танки непосредственной поддержки пехоты (НПП) и как самостоятельная ударная сила, призванная во взаимодействии с другими родами войск играть решающую роль при проведении крупных операций.

Но и в первом варианте это было качественно новое их применение. Возросли плотности танков НПП: например, в 11-й гвардейской общевойсковой армии их было до 30 машин на один километр фронта.

Думаю, что не совершу ошибки, сказав, что применение танковых армий — самостоятельных крупных войско-

Пулеметный расчет выдвигается на позицию

вых объединений — было одним из решающих условий нашей победы в наступательной фазе Курской битвы.

Я уже говорил выше, что для нашей военно-теоретической мысли в этой проблеме очень многое приходилось решать заново. Естественными поэтому были просчеты и недостатки, о которых тоже уже упоминалось. Однако и успехи и недостатки — уже опыт истории, поэтому судить о них можно с достаточной степенью беспристрастности, научной объективности. Не следует предавать забвению некоторые ошибки в использовании крупных танковых масс в Белгородско-Харьковской операции, которые описаны выше. Но при этом надо отдавать и должное. 1-я и 5-я гвардейские танковые армии наступали здесь в одном направлении, и этот бронированный меч нанес глубокий рассекающий удар по вражеской противоборствующей группировке, развалил ее на части и дал возможность общевойсковым армиям довершить разгром врага.

А вот в Орловской операции дело обстояло несколько иначе. 3-я и 4-я танковые армии сыграли немаловажную роль в ликвидации орловского плацдарма противника. Но обе они выполняли здесь роль, так сказать, бронированного молота. Причем если 4-я еще наносила удар в одном направлении, то 3-й танковой пришлось наносить ряд ударов, совершая в ходе операции несколько перегруппировок вдоль фронта.

Наверно, не надо особенно разъяснять, что один централизованный удар всей силой способен глубже пробить стену любой прочности, чем множество малых и нанесенных в разные места этой стены.

В составе обеих этих армий было почти полторы тысячи боевых машин. Такая подвижная сила могла глубоко вклиниться в расположение противника, рассечь его группировку и затем дать возможность стрелковым войскам окружить разрозненные вражеские части и поодиночке уничтожить их.

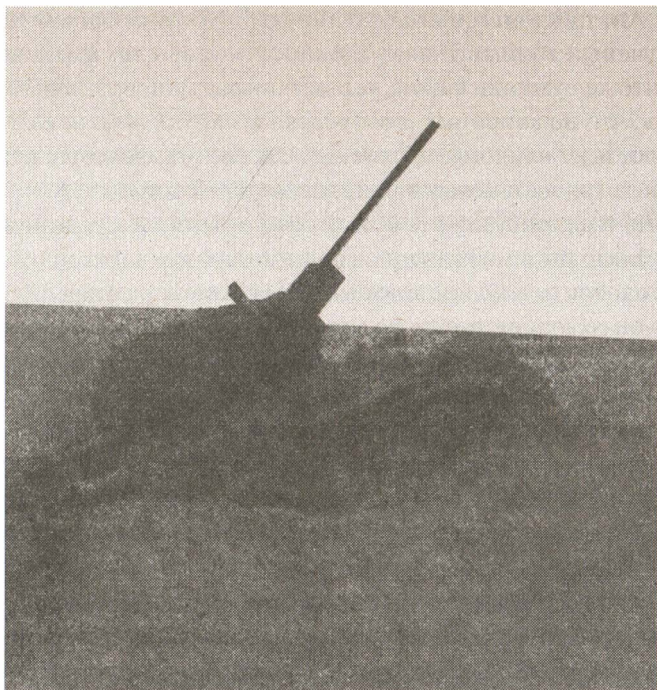
Потому подчеркну: решение задачи развития успеха наступления зависело от стремительности вклинения танковых масс в глубину обороны врага. Когда в Белгородско-Харьковской операции танковые армии решительно и

быстро проникали в оперативную глубину обороны противника, это позволяло им наносить удары по флангам и тылам вражеских войск, ограничивало маневренные возможности последних, приводило к нарушению устойчивости всей обороны противника. А все эти факторы резко изменяли обстановку в пользу советских войск.

Успех действий танковых объединений и соединений в оперативной глубине решающим образом зависел от организации и поддержания взаимодействия с общевойсковыми объединениями и соединениями. Случалось, что стрелковые части выходили на рубежи, занимаемые подвижными войсками, с большим опозданием. Но именно налаженное взаимодействие различных родов войск решило успех Курской битвы. И если я обращаю внимание на случаи, где оно было организовано не всегда удовлетворительно, то только для того, чтобы этими исключениями подчеркнуть правило.

Во время отражения сильных контрударов танков противника 11—20 августа в районах Богодухова и Ахтырки, когда порой общевойсковые армии несвоевременно выдвигались в районы встречных сражений танковых войск, при слабом авиационном обеспечении маневр подвижных войск резко ограничивался. Иногда в ответственные моменты танковые армии вынуждены были нести основное бремя борьбы с крупными силами врага и оказывались скованными, не могли в должной мере использовать свои маневренные возможности. Но, несмотря на все это, в ходе Белгородско-Харьковской операции наши бронетанковые войска приобрели серьезный опыт борьбы с вражескими оперативными резервами.

Было ли организовано взаимодействие различных родов войск у противника, ведь Гудериан этой проблеме еще до войны посвятил даже целую книгу? Да, было. Но внимание к этому вопросу отнюдь не исключало той порочной в военном отношении идеи, которой всю войну руководствовался вермахт, руководствовался педантично, неизменно, — идеи, по которой основная ставка делалась на особое оружие, на супероружие.

Т-34-76, подбитый на Курской дуге

Так и Курскую битву фашистская военная верхушка рассчитывала выиграть лишь козырями — «тиграми», «пантерами», «фердинандами», а свое поражение объясняла не превосходством советского командования, не силой советского оружия, не доблестью и мужеством советских воинов, а роковыми просчетами Гитлера, перенесшего, вопреки настояниям генералов, начало Курского сражения с мая на июль. Не соверши, дескать, Гитлер «рокового промедления», победы не были бы «утерянными».

Можно оставить это заявление на совести фельдмаршала Манштейна, на совести фельдмаршала фашистской армии.

Но как обойти высказывания его адвокатов, которым не мешает теперь быть таковыми даже то, что в период войны они были союзниками противников манштейнов, гудерианов, готов!

Английский генерал Дж. Фуллер — серьезный как будто ученый в области военной истории... Но вот что пишет ничтоже сумняшеся: «С полным основанием можно считать, что не сопротивление русских, как бы велико оно ни было, и не влияние погоды на действия германской авиации, а грязь, в которой застрял германский транспорт за линией фронта, спасла Москву»¹.

Было бы с моей стороны, наверно, крайне некорректно заподозрить Дж. Фуллера в недостатке эрудиции, в том, что он незнаком с шедевром мировой литературы — «Войной и миром», с тем, как Толстой саркастически насмеялся над «историками», которые «говорят, что Бородинское сражение не выиграно французами потому, что у Наполеона был насморк... и что поэтому тот камердинер, который забыл подать Наполеону 24-го числа непромокаемые сапоги, был спасителем России»².

Но, допустим, Лев Толстой с его логикой доказательств, что не мелочи, а суть исторических событий определяет мировую историю, допустим, великий писатель и мыслитель, не авторитет для Дж. Фуллера, а марксистский исторический материализм он игнорирует.

Да, под Москвой в 1941-м, как и в 1812-м, была грязь, распутица. Допустим. Но под Курском в 1943-м стояло жаркое лето. И за пятьдесят дней боев здесь фашистская армия потеряла 30 дивизий, около полумиллиона человек, до 1500 танков, более 3700 самолетов. А похоже, что генерал Фуллер и в поражении под Курском склонен отыскать для германской армии оправдания такого же толка, как грязь под Москвой, хотя и не говорит об этом прямо.

Нечего делать, он вынужден признать, сколь значительна победа советских войск под Курском. Однако что же привело здесь, по мнению Фуллера, вермахт к катастрофе? Немецкий «шаблон для блицнаступлений», который он сам осуждает? Блистательная советская стратегия?

Увы, нет. «Гитлер — азартный игрок, никогда не укло-

¹ Фуллер Дж. Ф. С. Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 168.

² Толстой Л. Н. Собр. соч. в 14 т. Т. 6. С. 225—226.

нявшийся от риска, — решился на эту операцию, и хотя ей было суждено окончиться катастрофой, трудно сказать, что он в той политической обстановке допустил ошибку»¹.

Пусть читатель не удивляется. Сквозь всю книгу Фуллера просвечивает симпатия к побежденному противнику, мотивируемая христианской моралью. Но религиозной ширмой не скрыть ему истинных своих воззрений. А их можно свести к следующему: жаль, что гитлеровская Германия пала, она была бы прекрасной ударной силой против России, рассадника коммунистических идей...

Заканчивая разговор о Курской битве, мне хотелось бы отметить, что она по своему характеру, насыщению боевой техникой, особенно танками, разнообразию форм их применения, возникающим ситуациям приближается к тем представлениям, которые складываются у нас о современном бое и крупной военной операции.

Разумеется, в условиях ракетно-ядерной войны меняются возможности и характер действия войск, однако многие общие принципы, выработанные в ходе Курской битвы, не утратили своей актуальности. Наши танковые войска, в частности, далеко ушли в своем развитии от того, что было во время курских баталий, но приобретенный здесь боевой опыт продолжает оставаться достоянием советского военного искусства.

¹ Фуллер Дж. Ф. С. Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 364.

Глава четвертая

ПОВІЙ, ВІТРЕ, НА ВКРАЇНУ

«ВЫСШЕМУ РУКОВОДИТЕЛЮ ВОЙСК СС И ПОЛИЦИИ НА УКРАИНЕ

Дорогой Прюцман!

Генерал пехоты Штапф имеет особые указания относительно Донецкой области. Немедленно свяжитесь с ним. Я возлагаю на вас задачу всеми силами содействовать ему. Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса, чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя; чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну. Немедленно обсудите эти вопросы со Штапфом и сделайте все, что в человеческих силах, для выполнения этого.

Ваш Гиммлер»¹.

Все, что было в человеческих, вернее — бесчеловечных, сатанинских силах, было сделано гитлеровцами. Все, что было в человеческих силах, было сделано советскими войсками, чтобы стремительным наступлением помешать гитлеровцам осуществить свои варварские замыслы.

¹ Цит. по: Военно-исторический журнал. 1965. № 1. С. 83.

Но многие заранее запланированные злодеяния враг все-таки успел совершить: он уходил, оставляя после себя разрушения, пепелища — выжженную дотла землю.

Такой была и сумская земля, на которой дислоцировались выведенные на доукомплектование и учебу части нашей 1-й танковой армии.

Стояла на диво теплая и ласковая осень. С утра до ночи гомонили перелетные птицы. Возвращалась жизнь, и было ощущение, что возвращаются и птицы, распуганные войной, хотя им приспело время улетать в теплые страны. Багрянец осени вызолотил сумские леса, укрывшие боевую технику 1-й танковой, которую чинили, чистили, драили — готовили к новым сражениям.

А в города и села области возвращались жители, спасшиеся от гитлеровской неволи... Военный совет армии принял решение помочь населению в восстановлении разрушенного народного хозяйства. Особенно активны в этом были армейские комсомольские организации.

Появились комсомольские бригады плотников, каменщиков, столяров. Была проделана огромная работа по устройству жилья для населения.

Я глядел на трудовой энтузиазм моих молодых ветеранов и думал о том, что не только боевой, но и трудовой их комсомольский подвиг достоин пера нового Николая Островского.

В лесах, тем временем ронявших багряный свой убор, шли упорные, регулярные занятия, боевые учения. Ряды ветеранов пополняли новички, такие же, впрочем, безусые, как и ветераны. Я уж говорил, что по возрастному составу танковые части были в основном молодежные. Но новички есть новички, и их нужно готовить к войне, приобщать к боевым традициям армии.

Торжественно вручалось новичкам боевое оружие. Представьте себе поляну, окруженную тонкими кленами. Застыл в праздничной тишине строй молодых автоматчиков механизированной бригады. Тихо так, что кажется — слышно биение сердец.

— Красноармеец Мосалов! — выкликает ротный командир, старший лейтенант И. М. Шампоро.

Четко печатая шаг, вышел и встал перед строем комсомолец Сергей Мосалов. Косится взглядом на автомат, который держит в руках ротный.

— Этот автомат, номер 2837, принадлежал... — голос ротного чуть дрогнул, — лучшему воину нашего подразделения сержанту Щербине. Сержант Щербина из этого автомата уничтожил гитлеровцев больше, чем помещается патронов в его двух дисках. В последнем бою, освобождая землю родной Украины, Щербина из этого автомата сразил 25 фашистов, был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Из госпиталя пришло письмо, которое Щербина продиктовал медсестре. Просит бить врага без пощады, до полной победы. А его оружие передать достойному молодому бойцу.

— Красноармеец Мосалов! — Старший лейтенант протянул автомат молодому воину. — Вручая вам этот боевой автомат, надеюсь — выполните наказ сержанта Щербины. Наказ Родины.

Мосалов бережно принимает оружие из рук командира, несколько минут не может совладать с волнением. Наконец произносит звонким юношеским голосом:

— Товарищ старший лейтенант! Я клянусь... перед всей ротой... оправдаю доверие Родины. И еще... прошу написать в госпиталь сержанту Щербине: его автомат попал в надежные руки...

Ротный, улыбаясь, доканчивает за него:

— ...которые умножат боевой счет этого славного оружия. Напишем, товарищ Мосалов, обещаю...

Красноармеец Мосалов подносит автомат к губам и целует боевое оружие.

Церемония эта проходит повсеместно — у танкистов, артиллеристов, минометчиков, везде пробуждая высокий боевой дух и патриотический порыв.

Враг не мог смириться с потерей Киева, под Коростенем и Житомиром он перешел в контрнаступление, которое, однако, захлебнулось, наткнувшись на сопротивление

ние Воронежского фронта, переименованного теперь в 1-й Украинский.

1-му и 2-му Украинским фронтам предстояло перейти в наступление между Житомиром и Кировоградом, развивать наступление в глубину.

1-я танковая армия была передана в состав 1-го Украинского фронта и начала перегруппировку в район Киева.

Один из эшелонов 20-й гвардейской Краснознаменной, как теперь стала называться наша механизированная бригада, в ночь на 10 декабря прибыл к станции Дарница, что под Киевом, и остановился перед закрытым семафором. В этот момент на станцию набросились вражеские бомбардировщики.

Наши зенитчики открыли заградительный огонь. Есть такой у них способ ведения огня — расчертят небо на квадраты батарей, и каждая из них бьет в свой квадрат как в копеечку. Делается это одновременно всеми батареями, и в небе возникает огневая завеса, через которую довольно трудно прорваться вражеским самолетам.

Трудновато, впрочем, еще не означает, что невозможно. И вот бомбы падают, осколки своих зенитных снарядов градом сыплются на землю. Ад крошечный, того и гляди, падешь жертвой своего же осколка.

Людей из эшелонов мы давно вывели, а сами с начальником оперативного отделения майором А. П. Коваленко перебежками, под падающими осколками, пробираемся на станцию в поисках железнодорожного начальства, чтобы узнать, до каких пор будут держать нас перед закрытым семафором, оставляя на съедение вражеским коршунам.

Осколки падают то справа, то слева, а мы с Коваленко знай ползем себе.

— Тут, наверное, они, голубчики, станционное начальство, — говорит Коваленко, указывая на двухэтажное станционное строение. — Там, наверно, обычно кабинет начальника станции.

— Да какой же дурак заберется на второй этаж во время бомбежки! — возражаю я.

— Можете поверить мне — я ж старый железнодорожник, — обижается Коваленко.

Счастливо увернувшись от осколков, добираемся до этого строения, взбегаем наверх. Действительно, сидят двое в форме железнодорожников, отвечают почему-то шепотом: нету, дескать, самого, а они люди маленькие. А где же сам? Не знают, да и, мол, время ли сейчас его искать... Может, в бомбоубежище? Где бомбоубежище? Показали. Но туда не пробраться — бомбы рвутся прямо по дороге, одна за другой.

Делать нечего. Пришлось ждать, пока воздушный налет утихнет.

Идем к бомбоубежищу.

Торкнулись было к двери. Она вдруг распаивается, вырывается оттуда клуб не то дыму, не то пару, а из него — голый человек. Пожар? Вслед за первым — второй человек в чем мать родила, за ним третий. Целый взвод нагишом — и один за другим кидаются головой в сугроб.

— Да это ж не бомбоубежище, это ж парная! — кричит Коваленко, и оба мы принимаемся без удержу хохотать. Смеемся долго, утираем слезы и снова хохочем.

— А бомбоубежище, оно вот, наверное, — наконец выговаривает Коваленко и показывает рукой в другую сторону. Бог ты мой: бетонная узкая яма, сверху покрыта тоненьким слоем рубероида. Угоди туда одна-единственная бомбочка — это же готовая братская могила! Действительно, лучше уж в бане укрываться. Выходит, практичные жители решили совместить приятное с полезным — после ночных страхов попариться...

Наконец семафор поднят, мы спешим в Киев.

Киев... Отсюда я начал свою фронтовую дорогу, и вот она снова привела меня сюда, в Киев — мать городов русских.

В моем родном армянском языке нет грамматической категории рода, но, освоив русский, ставший мне за годы

службы в армии вторым родным языком, я все-таки никак не мог принять этого русского выражения: Киев — слово мужского рода, мужественное слово, и вдруг — «мать городов»... И только вот теперь, в войну, я вдруг ошутимо и явственно понял, что если самое дорогое на свете понятие по-русски звучит «Отчизна», по-украински — «Вітчизна», то в озадачившем меня выражении нет ничего противоестественного.

Он, Киев, — мать городов и государственности русских и украинских братьев — вставал из руин. Несмотря на близость фронта, киевляне — и стар и млад, — радостные и возбужденные, очищали улицы и парки от развалин и обломков. Особенно злобствовали отступающие гитлеровцы на Крещатике — здесь буквально не осталось ни единого целого здания.

Долго и медленно ехали мы с А. П. Коваленко по Киеву. Я знал, что Коваленко киевлянин, и старался не беречь его сердце праздными вопросами. И Александр Пантелеймонович молчал, только неотрывно всматривался в дома, мимо которых, петляя по закоулкам, двигалась наша машина, потому что по главным магистралям в город входили танки — части 1-й танковой армии шли на запад. Готовилась новая крупная наступательная операция с целью разгромить большую группировку врага на житомирско-бердичевском направлении. Войска 1-го Украинского фронта наносили главный удар на Бердичев, Жмеринка, где использовались три общевойсковые и две танковые армии.

Какая роль отводилась в этой операции танковым армиям, находившимся в составе 1-го Украинского фронта?

Задача по прорыву тактической глубины обороны противника была возложена на общевойсковые армии — 1-ю гвардейскую, 18-ю и 38-ю. Танковым же армиям, 1-й и 3-й гвардейской, как подвижной группе фронта, предстояло развивать прорыв в оперативную глубину обороны противника.

В предыдущей главе я отмечал, что Советские Вооруженные Силы накопили уже определенный опыт по при-

менению крупных танковых масс. Множество положительных примеров давала наступательная фаза Курской битвы, уроком послужили и недостатки, имевшие место при использовании танковых армий в Белгородско-Харьковской операции.

Этот опыт привел к следующим выводам. Во-первых, наибольший эффект приносило массированное использование крупных танковых сил на направлениях главных ударов. Во-вторых, с целью сохранения и экономного использования сил и средств танковых армий для действий в оперативной глубине вражеской обороны общевойсковые армии прорывали самостоятельно всю тактическую зону обороны противника и обеспечивали условия для ввода в прорыв танковых армий. Последние, введенные в прорыв, стремительно развивали успех наступления, выходили навстречу подходящим резервам противника, громили их поодиночке, захватывали в глубине обороны противника важные объекты, рубежи и удерживали их до подхода главных сил фронта.

Когда же, пусть и в силу необходимости, танковые армии привлекались для совместного с общевойсковиками допрорыва тактической зоны вражеской обороны, они, как правило, преждевременно растрачивали свои силы, несли потери в людях и технике, теряли свою ударную мощь. Тем самым сокращалась возможная глубина их последующего, основного удара. Противник, не полностью расходуя свои оперативные резервы, оказывался еще способным затормозить развитие наступательной операции в целом.

При наступлении 1-го Украинского на Бердичев, Казатин, когда замедлился темп наступления общевойсковых армий, были введены в действие танковые. Они понесли потери, но ускорили здесь прорыв главной полосы обороны противника.

Планируя операцию, командование фронта наметило действия имевшихся в его распоряжении двух танковых армий на несколько удаленных друг от друга направлениях. Разобщенные действия танковых армий вместо крепко

сжатого кулака — не лучший вариант их использования. Но нельзя не отметить, что такой вариант был здесь вынужденным: использование 3-й гвардейской танковой дивизии обусловлено наличием крупной группировки противника в районе Брусилова, угрожавшей левому флангу ударной группировки 1-го Украинского фронта. Следовало в первую очередь покончить с этой группировкой, снять угрозу флангу.

Патриот своего рода войск, сейчас, с дистанции прошедших лет, рассматривая вновь значительные сражения Великой Отечественной, хочу взглянуть на них глазами танкиста сегодняшнего дня. И думаю, что поступаю справедливо, стараясь увидеть в них неиспользованные возможности, сделать выводы, которые могут быть полезны на будущее.

Отдавая должное всем родам войск, безусловно поддерживая бесспорную истину, лежащую в основе советской доктрины, о том, что лишь совместными усилиями всех родов войск достигается полная победа над врагом, я все-таки убежден, что крупные массы подвижных войск способны решающим образом повлиять на ход и исход любых крупных наступательных операций...

Положено, чтобы танковый начальник перед батальей посетил того общевойскового, в полосе действия частей которого будут сражаться танковые части. Посетил для организации взаимодействия.

Так, во второй половине декабря 1943 года прибыл я в одну стрелковую дивизию 38-й армии. Командир этой дивизии — генерал-майор, из-за давности лет, к сожалению, забыл его фамилию, — принял нас очень приветливо. Поэтому особенно контрастно этому радушию прозвучали его слова:

— Знаете, полковник, мы всегда рады появлению танкистов. Но ненадежный вы народ...

Ничего себе приветствие! Заметив мои расширенные от удивления глаза, генерал похлопал меня по руке:

— Ну-ну, полковник! Не такой уж я невежа, как вам

показалось. Сейчас разъясню свою мысль. Просто я вот о чем: сегодня вы с нами, а завтра вы, задрав хвост, уматываете совсем в другие края. Вот сегодня вы с нами. А где будете завтра?

Буквально на следующий день я получил распоряжение явиться на согласование к другому общевойсковому начальнику, части которого действовали уже на ином участке...

Утром 24 декабря, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, общевойсковые соединения ударной группировки фронта перешли в наступление. Сломив сопротивление врага, стрелковые соединения 38-й армии генерал-полковника К. С. Москаленко продвинулись в глубь его обороны на 3—4 километра.

По мере продвижения в глубь обороны противника темп наступления стал замедляться, и тогда, как я уж говорил, командующий фронтом для ускорения прорыва тактической зоны обороны ввел в бой сначала передовые отряды, а затем и главные силы обеих танковых армий.

Развернувшись в боевые порядки, соединения 1-й танковой армии атаковали противника, сломили его отчаянное сопротивление и проникли в глубь его обороны на 10—15 километров. С ходу форсировали реку Ирпень, перерезали железную дорогу между Житомиром и Фастовом, овладели населенными пунктами Вербов, Попельня, Корнин, Липки.

Передовые отряды танковой армии появлялись в населенных пунктах, где гнездились гитлеровцы, настолько внезапно, что те лишь наутек пускались. Не удалось им спокойно отпраздновать Рождество, помешали советские танкисты.

К исходу 25 декабря танковая армия продвинулась километров на 50, хотя темп наступления мог бы быть и выше. Стояла сквернейшая погода. Здешние старожилы говорили, что не помнят такого резкого изменения погоды в середине зимы.

Действительно, когда началось наступление, все вокруг было покрыто белым саваном, снег от мороза по-

скрипывал под ногами. И вдруг 25-го подул ветер с юга — снег растаял, дороги быстро превратились в клейкое месиво, сразу стали недоступны для всех видов колесных машин. На десятки километров застряла артиллерия, мотопехота, штабы, обозы с горючим, боеприпасами, продовольствием. К тому же на дорогах, отведенных для продвижения танковой армии, увязла артиллерия 38-й армии. На всех дорогах пробки, пробки... Слава богу, такая погода нелетная, а то бы худо пришлось нам от авиации противника.

Несмотря на то что ветер с юга, он все-таки декабрьский — пронизывает до костей. На солдатах насквозь промокшие, вспухшие от влаги шинели, сапог не выдернуть из липкой грязи. А идут, идут не останавливаясь. «На запад, вперед на запад, только на запад» — этот лозунг можно уже не произносить, все и так неостановимо идут вперед, подгоняемые страстным желанием поскорее вышвырнуть с родной земли последнего оккупанта.

От старых ветеранов не отстают юнцы из недавно прибывшего пополнения. Пока стояли в резерве, ветераны добродушно посмеивались над новобранцами — «пионерлагерь»! Теперь молодежь квивается: «Скользко, папаша, может, песочку подсыпать? А то на буксир взять?» И смеются. Идут по этой грязи, в которой, кажется, вот-вот останутся, не отлипнут подметки, а шутят, балагурят. Вот уж, ей-богу, правда: погибнет солдат без юмора. Терпка солдатская шутка, верно. Только коробит меня, когда выражение «солдатская шутка» употребляют как нарицательное обозначение юмора, ну, что ли, второго сорта. Пусть записные остряки позаимствуют у нее остроту наблюдательности и меткость удара, что всегда буквально не в бровь, а в глаз.

В ночь на 26 декабря снова дохнул холодом север. Землю прихватил мороз, дороги затвердели. А движение нашей колонны вдруг почему-то застопорилось.

Оставив свой «виллис», я решил пешком добраться до головы колонны, выяснить причину.

Пробираюсь мимо машин артиллерийского дивизиона. Стоит какая-то мертвецкая тишина. Что это значит?

Вдруг слышу — чья-то громкая брань, а вслед за этим звон промерзлого железа. Подхожу поближе: командир артиллеристов майор В. А. Варфоломеев кричит на шоферов: «Черти драповые! Не спать за баранкой, не спать! Сейчас двинемся!» — и стучит палкой по кабинам автомашин.

— И танкисты тоже спят, товарищ полковник, — говорит он мне, — вот идемте вперед, увидите сами.

Подходим мы с ним к танку, стучит Варфоломеев палкой по броне — никакого впечатления. Действительно, спят экипажи, начисто выбились люди из сил.

Вдруг вижу, перед танками какие-то две фигуры, как привидения, в белых балахонах. Хотел было шагнуть к ним, но Варфоломеев резко крикнул: «За танк!» — и рванул меня за руку. «Привидения» выпустили по нас две длинные очереди из автоматов. Мы с Варфоломеевым ответили им из пистолетов — те бежать, одна фигура в белом исчезла в снежной мгле, вторая упала.

Подходим — на земле распростертый человек. Сняли с него балахон, под ним оказалась немецкая военная форма, к поясу привязан небольшой мешочек со взрывчаткой — килограммов пять. А больше ни документов, ни чего-либо другого нет, чтоб установить земное происхождение «привидений».

Оставалось только гадать — не то немецкие диверсанты, не то бандеровцы — бандиты-националисты, о которых нас уже предупреждали перед вступлением на Украину...

Пробка впереди рассосалась — приказал танкистам двигаться с зажженными фарами вперед на большой скорости, в направлении Черноузки.

19-я и 21-я гвардейские механизированные бригады нашего корпуса, преследуя отходящие части 25-й танковой дивизии противника, в течение ночи продвинулись на 30—35 километров и вышли к подступам Казатина, важного узла железных и шоссейных дорог. 20-я механизиро-

ванная, 1-я танковая гвардейские бригады, наступая на пятки отходящей 19-й немецкой танковой дивизии, успешно продолжали продвигаться к Чернорузке.

Утром у Чернорузки произошло встречное сражение бригад нашего корпуса с колоннами вновь подошедшей сюда 20-й мотодивизии противника. В ходе короткого, но стремительного боя наши 1-я танковая и 20-я механизированная гвардейские бригады наголову разбили два вражеских мотополка, захватили большое количество техники, артиллерии, минометов, автомашин, самоходных орудий. Основные силы бригад выскочили к южной окраине Казатина.

У села Чернорузка я остановил свой танк, потому что дорогу ему преградила большая группа немецких военнопленных. Вглядевшись, я разинул рот от изумления — вся колонна, человек 300, двигалась в сопровождении всего лишь одного нашего бойца.

Остановив колонну, ко мне подошел совсем молодой автоматчик, вполне из того самого «пионерского лагеря», и четко доложил:

— Красноармеец Пигарев сопровождает военнопленных в количестве 273 человек!

— И вы — один — не бойтесь, что эта орава может разбежаться?

— Да куда им деваться, товарищ полковник, — улыбнулся солдат. — Они нынче смиренные стали...

Действительно, иные нынче времена...

При освобождении Казатина враг понес колоссальные потери, помимо техники и вооружения наши войска захватили множество складов продовольствия, горючего. В этих боях немеркнувшей славой покрыли себя командир 69-го гвардейского танкового полка подполковник И. Н. Бойко, старший лейтенант В. Н. Подгорбунский, лейтенант П. Ф. Гриболев, старшина М. И. Бушилов — всем им присвоено было звание Героя Советского Союза.

И. Н. Бойко был назначен военным комендантом Казатина. Бойко явился ко мне и с порога заявил:

— Обращаюсь к вам как к начальнику гарнизона города Казатина. Я танкист. Могу танк водить, могу немцев бить, могу, наконец, полком командовать, а не со старушками дело иметь. «Сынок, у меня хату разбило, где мне жить теперь?» А другая тоже: «А где мне теперь свою скотину отыскать?..» А третья... тьфу, прости господи... Товарищ полковник! Официально заявляю: не справлюсь я с обязанностями коменданта. Освободите.

— Слушай, Иван Никифорович, ты же знаешь, что твое назначение — приказ командарма!

— Знаю, потому и обращаюсь по команде. Я строевой командир.

— А я, по-твоему, из интендантов?

Бойко смутился. Не дав ему опомниться, я продолжал:

— Ты знаешь, что Подгорбунского и Бушилова к Герою представили?

— Знаю... — непонимающе протянул Бойко. — Они эшелон с военнопленными, которых немцы живьем сжечь хотели, отбили...

— Не все знаешь. Еще в этом эшелоне было много мирных жителей, которых должны были отправить в Германию, в неволю. Теперь понял, к чему я? Не понял. Так вот, кто, по-твоему, ими сейчас заняться должен — кров им дать и хлеб? А кто порядок в городе наводить будет? По-твоему, если танкист, так тебе, кроме танков, ни до чего дела нет? Понял или нет?

Иван Никифорович понял. А дел у нас с ним было в Казатине по горло. Кроме всего, противник в бессильной злобе из-за потери Казатина решил смести его с лица земли дальнобойной артиллерией, которая остервенело била прямо в центр города. Пришлось срочно выводить войска, эвакуировать часть населения, вывозить захваченные трофеи.

Вскоре 11-й гвардейский танковый корпус далеко отбросил противника, артобстрел прекратился. Жизнь в городе входила в нормальную колею.

Однако противник не успокаивался. Он вновь 30 декабря при поддержке массированных ударов авиации пе-

решел к контратакам. Пока главные силы 1-й танковой армии вели бои в районе Казатина, 44-я гвардейская танковая бригада полковника И. И. Русаковского колонной подошла к восточной окраине Бердичева.

В это время гарнизон противника, оборонявший город, пропускал через минные поля и противотанковые рвы свои отступавшие войска. Воспользовавшись темнотой, два танковых батальона бригады Гусаковского с десантами автоматчиков на бортах пристроились к фашистским танкам и вместе с ними вошли в город.

А затем, устремившись по улицам города, сея огнем и гусеницами страх и панику в стане врага, овладели центром Бердичева.

Пять суток отважные батальоны танкистов А. А. Карбанова и П. И. Орехова с автоматчиками героически сражались, окруженные врагами со всех сторон, и выстояли до подхода главных сил фронта. Здесь, в окружении, партийные и комсомольские организации батальонов получили 89 заявлений с просьбой принять в ряды партии и комсомола.

Один из командиров батальонов, ворвавшихся в Бердичев, майор П. И. Орехов и лейтенант Г. С. Петровский были удостоены звания Героя Советского Союза.

В конце декабря 1943-го — начале января 1944 года войска 1-го Украинского фронта, прорвав оборону противника на фронте более 300 километров, освободили помимо Казатина и Бердичева Радомышль, Коростень, Новоград-Волынский, Житомир, Белую Церковь.

5 января на кировоградском направлении перешли в наступление войска 2-го Украинского фронта. Над 8-й германской армией, оборонявшейся в районе Корсунь-Шевченковский, Звенигородка, Шпола, нависла угроза окружения.

Германское командование принимало экстренные меры, чтобы заделать брешь в системе своей обороны. Спешно перебрасывались сюда с других участков новые дивизии, вводились в сражение — в первую очередь против тан-

ковых армий, поскольку они представляли наибольшую опасность.

В ночь на 5 января 1-я танковая армия получила задачу совместно с частью сил 38-й армии наступать в направлении Монастырище, Умань, имея в виду расчленив группировку противника и создать благоприятные условия для окружения его 8-й армии.

1-я танковая, начав наступать 5 января, за два дня продвинулась вперед на 50 километров, овладев населенными пунктами Липовец, Ильинцы, Дашев, Коротна. Путь на Умань, по существу, был открыт.

И вдруг 1-й танковой приказано приостановить наступление на Умань и повернуть на 90 градусов.

В войне, где участвуют массовые армии, далеко не всегда можно предугадать действия противника, хотя тщательный анализ возможностей врага, скрупулезный учет предшествующего опыта борьбы с ним сопутствуют деятельности полководца.

Стремясь выручить свою 8-ю армию, попадающую в окружение, противник попытался действовать извне, с оперативной быстротой перебросил сюда резервы с других участков — на Винницу, через Львов, Проскуров (ныне Хмельницкий). Стояла распутица, а для движения на Винницу у противника в распоряжении была разветвленная сеть железных и хороших шоссейных дорог.

Враг, сосредоточив здесь крупную группировку, нанес сильный контрудар во фланг нашим войскам. Вот почему 1-й танковой пришлось срочно поворачивать на Винницу под прямым углом...

С середины 1943 года Красная Армия накопила весьма значительный опыт борьбы с противником, переходящим под ее мощными ударами к обороне. С противником, однако, все еще сильным, коварным, умным. Лишь глубокое изучение методов его сопротивления приводило к победам с наименьшими потерями. Несмотря на пресловутое пристрастие прусской военщины к шаблонам, противник вынужден был искать новые методы сопротивления — переходил к удержанию рубежей обороны путем организа-

ции многочисленных контрударов по всей линии фронта. Это было необходимо ему, чтоб затянуть бои, выиграть время. С этой целью он создавал на разных участках мощные резервы, позволявшие парировать удары наступающих наших войск.

6 января, когда 1-й танковой было приказано повернуть на Винницу, в части нашего корпуса приехали командующий М. Е. Катуков, член Военного совета Н. К. Попель и новый командир корпуса генерал И. Ф. Дремов.

Я находился у своего друга, командира 1-й гвардейской танковой бригады полковника В. М. Горелова, когда ему доложили о прибытии начальства.

— Пойдем, Армо, встречать. Не иначе что-нибудь важное случилось, когда разом столько начальства к тебе придет, — сказал Владимир Михайлович, на ходу натягивая на себя шинель.

— ...Вот что, полководцы, — сказал в обычной своей полусутоливой манере М. Е. Катуков. — Понимаете, армия неожиданно получила новую задачу, направление наступления меняется — теперь на Жмеринку. Там у противника обнаружилась крупная группировка.

— «Обнаружилась»? — вырвалось у меня.

— Да, обнаружилась, — настороженно повторил Михаил Ефимович. — А что ты хочешь сказать, Армо?

— Сказать нечего, товарищ командующий, только спросить хочу: а где была разведка?

— Любишь задавать лишние вопросы, — ответил Катуков. — Разведка это и обнаружила. Задача состоит в том, чтобы не вопросы ставить, а «уконтропупить» эту группировку... А там видно будет. Сейчас командир корпуса располкует ваши задачи, благо вы оба вместе.

Немногословный И. Ф. Дремов нарисовал стрелы на наших картах.

— Поняли?

— Поняли, — дуэтом ответили мы с Гореловым.

— Еще будут вопросы? — спросил Катуков.

— Один, — сказал я. — Вчера разведка одно доложила, сегодня — другое. А завтра третье?

— А, чтоб тебя! — разозлился Михаил Ефимович. — Всегда в своем репертуаре. Задачу положено не обсуждать, а выполнять.

— Есть, не обсуждать. А я не задачу обсуждаю, задача будет выполнена.

— Вот это по-военному, по-командирски. Ну, мы дальше — к Бурде в бригаду.

Когда они уехали, В. М. Горелов сорвался с места и зашагал из угла в угол, так что половицы затрещали.

— Не обсуждай, Армо, а выполняй, Армо! — передразнивал он командарма. — Ясно?

— Ясно.

— Попугай ты, Армо, ясно?

— Да заткнись же ты, Володя! — не выдержал я. — И так тошно.

— Тошно?! — заорал Горелов. — Тошно, говоришь? — еще более грозно вопрошал своим басом Владимир Михайлович. — Ординарец!

Ординарец вырос перед ним.

— Видишь, нервничаю — дай глотку промочить, а то сейчас Армо укокошу или хату кверху ногами переверну! — И сам расхохотался во всю ширь своих легких.

Потом, за солдатской фронтовой кружкой, я, чтоб успокоить не в меру расхोлившегося Владимира Михайловича, рассказал ему восточную притчу.

Халифу Гарун аль-Рашиду однажды приснился сон, что у него разом выпали все зубы. Призвал Халиф толкователя снов.

— Да продлится жизнь повелителя правоверных! — отвечал тот. — Сон твой означает, что вся твоя родня умрет прежде тебя, никого не останется.

— Кому я нужен без родни! — вскричал Халиф и приказал всыпать толкователю сто палок.

Затем призван был другой толкователь.

— О повелитель, — сказал он, — сон твой означает, что ты будешь долговечнее всех своих сородичей.

Гарун аль-Рашид наградил его ста золотыми динарами...

— Понял, Володя, в чем была моя ошибка? — закончил я.

— Э, восточный ты мудрец, — отвечал Горелов. — А то понял, что самому Катуюку все эти повороты тоже не очень по душе?

Я отдал должное его пронизательности.

В середине 7 января, перегруппировавшись, войска 1-й танковой перешли в наступление в западном направлении, форсировали реку Соб и к вечеру 8 января перерезали железную дорогу Винница — Гайсин на участке Гуменное, Фердинандовка.

Всю армию облетело известие, что танковый полк И. Н. Бойко, освобождая родное село своего командира — Жорнище, освободил его родителей, оставшихся в оккупации, что сам Иван Никифорович на своем танке подкатил к родному дому и навстречу ему вышли отец с матерью. Редко, но случалось такое на войне. Я не рассказываю подробнее, сколь трогательна была эта встреча, потому что ее уже описал в одной из своих книг член Военного совета нашей танковой армии Н. К. Попель.

Бригада В. М. Горелова, так же как недавно танкисты И. И. Гусаковского в Бердичев, ворвалась в Жмеринку. Здесь поднялась такая паника, что со Жмеринского аэродрома стали подниматься самолеты и улетать на запад. Только во второй половине дня враг сообразил, что в город вошли довольно небольшие советские силы. Горелову под натиском во много раз превосходящего противника пришлось отступить на левый берег Южного Буга, присоединиться к нашей 20-й бригаде.

Нелегко пришлось здесь и 40-й гвардейской танковой бригаде полковника Н. Г. Веденичева. В боях у населенного пункта Гнивань полегло немало танкистов.

Нынче здесь им неизменный для танкистов памятник — тридцатьчетверка. И, как мне говорили, рассказом об истории этого памятника начинается традиционно каждый первый урок в первом классе первого сентября в здешней средней школе...

Далеко оторвались от главных сил отдельные бригады танковой армии. Противник мог ударить в тылы наших корпусов — он сосредоточил здесь крупные резервы.

Ослабленные две дивизии 38-й общевойсковой нашей армии находились тоже в опасном положении — они были растянуты на широком фронте и не могли оказывать серьезного сопротивления контрударам противника.

20-я механизированная и часть 1-й танковой гвардейских бригад заняли оборону по левому берегу Южного Буга. И хотя успешно отражали натиск врага, но над ними нависла серьезная угроза.

Тут, к полной для нас неожиданности, появился наш новый комкор И. Ф. Дремов. Как он невредимым к нам пробрался, один бог ведает — автоматчик, бывший в его машине, убит, адъютант ранен, а в самой машине мы насчитали 20 пулевых пробоин.

— Что же вы так неосторожно, Иван Федорович?..

— Не учи ученого, молод еще, — проворчал Иван Федорович. — Вот что: поскольку Горелова изрядно потрепали, принимай оставшиеся у него танки и прорывайся к главным силам. А то, не ровен час...

Он недоговорил, но я понял, что он имел в виду: ушли мы вперед километров на восемьдесят, и без поддержки недолго и в окружение угодить. Такой сильной группировки противника наша разведка здесь не предполагала.

Я бросил взгляд на Горелова.

— Ну, руководи, восточный мудрец, — ответил Горелов.

Гитлеровский генерал Йодль на допросе в 1945-м обронил: «В 1943-м существовало правило — кто атакует, тот выигрывает». Сейчас шел сорок четвертый, и промахи разведки обходились недешево.

В ходе боев 20-й гвардейской, принявшей танки от 1-й гвардейской танковой бригады, пришлось, обеспечивая отход частей 11-го гвардейского танкового корпуса, выдержать довольно тяжелые бои. Но 13 января она все-таки была окружена врагом. И лишь на следующий день, только сосредоточив танки на одном направлении — на насе-

ленный пункт Иванивка, удалось прорвать кольцо окружения и присоединиться к главным силам армии.

В эти дни как-то понадобилось мне встретиться с командиром 11-го гвардейского танкового корпуса генералом А. Л. Гетманом. Запрашиваю по радио, узнаю, что он ночью выехал в село Вороновицу, которое, дескать, уже освободила 45-я танковая бригада. А тут мне мой начальник штаба говорит, что не может этого быть — 45-я, по его сведениям, вышла не к Вороновице, а к Шендерову.

Но дела требовали — поколебавшись, я решил, чуть рассветет, проскочить на южную окраину Вороновицы.

По дороге ни души, и это очень подозрительно. Придерживаю водителя за руку: медленнее, медленнее — не угодить бы в лапы к гитлеровцам.

Вот и Вороновица. У околицы стоит тридцатьчетверка, около нее ковыряется экипаж.

— Чей танк? — спрашиваю.

Докладывают:

— Генерала Гетмана.

Обрадовался:

— Отлично! А сам он где?

— Во второй хате, где большой сад.

Хотел было уж трогать и вдруг на всякий случай спросил:

— Кто обороняет село?

Танкисты пожали плечами:

— Генералу говорили — 45-я бригада...

— А сами вы ее видели?

— Никак нет, товарищ полковник.

— Немедленно по местам! А ты, — кричу водителю, — жми ко второй хате всюю!

Подскакиваем ко второй хате. Тишина. Распахиваю дверь и вижу: на полу, закутавшись в какую-то немислимую огромную волчью шубу, спит генерал Гетман, рядом на скамье вдвоем примостились его адъютант и ординарец. Толкнул этих двоих — сразу вскочили. Схватил Гетмана за плечо, трясу — никакого впечатления, спит богатырским сном. Втроем нам еле-еле удалось Гетмана усадить.

Андрей Лаврентьевич, не размыкая век, поднялся на ноги и вдруг как размахнет обеими руками в разные стороны — мы, как котята, разлетелись. Все так же, не открывая глаз, он пробурчал: «Какого черта! Дайте ж поспать!» И вновь повалился на бок, натянув на голову шубу, только могучий храп раздался.

— Да проснитесь же, Андрей Лаврентьевич, беда может быть!

— Что? Беда? Какая беда? — Гетман открыл глаза и вскочил. — А, это ты, Армо... Чего тебе? Какая у тебя беда стряслась?

— Да со всеми нами может беда случиться...

Тут меня прервал влетевший в комнату автоматчик:

— Немецкие танки!

Все повскакали, вылетели из хаты, рассыпались по саду. Гляжу — действительно, напротив дома стоят два танка с крестами на броне, двигатели стучат на малом газу.

А где Гетман? Опять исчез.

— Та він же за шубой пішов, — шепчет мне автоматчик.

В сердцах чертыхаюсь: «Нашел время заботиться о какой-то дрянной шубе!»

Действительно, из хаты наконец выскакивает Гетман, по земле за ним волочится эта немыслимая шуба. Хоть бы немецкие танкисты не заметили его генеральских погон!

Тут начинается беспорядочная перестрелка. Мы перебежками двигаемся к своим машинам. Танк Гетмана прикрывает нас огнем пушки.

Наконец нам удается уйти от беды, которая чуть не стала фактом.

— Спасибо, Армо, — тихо произносит Андрей Лаврентьевич, — вовек не забуду.

Пересаживается в свой «виллис» — и был таков...

Повстречавшись спустя много лет, вспомнили мы былое с генералом армии А. Л. Гетманом.

— Разве ж можно было, Андрей Лаврентьевич, так рисковать из-за какой-то волчьей шубы?

— Не из-за «какой-то», дорогой ты мой Армо. Это подарок был — от правительства Монгольской Народной Республики... И вот что я еще тебе скажу... Какой это год?

— Сорок четвертый.

— Так в сорок четвертом, ты ж помнишь, уже и такого страха смерти не было, как в начале войны...

Я согласился. Все тогда уже воспринималось нами по-другому. Нет, не беспечность родилась, отнюдь. Но какая-то внутренняя спокойная убежденность. Ведь впереди была теперь уж вполне осязаемая победа.

Враг пытался сопротивляться, хитрил, изворачивался, чтоб как-нибудь под сокрушительными ударами Красной Армии затормозить развал своей оборонительной стратегии. Кое-где это ему удавалось.

Бои продолжались с неослабевающим ожесточением. На различных участках внезапно возникали сложнейшие ситуации.

24 января в районе Винницы противник снова атаковал крупными силами наши стрелковые войска, прорвал их оборону и устремился на Очеретню, Погребище.

Меня вызывает М. Е. Катуков:

— У Москаленко на правом фланге противник накоптылял стрелковым дивизиям. (Командарм любил применять и сам выдумывать острые словечки.) Там вступил в дело генерал Григорьев — 31-й танковый корпус. Но ему одному трудненько приходится. Возьми танковый полк своей бригады, танков 25—30 мы тебе дадим дополнительно, и за ночь махни в район Погребища. Приказываю: остановить противника любыми средствами. Помни, за Погребище ты в ответе. Как только прибудешь на место, тотчас сообщи по радио.

В танковом 68-м гвардейском полку моей бригады оставалось всего 12 исправных машин, потому пополнение, которое давал командарм, было очень кстати.

С генералом В. Е. Григорьевым мы уточнили мою задачу. Григорьев просил усилить боевые порядки его бригад, которые занимают высоты западнее Очеретни. На мой во-

прос, нет ли противника в самой Очеретне, В. Е. Григорьев оскорбленным тоном ответил:

— Как видите, даже штаб моего корпуса в Очеретне, откуда же здесь быть противнику!

На этом мы с Григорьевым расстались, и я поехал ставить задачу своим батальонам. Пока они выходили в намеченные пункты, наш радист развернул рацию. Докладывает: «Вас вызывает армейская радиостанция». Беру наушники — там такое: Сорока, Сорока, Сорока, я — Волга. Как слышите? Прием...»

— Кто это — Сорока? — спрашиваю радиста.

— Ваш позывной, товарищ полковник, — отвечает он и не подозревает, что ему повезло: веков этак с десяток назад у моих кавказских предков за такие шутки головы рубили.

Впрочем, что это я на радиста окрылся, он тут, бедняга, ни при чем, это шуточки начальника связи армии полковника Захарова.

— Не отвечай ему. Сам он, видишь ли, Волга...

Но, конечно, тут не до шуток, я беру микрофон, но удержаться не могу:

— Волга, Волга, скажите Захарову: сам он сорока.

— Армо, ты чего это в эфир пузыри пускаешь? — слышу голос М. Е. Катукова.

— Виноват... Однако какая я ему сорока...

— Ладно, ладно, уйми свою кавказскую кровь. Значит, прибыл?

— Все в порядке.

— Вот и хорошо. Выходит, делом доказал: не сорока ты. Разрешаю перейти на запасной позывной.

— Спасибо, Волга! — И я выключил микрофон.

— Товарищ полковник, — робко сказал радист, — а запасной ваш позывной — Суслик.

Мы не раз после войны весело смеялись над этой шуткой с начальником кафедры Военной академии связи профессором, доктором технических наук Г. П. Захаровым...

Оставив у рации одного офицера дежурить вместе с радистом, мы все улеглись на соломе подле танка, чтобы

подремать часок: рассветет — сразу ведь в дело. Хоть и зябко, сон одолел нас.

Просыпаюсь от толчка в бок. Спросонок ничего в толк не возьму, только слышу — беспорядочная стрельба. Меня тормошит командир танка старший лейтенант Алексеев:

— Товарищ полковник, скорее за танк! — А сам прыгает внутрь машины.

Вижу, прямо перед нами медленно проползает немецкий «тигр».

Еле успел заскочить я за корму, как грянул выстрел. «Тигр» застыл на месте. Из него выпрыгнул водитель, но тут же упал, скошенный автоматной очередью.

Из люка нашей тридцатьчетверки вылез улыбающийся В. Н. Алексеев:

— Видали? — И показывает на рваную пробоину в борту «тигра».

Пальба все продолжалась до самого рассвета, только к утру мы поняли, что тут произошло.

Оказывается, в Очеретне вместе с нами ночевали танки дивизии СС «Адольф Гитлер». (Упрек по поводу недосмотров разведки я в первую очередь адресую себе: беспечность бригадной разведки — и моя вина.) С первыми лучами солнца наши танкисты их обнаружили, быстро разделились с несколькими из них. Но первые же выстрелы послужили обеим сторонам сигналом к началу огневого боя. Противник потерял 17 танков, но и мы оставили на поле боя 6 машин.

Как выяснилось, две бригады из корпуса В. Е. Григорьева, оставив высоты западнее Очеретни, отошли на восток, не дав знать об этом штабу своего корпуса. И только во второй половине дня, с приходом резервов фронта, удалось стабилизировать положение.

В ходе Житомирско-Бердичевской наступательной операции войска 1-го Украинского фронта продвинулись от 80 до 200 километров, освободили ряд областей и районов Правобережной Украины.

Участвуя в проведении этой знаменитой операции, вошедшей в историю Великой Отечественной как одна

из операций Советских Вооруженных Сил по уничтожению большого количества вражеских войск, 1-я танковая армия продвигалась по 17—18 километров в сутки. Бывали дни, когда темп наступления достигал 50—60 километров.

Если сопоставить темп наступления советских танковых армий с темпами наступления германских танковых сил в самый благоприятный для них момент — в начале войны, — сопоставление это окажется явно не в пользу последних. Их среднесуточный темп равнялся всего 6—8 километрам и только в отдельные дни достигал 25—40 километров.

А ведь погодные условия, не в пример тому, что было жарким летом 1941 года, зимою сорок четвертого отнюдь не благоприятствовали советским танкистам.

И все-таки советские бронетанковые силы в числе других войск Украинских фронтов добились колоссальных успехов, подготовили в начале зимы 1944 года условия для начала весенней наступательной кампании Красной Армии.

Вместе с тем, говоря об уроках, которые были вынесены бронетанковыми войсками из сражений этого периода, следует отметить, что здесь, на мой взгляд, можно было такие крупные подвижные силы, как танковые армии, применять решительнее, что позволило бы проникать им в более глубокий оперативный тыл врага, то есть препятствовать врагу маневрировать резервами, не давать ему парировать удары наших Вооруженных Сил.

Я не историк, и из истории Великой Отечественной мое дело — извлекать практические уроки. Потому и книга моя не преследует цели дать исчерпывающей полноты картину батальи 1941—1945 годов, а только остановиться на тех боях и сражениях, участником которых мне довелось быть лично, или на тех, уроки которых могут быть использованы для дальнейшего совершенствования советского искусства вождения танковых войск.

Но если война — продолжение политики иными, насильственными средствами, то уроки хода и финала вой-

ны, боев и победы не просто военные, а всегда военно-политические.

Потому не могу пройти мимо того политического резонанса, который получали важнейшие события войны.

Мир был потрясен размахом советского наступления, Красная Армия преподносила ему урок за уроком — стройную систему аргументов, что фашизм, какими бы силами и резервами он ни обладал, неизбежно обречен на гибель в столкновении с силами социализма. Первый в этом столкновении растрчивает свои силы и ресурсы, второй — чем дальше, тем становится сильнее.

Судя по книгам и мемуарам бывших высоких представителей гитлеровского вермахта, в таком обширном количестве появившимся после войны, они не вынесли для себя этого урока. Или пытаются обвести вокруг пальца своих читателей. В поисках оправдания они, как Э. Манштейн, доходят до прямой фальсификации известных исторических фактов, утверждают, что, например, под Корсунь-Шевченковским в окружение попало лишь 40 тысяч немецких солдат и офицеров и больше чем 30 тысяч из них вышло из котла. Между тем при ликвидации советскими войсками окруженной группировки противник потерял более 73 тысяч солдат и офицеров, из них 18,2 тысячи сдались в плен.

«Война, — говорил К. Маркс, — подвергает нацию испытанию — в этом заключается ее искупительная сторона. Подобно тому, как мумии мгновенно распадаются, когда подвергаются воздействию атмосферы, так и война выносит окончательный приговор социальным учреждениям, которые утратили свою жизнеспособность»¹.

В схватке с фашизмом выходил победителем союз социалистических наций, руководимый и возглавляемый коммунистами. Восемьдесят процентов всей Коммунистической партии находилось в армии и в военном хозяйстве.

Кажется, все книги о Великой Отечественной войне,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 11. С. 551.

все фотовыставки обошел снимок советского военного корреспондента, изображающий политука, поднимающего в атаку бойцов. Пистолет в протянутой вперед руке, рот полуоткрыт в призывном кличе, и, кажется, ты слышишь еще не переставшие звучать его слова: «Вперед, в атаку — за мной!» А сам — на бруствере, над окопом, открытый пулям врага, весь воплощение неотразимой воли, стремительности, убежденности — сама правда, за которой нельзя не броситься вслед.

Нам, советским людям, знаком этот образ, образ комиссара-большевика, коммуниста, еще со времён Гражданской. Великая Отечественная подтвердила его вновь и вновь.

В боях у населенного пункта Комсомольское сам принимал в атаку бойцов 27-й гвардейской мотострелковой бригады начальник политотдела Ф. С. Потоцкий. Во главе десанта на танках 1-й гвардейской танковой бригады, равшейся к Попельне, был начальник политотдела подполковник А. Т. Ружин. Оба впоследствии героически сложили головы в боях на берлинском направлении.

Но время изменяет все, изменился и политука в войсках. Время было такое, что только личного мужества и героизма было недостаточно, чтоб выиграть войну — войну иную, не такую, как Гражданская, войну моторов и техники, огромных людских масс, сложной тактики и стратегии. И овладения всеми премудростями военно-оперативного руководства война требовала уже не только от строевых командиров, но и от политработников.

Населенный пункт Иванивка в Винницкой области штурмовала 21-я гвардейская механизированная бригада под командованием подполковника Н. Т. Арутюняна, за неделю до этого боя перемещенного на командование соединением с должности начальника его политотдела.

Бригада успешно осуществила поставленную перед ней боевую задачу: овладела населенным пунктом, понесла при этом горькую утрату — погиб смертью храбрых ее ко-

мандир Н. Т. Арутюнян, посмертно заслужив самую высокую награду Родины — орден Ленина.

В сражениях у города Немирова, когда 20-я гвардейская мехбригада с тяжелыми боями вырывалась из окружения, ее передовой отряд возглавил начальник политотдела А. И. Кортелев — с автоматом в руках повел в атаку бойцов.

Когда бригада прорывала кольцо окружения, в адской свистопляске пуль и осколков появился член Военного совета нашей армии генерал-лейтенант Н. К. Попель.

— Вот, оказывается, какой вы! — восторженно сказал он, обнимая Кортелева. — Я-то полагал вас глубоко штатским секретарем райкома. А вы — в самое пекло...

— У вас учусь, Николай Кириллович, — ответил Кортелев. — Вы же вот тоже пробрались на самый порог прорыва — «в самое пекло»...

Личный героизм политработников был, наверное, одним из первых стимулов, побуждавших в воинах, идущих в бой за Родину, стремление приобщиться к славной когорте коммунистов и комсомольцев. В 1944 году в Советских Вооруженных Силах было свыше 3 миллионов членов и кандидатов партии, 3,5 миллиона комсомольцев. В на-

Н.К. Попель и М.Е. Катукон награждают орденом Боевого Красного Знамени бригаду А.Х. Бабаджяна

грудном кармане каждого второго советского воина лежал свято оберегаемый партийный или комсомольский билет...

Беззаветно дралась за социалистическую Родину юность нашей страны. Из более чем 11 с половиной тысяч Героев Советского Союза, удостоенных этого высокого звания за отвагу и мужество, проявленные в годы Великой Отечественной, около 7 тысяч — комсомольцы и воспитанники Ленинского комсомола.

Уже в начале 1944 года человечеству стало окончательно ясно, что дни гитлеровского рейха сочтены, и в этом заслуга Советского Союза, об этом свидетельствуют успехи войск всех советских фронтов.

Немалый вклад в эти успехи вносили Украинские фронты — они отбросили противника далеко от Днепра, освободили Житомир, Бердичев, Новоград-Волынский, Ровно, Луцк, Казатин, Белую Церковь, Кировоград, Кривой Рог, Никополь и много других больших и малых украинских городов.

Остервенело сопротивлялись здесь фашисты и, чужая свою гибель, их прихвостни — предатели и наемники; бандеровские бандиты. От их злобного выстрела погиб командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин. Родина траурным салютом в столице отдала последнюю почесть своему верному сыну.

Командование фронтом принял на себя Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Во второй половине марта он приказал 1-й танковой армии перегруппироваться на новое направление — в район восточнее Тернополя для проведения новой наступательной операции.

С 6 по 15 марта танковая армия совершала ночные марши в новый район. Гусеничную и тяжелую технику перевозили по железной дороге. Наши железнодорожные войска совместно с героическими железнодорожниками в тяжелых условиях войны делали буквально невозможное возможным, восстанавливая разрушенные отступающим врагом пути и путевое хозяйство. При неблагоприятных

погодных условиях весны и распутицы их вклад в военные наши мероприятия был неоценимым.

В новом районе войска танковой армии ремонтировались и пополнялись новой техникой. Часть новых танков была из танковой колонны, построенной на деньги, собранные трудящимися Полтавской области, часть — из колонны, созданной на средства из «доброхотных пожертвований верующих Российской Федерации».

В час грозных испытаний, выпавших на долю Отчизны, граждане нашей страны жертвовали на оборону Родины все, что имели. Выражение «народ как один человек встал на защиту своей страны» потому имело не фигуральный, а вполне буквальный смысл.

С выходом 1-й танковой в новый район ударная группировка 1-го Украинского фронта достигла рубежа Тернополь, Проскуров. Здесь ее встретило организованное сопротивление врага.

Между тем оперативно-стратегическая обстановка, сложившаяся на южном крыле советско-германского фронта, требовала как можно быстрее выйти к Карпатам, чтобы разобщить немецкие войска, расчленив надвое.

Выход к Карпатам позволял левому крылу 1-го Украинского фронта во взаимодействии с частями 2-го Украинского окружить и уничтожить 1-ю немецкую танковую армию восточнее Каменец-Подольска.

Впоследствии пленный Йодль показывал: «Мы предполагали, что удар со стороны русских последует на южном участке фронта, а именно: в направлении румынской нефти, поэтому основное число танковых дивизий было сосредоточено нами в районе южных групп армий. В это время Гитлер заявил на одном из оперативных совещаний: «Лучше я потеряю белорусские леса, чем румынскую нефть»¹.

Верховное Главнокомандование торопило с проведением Проскуровско-Черновицкой операции. Торопило, чтобы не дать противнику возможности отвести свою 1-ю

¹ Цит. по: Военно-исторический журнал. 1961. № 4. С. 84.

танковую армию из района Винницы в район Днестра, помешать ему перебросить свои резервы с северного крыла на южное.

Ставя задачу 1-й танковой армии, Г. К. Жуков сказал, обращаясь к командарму:

— Имеете шанс отличиться, Катюков. Окажитесь через неделю вот здесь. — Он показал на карте.

Задача ставилась такая: во взаимодействии с 60-й армией генерала И. Д. Черняховского сломить сопротивление противника, на третий день операции форсировать Днестр, главными силами овладеть рубежом Городенка, Залещики, Окно, а передовым отрядом освободить Черновицы.

Справа соседей не было. Слева наступала на Каменец-Подольск 4-я танковая армия Д. Д. Лелюшенко.

Обе танковые армии использовали часть своих сил в первом эшелоне фронта. В отличие от предыдущих операций, где прорыв тактической зоны вражеской обороны производился усилиями общевойсковых соединений, а танковые армии лишь после этого вводились в прорыв для его развития, здесь дело обстояло иначе. В ходе Проскуровско-Черновицкой операции танковые армии должны были прорвать оборону и развивать успех в оперативную глубину.

В данном случае такой метод использования крупных танковых объединений был вполне оправдан, ибо соответствовал обстановке, сложившейся на этом направлении. Здесь предстояло прорвать оборону слабую и неглубокую, здесь у противника не было ближайших резервов для парирования наших ударов, здесь была необходимость прорыва обороны, чтобы стремительно вырваться к Днестру.

И нет никакого противоречия такого использования крупных танковых масс с тем, что по этому поводу я говорил выше, — что тактическую зону обороны противника прорывали общевойсковые армии, а танковые действовали во втором эшелоне и использовались для последующего развития прорыва.

Советская военно-теоретическая школа танководения предусматривала действия танковых армий и в пер-

вом эшелоне. Но лишь в следующих случаях: если оборона противника неглубокая и в противотанковом отношении слабая; если фронт не располагал достаточным количеством общевойсковых соединений, способных обеспечить прорыв и создать условия для ввода в прорыв танковых армий.

В отличие от теоретической концепции немецко-фашистского вермахта советская военная школа чуждалась какого бы то ни было шаблона. Абсолютных тактических приемов не может быть, каждому решению должен предшествовать глубокий и научный анализ всех обстоятельств, определяющий также и успех полководческого предвидения.

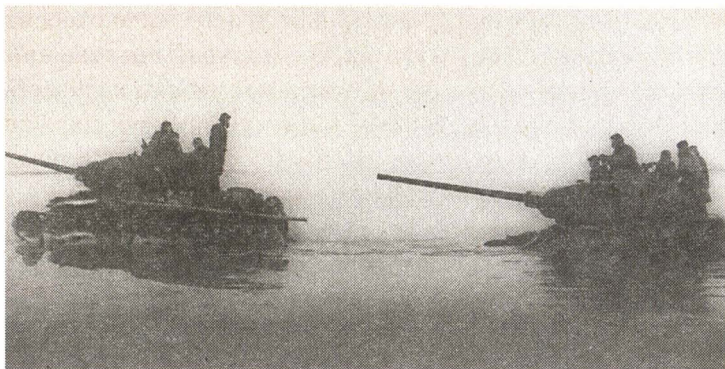
1-я танковая армия выдвигалась в район своего предназначения в ходе уже начавшейся Проскуровско-Черновицкой операции во все более ухудшавшихся погодных условиях. Бурное таяние снегов сочеталось с мокрым снегопадом, чередовавшимся с холодными дождями. Дороги настолько развезло, что даже танки по ним продвигались с огромным трудом. Что уж говорить об автотранспорте! Он застревал, и люди буквально руками двигали его вперед.

На «проталкивание» автотранспорта были брошены саперные части, целые мотострелковые подразделения, гусеничные бронетранспортеры, танки для буксировки.

Дороги — сплошное месиво грязи. А по обочинам их двигается пехота. Солдаты промокли до нитки — сверху хлещет дождь, шинели, как губки, на сапогах пудовые ко-

САУ Су-76 наступают по грязи

Вброд через реку

мья грязи, а на плечах пулеметы и минометы. И еще время от времени нужно подсобить плечом застрявшему грузовику.

Но надо идти вперед. Надо. И это молчаливо понимают все, кому не удалось добыть для этого лошадь. Командиры делают вид, что не замечают комичного вида этой «мотокавалерии». Вместо седел — у кого подушка, у кого подаренный сердобольной старушкой половичок, а у кого и просто серо-зеленая трофейная шинель.

Вперед, вперед во что бы то ни стало, потому что наступление должно начаться вовремя, а оно не начнется, если вовремя не выйти на исходный рубеж.

21 марта, после мощной арт- и авиаподготовки, войска ударной группировки фронта возобновили наступление. В первой же половине дня прорвали вражескую оборону на всю тактическую глубину и устремились на юг.

Танковые армии шли в первом эшелоне. Правда, с нами вместе начинали прорыв и войска 1-й гвардейской армии А. А. Гречко и 60-й армии И. Д. Черняховского, но они сразу же после преодоления первой оборонительной позиции противника начали отставать, «охотно» предоставляя танкистам самостоятельно продолжать прорыв на юг.

И хотя танки погрязают по самое днище, их движение решает все. Мотопехота продвигается на них десантом. Опорные пункты врага гремятся. Танки идут вперед.

Грязь, грязь... Ох, если б не эта грязь!

На одной высотке я остановил свой танк, чтобы понаблюдать за продвижением подразделений бригады — надо было торопиться, вскоре сюда должны были подойти танки бригады В. М. Горелова.

С моего возвышения видно, как, обтекая высотку, движутся на юг колонны танков. Впечатляющее зрелище!

И вдруг откуда ни возьмись несколько вражеских бомбардировщиков. Быстро перестраиваются один за другим и с пронзительным воем пикируют на мой танк.

Еле успеваю прыгнуть в люк. Бомбы рвутся прямо рядом с танком. О броню бьют осколки, комья земли, камни. Мы с водителем старшиной Л. А. Полтораком прижимаемся к дну танка. Танк трясет от взрывов. А бомбы рвутся и рвутся, может быть, вот сейчас какая-то угодит в нашу защитницу, в нашу машину прямым попаданием...

Но, видно, кончились у стервятников боеприпасы — звывли в последний раз, и стало тихо.

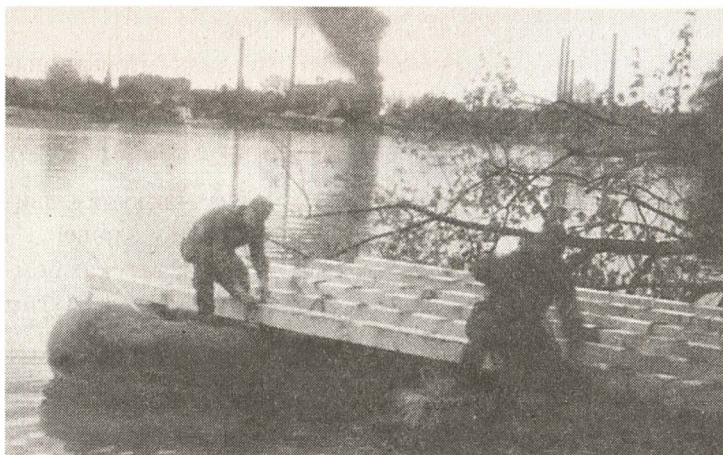
Мы переглянулись с Полтораком, и я открыл крышку командирского люка: на танке не осталось ничего — ни бензобаков, ни брезента, а вокруг воронки, воронки. Моргая глазами от яркого света, я стал считать, сколько их. Тридцать девять, сорок, сорок две...

Со всех сторон к нам бегут люди, впереди всех, размахивая большими руками, В. М. Горелов. Подбежал, обхватил меня своими ручищами, чуть не задушил. Потом оттолкнул от себя, посмотрел пристально, с радостью выдохнул:

— Ох... а ты жив...

Мне самому было удивительно, что я жив. Сорок с лишним бомб на нас двоих с Л. А. Полтораком — не многовато ли? А еще В. М. Горелов рассказал, что бомбежка продолжалась 15 минут, и он насчитал 33 «Юнкерса-87».

Долго мне потом мерещились пикирующие самолеты, в ушах не прерывался их надсадный вой, вой, от которого противно сжимаются внутренности. Не раз я леживал под бомбежкой, но такое потрясение пережил впервые. Никак не мог избавиться от этого гнетущего ощущения, и только новые бои заставили позабыть о нем.

Наведение понтонного моста

Прорвав оборону противника, танковые армии устремились на юг, с каждым часом наращивая наступление. Танкисты действовали дерзко, сея панику в тылах врага. Танки двигались по дорогам и бездорожью.

Поистине это был танковый рейд. Противник в ужасе бежал, бросая все. Танки возникали неожиданно, как смерч, давя на своем пути все, что сопротивлялось, и врывались как неуязвимая, непрекаемая сила в населенные пункты: Тербовля, Гримайлов, Буданов, Копычинцы...

Когда в ночь на 22 марта танки 20-й гвардейской мехбригады внезапно оказались в Копычинцах, здесь еще спокойно стояли немецкие регулировщики и, ничего не подозревая, педантично указывали путь нашим боевым машинам.

Не пропали уроки Белгорода и Харькова, Житомира и Винницы. Командиры всех степеней твердо усвоили тактику маневрирования, способы обхода опорных пунктов и узлов сопротивления врага. Пока первые эшелоны корпусов «свирепствовали» в глубоком тылу врага, вторые ликвидировали окруженные опорные пункты и очаги сопротивления фашистов.

Воодушевленные успехом, войска 1-й танковой решительно продвигались на юг. На всем пространстве наступ-

На переправе

ления поля боев были усыпаны трупами вражеских солдат, разбитой боевой техникой противника, брошенными повозками, автомашинами с грузом. Было взято много пленных, масса трофеев.

Управление войсками у противника полностью дезорганизовано; уклоняясь от одного нашего удара, они тут же попадали под другой. Преодолевая трудности из-за вконец размокшей почвы, наши танки преследуют отходящие части противника и громят их на ходу.

«Армия действует хорошо, — поздравляет комфронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. — Продолжайте быстрее выполнять поставленную задачу. К исходу 23 марта обязательно выйти в район Езыжаны, Борщев и Скала-Подольская. Не позднее 24 марта выйти на реку Днестр и с ходу форсировать ее...»

Мы с В. М. Гореловым торопились в Чертков. 23 марта на Чертков начали наступать части наших бригад. Наш «виллис» следовал за колонной наступающих подразделений.

По пути встречаем одиноко застрявшую тридцатьчетверку.

— Моя, — говорит Владимир Михайлович, — пойду гляну, что у ребят стряслось, а ты двигай себе вперед.

Не успел я немного отъехать, как наперерез «виллису» два немецких бронетранспортера. Шофер резко затормозил — мы все, кто был в машине, бросились в кювет.

Бронетранспортеры открыли по нас бешеный пулеметный огонь. И худо бы нам пришлось, если б в этот момент по ним не ударило орудие танка Горелова.

Это Горелов мчал к нам на той самой тридцатьчетверке. Танк его на ходу расстрелял вражеские бронетранспортеры. Вылезший из люка Володя, утирая взмокший лоб, снова поглядел на меня тем же пристальным взглядом, что и несколько дней назад:

— Да... А ты, наверное, Армо... как это говорят — в рубашке родился...

Я пошутил в ответ так, как принято было в те дни:

— Еще не отлиты в Германии те бомбы и пули, которые должны меня убить.

Вновь, второй раз за два дня, я выжил, хотя имелось все основания погибнуть. Что же это было — «ваше благородие, госпожа удача», как поется в модной песенке?

Да, удача, конечно. Но вместе с тем так хочется мне напомнить молодым старую истину, которой еще Суворов любил учить: удача — родная сестра умения. Особенно в военном деле. Ну не сумеи мы все, находившиеся в тот

Перевозка танков через реку на пароме

момент в «виллисе», от солдата до полковника, верно использовать для укрытия возможности местности — и пришел бы нам какюк...

Под охраной спасшего нас танка продолжаем двигаться к Черткову. Чертков взят. Здесь еще гремит пальба, но бои уже перемещаются на юго-запад от города.

Спешим. Нельзя позволить противнику отдышаться, организовать оборону на Днестре. Единственная дорога, связывающая Чертков с населенным пунктом Залещики, на десятки километров забита брошенным автотранспортом отступающего врага, конными повозками. Немецкие шоферы и хозяйственные команды разбрелись по лесам.

Маршал Г. К. Жуков предписывал 1-й танковой армии:

«В проводимой операции стремительный выход к Днестру и форсирование его с ходу имеет исключительно важное стратегическое значение, так как этим противник прижимается к Карпатам, теряя пути отхода. Кроме того, вся группировка противника, действующая на Украине, изолируется от сил, действующих севернее Полесья. Помните важность стоящих перед вами исторических задач. Обходите противника, окружайте его, не ввязываясь в длительные бои с его арьергардами».

Не ввязываемся. Обходим очаги сопротивления арьергардов противника. Стремимся вперед. Войска действуют дерзко, рвутся вперед танки. 68-й гвардейский танковый полк нашей бригады под командованием майора А. П. Петрова, взаимодействуя с танкистами 1-й гвардейской танковой бригады В. М. Горелова, к исходу 23 марта вышел на развилку шоссе на дороги Залещики — Устечко.

Впереди полка на бронетранспортерах действовала бригадная разведрота младшего лейтенанта С. Я. Устименко. К вечеру она вырвалась к северной окраине Залещиков.

Устименко радирует командиру полка и в штаб бригады: в городе остатки 11-й танковой немецкой дивизии бешено сопротивляются, мосты через Днестр взорваны.

К утру к Залешикам подошли главные силы бригады. Завязался ожесточенный бой. Храбро бились бойцы 2-го мотострелкового батальона капитана С. Д. Осина, танкисты полка А. П. Петрова, артиллеристы майора В. А. Варфоломеева и другие.

Город взят. Но разведчики С. Я. Устименко, не дожидаясь окончания боев в городе, уже устремились в тыл противнику, чтобы отрезать ему пути отхода на правый берег Днестра.

В Залешиках оказался еще и полк королевской армии Румынии, в то время союзницы Германии. Привели командира этого полка. Переводчик перевел мне следующие его слова:

— Его полк с большим удовольствием сдался в плен русским, а сам он этого сделать не может — связан присягой королю Михаю.

— Скажите ему: он и так уже в плену.

— Он повторяет: связан присягой.

Тогда я подошел к упрямому полковнику и стал крестить его, произнося при этом нараспев, как священник:

— Именем господа освобождаю тебя, раб божий, от греха — смело отказывайся от присяги, которую давал королю Михаю, потому что песенка его спета. Аминь...

Полковник недоуменно поводил головой вслед за моей крестящей рукой, но при слове «аминь» расхохотался.

Переводчик перевел мое «отпущение» грехов, и румынский полковник рассказал, что половина его полка на другом берегу Днестра.

— Почему же другая не переправилась?

Оказывается, немецкие заградительные отряды расстреливали отступающие части своих союзников. Полковник сообщил также, что немцы взорвали мосты и закрепились на той стороне Днестра.

Крутизна того берега благоприятствовала немцам в организации обороны.

Надо форсировать Днестр. Нет понтонных подразделений. Но Устименко предусмотрителен как истый разведчик — его молодцы отбили у противника множество

рыбачьих лодок, которые в свое время были немцами отобраны у населения. Из невесть откуда добытых досок и бревен сколочено несколько паромчиков. Под прикрытием огня артиллерии и танковых пушек разведроты переправляется на другой берег, там разведчики быстро расползаются по местности и уже через полчаса захватывают несколько командных высот.

Ай да Устименко! Как всегда, молодчина этот бывший матрос, попавший в нашу бригаду после тяжелого ранения. Н. В. Богомолов, наш начштаба, сразу же облюбавал этого парня с усищами, делавшими его похожим на запорожского казака, выдвинул на должность командира взвода разведчиков. Потом Устименко получил офицерское звание и разведроту. В первых же боях, еще под Курском, он был награжден боевым орденом Красного Знамени.

Не ошибся Н. В. Богомолов, выбирая «бога разведки»!

Первыми другого берега достигли вместе с С. Я. Устименко старшие сержанты А. П. Синицын, О. Ф. Календюк.

Вслед за разведчиками на том берегу оказался мотострелковый батальон капитана С. Д. Осипова, и батарея 45-миллиметровых пушек старшего лейтенанта К. Я. Ильченко открыла огонь прямой наводкой по огневым точкам противника.

Еще издалека заметна высоченная фигура капитана Осипова впереди ведомых в атаку своих цепей. Он всегда был надежен и несгибаем — бойцы шли за ним, не раздумывая, на самое трудное дело.

Захваченный разведротой Устименко и батальоном Осипова плацдарм на том берегу позволял переправлять остальную технику, обеспечивая форсирование Днестра. Все это делалось под остервенелой бомбежкой вражеской авиации, ураганным огнем противника.

Сердито вздулся Днестр от таяния обильного снега и частых дождей. Вода какого-то темно-коричневого, недоброго цвета. Но люди отважно бросались в нее и, кто на чем мог, добирались до берега. И немало их осталось там, в этой злой и холодной воде.

Кому память,
Кому слава,
Кому темная вода,
Ни приметы, ни следа...

Нет, остался след героев в памяти людской, памяти благодарной и изумленной их подвигом.

Когда подразделения бригады вступили на занимаемый противником берег, откуда-то сбоку во фланг цепи застрочил вражеский пулемет. Атака вот-вот захлебнется. Падают как подкошенные бойцы. И тогда красноармеец разведроты, комсомолец, повторил подвиг Матросова — закрыл своим телом неприятельский дзот. Фамилия его была Пигарев. Тот самый Пигарев, который, как помнит внимательный читатель, в районе Казатина один конвоировал колонну пленных числом почти в триста человек.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Н. Г. Пигареву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Этой высокой чести были удостоены также С. Я. Устищенко, С. Д. Осипов, О. Ф. Календюк. 20-й гвардейской мехбригаде приказом Верховного Главнокомандующего присваивалось почетное наименование Залещицкой.

Несколько лет назад, когда я командовал Одесским военным округом, пришло мне письмо. После подробного описания боев за Залещики, форсирования Днестра шли такие строки:

«...наш командир бригады полковник Бабаджанян — ваш однофамилец. А может быть, вы, товарищ генерал, и есть тот самый Бабаджанян, которого я и мои однополчане давно разыскиваем? Я для того и описал бои на берегах Днестра, чтобы, если это вы, вспомнили бы своих сослуживцев...»

И подпись: Календюк.

С Героем Советского Союза О. Ф. Календюком, в то время председателем исполкома одного из районов Кировоградской области УССР, мы встретились вскоре после этого письма на съезде Компартии Украины. Трудно было узнать того 19-летнего старшего сержанта. Годы берут свое.

Но О. Ф. Календюк так же задиристо молод душой, как в те далекие времена. Не властны годы над его неистощимой энергией, целеустремленностью, самоотверженностью, он вновь на фронте — на фронте труда. Гвардейцы — всегда гвардейцы.

Войска нашей танковой армии продолжали успешное форсирование Днестра. 25 марта переправились танки 1-й и 20-й бригад и быстро перешли в наступление в указанных направлениях.

Стремительное наступление Украинских фронтов как магнит притягивало к себе оперативно-стратегические резервы противника, облегчая подготовку и проведение наступательных операций не только на других советских фронтах, но и нашим западным союзникам. Германское командование вынуждено было снять с Западного фронта и перебросить на Восток многие свои соединения. На участок, где действовала наша танковая армия, например, прибыли с запада 2-й корпус СС, пехотная дивизия и другие части. Однако отчаянные усилия Гитлера не могли остановить советского наступления.

Тогда он издал приказ, согласно которому по всему Восточному фронту устанавливалась целая система так называемых крепостей и опорных пунктов, которые должны были «держаться до конца» даже в случае окружения.

Переправа орудий на плотях

Приказ Гитлера гласил: «Только лично командующий группой армий может с моего разрешения отменить задачу коменданта крепости и поставить перед ним новую...»¹

Но не та пора, чтоб воля фюрера почиталась чуть ли не за божий промысел, — окружаемые гарнизоны крепостей спасались бегством.

На севере вермахт потерпел поражение от войск Ленинградского, 2-го Прибалтийского и Волховского фронтов — наши войска вступили на территорию Эстонской ССР. На юге четыре Украинских фронта освободили Правобережную Украину, часть Молдавии, вышли к Карпатам. На центральном участке фронта действия войск противника тоже прочно скованы войсками Белорусских фронтов. Положение врага, прямо сказать, незавидное.

Но смертельно раненный фашистский зверь все еще огрызается. Бесноватый фюрер снова требует от германского народа новых и новых жертв: «Веление времени состоит в том, чтобы бросить в эту заключительную борьбу все резервы сил, которые может дать Великогерманская империя»².

И германский народ вновь приносит, понуждаемый своими авантюристическими руководителями, новые бессмысленные жертвы в войне, которая фактически уже проиграна.

С выходом 1-й танковой армии за Днестр, а 4-й танковой — в район Хотина была обойдена с запада немецко-фашистская группировка, оборонявшая район восточнее рубежа Проскуров, Винница, Жмеринка. С юго-востока эту группировку обошли войска 2-го Украинского фронта. В составе этой группировки противника было более 23 дивизий, из них 10 танковых и одна моторизованная.

Однако в первых числах апреля окруженный противник нанес внезапный удар по ослабленным частям нашей

¹ Цит. по: «Совершенно секретно! Только для командования». М., 1967. С. 523.

² Там же. С. 521.

4-й танковой армии, прорвал блокаду и начал выходить из окружения на широком фронте вдоль Днестра в направлении на Бучач. В кольце окружения образовались значительные бреши, а закрыть их оказалось нечем. Ни у 60-й армии, ни у 1-й танковой для этого не было достаточных сил. Не смогли создать надежного заслона и два стрелковых корпуса, брошенные командованием 1-го Украинского фронта с марша на пути отхода противника.

Однажды меня вызвал начальник штаба армии генерал М. А. Шалин. Коротко информировал о положении в районе Скалы-Подольской.

— Положение очень серьезное, — сказал Михаил Алексеевич, — будет ведь очень обидно, если неприятелю удастся уйти из окружения. Все-таки больше двадцати дивизий. Хотя сравнение и не очень точное, но... сам подумай, под Сталинградом тоже ведь было столько немецких дивизий... В общем, выделяй усиленный артиллерией мотострелковый батальон и двигай его в распоряжение командира стрелкового корпуса. А сам — срочно в район Черткова. Разущи там две танковые бригады из 4-й танковой армии. И еще два самоходных артиллерийских полка. Связи с ними нет. Организуй оборону наших тылов между Залещиками и Чертковом. Военный совет уполномочивает тебя действовать самостоятельно, сообразуясь с обстановкой.

— Что за противник? Где его передовые части?

— Никто ничего толком не знает.

— Какие номера частей, что я должен разыскать?

— Точных номеров тоже в моем распоряжении нет. Все, что встретишь, подчини себе, постарайся преградить путь противнику. Это требование самого комфронтом.

«Сейчас, анализируя всю эту операцию, — пишет Г. К. Жуков, — считаю, что 1-ю танковую армию следовало бы повернуть из района Черткова, Толстое на восток для удара по окруженной группировке. Но тогда мы имели основательные данные, полученные из различных источников, о решении окруженного противника прорываться на юг, через Днестр в район Залещиков. Такое решение

Танк с десантом переправляется через реку

казалось вполне возможным и логичным... Но когда командованию группы армий «Юг» стало известно о перехвате советскими войсками путей отхода на юг, оно приказало окруженным войскам пробиваться не на юг, а на запад, через Бучач и Подгайцы... Сколько человек прорвались из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить так и не смогли. Назывались разные цифры. Видимо, все же вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше»¹.

Усиленный батальон выступил ночью. Ночью же двинулся и я, взяв с собой разведроту бригады на десяти бронетранспортерах и двух автомашинах. На рассвете мы прибыли в Устечко. Оставив здесь взвод разведчиков, с остальной группой я двинулся к Черткову. По дороге нагнал колонну самоходок СУ-85.

Это был один из полков, о которых говорил М. А. Ша-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 543—544.

лин. Приказал повернуть полк в село Толстое и занять там оборону. Розыск других бригад ни к чему не привел — их не было от Черткова до самых Залещиков. Оборону удалось организовать из отходящих подразделений стрелкового корпуса и обнаруженного полка самоходок. Вдобавок выпал обильный снег — движение противника затормозилось.

Однако он не дремал, его транспортные самолеты сбрасывали своим частям продовольствие, горючее в специальных контейнерах. Передовые его части подошли к главной шоссейной магистрали Толстое — Залещики. Тут его отбросил своим огнем полк самоходок. Тогда он стал обходить нас с севера и с юга.

Мы с боем отходили на запад, вплоть до Днестра. И наконец снова оказались среди своих, в соединениях 1-й танковой армии.

— Конечно, — сказал мне М. Е. Катуков, когда я доложил ему, что мне удалось сделать в районе Толстое, — где уж там одним батальоном да разведротой удержать столько частей противника... А сам же ты мог уйти на север, за Чертков, мы-то тут можем в окружение угодить.

— Что же вы мне предлагаете: самому на север, а бригада — она пускай тут остается?

— Гляди, какой приткий, — сказал притворно-ворчливым тоном Михаил Ефимович. — Ладно, берись за бригаду — нам тут действительно жарковато придется.

В самом деле, мы вроде как поменялись с противником местами. Прорвавшись на Бучач, он соединился со своей Станиславской группировкой. Он был на восточном берегу Днестра, мы — на западном. «Заднестровская советская республика», — шутили солдаты.

Мне думается, что нашим военным историкам есть над чем поработать, рассматривая Проскуровско-Черновицкую операцию весны 1944 года. Ее, пожалуй, можно было бы назвать одной из самых блестящих наступательных операций, если бы не ложка дегтя — выход из окружения значительного количества войск противника. Правда, враг понес здесь колоссальные потери в живой силе и

На переправе

технике, но все же вырвался из нашей блокады. Подчеркну, что это все равно не помогло ему повлиять на дальнейшее разворачивание событий — оно происходило далеко не в пользу противника. Но с точки зрения военно-теоретической хочу отметить и тот, на мой взгляд, просчет, который был нами допущен здесь.

План наступательной операции был задуман превосходно. Войска со своими задачами справлялись отменно. Достаточно сказать, что за каких-то пять-шесть дней 1-я танковая армия, выйдя в тыл врага, на этом направлении, по существу, полностью разгромила противника, дезорганизовала ему управление и снабжение войск. Противник был ошеломлен и пребывал в полной растерянности. Уже 23 марта войска нашей 1-й танковой начали форсировать Днестр, а танкисты 4-й армии генерала Д. Д. Лелюшенко вышли в район Хотина, напрочь отрезав вражескую группировку от своих баз. Создались условия для ликвидации окруженного противника. При этом враг настолько растерялся, что вплоть до 1 апреля ничего не предпринимал для того, чтобы вырваться из окружения.

Но благоприятное это обстоятельство не оказалось использованным — общевойсковые соединения фронта вели

длительные атаки опорных пунктов противника, таких, как, например, Тернополь, в бои за который была втянута почти вся 60-я армия.

Проблема же ликвидации окруженной группировки отошла как бы на второй план. Для создания внутреннего фронта окружения на пространстве в 120—130 километров на 1-м Украинском фронте не было достаточных сил, особенно танков. При этом они были растянуты длинной ниткой, не имея вторых эшелонов и резервов. Естественно, они не могли устоять против мощной группы противника — танковых дивизий СС и других вражеских войск.

Выйдя из окружения, противник начал нагнать. В районе нашей переправы, близ Устечка, несколько раз пытался форсировать Днестр, чтобы в сочетании с ударами своих войск из-под Станислава проникнуть в наш тыл в районе Городенки.

Но все его попытки форсировать Днестр разбились об упорное сопротивление прибывших от Черновиц частей 11-го гвардейского танкового корпуса.

Днестр, еще недавно бывший для нас препятствием, стал вдруг нашим прикрытием.

Обстановка между тем становилась все сложнее и запутаннее. Особенно в районе Станислава. Сюда подошли новые крупные резервы противника и при массовой поддержке своей авиации начали непрерывные атаки позиций 8-го гвардейского мехкорпуса.

На самом остром атак крупных моторизованных частей противника оказались 20-я механизированная и 64-я танковая гвардейские бригады. Для организации сплошной обороны не хватало сил и средств, пришлось создавать пункты и узлы сопротивления.

Пересеченная местность способствовала ведению обороны методом узлов сопротивления и опорных пунктов. Но это имело и оборотную сторону — глубокие овраги и лощины позволяли небольшим группкам автоматчиков противника пробираться в тыл нашей обороны. Противнику удалось, потеснив части 18-го гвардейского стрелкового корпуса, захватить железнодорожный мост, форсиро-

вать Днестр и таким образом выйти во фланг нашему 8-му мехкорпусу.

Командарм приказал мне объединить усилия 20-й и 64-й бригад, атаковать противника и вновь отбросить его на левый берег Днестра.

Приказ есть приказ. Мы с командиром 64-й, полковником И. Н. Бойко, оставив на рубеже обороны два моторизованных батальона, со всеми наличными танками ринулись к Днестру.

Танки с ходу отбросили противника до самого берега. Но его пехота засела на недоступных для танков высотах и продолжала оттуда безнаказанно лупить по боевым порядкам нашей малочисленной мотопехоты. И вдобавок противник с противоположного берега начал сильный артобстрел, а с воздуха непрерывно била его авиация.

У нас осталось всего 14 танков, и единственное, что можно было еще делать, — это засесть в засаду и оттуда вести танковый огонь. Мы с И. Н. Бойко от сильного арт-обстрела укрылись под пролетом небольшого моста через шоссеюную дорогу.

В полдень под мост к нам пробрался командир нашего корпуса генерал И. Ф. Дремов. Мы едва узнали его, перепачканного в глине. Измученный, взмокший, Иван Федорович повалился прямо на землю, раскинув в стороны руки и ноги.

Отдышавшись, сказал:

— Ну так что у вас тут?

Стараясь перекричать грохот разрывов, я доложил ему обстановку.

— Ничего себе нашли тихое местечко, — пробурчал И. Ф. Дремов. — А что все-таки думаете делать?

— Думаем, что с наступлением вечера надо отвести отсюда остатки бригад, а то от них ничего не останется.

— «Отвести», «отвести», — передразнил меня Дремов. — Поди скажи это командарму. Требуется, чтоб я сбросил противника на тот берег. А чем я его сброшу? Ну скажи мне, чем?

— Начальству виднее, — не удержался я.

— Виднее, — неопределенно отвечал Иван Федорович. — Вы вслед за мной ползут к вам по-пластунски армейский прокурор и председатель трибунала. Если доползут, будут вести расследование, почему вы с Бойко не обеспечили выполнение приказа. А за невыполнение приказа в боевой обстановке небось сами знаете, что полагается.

— Это нам-то полагается?! — вскипел И. Н. Бойко. — Нам?! Да я этих прокуроров!

— Успокойся, Иван Никифорович. Во-первых, они к нам не доползут по такой «безопасной» дороге. А во-вторых, это Катуков хочет на всякий случай нас подзадорить на ратный подвиг, — обиженно закончил я.

Дремов уловил мою обиду.

— Если вас судить, то и меня заодно. Чепуха все это, давайте лучше поглядим, что тут у вас творится.

Мы перебежали из-под моста метров на десять в дорожный кювет. Рядом легла пулеметная очередь. Дремов упал, схватившись за грудь.

— Вы ранены, Иван Федорович?!

Посмотрели: две пули в грудь, одна в левую руку.

— Ай-ай-ай, Иван Федорович, ну зачем комкору лезть самому в такую перепалку?

Кое-как перевязали его, опять оттащили под мост, уложили там. Дремов хотел было подняться, но куда там!

Спустя час или два под мостом появились двое, с головы до ног измазанные землей. Мы с трудом признали армейского прокурора и председателя трибунала.

— Судить нас прибыли?! — грозно встретил их И. Н. Бойко.

— Вас обоих не судить нужно, а к наградам представлять, — устало ответил прокурор. — Обстановка — сама достаточный материал для выводов следствия. Лучше дайте нам по глотку чего-нибудь и покажите, как выбраться восвояси.

Такова была моя вторая встреча со служителями армейской Фемиды, которые на этот раз не поспешили с санкциями прежде выводов и выводы сделали на основании собственного опыта, почерпнутого под свист пуль и вой снарядов.

Хочу сказать, что и вспомогательные службы наших

Вооруженных сил — и административная, и юридическая, и интендантская, и медицинская — только ведь формально второй эшелон. В действительности они в строю, в первой шеренге, на переднем крае, разделяя равно тяжкую судьбу фронтовиков в пороховом дыму атак.

Очень часто слышим, что современные танковые войска — потомки славной конницы: те и другие для придания бою и операции большего размаха и темпа.

Это истина, и возражать против нее не приходится. Все помнят неопределимую роль красной конницы в Гражданскую войну.

Конница тоже предназначалась для развития успеха прорыва. Но она это осуществляла на глубину в 50—100 километров, а современные бронетанковые силы, взаимодействуя с другими родами войск, углубляют прорыв на многократно большее расстояние, чем это было во времена конницы, значительно отрываясь, таким образом, от главных сил наступающих войск.

В войнах прошлого конница, свободно маневрируя, почти не подвергалась ударам с воздуха. Танки же ныне действуют при постоянной воздушной угрозе. Действуя в оперативной глубине, конница нуждалась в подвозе только боеприпасов, продовольствие и фураж она добывала из местных ресурсов. Танки же привязаны, как пуповиной, к своим базам снабжения. Причем горючее, боеприпасы, запасные части надо иметь в колоссальных количествах, и поэтому нужно множество транспорта для доставки этого в действующие войска.

Все это я вспоминаю для того, чтобы с сердечной признательностью отметить великую роль так называемой тыловой службы нашей армии в годы Великой Отечественной. Строевые командиры танковых и механизированных частей, мы искренне восхищались поистине героической работой тыловиков по организации снабжения в доставке боеприпасов и продовольствия нашим частям, когда мы далеко уходили в глубь обороны противника.

Причем все это осуществлялось ведь в условиях бездорожья или разрушенных путей сообщения, под авиацион-

ной бомбежкой врага, а подчас преодолевая сопротивление его наземных войск.

А ремонт техники в боевых условиях — когда тыловики организовывали непосредственно в районе сражений целые ремонтные заводы!

А наши славные медики — сколько жизней они спасли, сколько воинов вернули в строй, сохранив для армии ту самую «живую силу» — людей!

Ни одна армия в современной войне не сможет просуществовать, не то что уж добиться победы, без хорошо налаженной службы тыла. Не случайно, что уже в первые годы Великой Отечественной в Советских Вооружённых Силах появилась должность члена Военного совета фронта и армии по тылу. Такая же должность — начальник тыла — была введена во всех войсковых частях.

Не случайно, что работа тыловых подразделений была в центре внимания командования и политорганов.

Высокой оценкой работы тыла Красной Армии прозвучали слова приказа министра Вооружённых Сил СССР после окончания Великой Отечественной (№ 38 от 25 августа 1946 года):

«В Великой Отечественной войне личный состав органов тыла — интенданты, медицинские работники, автомобилисты, дорожники, работники военных сообщений, службы снабжения горючим и ветеринары успешно справились с поставленными перед ними задачами по обеспечению фронта.

Личный состав органов тыла достойно выполнил свой долг перед Родиной».

Танкисты и мотопехота вплоть до самой ночи не дали противнику продвинуться ни на шаг. С наступлением темноты мы отправили в тыл раненого комкора, с ним вместе уехали и наши юристы.

В День Победы в 1971 году получил я неожиданно письмо. Вот оно.

«...Пишет вам бывший командир танкового взвода танкового полка вашей бригады младший лейтенант И. П. Логвиненко. Возможно, вы меня не помните, но есть эпизоды, которые в памяти людей восстанавливают прошлое. Хочу

напомнить эпизод, имевший место в районе Обертина Станиславской области.

Это было в середине апреля 1944 года. Наши войска вели тяжёлые оборонительные бои недалеко от Днестра...»

Верно. Там очень тяжело приходилось нам. Тогда, после ранения комкора И. Ф. Дремова, 20-я механизированная и 64-я танковая гвардейские бригады под покровом темноты были отведены южнее населенного пункта Нижней и поспешно перешли к обороне. С рассветом противник возобновил свое наступление, на некоторых участках ему удалось неглубоко вклиниться в нашу оборону. Отдельные его группы просачивались в наши тылы, оседали в населенных пунктах. Так случилось и на небольшом хуторе, который отбили две роты вражеских автоматчиков у мотострелков батальона капитана Калмыкова.

«... По приказанию командира нашего танкового полка я с двумя танками прибыл в ваше распоряжение. Вы стояли на бугре в черной бурке и шапке-ушанке. Когда я представился, вы спросили: «Сколько танков привели?» Я ответил: «Два». Вы сказали: «О, это большая сила!»

Помню. На выручку мотострелкам капитана Калмыкова был послан танковый взвод, которым командовал совсем еще юный, с комсомольским значком, молодцеватого вида младший лейтенант.

«... Вы сказали: «Посмотрите на север. Видите небольшой хутор, семь-восемь домов? На хуторе немцы, около батальона. Танков противника на хуторе нет. За хутором обороняется мотострелковый батальон капитана Калмыкова. Вам нужно разбить хутор, уничтожить противника и действовать совместно с капитаном Калмыковым. За вашими действиями буду наблюдать отсюда».

О действиях моего взвода на следующий день я доносил вам...»

Как же, помню. Отлично помню его донесение. Кажется, оно даже где-то хранится у меня... Вот оно:

«КОМАНДИРУ 20-й
ГВАРДЕЙСКОЙ МЕХБРИГАДЫ
ПОЛКОВНИКУ БАБАДЖАНЯНУ А.Х.

ДОНЕСЕНИЕ

Докладываю, что к концу дня 13 апреля взводом достиг места боя. С ходу атаковал хутор, все дома, где засели автоматчики противника, огнем и гусеницами уничтожил. На хуторе много трупов солдат и офицеров противника.

Этой ночью отыскал командира мотострелкового батальона гвардии капитана Калмыкова и перешел в его подчинение.

Ваше приказание выполнено.

*Командир танкового взвода
танкового полка
гвардии младший лейтенант
ЛОГВИНЕНКО.*

14.IV.44 года».

Потому и сберег я это донесение, что танки Логвиненко действовали не просто геройски. Они действовали артистически. В коротком бою восемь его танкистов уничтожили до двух рот вражеской пехоты.

«...О действиях моего взвода на следующий день я доносил вам. Но в донесении я не стал писать о судьбе второго танка моего взвода.

Когда мы подошли к хутору, из одного дома в другой начались перебежки немцев. Я понял, что немцы, увидев нас, хотят укрыться в танконедоступных местах. Не теряя времени, оба танка на больших скоростях ворвались в хутор, на ходу из орудий и пулеметов стали уничтожать бегущих немцев.

Из одного дома в упор фаустпатроном был подбит наш танк. Тогда я решил действовать одним — давить дома гусеницами, расстреливать из пушки.

После боя противник оставил 108 трупов, только в одной хате было их 27...

Увидев наши танки, Калмыков и его люди воспрянули ду-

хом. Нам стало веселее, когда к нам прибыла рота ПТР в составе 16 человек... Утром к нам приехал ваш заместитель и передал вашу благодарность за работу на хуторе...

*С уважением к вам офицер запаса,
ныне шахтер, ЛОГВИНЕНКО*

7 мая 1971 года».

В последующих боях погиб и второй танк из взвода Логвиненко, погибли многие из членов его экипажа. Судьба оказалась милостивой к самому герою. Он невредим — ветеран и герой тех грозных битв, он жив — танкист и шахтер...

Танкист и шахтер. Какое удивительно емкое сочетание слов — другие слова здесь уже не нужны...

На Буковине шли не смолкающие ни днем ни ночью бои. 1-й танковой армии, потерявшей в боях много техники, разбросанной по широкому фронту, было уже тяжело сдерживать отчаянный натиск врага, стремившегося вырваться на оперативный простор.

В середине апреля стало прибывать пополнение — маршевые танковые роты, 399-й гвардейский тяжелый самоходный артиллерийский полк, 72-й танковый полк, на вооружении которого были танки ИС-2 со 122-миллиметровыми пушками. Эти части сыграли решающую роль в отражении контрударов врага — противник сворачивался в колонны, отступал на север.

Но, отступая, огрызаясь, и требовалась полная мобилизация сил всех участников борьбы с ним — от военачальников самого высшего звена до рядового солдата.

Как сейчас помню, было это 18 апреля 1944 года, севернее населенного пункта Герасимово. С небольшой высоты мы с бригадным разведчиком капитаном В. С. Бобровым и телефонистом сержантом Н. И. Васиным вели наблюдение за полем боя. Неожиданно прямо на нас выползли три немецких танка.

Что делать? Защищаться нечем — наши далеко. Бежать? Догонят, раздавят, подстрелят, как куропаток. «Замной! — крикнул я. — Укрыться за обратным скатом!»

В складках обратной стороны высоты мы укрылись от

стрельбы немецких танкистов, которые нас заметили, но их отвлекло какое-то движение в рядом расположенной деревушке, и они двинулись к ней.

С другой стороны мимо нас к этой деревне мчался грузовик с прицепленной 76-миллиметровой пушкой.

— Стой! Куда лезете! Стой!

Из кабины показалось лицо совсем молодого лейтенанта.

— Следуем из ремонта в арtpолк, товарищ полковник!

— А где же ваш полк?

— Очевидно, там, где стреляют. Где же иначе быть артиллерийскому полку?

— Это правильно. Но нельзя же стремглав мчаться прямо на убой — впереди три немецких танка.

— Где они, товарищ полковник? — спросил, словно обрадовался, лейтенант.

— Чуть подниметесь на гребень — они тут как тут... — Вперед! — скомандовал лейтенант водителю, и машина рванулась.

— Стой! Стой!

Но машина уже мчалась вперед.

— Убьют же молодокоса! — в сердцах вскричал я, выругав себя, что не смог удержать этого отчаянного мальчишку.

— М-да, — только и произнес Бобров. — Убьют как пить дать...

Мы побежали к гребню высоты. Машина с орудием была уже там. Немецкие танки, увлеченные деревней, не сразу заметили машину. Она на полном ходу развернулась, лейтенант стал наводить пушку, шофер помогал ему заряжать.

Почти в упор, словно на полигоне, они поразили все три танка подряд. Причем после каждого выстрела лейтенант отрывался от прицела и взглядом как бы проверял, хорошо ли поразил цель его снаряд. Не удовлетворившись совершенно точными тремя попаданиями, он для надежности всадил в танки еще по снаряду.

Затем они с шофером снова уселись в машину, лихо подружили к нам, ошеломленным этим зрелищем. Лейтенант выпрыгнул из кабины, вскинул руку к козырьку.

— Товарищ полковник, ваше задание выполнено — три танка противника орудийным расчетом уничтожены!

— Я такого задания вам не давал, — ответил я, крепко обнял обоих и расцеловал.

Память редко подводит меня, но не могу сейчас никак вспомнить фамилий этих смельчаков. Тогда я доложил по команде об их подвиге и надеюсь, что он был по достоинству оценен командованием.

Где вы сейчас, отважные герои? Тогда вам обоим было лет по девятнадцать. Почему-то верится, что пощадила вас война, вы живы и трудитесь на благо Отчизны, за которую готовы были самоотверженно сложить свои буйные головы.

С подходом стрелковых соединений 18-й и 38-й армий, появлением в небе «воздушных танков» Ил-2 положение на этом участке фронта постепенно стабилизировалось. 1-я танковая армия была выведена во второй эшелон фронта.

Весеннее наступление 1944 года привело к огромным военно-политическим успехам. Но, пожалуй, самым значительным был выход Советских Вооруженных Сил на западную государственную границу Родины. Тысячу дней и ночей ждал этого советский народ. И вот свершилось. Полосатый пограничный столб с гербом Союза Советских Социалистических Республик водружен на свое законное место. Водружен советскими воинами, сдвинувшими на минуту свои винтовки за спину, чтобы вкопать его поглубже.

Но миновал торжественный момент, а до победы еще путь. Он лежит по землям соседних стран, временно попавших под ярмо оккупантов. И чтоб достигнуть полной победы над германским фашизмом, надо пройти по этим землям, принести им освобождение, подарить им возможность разделить с советским народом радость победы над заклятым врагом человечества.

И снова солдаты шагают вперед, на запад. И снова неостановимо идут вперед танки, устремляются в небо боевые эскадрильи.

В бессильной ярости фюрер готов задушить своего клеветника, доносившего ему о русских резервах: «Вы осмеливаетесь заявлять мне, что я проигрываю мою войну?!»

Но он проигрывал. Ветер развеивал победные красные стяги над Николаевом и Одессой, над Севастополем и Керчью... И не помогали уже ни пропагандистские трюки Геббельса, ни самолеты-снаряды «Фау-1», ни ракеты «Фау-2», ни медлительность союзников с открытием второго фронта. Тень виселицы, надо думать, уже являлась во сне ближайшим сподвижникам фюрера...

Глава пятая

ОБЪЯТИЕ ДРУГА

Буковина, благодатный край. Чьей только территорией за свою многовековую историю она ни была — и турки ее захватывали, и австрийцы оккупировали. Еще в X веке входила она в состав Древнерусского государства, в 1812 году восточная часть Буковины отошла к России, но спустя столетие ее земли заняли румынские бояре. Перед самым началом Великой Отечественной северная часть Буковины вошла в состав Украинской ССР.

Но хотя и недолго просуществовала здесь Советская власть, судя по удивительному радушию местных жителей, оставила она незабываемое впечатление.

И вот снова брат воссоединился с братом — ведь это исконная украинская земля, и люди эти — украинцы, потомки Даниила Галицкого, основателя Львова и правителя Галиции и Буковины, под водительством которого галичане и буковинцы сражались с иноземными завоевателями за свою свободу и независимость.

Украина, Украина во всем — от языка до домашней утвари. Только вот одежда как-то напоминает о многолетнем присутствии здесь австрийцев, венгров, румын...

Город Черновицы (нынешние Черновцы) — центр Буковины — смесь одежд и лиц, племен, наречий, состояний. Важно движется по улицам холеный негоциант в отличном костюме и... кепке — очевидно, для демократичности; резко вертя головой то вправо, то влево, идет молдаванка, только что приехавшая из села; поспешает куда-то трубочист с метелкой за плечами, за ним бредут попы, ксендзы и даже не-

Т-34-85 ведет огонь из засады

известно откуда взявшийся старый раввин в котелке и ватном пальто до пят. Шагают и молодые люди с красными повязками на рукавах — служба охраны порядка. Улыбаются советскому солдату, берут неумело под козырек.

— Здоровеньки булы, — отвечает он. — Як вона служба, хлопцы?

— А вы кто будете? — недоумевают ребята.

— Та я ж свій, хиба ж не бачите, с Полтавщины я... — И завязывается дружеская беседа, и идут уже вместе — боевой патруль по улицам освобожденного города.

Части и соединения 1-й гвардейской танковой армии, выведенной во второй эшелон для подготовки к летнему наступлению, расположились в городах и селах Приднестровья и Прута. Отсюда рукой подать до Румынии, Чехословакии, Польши...

Наступил июнь 1944 года. Мы узнали о высадке союзников на французский берег. Это наконец был открыт второй фронт, которого мы давно перестали ждать.

Мы ждали его целых три года. Ждали, когда нам было смертельно трудно, когда ленинградцы пухли от голода, а немецкий сапог ступил на предгорья Кавказа, когда, исте-

кая кровью, сдерживали обезумевшего и опьяненного своими временными победами врага под Сталинградом...

Ждали и надеялись, что союзники нам помогут, верили в это — и бились с врагом целых три года один на один.

Бились так, что нанесли врагу сокрушительное поражение, почти полностью освободили от него свою территорию. И вот тогда только узнали, что открылся второй фронт.

Это случилось 6 июня 1944 года, за четыре дня до начала летней наступательной кампании Советских Вооруженных Сил, когда всем было окончательно ясно, что Красная Армия способна одна довершить разгром фашистской Германии, когда советские войска приблизились к границам целого ряда государств Восточной Европы, и речь шла уже не только о военных действиях! Вот как об этом пишет английский военный историк генерал Дж. Фуллер:

«Действительно, война перестала быть стратегической проблемой. Борьба перешла в чисто политическую сферу и велась уже не между вооруженными силами, а между двумя политическими системами: на одной стороне была система западных союзных держав, а на другой — Россия. Речь шла о том, какая из этих двух систем будет господствовать в Восточной и Центральной Европе»¹.

Фуллер преуменьшает трудности по окончательному разгрому вермахта, которые еще существовали. Вспомним, что впереди еще были Висла и Одер, Померания и Берлин. Но в одном он прав — именно политические заботы о будущем Европы и мира во многом подтолкнули союзников на открытие второго фронта.

Да, именно так. Чем больше я читаю появившихся после войны книг, в которых впервые публикуются документы военных лет, тем больше я убеждаюсь, как были правы те из нас, кто это подозревал еще в июньские дни 1944 года.

Оказывается, еще летом сорок третьего военный министр США Г. Стимсон обращал внимание президента: «В свете послевоенных проблем, перед которыми мы встаем, наша позиция представляется крайне опасной. Не следует

¹ Фуллер Дж. Ф. С. Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 467—468.

Дорога войны

думать, что хоть одна из наших операций, являющихся булавочными уколами, может обмануть Сталина и заставить его поверить, что мы верны своим обязательствам».

Рузвельт отвечал Стимсону, что тот «выразил выводы», к которым пришел он сам.

Оказывается, еще осенью сорок третьего американский посол в Англии Ваймант доносил в Штаты, что Черчилль и Иден полагают: «Интерес СССР к открытию второго фронта не столь велик, как раньше». А американский генерал Дин на совещании у президента Ф. Рузвельта, что проходило 24 ноября на линкоре «Айова», заявлял: «Советы ныне рассматривают второй фронт как своего рода страховку, а не как непосредственную необходимость».

Оказывается, осенью сорок третьего Франклин Рузвельт высказывал опасения по поводу того политического влияния, которое могут оказать советские войска, войдя в страны Восточной Европы и в саму Германию, и говорил следующее: «США должны взять Северо-Западную Германию... Мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы берут территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты».

И вот союзные войска высадилась в Нормандии, на-

чали осуществление своей операции «Оверлорд». Борьба Красной Армии с главными силами вермахта обеспечила союзникам возможность длительной и всесторонней подготовки этой операции. Как известно, ей предшествовала долгая и кропотливая работа союзнической разведки по дезинформации противника.

Перемалывая основные силы вермахта, советские войска реально обеспечивали безопасность Британских островов от серьезных атак с моря и с воздуха.

И пока велась предшествующая высадке долгая тайная война союзных и германской разведок, Красная Армия громила на полях сражений лучшие немецкие дивизии, обращая в прах основные силы рейха.

Немецкое командование, пытаясь разгадать советские планы на лето 1944 года, ошибочно предположило южное направление в качестве направления главного удара и сконцентрировало здесь наибольшее число своих танковых сил.

Советское командование умело использовало этот просчет врага. В начале июня ему был нанесен удар на северо-западе Ленинградским и Карельским фронтами. А 23 июня последовал второй, еще более мощный удар. Перешли в наступление 1-й Прибалтийский и Белорусские фронты, обрушив на противника такой дробящий и стремительный молот, что группа его армий «Центр» фактически просто перестала существовать.

Белорусская наступательная операция Красной Армии, известная в истории Великой Отечественной войны под названием «Багратион» (так она именовалась в тогдашних закодированных документах), была поистине грандиозной. Хотя немецкое командование и предполагало иное направление удара советских войск, тем не менее здесь были сосредоточены 63 дивизии и три бригады фашистских войск, создана глубоко эшелонированная оборона. Противник отдавал себе отчет в том, что через Белоруссию для советских войск лежит путь в Польшу и Восточную Пруссию.

Именно поэтому советское командование придало про-

ведению Белорусской операции столь серьезное значение и руководствовалось одним из главных положений советской военной доктрины: достижение оперативно-стратегических целей операции и всей кампании в целом возможно в результате полного разгрома и уничтожения вражеских войск. Положение, которым оно, впрочем, руководствовало во все годы Великой Отечественной.

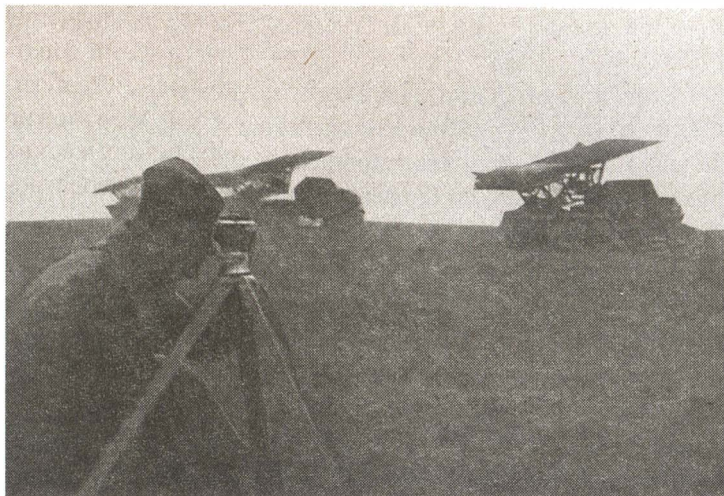
Вот почему странными кажутся рассуждения некоторых западных военных историков. Посудите сами:

«В противовес своим западным союзникам, которые стремились добиться безоговорочной капитуляции, русские, будучи реалистами, намеревались выиграть не только войну, но и мир. Вот почему с того времени их действия стали расходиться с действиями их союзников, а положение, в котором находились немцы, в сочетании с русской тактикой давало русским все шансы достигнуть политической цели — захвата Lebensraum в Восточной Европе. Посмотрим, в чем заключалась разница в тактике.

Западноевропейские державы усвоили выдвинутую Наполеоном теорию нанесения удара по главным силам противника и продолжения сражения до уничтожения этих сил. Теория русских состояла в том, чтобы наносить удары до тех пор, пока не иссякнет собственный наступательный порыв или же сопротивление противника не ок-

Колонна танков и самоходных орудий проходит через лес

Топографическая привязка позиции
и установка в основное направление БМ-13

репнет настолько, что сделает продолжение наступления невыгодным. Тогда наступление немедленно прекращалось и начиналось на каком-либо другом фронте. Следовательно, тактическая цель русских заключалась в том, чтобы истощить противника, а не уничтожить его, если только уничтожение не сулило обойтись дешево».

Это Дж. Фуллер, его «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», страница 402-я.

Вы заметили, какой неожиданный вывод делает генерал Фуллер? Оказывается, наша тактика была остороженькая — истощить противника, а не уничтожить. А вот наши западные союзники — они дело другое, они по-наполеоновски, бескомпромиссно дрались «до уничтожения» вражеских сил. Вот как...

Обратимся, однако, к фактам. За пять лет на всех западных театрах военных действий немцы потеряли убитыми, ранеными и пленными 3600 тысяч солдат и офицеров, в то время как за три года войны с Советским Союзом лишились свыше 6 миллионов.

В Белорусской операции, в частности, 17 дивизий и 3 бригады противника подверглись полному уничтоже-

нию, 50 дивизий потеряли половину своего личного состава.

Впрочем, не будем подражать предвзятости генерала Фуллера, будем предельно объективны. Когда война близилась к концу, союзники провели (в районе Рура) крупную операцию на уничтожение, пленили большое число живой силы противника.

Правда, англичанам и американцам немецкие солдаты и офицеры, обманутые геббельсовской пропагандой о «мести» русских, сдавались почти без боя. Но это уже «несущественная» деталь, которую можно забыть...

Годы, годы... Они бегут, и бег их скверно действует на память. И вместе с деталями из памяти некоторых улечиваются порой принципиальные события. Но военным историкам нельзя забывать ни про Сталинград, ни про Корсунь-Шевченковский, ни про Белоруссию, ни про последовавшие затем Яссы и Кишинев, Вислу и Одер, ни про Берлин, наконец. Что это были за сражения? Разве на истощение, а не на полный разгром противника?

И что самое странное: наш бывший союзник в попытке преуменьшить роль советских войск в разгроме фашистской Германии становится, как говорится, больше католиком, чем сам римский папа, оказывается ретивее самих заправил вермахта. Посудите сами:

«В районе Бобруйска, который следовало удерживать как «основу вновь создаваемого на Березине фронта», завершилось окружение главных сил 9-й армии... 29 июня главные силы 9-й армии были окружены в районе Бобруйска, 4-я армия пробивалась по лесистой местности к Березине, остатки 3-й танковой армии были опрокинуты...»

Это уже К. Типпельскирх, его «История Второй мировой войны», страница 445-я.

Это тоже о Белорусской наступательной операции советских войск. Получается, увы, что противник объективнее союзника. Союзнику, пусть даже бывшему, мало пристало подобное. Ибо это кощунство перед памятью собственных воинов, павших в общем бою с фашизмом.

Батарея БМ-13 выдвигается на позиции

Нет, советская тактика наступления ничего общего не имела с осторожной и выжидательной позицией, которую занимали западные державы в борьбе с гитлеровской Германией. Напротив, это была тактика решительной и бескомпромиссной борьбы на полное уничтожение врага — матерого фашистского зверя...

Войска 1-го Украинского фронта готовились наступать на львовско-сандомирском направлении. Перед нами оборонялись войска противника, объединенные в группу «Северная Украина», — 4-я и 1-я немецкие танковые и 1-я армия хортистской Венгрии — всего 40 дивизий и две пехотные бригады.

Противник сумел создать глубоко эшелонированную, хорошо оборудованную в инженерном отношении оборону, использовал пересеченную местность, лесные массивы, реки и озера. Города и крупные населенные пункты были превращены в опорные пункты и узлы сопротивления.

Но и 1-й Украинский фронт был подготовлен для ведения острой борьбы — его значительно усилили, он стал в тот момент самым мощным объединением в Советских Вооруженных Силах. Это определялось важнейшими за-

дачами, которые перед ним ставились, — довершить освобождение Украины и протянуть вместе с другими фронтами руку помощи братскому польскому народу — освободить восточную часть Польши.

Новый командующий фронтом — Маршал Советского Союза И. С. Конев — создал две ударные группировки: первая (две общевойсковые, одна танковая армии, конно-механизированная группа) наносила удар в равнинском направлении; вторая (три общевойсковые, две танковые армии, конно-механизированная группа) наступала на Львов.

1-я гвардейская танковая армия сосредоточилась северо-западнее города Дубно.

Помните, у Гоголя: «Я тебя породил, я тебя и убью», — произносит Тарас Бульба? Это тут происходило, у города Дубно. Это здесь, за стенами средневековой крепости, пряталась красавица панночка, из-за прекрасных глаз которой погиб младший сын Тараса — Андрий...

Другие времена, другие события на этой земле. Но политрук, рассказывая бойцам на привале, что это за город такой — Дубно, все равно произносит слова из «Тараса Бульбы»: «Да разве найдется на свете такая сила, которая пересилила бы русскую силу!» И они звучат вполне современно, будто сочиненные сейчас, перед боями, которым суждено стать новой блестящей страницей в истории побед Красной Армии, наследницы славы русского оружия.

Дубно давно утратил свою средневековую экзотику — нет тут никакой старой крепости, ни глубокого рва, наполненного водой. Но, видно, история борьбы предков за свою национальную независимость всегда будет волновать сердца потомков.

Потому, наверное, встретилась мне в только что освобожденном Дубно целая группа деятелей украинской культуры и науки, которые очень заинтересованно ходили по улицам этого города и вслух толковали о Тарасе Бульбе. А один человек в этой довольно живописной группе внешностью своей сам напоминал незабвенного запорожца. Это был не менее легендарный человек, только наш со-

временник — один из организаторов партизанского движения на Украине С. А. Ковпак.

— Что тут делаешь, полковник? — строго окликает он меня. — Вам тут не байки про Бульбу надо слушать, а вперед идти.

— А вы, Сидор Артемьевич, — пытаюсь я парировать, — чуть только Украину освободили, по освобожденным районам стали с экскурсантами разъезжать?

Ковпак понял, рассмеялся:

— Та ни! То я так бачу, земляки и землячки, опять же — красавицы. Дай, думаю, дознаюсь, хто вони таки и шо им Тарас Бульба! Поняв, чи ни? Во-во. Так шо вперед, товарищ полковник.

— Слушаюсь, товарищ генерал! — Я козырнул.

— О це діло! — довольно улыбнулся Ковпак...

Лето было в разгаре. Тихие вечера незаметно переходили в тихие украинские ночи. Птичьи ночные шорохи лишь изредка нарушал залиvistый собачий лай. Всем казалось, что война где-то далеко-далеко, за тридевять земель.

Но она была рядом. Львовско-Сандомирская операция на рава-русском направлении началась действиями разведывательных отрядов, которые в ночь на 13 июля обнаружили отход войск противника с переднего края обороны. Утром того же дня перешли в наступление передовые батальоны 3-й и 13-й армий после короткого артиллерийского налета. Вслед за ними пришел черед наступать обеим группировкам нашего фронта.

Главную полосу вражеской обороны общевойсковые армии прорвали сравнительно легко. Вторую не удалось. Оказывается, противник намеревался ввести наши войска в заблуждение и отвел свои войска с первой полосы обороны на вторую, укрепил тем самым эту вторую полосу.

Учитывая плотные боевые порядки противника, 3-я общевойсковая гвардейская армия не смогла сразу прорвать этой второй вражеской оборонительной полосы. Но это удалось 13-й армии. В полосу действий этой армии была перегруппирована 1-я гвардейская танковая, устремившаяся на Сокаль и Западный Буг.

Не могу сказать без восхищения о мудрости и выдержке, проявленных здесь командующим 1-м Украинским фронтом И. С. Коневым.

Было плохо, прорыв вражеской обороны не удавался. Но Конев не горячился, не спешил бросить в сражение танковую армию. Он терпеливо выжидал, когда ввод танковой армии будет своевременен и принесет серьезные оперативные результаты, а не мелкий тактический успех. Конев сберег танковую армию для выполнения своей основной задачи, и именно это, на мой взгляд, предопределило успех операции в целом.

Война учила действовать решительно, молниеносно. Убеждала, что быстрота — залог успеха в современном бою. Танкисты сознавали, что затяжные бои за опорные пункты и узлы сопротивления противника только помогают ему затормозить стремительность наступления наших танков, помогают ему выиграть время для организации новой обороны. Нет, основа действий танковых войск — маневр, обход, охват вражеских узлов сопротивления.

Введенные в прорыв передовые отряды нашей танковой армии, а затем и главные силы стремительно рванулись на запад. Обходя крупные населенные пункты — уз-

ИСУ-152 в наступлении

лы сопротивления врага, по лесным дорогам и тропам, сквозь огонь и дым мчались на запад, к Бугу, танковые соединения, оставляя позади раздавленную вражескую технику.

В небе вспыхивают короткие воздушные бои — гитлеровская авиация наносит непрерывные бомбовые удары по боевым порядкам танковой армии. Над нами на бреющем полете идут на запад наши штурмовики, нанося свои удары по вражеским войскам, расчищая путь советским танкам.

А танки настойчиво пробиваются к Западному Бугу. Уже к вечеру 17 июля 44-я гвардейская танковая бригада И. И. Гусаковского выходит к этой реке.

Момент исторический. Отсюда начинал попытку осуществления своих бредовых замыслов против нашей страны бесноватый фюрер. И вот советские танки здесь, на Буге, и пришла пора решать уже судьбу самой Германии.

Фашистская держава намеревалась покорить нас. Но в этот же день, когда мы вышли к Бугу, «покорители» прошагали по нашей столице Москве. Прошагали под конвоем, как пленники. 60 тысяч гитлеровских солдат и офицеров во главе с 19 генералами. Иное время — иные песни. Эти отпели свое. Влачась в колоннах через всю Москву, вспоминали ли они бравурные марши, под которые кинулись на нашу страну вот отсюда, от Буга? Горьки, наверное, были их воспоминания...

За Бугом видны польские села, разбросанные там и сям хуторки, деревянные, потемневшие от старости костелы, узкие полоски хлебов, крохотные огороды... Вот она, Польша, истерзанная, поруганная, все еще попираемая фашистским сапогом.

Наши войска на широком фронте подходят к реке, но с ходу форсировать ее не удастся. Враг организовал здесь прочную оборону, у него немалые силы — пехотная и две танковые дивизии. Но на тот берег устремляются наши мотопехотинцы — в ход идет все, что под рукой: бревна, захваченные лодки противника, самодельные плоты. Затем прибывают специальные подразделения — под огнем

Замаскированный «Зверобой»

врага наводят понтонный мост. Захватываются и расширяются плацдармы.

За рекой танковая армия обретает оперативный простор.

Навстречу советским танкам устремляются жители, выбираясь из лесных чащоб, из погребов и ям, где прятались от озверевших оккупантов. Женщины, старухи, детвора бегут к танкистам, восклицая на польский манер: «Товариш! Товариш!»

А борьба на полях сражения все острее. Оперативная оборона противника разорвана на огромном пространстве. Правая группировка 1-го Украинского фронта захватила город Рава-Русская, совместно с 3-й гвардейской танковой армией окружает бродскую группировку врага, приступает к ее ликвидации. Это несколько задерживает 3-ю танковую армию, и комфронт поворачивает 1-ю гвардейскую танковую на Цешанув, Ярослав, Перемышль, возлагая на нее задачу форсировать реку Сан.

Стальная лавина неудержимо катится на запад, настигая и громя отходящего противника.

Враг не в силах остановить этот поток, эту карающую десницу.

А вдоль дорог стоят польские крестьяне, глаза их влажны от слез, а губы шепчут: «Сто лят... Сто лят».

Танковые полки 20-й и 21-й гвардейских механизированных бригад подошли к реке Сан севернее города Ярославля, мотопехота форсировала реку, захватила плацдарм на другом берегу. Вслед за ними вышли к реке основные силы 1-й гвардейской танковой и правофланговые соединения 13-й армии. Над львовской группировкой врага нависла угроза окружения, и, чтобы избежать печальной судьбы ранее попавших в котлы других его группировок, он начал отступать на запад.

Это случилось 22 июля. Врагу не помогло и то обстоятельство, что за два дня до этого Генеральный штаб его сухопутных войск возглавил генерал-полковник Гейнц Гудериан.

Именно в этот день, 20 июля 1944 года, было совершено безуспешное покушение на Гитлера заговорщиков, представивших определенные промышленные и военные круги.

Ныне идеологи НАТО, чтобы реабилитировать германскую военщину в глазах общественного мнения и тем самым оправдать привлечение ее к делам и замыслам НАТО, создали миф о якобы имевших место антифашистских демократических устремлениях германских милитаристов.

Танки ждут новых приказов

Посмотрим, однако, каков на сей счет взгляд советской историографии:

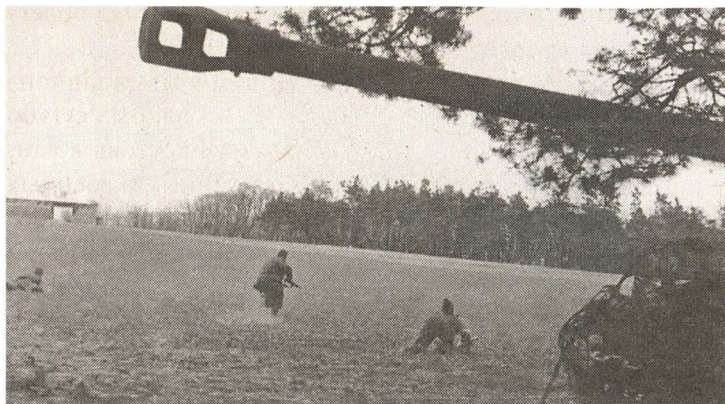
«Заговор против Гитлера, достигший кульминационного пункта в покушении 20 июля 1944 года, был сугубо верхушечным. Социальный фон заговора состоял в том, что отдельные представители промышленных и военных кругов, напуганные ростом военных неудач гитлеровского режима, решили, что до вступления Советской Армии в Германию и полной катастрофы надо убрать Гитлера и заключить мир с западными державами. Крупные промышленники не хотели терять свои богатства, идя вместе с Гитлером в пучину катастрофы. В их интересах оказалось «своевременно» отмежеваться от нацистского аппарата, которому ничего не оставалось другого, как продолжать войну вместе с фюрером. Когда проигрыш войны становился все более очевидным, некоторые из промышленных магнатов стали думать о необходимости сократить ее сроки.

Такого же мнения придерживалась и небольшая заговорная группа военных во главе с полковником Штауффенбергом. Плохо подготовленное, не имевшее поддержки в армии, покушение не удалось...»

Советский историк обращает внимание на реакцию вооруженных сил, высшего генералитета по поводу событий 20 июля. Реакция эта была еще тогда сформулирована германским радио: «Фюрер, уступив просьбе вермахта, назначил из фельдмаршалов и генералов суд чести для изгнания негодяев из армии». А Гитлер заявил: «Пощады не будет никому!.. Вешать, и без всякой жалости».

В состав «суда чести» вошел, в частности, генерал Гудериан, именно 20 июля назначенный на пост начальника Генштаба.

«Какой ценой?» — задается вопросом советский историк и приводит следующий документ — воспоминания активного участника заговора, одного из немногих случайно уцелевших, Шлабрендорфа. Тот свидетельствует следующее: перед самыми событиями 20 июля «мы были у Гудериана и предупредили его, чтобы он нас не выдавал. Однако, когда вечером 20 июля Гитлер назначил Гудериана

Продвижение пехоты под прикрытием танка

начальником Генерального штаба ОКХ, нам всем стало ясно, чем тот заплатил за продвижение по службе».

И вот вывод, к которому неизбежно должен прийти объективный историк Второй мировой войны:

«Гудериан, которого так прославляют ныне апологеты германского империализма, этот, по их утверждению, «честный солдат», «выдающийся теоретик», «быстроходный Гейнц» и т. д. и т. п., был осведомителем, предателем, а затем членом фашистского суда. И не случайно, что первый приказ Гудериана после вступления в новую должность гласил: «Каждый офицер Генерального штаба должен быть еще и национал-социалистским руководителем. И не только из-за знания тактики и стратегии, но и в силу своего отношения к политическим вопросам и активного участия в политическом воспитании молодых командиров в соответствии с принципами фюрера...»¹

После всего сказанного, пожалуй, уже не потребует дополнительной аргументации мысль, что нет и не может быть военного вне политики. Что когда пытаются выражением «честный солдат» прикрыть от справедливого осуждения потомков и истории действия, совместные с Гитлером и нацизмом, то это пустая фраза и просто ложь,

¹ Цит. по: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. С. 549–551.

А.Х. Бабаджянн вскоре после присвоения ему
звания Героя Советского Союза

рассчитанная на наивных простаков. Простаков; которых можно поймать на удочку типа той, что заброшена в предисловии к последней, послевоенной книге Гудериана: «Мы надеемся, что в книге «Танки — вперед!» молодые танкисты найдут полезные для них сведения и тем самым книга будет способствовать быстрейшему возрождению немецких бронетанковых сил»¹.

То есть возрождению вермахта? Комментарии по этому поводу, как говорится, излишни.

¹ Гудериан Г. Танки — вперед! С. 14.

...27 июля 1944 года под ударами советских войск пал город Ярослав, в этот же день были освобождены Перемышль, Львов. Армия генерала А. А. Гречко взяла Станислав.

С падением Ярослава и Перемышля, по существу, был открыт путь к Висле.

Выйти к Висле было необходимо немедленно — нужно было предупредить противника, помешать ему организовать оборону по западному берегу этой реки.

В этих целях по решению Ставки главные силы 1-го Украинского фронта маршал Конев поворачивает с юга на север. Марш-маневр совершается под проливными дождями, при бездорожье. Но уже 29 июля разведывательные и передовые подразделения 1-й гвардейской танковой и 13-й армий овладевают населенными пунктами Маханув, Баранув и выходят к великой польской реке.

Незадолго до подхода к Висле я угодил в госпиталь: заболела нога — следствие Курской дуги. Из госпиталя вырвался как раз к 29 июля. В районе Баранува разыскал штаб армии. Он оказался в лесу, где еще дымились деревья, раненные в проходившем здесь жестоком бою. Между ними снуют танки и автомашины. Слышатся пулеметные очереди, ухают зенитки.

Честно говоря, за всю войну так и не смог я привыкнуть воевать в лесу — ничего не видно: где свои, где чужие — не поймешь, непонятно, откуда и пули ждуть. Как в мешке.

Каково же было мое удивление, когда я увидел, как командарм М. Е. Катуков и член Военного совета Н. К. Попель будто ни в чем не бывало сидят себе в палатке, беседуют, словно их вовсе и не брезент защищает от падающих осколков, а толстые стены блиндажа.

— А, Армо! — приветствовал меня М. Е. Катуков. — Вернулся?

— Как нога? — осведомился Н. К. Попель.

— Все в порядке.

— В порядке? — недоверчиво переспросил Катуков.

А Попель сказал:

— Что-то он больно бледен.

— Бледен, потому что все время в тени находился. Це-

лых двадцать дней. А так здоров. Разрешите сейчас же выехать в бригаду?

— Добро, — сказал Катукон. — В бригаду так в бригаду. Момент нынче не такой, чтоб тебя долго отговаривать. Только поосторожнее — в лесу шляются остатки разбитых групп противника.

— И мотоциклиста с коляской возьми, — не унимался Н. К. Попель. — Ногу-то шадить пока что надо.

Ужасно соскучился по бригаде, по своим. Среди своих на войне чувствуешь себя немножко дома. Тороплю мотоциклиста: «Быстрее! Быстрее!» — а он в ответ:

— Куда так спешите, товарищ полковник, ровно на свадьбу!

— Эх, друг, я уж и забыл, какие бывают свадьбы... А ты сам видел когда-нибудь, какие на Кавказе свадьбы? Дудуки играют, барашков режут...

— Шашлык — это здорово, товарищ полковник! — подтверждает мой мотоциклист, смачно цокает языком и жмет всю на газ.

— Сильнее жми! — кричу я ему, перекрывая стрекот мотора. — Вот кончится война, второй раз женюсь на собственной жене, свадьбу закачу на весь мир. И тебя приглашу. Только жми, пожалуйста.

— Жму, товарищ полковник.

— Так жми, как будто тебя шашлык ожидает из молодого барашка и добрый бурдюк арташата...

Мы мчались во весь опор, но зря. На переправе пробка. По всему берегу, едва прикрытые кустарником, столпились танки, самоходки, автомашины.

И один-единственный паром, сколоченный из кругляка. Туда и обратно — не меньше получаса. Нашел старшего по переправе. Пришлось сказать этому майору, что выполняю приказ командарма, и через полчаса был на другом берегу, где уже находились подразделения нашей бригады. Все, кроме танкового полка.

Рассказываю это потому, что хочу отметить как недочет, недопустимый в методике действий танковых войск. В войну, к сожалению, танковые части не могли подчас

полностью использовать свои подвижные возможности из-за того, что им не были приданы понтонные подразделения. И любая водная преграда, если ее нельзя было преодолеть вброд, порой становилась тормозом стремительного движения танков. Сиди и жди, пока тебя перебросят средствами армии или фронта.

Используя подручные средства, смастерив плоты из чего попало, моторизованные батальоны бригад и разведчасти корпусов форсировали Вислу и вышли на рубеж Коношівница, Богоря, завязали бои с противником.

Когда были подброшены понтонные средства, началась массовая переправа танков, артиллерии, а также соединений 13-й армии генерал-лейтенанта Н. П. Пухова.

Войска обеих армий захватили огромный плацдарм, его надо было расширять и укреплять. Паромные переправы не могли нас удовлетворить. Необходим был понтонный мост через реку, чтоб обеспечить непрерывную переброску войск и снабжения.

Противник чуял здесь свою обреченность и потому сопротивлялся острее. Под непрекращающимися налетами его авиации наши понтонно-мостовые подразделения наводили мост. Бесстрашие и самоотверженность солдат и офицеров инженерных войск вызывали восхищение. Переправа не прекращалась ни на минуту.

Утром 1 августа в этот район подошла 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко.

К августу войска 1-го Белорусского фронта вышли в район Седльце.

Бои были тяжелыми, кровопролитными. Враг предпринимал ряд последовательных контрударов. И вот в это время началось восстание в Варшаве. Немцы бросили против почти безоружных варшавян танки, артиллерию, авиацию. Фашистские головорезы выполнили приказ своего фюрера — затопили Варшаву кровью.

После войны варшавяне при братской помощи советского народа возродили свою столицу, бережно, по чертежам, восстановив ее былой облик и еще больше украсив Варшаву.

И снова вперед на врага!

В сорок четвертом мы, естественно, не могли еще знать, что после войны в Польше, как и в других странах Восточной Европы, власть возьмет в руки народная демократия, которую возглавят коммунистические и рабочие партии, в Польше — Польская рабочая партия и что она поведет свой народ по пути строительства социализма. Что быстро залечит Польша свои раны, нанесенные войной, так быстро возродит свою столицу. Мы были полны самых теплых чувств к братскому народу, который так радушно встречал нас. Никогда не забуду, как подбирали поляки на поле боя наших раненых солдат, как выхаживали их, спасали от потери крови, от неминуемой смерти...

В возродившейся, как Феникс, красавице Варшаве я бывал после войны не раз. Этот город дал свое имя Варшавскому Договору, миролюбивому, но боевому союзу социалистических стран, готовых встать на защиту своих социалистических завоеваний, если им будут угрожать силы агрессивного военного блока НАТО или любые другие силы, которым не дают покоя лавры нацистских вояк.

То, что Варшавский Договор, союз братских армий, — сила достаточно грозная, чтобы противостоять любой аг-

рессивной силе, достаточно ясно продемонстрировали совместные боевые учения братских армий, имевшие место в последние годы.

Наши войска, захватив плацдарм на западном берегу Вислы, в районе Сандомира, продолжали накапливать здесь силы. Противник тоже сосредоточивал резервы с целью отбросить назад советские части — он понимал всю опасность складывающейся ситуации. В район Сандомира он перебросил 17 дивизий, 6 бригад штурмовых орудий и отдельные батальоны танков «королевский тигр». Гитлеровцы стремились встречными ударами на Баранув отрезать советские войска на плацдарме от главных сил и уничтожить их.

В подразделениях группы армий «Северная Украина» зачитывался «знаменитый» приказ фюрера: «Мы не можем позволить русским наступать дальше. Потеря Кельне означала бы утрату важнейшего опорного пункта на подступах к Восточной Германии... Приказываю: группе армий «Северная Украина» ликвидировать русские плацдармы в районах Баранува и Магнушева. А. Гитлер»¹.

Ну-ну, приказывай... Только выполняют ли твой приказ?.. Нынче ведь не те времена, когда немецко-фашистские войска наступали по Европе, словно прогулку совершали по бульварам...

Вслед за контрударом, который противник осуществил 2 августа, утром 11 августа 3-я и 16-я немецкие танковые дивизии при мощной поддержке авиации нанесли удар в направлении на Сташув. По всему фронту захваченного плацдарма развернулись жестокие сражения.

Кое-где врагу удалось даже продвинуться километров на десять. Но танковый его таран наткнулся на сильную нашу противотанковую оборону и увяз в ней. Всюду на полях сражений горели вражеские танки.

Бои на Сандомирском плацдарме продолжались. 13 августа последовал очередной контрудар противника. Здесь

¹ Документы и материалы отдела истории Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма. Инв. № 13681, Журнал боевых действий 4-й немецкой танковой армии, тетрадь 2.

он бросил в бой и новую секретную машину — «королевский тигр», тяжелый танк. Но советский танкист младший лейтенант А. П. Оськин подбил три «королевских тигра» — их отправили в Москву. В один из таких нелегких дней, когда наши с В. М. Гореловым бригады под непрерывной бомбежкой с воздуха, непрекращающейся артиллерийской бомбардировкой отбивали ожесточенные атаки гитлеровцев, к нам на НП прибыл из штаба фронта один танковый начальник, которого танкисты прозвали Фан Фаныч. Прозвище это так приклеилось к этому человеку, что по прошествии нескольких десятков лет только оно и сохранилось в памяти тех, кто его знал.

На свою беду, будучи «штабным» в самом нарицательном значении этого слова, Фан Фаныч был маленький, щупленький, с круглой, совершенно лысой головой, он не говорил, а выстреливал слова со скоростью, превышавшей самые скорострельные пулеметы. При этом любил говорить назидательным тоном, пересыпая речь параграфами инструкций и наставлений, расхаживая перед подчиненными, заложив руку за борт кителя.

Так случилось, что, когда «виллис» Фан Фаныча подъезжал к нашему НП, здесь стояла совершенно мертвая тишина. За несколько минут до этого был адский грохот, длившийся без передышки много дней кряду, — противник обстреливал и бомбил наши позиции с утра и до темна... А тут вдруг совершенно неожиданно и непонятно по какой причине — абсолютная тишина, ни тебе даже хлопка от винтовочного выстрела. И надо же, чтоб именно в этот момент показалась машина Фан Фаныча...

— Вот не было печали, — пробурчал Горелов.

— А тут еще так тихо, как будто и войны нет. Сейчас станет допытываться, почему мы отошли почти на десять километров, — ответил я.

— Господи, если ты есть, — шутливо взмолился Горелов, — сделай, чтоб у нас стало так, как было все время!

Бог, видимо, решил, что это самый удобный момент поколебать наши атеистические убеждения. Не успел Фан Фаныч приблизиться к нам и произнести: «А, голубчики!

Кругом война, а у вас тишина, а вы в вышестоящие штабы докладываете обстановку мифических атак, а у вас тишина...», как эта тишина взорвалась таким шумом и грохотом, какого и раньше не было.

Все мы нырнули в траншею, Фан Фаныч распластался на дне.

Горелов толкнул меня в бок, подмигнул и, стараясь перекрыть грохот разрывов, закричал:

— Армо, что делать: траншея ненадежная, неглубокая, а у нас тут проверяющий, как быть?

Фан Фаныч, не поднимая головы, дрожащим голосом спросил:

— Неужели же нет для НП траншеи поглубже?

— Не успели отрыть, — сожалеюще ответил Горелов.

— Но... но ведь только что было так тихо, значит, этот обстрел... ненадолго?

Но обстрел продолжался. Фан Фаныч лежал, стараясь как можно плотнее прижаться к земле. А Горелов не унимался:

— Вот, это все он — господь бог. Заставь его самого богу молиться, он себе лоб расшибет: попросил его доказать вам, что у нас тут совсем не рай, — вот он и старается.

Обстрел прекратился только через полчаса. Когда рассеялся дым, мы увидели горящий «виллис» Фан Фаныча.

— Отправьте меня на чем-нибудь, — взмолился Фан Фаныч, — у меня неотложные дела.

— Побудьте до вечера, что так спешить! И у нас, сами видите, свободных машин нет, — неумолимо тянул Горелов.

Машину, конечно, мы ему дали. Но, прощаясь, Горелов снова не удержался:

— Так вы доложите, какая у нас тут райская благодать?

Фан Фаныч, ничего не ответив, тронул машину.

— Вот так, — сказал Горелов, когда машина уехала. — Не зря о нем все говорят...

— Мало чего говорят, — возразил я. — Извини, Володя, это как-то по-бабьи...

— По-бабьи, говоришь? — обиделся Горелов, махнул рукой и ушел.

Мы с Владимиром Михайловичем Гореловым дружили крепко, и обида быстро забылась. После войны, прочитав в книге Н. К. Попеля¹, что М. Е. Катуков в те же примерно времена назвал Фан Фаныча «тихим кляузником», я горько пожалел, что тогда обидел В. М. Горелова, а его уж нет в живых, чтобы хоть и с опозданием, но извиниться перед ним. Рыцарски честный и смелый, Володя не прощал трусости, в каком бы мундире она ни таилась.

Бои на Сандомирском плацдарме нарастали с новой силой. Вечером В. М. Горелов по указанию штаба армии передал мне танки своей бригады, а личный состав вывел в тыл армии.

После этого по указанию командарма я пригласил на свой НП командиров соседних бригад и отдельных полков — И. И. Гусаковского, Н. В. Моргунова, И. В. Костюкова, С. И. Кочура, И. Е. Щедрина и других, чтобы договориться о взаимодействии. Было установлено, что 44-я и 45-я гвардейские танковые и 27-я мотострелковая бригады 11-го гвардейского танкового корпуса, выйдя в район Кихар, поворачивают свой фронт на юг, закрывая окруженному противнику возможность вырваться из кольца блокады. 20-я и 21-я гвардейские механизированные бригады 8-го гвардейского мехкорпуса, выйдя севернее Кихар, поворачивают свой фронт на север, образуя внешний фронт окружения, то есть заслон для врага, который попытается вызволить свою окруженную сандомирскую группировку.

На рассвете, после десятиминутного артиллерийского налета, все пять наших бригад решительно атаковали противника и к середине дня продвинулись на 20—25 километров, окружив совместно с другими войсками вражеский 42-й армейский корпус в районе Сандомира. Бригады 11-го гвардейского танкового корпуса замкнули внутреннее кольцо окружения, бригады 8-го гвардейского мехкорпуса и 6-й мотоциклетный полк заняли оборону фронтом

¹ Попель Н. К. Танки повернули на запад. М., 1960. С. 257, 260.

на север. Но оборона была очаговая — не хватало резервов, мало оставалось техники, артиллерия была поставлена на прямую наводку, танки влились в боевые порядки мотопехоты.

Противник стремился всеми силами спасти свои окруженные войска. Пересеченная местность помогала отражать его остервенелые атаки, но все равно было очень трудно. Ряды обороняющихся с каждым часом редели. На передних линиях обороны находился весь командно-политический состав, многие офицеры заменяли бойцов в боевых расчетах. Лозунг был один — «Ни шагу назад!».

Противник не жалеет тысячи своих солдат. Большие потери несем и мы. Гибнут лучшие из лучших. Уже недосчитываемся многих ветеранов — участников сражений под Курском, на Правобережной Украине, у Карпат. Медпункты переполнены. Недостает медперсонала, медикаментов. Не хватает провианта и воды. Посылаемые штабом армии и корпуса для связи с нами танковые и мотострелковые подразделения не могут пробиться. Обстановка накаляется до предела.

Вечером 18 августа получил радиограмму командарма М. Е. Катукова, обязывающую меня возглавить группу бригад и организовать оборонительные бои до подхода наших войск. Вызвал комбригов и командиров отдельных полков. Прибыли все, за исключением С. И. Кочура, убитого под Кихарами. Обсудили, как лучше организовать оборону. Приняли решение о немедленном вывозе раненых в места, где их возможно укрыть от артобстрела.

На помощь пришли наши доблестные соколы. Эскадрилья за эскадрильей штурмовали они в течение всего дня боевые порядки атакующего противника. Буквально до земли пикировали советские самолеты, нанося удар за ударом, мешая ему, срывая его попытки прорывать наш заслон и освободить свои окруженные войска.

Утром 19 августа с группой офицеров и солдат проверяем готовность наших опорных пунктов к отражению новых атак противника и неожиданно натываемся на несколько танков противника.

Деваться некуда. Танки заметили нас, открыли огонь из пушек. Один снаряд разорвался в центре нашей группы.

Взрывной волной меня подбросило в воздух и кинуло наземь. Сначала показалось — нет руки. Шевельнул — целая! Хотел позвать на помощь — сам себя не слышу, а изо рта хлынула кровь. Оказывается, ранен осколком в горло.

Кое-как поднялся на ноги. Гляжу — рядом, опрокинувшись навзничь, лежит комбриг-21, подполковник И. В. Костюков, громко стонет. Вместе с капитаном В. С. Бобровым тащим Костюкова в овраг — у него перебита нога.

Появилась молоденькая медсестра — знаком велю в первую очередь заняться Костюковым.

Вслед за ней фельдшер — старший лейтенант. Увидел, сколько раненых, кинулся прочь. Куда это он — сдрейфил? Но фельдшер через минуту возвращается на «виллисе». Грузим раненых, «виллис» на полном ходу пытается проскочить болотце, но застревает. Раненых приходится снова выгружать — прячем их в овраг.

Вокруг меня столпились офицеры, те, кто остался в живых. Ждут указаний. Пытаюсь говорить — ничего не выходит, голоса нет, только сочится из раны кровь. Пытаюсь командовать жестами. Не понимают. Хватаю лист бумаги, пишу: «Всем по своим местам, в подразделения. Без моей команды ни шагу назад». Добавляю жестом: сам буду здесь. Поняли.

Танки противника горят — наши артиллеристы славно сработали.

Приносят радиogramму от командарма: «Наступать на юго-запад, навстречу нашим наступающим войскам». Знаю: там наступает наша 13-я общевойсковая армия. Пишу на бумаге: «Собрать два мотобатальона, несколько артбатарей».

Главные силы бригад оставил в обороне, чтоб не подвергать опасности 11-й танковый корпус. Два мотобатальона развернулись цепью и двинулись на юго-запад.

Мой командирский танк сопровождает пехоту. Уложил в него и раненого Костюкова, сам занял место орудейного наводчика, только что тоже тяжело раненого.

Зову в танк капитана Боброва. «Вас и так там уже пятеро! — кричит он в ответ. — Я с мотобатом, разрешите!» Действительно, шестому в танк не влезть, да еще в нем раненые...

Ведет танк его командир, старший лейтенант А. И. Алексеев. Мы идем в боевых порядках пехоты наших батальонов. Мне кажется, что пехота движется медленнее, чем могла бы, ведь по ней противник не ведет огня. Велю прибавить обороты, надеюсь, что пехота за нами пойдет быстрее.

Старшина Полторака жмет на педали, танк вырывается вперед, огибает высотку.

Прямо на нас — вражеское орудие. Полторака давит его гусеницами. Но рядом, оказывается, еще и другие орудия врага. Они открывают по нас беглый огонь. Каждое попадание прямо качает танк.

Успеваю выстрелить из своей пушки в упор — немецкое орудие замолкает. Но остальные, увы, еще целы и бьют. Танк вздрагивает еще и еще. Внутри дым.

— Танк горит! — докладывает старший лейтенант Алексеев. Командую оставить машину.

Из танка выпрыгивает Алексеев и, сраженный, падает замертво. За ним выскакивает заряжающий и тоже падает — ранен в ногу. Из верхнего люка выбираюсь наружу, ползу по борту танка к люку водителя. Старшина Полторака вытаскивает раненого Костюкова.

Машина наша в огне, вспыхивают топливные баки, нас обволакивает дымом, и в этом наше спасение. Подползает заряжающий, раненный в ногу, его не видно в дыму, узнаю его по голосу.

Полторака взваливает на себя Костюкова, и мы ползем в сторону наших. Но те, видимо, посчитав нас погибшими, никого за нами не посылают, а сами стремительно движутся навстречу подходящим главным силам.

Мы одни в поле. Жаркий августовский полдень. Кругом горят хлеба.

Ползем, закусив губы, подавив стон, — ранены все, кроме Полторака, а он тащит на себе тяжелого Костюкова.

Неподалеку на высотке возникают два немецких бронетранспортера. Замечают нас. Но тут рядом с ними рвется один, потом другой снаряды. Видно, испугавшись, они поворачивают — и наутек.

Однако ползти дальше уже нет мочи. Спустились в большую воронку.

Шепчу Полтораку:

— Оставь нас. Приведи людей.

— А вас как же оставить, товарищ полковник!

— Иди! Не заставляй повторять — видишь... — показываю, что через перевязку на горле сочится кровь.

И все-таки мне легче, чем Костюкову. Он уже и стонать не может, только губы кусает, чтоб не закричать: еще бы — перебита нога...

— Потерпи, дружище... — хриплю я, чтоб поддержать его.

С трудом расцепив сжатые от боли челюсти, он еле слышно произносит:

— Одно прошу: не оставляйте здесь, если надо будет — застрелите...

Больше он ничего не просит, молчит.

Трус человек или нет — особенно видно, когда он ранен. За годы войны я много видел людей и храбрых и трусливых. Последние обычно склонны преувеличивать свою боль, свое страдание — жалуются, зовут на помощь, просят, требуют, чтоб их скорее отправили в госпиталь.

Страх за свою жизнь на войне испытывают все. Но люди смелые и храбрые — люди большого сердца — ощущают страх после того, как опасность миновала. Иное дело — малодушные. Эти дрожат уже в ожидании опасности.

Полторак вернулся быстро с двумя офицерами. Костюкова уложили на плащ-палатку и потащили. По дороге офицеры сообщили, что наши батальоны сумели соединиться с частями 13-й общевойсковой армии.

С ужасом узнаю — будто сердце чувствовало! — что замначштаба бригады по разведке капитан Бобров — мой Бобров! — трагически погиб в этом бою.

И. В. Костюкова и заряжающего тут же увезли в гос-

питаль. Вслед за ними в госпиталь отправили и меня — за Вислу, в населенный пункт Демба.

Лежу в небольшой, но одноместной палате. Светло, чисто, все кругом белое. Здесь еще до начала войны немцы устроили военный госпиталь для своей 6-й армии. Той самой, что впоследствии была уничтожена и пленена под Сталинградом. Строили добротнo, надежно, не предполагали, что тут будут лечить советских солдат и офицеров.

Дверь палаты вдруг шумно распахивается, комната становится маленькой — в нее вваливается Володя Горелов. Накинутый на широченные плечи белый халат топорщится во все стороны, Володя еле удерживает бесчисленное количество разных свертков — гостинцев. Вывалив все это мне на кровать, раскрывает объятия, но замирает:

— Ох-хо-хо... Да что это с тобой сделали, Армо? — И тычет осторожно пальцем в мою забинтованную от подбородка до пояса фигуру.

Долго беседовали мы с Владимиром Михайловичем. Вернее, говорил он, я отвечал знаками. Сообщил он, что наша армия выведена во второй эшелон, что врага теснят на всех направлениях. В конце беседы как бы между прочим сказал:

— Знаешь, а меня сватают к Ивану Федоровичу Дремову заместителем на корпус. Как считаешь, соглашаться?

— Соглашаться, соглашаться, — машу в ответ обеими руками.

— Ну, аплодисменты твои разреши считать одобрением, — захохотал Горелов и тут только заметил маленькую фигурку медсестры, которая забила в дальний угол, ошеломленная его грозным видом. — Сестрица, будьте ласковы с моим другом — он мне что брат, сделайте все, чтобы поскорее лезгинку танцевал.

— Сделаем. Но для этого вам надо поскорее уйти, больному вредно столько шума, — строго сказала медсестра, осмелев при исполнении служебных обязанностей.

Горелов виновато извинился и, поцеловав меня, поспешно вышел.

— Кто здесь был? — раздался суровый голос.

— Да вот я говорю: нельзя, а... — залепетала сестра.

— Она с... с... старалась, — просипел я в защиту девушки.

— Молчать!.. Тебе же нельзя разговаривать, Армо...

Смотрю: да это же мой старинный фронтовой товарищ, военврач Эльдаров Лев Артемович! Тот самый, от которого я еще в сорок третьем убежал из госпиталя. Улыбаюсь ему во все глаза, а он сурово глядит на меня через стекла своих роговых очков:

— Признаюсь, здорово ты меня вчера напугал, Армо, когда тебя привезли: крови много потерял и вообще хорош...

Он приблизился к моей постели, присел на край кровати.

— Вот что, Армо, будь мужествен, я тебе скажу правду. Рана у тебя тяжелая — в область трахеи. Потому и запрещаю я тебе разговаривать. Дело настолько серьезное, что сами мы тебя оперировать не решились. Вызвали Ахутина, он крупный специалист. А пока лежи и молчи. Сбежать уже не сбежишь, я, к сожалению, спокоен на этот раз. Главное — молчи.

Когда он вышел, моя медсестра затараторила, не давая мне вставить ни слова:

— Меня зовут Надя, Надежда. Сибирякова — фамилия. Поздравляю вас — у Ахутина золотые руки. Как?! Вы не знаете, кто такой Ахутин? Ахутин — профессор, он главный хирург фронта, он знаменитость. Так что, считайте, ваше дело решенное, вы спасены. А сейчас будем обедать.

И она протянула мне тоненькую резиновую трубочку.

— Пора обедать. А это молоко. Вы не любите молока? А я очень люблю. Меня мама всегда молоком кормила. Вы возьмите трубку в губы и потяните, молочко вкусное, сладкое, тепленькое...

Тьфу ты пропасть, оно еще и «тепленькое»... Это все Эльдаров, хитрость его понятна — велел сестре самой без умолку разговаривать, чтоб мне не дать возможности и рта раскрыть.

Вечером прибыл представительный генерал. Это и был

профессор Ахутин. Вслед за ним в комнату набилась целая свита в белых халатах, почтительно встала вокруг него.

Профессор долго осматривал мою рану, недовольно качал головой, молчал. Молчание его становилось зловещим. Наконец не выдержала какая-то женщина в белом халате:

— Почему ты медлишь? Колеблешься? Тут не может быть колебаний — ведь он еще очень молод! (Впоследствии я узнал, что это была жена профессора, военный врач, тоже хирург.)

— Хорошо, — бросил Ахутин. — Подготовьте операционную...

...Очнулся я утром. Тяжело дышать. Чьи-то руки подносят к носу кислородный шланг. Слышу: «Вот я говорила, что все будет хорошо. Вот видите, все хорошо...» Это же голос моей сестрички — Нади-Надежды... А дышать все равно нечем...

Потянулись утомительные госпитальные дни. «Не разговаривать». «Горячего, холодного не пить». И еще хуже — «Не курить категорически».

Кормили только жидким. Вот именно тогда, чтоб быть точным, я и стал «тощим полковником», как выразился в своей книге Николай Кириллович Попель, а не в период Курского наступления, как ему показалось. Ну да я не в обиде, понимаю — каждый автор имеет право на «художественный домысел». А если серьезно — был я в то время не «тощим», а «пуховым» полковником — 57 килограммов весу...

Но жизнь есть жизнь, молодость — молодость, и я стал понемножку подниматься с постели, хотя вид имел довольно забавный: забинтованный весь — как в белом скафандре, да еще бородищей черной оброс. Хоть кто испугается.

Так и случилось. Однажды ночью встал тихонечко, вышел в коридор. За столиком дежурная сестра дремлет. Я стараюсь потише ступать, но половица скрипнула, сестрица открыла глаза, увидела меня: черная борода и весь белый, как вскрикнет не своим голосом — и со всех ног.

Ну, я от греха подальше — в свою палату. Наутро рассказывает мне моя Надя-Надежда, что ночная дежурная видела самого живого... черта. И до слез смеялась милая девочка, когда наконец поверила мне, что чертом-то был не кто иной, а я, ее подопечный.

Я поправлялся. От посетителей, гостей не было отбоя, как ни противился этому Л. А. Эльдаров.

Однажды приехали М. Е. Катукон и Н. К. Попель, вместе с ними член Военного совета фронта Н. Т. Кальченко.

Я был тронут заботой командования.

— Долго тебя мучить не будем, — сказал Михаил Ефимович. — Врачи дали тебе исчерпывающую характеристику. Рад, что дело идет на поправку. А еще вот что... По ходатайству Военного совета армии ты назначен командиром 11-го гвардейского танкового корпуса. Вместо Гетмана. Андрей Лаврентьевич идет ко мне в замы. Твой друг Горелов утвержден заместителем к Дремову. Поздравляю. Ладно, благодари шепотом...

1-я гвардейская танковая армия в начале сентября была передана в резерв Ставки и сосредоточена в лесах северо-западнее Львова, в районе небольшого городка Немирова.

Вернувшись из госпиталя, я принимал 11-й гвардейский корпус у А. Л. Гетмана и поражался тому, как Андрей Лаврентьевич знает личный состав всего соединения. Он мог часами рассказывать не только о комбриге, но и о рядовом механике-водителе. Вот у кого стоило учиться быть командиром и воспитателем подчиненных.

У меня опытные и деловые помощники: замкомкора полковник П. А. Гаркуша, начштаба полковник Н. Г. Веденичев, начальник политотдела генерал-майор И. М. Соколов и другие. Работа увлекательная, но ее много, и без них мне не справиться.

Готовясь к новым боям, мы не только занимались боевой и политической учебой, приведением в порядок техники и вооружения, но и вели серьезную работу по обобщению

нию боевого опыта для дальнейшего развития советского военного искусства.

В начале ноября в Немиров прибыли для ознакомления с состоянием 1, 3, 4-й танковых армий заместитель командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии маршал бронетанковых войск П. А. Ротмистров и член Военного совета бронетанковых и механизированных войск генерал-полковник Н. И. Бирюков.

Одновременно была проведена теоретическая конференция по завершенной Львовско-Сандомирской операции. В ней приняли участие помимо командармов М. Е. Каткова, П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко все командиры корпусов, руководители политорганов, начальники штабов соединений.

Конференция пришла к очень интересным выводам и заключениям, полезным для прогресса советской военной теории использования подвижных войск.

Было отмечено, что широкий размах и маневренный характер Львовско-Сандомирской операции определился наличием здесь трех танковых армий и двух конно-механизированных групп.

Здесь впервые был осуществлен особый прием использования танковых армий — две из них последовательно вводились через узкое горло прорыва в оборону противника и действовали уже изнутри, разрушая вражескую оборону и расширяя горловину прорыва.

Танковые армии использовались как подвижной таран наступающих войск фронта. Они проникали в глубокий тыл противника и захватывали важные рубежи и объекты: реки Западный Буг, Сан, Вислу, города Перемышль, Ярослав, Львов и другие.

Комфронтом маршал И. С. Конев смело маневрировал танковыми армиями, сосредоточивая их усилия на решении тех задач, от которых зависел успех операции в целом, не распыляя их на решение задач второстепенных. Танковые армии совершали резкие повороты с одного направления на другое, быстро и оперативно осуществляя

Экипажи танков получают задание

марш-маневр. Отражение контрударов противника принимали на себя общевойсковые армии, освобождая, таким образом, танковые для действий в оперативной глубине обороны противника, для борьбы и разгрома более глубоких его резервов.

Особо отмечалось на конференции в Немирове смелое решение командующего 1-м Украинским фронтом, когда для освобождения города Львова 3-я гвардейская танковая армия П. С. Рыбалко совершила блестящий обходный, более чем 120-километровый маневр, обошла Львов с севера, угрожая вместе с 4-й танковой, 38-й и 60-й общевойсковыми армиями находящимся здесь войскам противника полным окружением, и вынудила врага оставить город, отступить на Самбор.

После освобождения Львова 1-я, а вслед за ней 3-я гвардейские танковые армии были повернуты на Сандомир, последовал очередной стремительный марш-маневр, и советские танки оказались на Висле, захватили крупный плацдарм и удерживали его в невиданно ожесточенных боях совместно с другими войсками.

На конференции не затрагивались действия партизанских отрядов. Но, говоря об освобождении Украины, Белоруссии и Польши, нельзя не отметить той серьезной по-

моши Советским Вооруженным Силам и частям Войска Польского, которую осуществляли партизаны.

Совместными действиями белорусские, украинские и польские партизанские отряды срывали вражеские перевозки по железным и шоссейным дорогам. Особенно активны были партизанские группы на железнодорожных линиях Львов — Варшава, Рава-Русская — Ярослав.

Совместная партизанская борьба против общего врага — это ли не свидетельство глубоких корней братской дружбы народов нынешнего социалистического содружества.

Советские воины и солдаты Войска Польского успешно освобождали Польшу от фашистской нечисти, дерясь бок о бок. Красно-белые национальные польские знамена уже победно колыхались над городами Восточной Польши. Польский народ встречал своих освободителей.

Глава шестая

НАКАНУНЕ

Победный май был еще впереди, да и никто еще не мог знать, что победе суждено было родиться именно в чудесную пору весны. Знали только, что скоро, уже совсем скоро долгожданный конец войне, а пока на дворе стоял серый ноябрь с тяжело нависшими над головой тучами, лил непрерывный дождь, стоял мерзкий туман. И от него ныли кости, вспоминался мирный и забытый ревматизм.

25 ноября 1944 года 1-я гвардейская танковая армия покинула Немировские леса, что на Львовщине, и двинулась на север в состав 1-го Белорусского фронта. Совершив 250-километровый марш, она уже через пять дней сосредоточилась близ польского города Люблина. Леса укрыли танковую армаду от глаз и бомбардировщиков противника.

Ставка Верховного Главнокомандования намечала провести здесь одну из крупнейших операций зимней кампании, которая обеспечила бы наивыгоднейшие условия для завершающего удара по врагу на берлинском направлении. Одновременно она должна была завершить освобождение польского народа. В составе войск 1-го Белорусского фронта действовали воины 1-й армии Войска Польского под командованием генерала С. Г. Поплавского.

Готовились к предстоящей наступательной операции, проводили многочисленные командно-штабные игры, учения. Войска ремонтировали старую технику, непрерывным потоком прибывала новая.

На командно-штабных учениях и командно-штабных играх командиры совершенствовали свои навыки и знания по приведению частей в повышенную и полную бое-

А.Х. Бабаджян в начале 1945 года

вую готовность, в умении быстро оценивать обстановку и принимать необходимые решения, организовывать взаимодействие и обеспечение войск, в руководстве штабами. Штабы же практиковались в своевременной организации разведки, сборе, изучении и оценке данных обстановки, подготовке расчетов и предложений для принятия решения командиром, по планированию боевых действий, разработке боевых документов и т. д.

Поток техники и новых войсковых частей был поистине непрерывен. Душа не могла нарадоваться — ведь это значило, что к началу четвертого года войны, несмотря на огромные потери, мы не только не выдохлись, а, наоборот, стали сильнее, могущественнее, чем были в начале войны. Это было свидетельством крепости советского строя, несокрушимости Страны Советов.

Мощь наших Вооруженных сил того времени признают даже наши враги. О сосредоточении советских войск в

районе предстоящей Висло-Одерской операции Гейнц Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата» пишет: «Это была самая сильная группировка сил и средств за время всей войны на минимально узком участке фронта».

Г. Гудериан прав: так было в районе Висла, Одер. Но так к этому времени было и на всех других направлениях — в Восточной Пруссии и в Западных Карпатах, где наши войска вели успешное наступление. Впрочем, объективность генерала Гудериана небескорыстна. Только советским превосходством в технике и живой силе он пытается объяснить провал немецко-фашистской стратегии в Висло-Одерской операции. Еще бы! Ведь в то время немецкий танковый теоретик возглавлял германский Генеральный штаб сухопутных войск! Но не будем забегать вперед...

За несколько дней до начала наступления командиры танковых и механизированных корпусов были вызваны к командующему фронтом Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову. Тут собрались заслуженные и многоопытные генералы, прославленные танкисты — И. Ф. Кириченко, И. Ф. Дремов, И. И. Ющук, С. М. Кривошеин и многие другие.

Признаюсь откровенно, не очень тогда уверенно чувствовал я себя среди этой славной когорты: мне было тридцать шесть лет от роду, был я всего-навсего полковник, а они все генералы, и, хотя я тоже командовал уже корпусом, мне казалось, что поглядывают они на меня с обидной снисходительностью. Тем более что вызваны мы все к маршалу по поводу операции, которой придавалось особо важное значение.

Все знали крутой нрав маршала, и все, конечно, волновались. Должен сказать, что слухи о крутом нраве Г. К. Жукова не лишены оснований. Но неправда, что он был беспричинно груб и позволял себе оскорблять достоинство подчиненных. Он любил людей храбрых и деловых, энергичных и смелых. Но к трусам и бездельникам был беспощаден. И нечего путать строгую принципиальность с оскорблением и повелительную требовательность с грубостью. Ни разу я не слышал из его уст унижительных высказываний по отношению к подчиненным, но всегда — непримири-

Маршал Жуков на совещании с командованием
1-й гвардейской танковой армии

мость к безответственности и легкомыслию. Жуков в высшей степени умный человек, обладал поразительным даром убеждения.

Но все это о маршале я узнал потом, а сейчас мы в волнении расхаживали у порога небольшого кирпичного домика, где заседал командующий. Наконец на крыльце показался генерал для особых поручений при командующем. Все замерли. Генерал медленно оглядел всех нас, словно выбирая, кого вызвать первым, и вдруг указал пальцем на меня.

Стараясь подавить волнение — не уверен, что мне это удалось, — под взглядами остальных приглашенных я распахнул дверь.

Маршал сидел за столом, окруженный генералами. Слева от него — К. Ф. Телегин; член Военного совета, справа — М. С. Малинин, начальник штаба. Этих двоих я знал давно. Полегчало — все-таки двое знакомых.

Г. К. Жуков пожал руку, пригласил сесть.

— Как поживают доблестные танкисты? То есть как готовятся к предстоящим боям?

Кратко доложил о боеготовности корпуса. Жуков выслушал не перебивая. Затем задал несколько вопросов о состоянии техники и материальной части, о подготовке лю-

дей. Вижу — остался доволен. Я приободрился. От маршала это не ускользнуло. Оглядев меня еще раз, сдерживая улыбку и, как я потом понял, продолжая прерванный разговор, он неожиданно спросил:

— Вот есть две категории людей: одни мечтают помереть в своей постели в окружении родных и друзей, другие предпочитают смерть на поле брани. Вы за кого?

Ну, естественно, я ответил, что за вторых. Жуков хмыкнул, широко улыбнулся:

— Другого ответа не ждал. Но к делу. Операция предстоит сложная, кроме нас в ней примет участие еще 1-й Украинский фронт, а 2-й Белорусский и 4-й Украинский фронты будут нам содействовать. Обращаю ваше внимание на особые задачи, которые встают перед танковыми войсками. Танковые соединения должны рассекать оборону противника, стремительно проникать как можно глубже во вражеские тылы, чтобы сеять там панику, дезорганизацию. Нельзя позволять противнику задерживаться на рубежах, создавать новые очаги обороны. Идите вперед, только вперед. Не опасайтесь ничего: мы придем к вам. Одни не останетесь. Ясно? Вперед, любой ценой вперед!

Дал понять, что могу идти.

Коллеги ждали меня с нетерпением. Не успел я затворить за собой дверь, как они тут же ринулись ко мне. «Ну, теперь я позволю себе отыграться за ваше снисходительное отношение, — мелькнула озорная мысль, — разыграю вас». Моей жертвой пал мой близкий друг генерал Дремов. Был Иван Федорович начальником очень деловым, человеком удивительно скромным, беспредельно храбрым, отличался личной смелостью в боях, но — так бывает, — как толстовский капитан Тушин, робел перед начальством.

Коротко пересказав то, что было у маршала, я будто невзначай сказал, что в конце беседы маршал поинтересовался, хорошо ли я знаю Дремова и правда ли, что он работать не любит, склонен выпить и приударяет по женской части.

Все уловили смысл несложной шутки и расхохотались.

А милый мой Иван Федорович долго не мог прийти в себя и все спрашивал:

— Слушай, Армо, так, значит, ты сбрехнул, да?

Я побожился ему самыми страшными кавказскими клятвами.

Трудно было жить без шутки в те трудные дни. Всем — от солдата на привале до генерала на командном пункте...

В ту пору ни я, ни кто-либо из моих боевых друзей не знали, да и не могли знать, что срок наступления неожиданно изменен, что вместо предполагавшейся даты 20 января оно начнется 12 января и что это связано с просьбой английского премьера У. Черчилля, с его телеграммой И. В. Сталину, ставшей впоследствии предметом отнюдь не беспристрастного толкования.

На рубеже 1944—1945 годов немецкое командование провело ряд успешных операций против войск союзников в Арденнах и Эльзасе. Американские и английские войска попали в крайне затруднительное положение. Союзники пытались нанести контрудары по вклинившимся немецким войскам, но успеха, как известно, они не имели.

Вот тогда и телеграфировал У. Черчилль И. В. Сталину. «Я считаю дело срочным»¹, — писал он, прося ускорить советское наступление.

Просьбе вняли — Советские Вооруженные Силы перешли в наступление по всему фронту — от Балтики до Карпат...

В конце декабря ко мне на КП корпуса позвонил командир 2-й гвардейской штурмовой авиадивизии генерал Г. О. Комаров, позвал «в гости к летчикам». Надо было обсудить вопросы взаимодействия в предстоящем наступлении. Целый день прошел у нас в работе, а к вечеру я был приглашен на ужин. Летчики народ хлебосольный, ужин удался на славу. Надо сказать, что, несмотря на все, что сопровождало нашу жизнь в войну, — на постоянные опасности и соседство смерти, жизнь брала свое, а чело-

¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1957. Т. 1. С. 298.

век оставался человеком, и, как говорится, ничто человеческое ему не было чуждо. С какой-то неизбывной теплотой вспоминается мне до сих пор удивительно дружная, товарищеская атмосфера, которая царила на нашем участке фронта между солдатами и офицерами всех родов войск.

Наутро Г. О. Комаров объявил мне, что мой «кукурузник» сломался и для ремонта необходимо не меньше суток. Я огорчился и запросил другой самолет, так как дела корпуса требовали моего присутствия: не очень-то проследишь за тем, что делается «дома», если ты от этого «дома» на расстоянии в сто километров. Георгий Осипович Комаров с подозрительной настойчивостью пытался меня отговорить, но не сумел и дал свой самолет связи, все тот же По-2. До моего слуха донеслось, как он вполголоса говорил летчику: «Держись ближе к земле, не рискуй...»

Однако в тот момент я не придавал этим словам никакого значения.

Вспомнил я о них в полете. Летчик вдруг стал резко снижаться и показывать мне что-то знаками. Смотрю: в облаках два немецких «фокке-вульфа». Схватился за турельный пулемет. «Вдруг собью — вот будет сенсация!» — подумал я. А у самого сердце стучит, даже шум мотора заглушает. «Сейчас я вам дам, голубчики!»

Истребители, видно, поздно приметили свою жертву, стали совершать большой вираж. Я дал длинную очередь. Конечно, не попал...

А мой грозный «бомбардировщик» уже попрыгивал по опушке леса. Чуть только машина остановилась, летчик выскочил на землю, я вслед за ним, и мы укрылись под деревьями. Истребители оставили нас и скрылись в облаках. Минут через двадцать-тридцать мы благополучно приземлились на полевым аэродроме в расположении нашего корпуса. «Дома» я по достоинству и с благодарностью оценил дружескую заботливость Г. О. Комарова, очевидно, хорошо представлявшего, что нас ждет в воздухе, — мне доложили, что авиация противника в эти дни особенно следит и охотится за нашими самолетами связи. Очевидно, гитлеровцы предчувствовали, что на фронте готовится что-то весьма для них опасное.

У нас принимались все меры предосторожности и маскировки, чтоб противник не заметил, какая колоссальная работа проводится в войсках: пополняется техника, подвозятся боеприпасы, проводятся командно-штабные учения.

Особое внимание уделялось подготовке личного состава — боевой и политической. Шли партийные и комсомольские собрания в подразделениях, разъяснялась задача, делалось все для укрепления боевого духа воинов. Но, пожалуй, самую сильную роль в укреплении ненависти солдат и офицеров к гитлеровцам сыграло организованное политорганами посещение фашистского лагеря смерти в Майданеке, от которого неподалеку стояли части нашего корпуса. Солдаты и офицеры знали о Майданеке по описаниям, появившимся в печати, но, как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

И вот мы на «фабрике смерти», уничтожившей больше полутора миллионов русских, поляков, евреев, белорусов, французов, чехов...

Я вспомнил с содроганием об этом, и ненависть к врагам человечества снова острой болью прожгла мне душу, когда я прочел в «Воспоминаниях солдата» признание Гудериана в том, что уничтожение людей было не чьей-то самодеятельностью, а политикой государства. Он пишет: «Незадолго до начала войны на Востоке непосредственно в корпуса и дивизии поступил приказ Верховного командования вооруженных сил относительно обращения с гражданским населением и военнопленными. Этот приказ отменял обязательное применение военно-уголовных законов к военнослужащим, виновным в грабежах, убийствах и насилиях гражданского населения и военнопленных».

Гудериан приводит этот документ, чтоб обелить себя, ведь он «солдат», во всем повинен Гитлер. Я ниже расскажу, в чем повинен Гудериан. Сейчас я пользуюсь его книгой только как фактическим материалом. Страшным материалом.

Вот еще факты. Другой приказ, также получивший печальную известность (тоже тщетная попытка спрятать уши под колпак юродивого! — А. Б.), так называемый «Приказ о комиссарах»... Имеется в виду документ под назва-

нием «Комиссарен-Эрлас», достаточно хорошо памятный советским людям по своим последствиям: немецким воинским частям и администрации лагерей для военнопленных предписывалось поголовно расстреливать русских военнопленных, принадлежащих к политическому составу Красной Армии, коммунистов и евреев.

Увы, среди фактического материала в книге Гудериана не найти документа о совещании у Гитлера 30 марта 1941 года по вопросу реализации известного плана под кодовым названием «Барбаросса», где отмечалось, что война против СССР будет «резко отличаться от войны на Западе». Где четко формулировалась задача: уничтожение Советского государства и «истребление большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции». И где черным по белому утверждалось, что это «благо для будущего».

Благо для будущего — истребление цвета народа, уничтожение его государства!

Интересно, почему об этом умолчал генерал Гудериан? Не потому ли, что, приведи он эти документы, с ними вошло бы в противоречие его «возмущение» «нечеловечным» актом — требованием безоговорочной капитуляции, которое подтвердили участники Ялтинской конференции, когда советские войска приблизились к границам фашистской Германии. Я другого объяснения этому выпадению памяти не нахожу, иначе как бы он принял эту позу оскорбленного достоинства.

«Семьсот лет труда и борьбы немцев и их успехов были поставлены на карту. Перед таким будущим требование безоговорочной капитуляции было жестокостью, преступлением против человечности, а для солдата еще позором».

Итак, значит, требование: не питая надежд на ссору между союзниками, которая могла бы привести Германию к «почетному миру», сдаться на милость победителя, такое справедливое требование, оказывается, «преступление против человечности», более того, «позор для солдата», рыцаря, каким подает себя генерал Гудериан в своей книге.

В сорок первом, когда его войска перешли советские границы, генерал Гудериан не задумывался ни о солдатском позоре, ни о рыцарской чести.

То, что я сейчас расскажу, произошло как раз в 41-м. Точнее, в июле 41-го. В Белоруссии, в Витебской области.

Меня вызвал командующий 19-й армией И. С. Конев: «Возьмите двух командиров и срочно выезжайте на станцию Лиозно. Есть сведения, что там скопилось очень много эшелонов с беженцами из западных областей. Разберитесь, помогите ликвидировать пробку и отправить эшелоны».

Мы прибыли в Лиозно ранним, удивительно прозрачным утром, на небе ни облачка. На станционных путях стояло ни много ни мало десять эшелонов, переполненных эвакуированными. В вокзальных помещениях, на перронах, в товарных вагонах, прямо на железнодорожных путях — везде роился огромный человеческий рой, в основном женщины и дети, — сплошное многоцветное море, разлившееся на два-три километра. Море это двигалось, гудело, сквозь гул слышался детский плач на разные лады.

Разгрузить станцию в короткое время не представлялось никакой возможности: восточнее Лиозно были разбомблены железнодорожные мосты.

Вручение гвардейского знамени одной из танковых частей.

Слева — М.Е. Катуков, в центре, в кожаной куртке, — член Военного совета Н.К. Попель

Мы стояли на пригорке, наблюдая со стиснутым сердцем за мечущимися людьми, ощущая свою беспомощность. И небо над нами, такое чистое и прозрачное в это утро, казалось предательским — а вдруг налетят немцы?

— Неужели у них хватит совести? — вслух произнес я. И словно в ответ на мою мысль в небе появилось 27 «юнкерсов».

Они сделали круг и повернули на северо-запад. Уходят! «Значит, есть в них нечто человеческое», — подумал я, но тут же понял, что ошибся. Развернувшись, «юнкерсы» двинулись по направлению к вокзалу, раздался характерный вой — они пикировали один за одним!

Началось такое, что, боюсь, и спустя столько лет не найду нужных слов, чтоб описать этот кошмар. Бомбовые удары, нацеленные прямо в человеческую массу, вырывали из нее тела жертв. Я видел, как тела женщин и детей поднимались в воздух, разваливались в воздухе на части и разлетались по сторонам. Стервятникам и этого показалось мало. Сбросив свой бомбовый запас, они перестроились и на бреющем полете добивали людей из пулеметов.

Огонь и дым охватили станционные строения. Оставшиеся в живых гибли в пламени и дыму.

Самолеты ушли. До полудня на всем пространстве вокруг железнодорожной станции раздавались стоны раненых, плач детей, рыдания женщин.

А в полдень на станцию ворвались танки с крестами на броне. «Прославленные» боевые колесницы генерала Гудериана. Они обрушились на врага.

Только врагом в этом «бою» были женщины и дети. Но так ли уж это было важно... Боевые колесницы генерала Гудериана «славно» прошли тогда по полю брани, добив «противника», тех женщин и детей, которые не могли самостоятельно передвигаться.

И это не «преступление против человечности»? Не «позор для солдата»? И кто виноват в этом злодеянии? Только Гитлер? А Гудериан здесь ни при чем? Помните, как в сорок четвертом была варварски разрушена гитлеровцами Варшава? Кто тогда возглавлял Генеральный штаб сухопутных войск вермахта? Разве не Гудериан?

Гитлер и его окружение ломали голову, чтоб разгадать планы советского командования в зимнюю кампанию сорок пятого года. А мы тем временем планомерно и кропотливо готовили свои войска для сокрушительной операции между Вислой и Одером.

Допоздна засиживался я над картой в уединенном домике, отведенном мне. Мысли все возвращались к одному вопросу: не зря маршал Жуков в ту памятную встречу на Висле вызвал к себе командиров танковых и механизированных корпусов. Это ведь он подчеркнул особую роль танков в предстоящих финальных операциях. Как же мне следует строить боевые порядки корпуса в такой сложной операции, какой маневр окажется оптимальным, чтоб, елико возможно, глубже прорваться в тыл противника, кого из командиров моих частей направить в передовой отряд? Часами вглядывался я в карту, но она хранила упорное молчание.

Вдруг раздался телефонный звонок. Звонил мой друг и вечный оппонент полковник В. М. Горелов, уже заместитель командира соседнего мехкорпуса.

— Армо! — кричит. — Что ты делаешь?

Ну что ему ответить: что пытаюсь разгадать замыслы Ставки? Отвечаю:

— Грызу рядом стоящий польский шкаф.

Бас Горелова в трубке как поперхнулся.

Пехотинцы, отобранные в десант, занимают места на броне танка

— Ты... ты, Армо... того... не перебрал?

— Господь с тобой, Володя, ты же знаешь, я не пью — кавказские адаты не велят.

— Шутишь все... Ладно. Знаешь что, приезжай ко мне, поужинаем вместе.

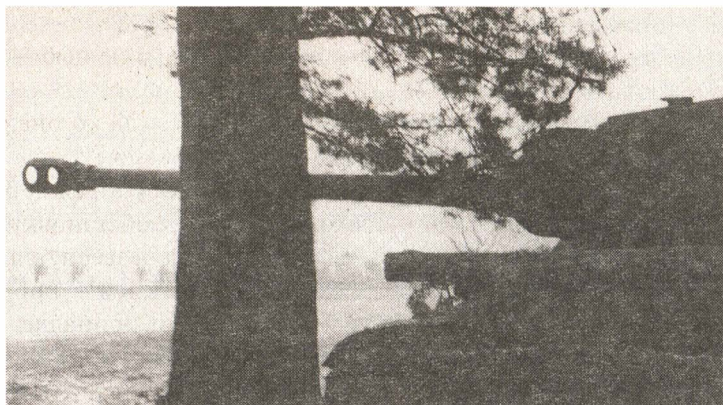
— Нет, ты ко мне приезжай. Есть о чем поругаться.

Он приехал. И долго мы потом, обсуждая обстановку на нашем участке фронта, спорили о том, как развернутся дальнейшие боевые действия. Но в одном сошлись — танкам в предстоящей операции, конечно, будет принадлежать выдающаяся роль.

Перед войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов занимала оборону немецкая группа армий «А» в составе 4-й танковой, 9-й и 17-й полевых армий. Оборона противника состояла из многочисленных укрепленных полос от Вислы до Одера, растянувшихся на глубину до 500 километров. Оборонительные пояса приспособлены к естественным рубежам — холмам и рекам. Рек больших и малых множество, текут они главным образом с юга на север, характер местности пересеченный, множество лесных участков. Все населенные пункты превращены в мощные узлы сопротивления. И противник любой ценой стремился удержаться на Висле и не допустить прорыва советских войск на Запад. Немецкие солдаты будут сопротивляться особенно ожесточенно: фашистская пропаганда все сделала, чтобы отравить сознание своих солдат, запугать их «красным террором». День и ночь в эфире звучали слова немецких дикторов: «Победа или смерть!» Эти же слова пестрели на страницах немецких газет, в тысячах листовок.

Гитлеровское командование чуяло недоброе. Как мы ни соблюдали режим маскировки, опытному разведчику нетрудно было догадаться, что готовится мощное наступление: чувствовалось заметное оживление на дорогах, на переправах через Вислу, на лесных просеках появились указки со всякого рода условными обозначениями, стало больше регулировщиков на перекрестках и поворотах, интенсивнее передвигались офицеры связи...

Перед нашей 1-й гвардейской танковой армией была поставлена задача: после прорыва общевойсковыми ар-

ИС-2 ведет огонь из леса

миями тактической зоны обороны противника на 15—20 километров двигаться с Магнушевского плацдарма, с утра второго дня операции войти в прорыв и стремительно развить наступление на Нове-Място, Рава-Мазовецка, Скерневице, Лович, Кутно и к исходу пятого дня операции овладеть районом Кутно, Лечница и продолжать наступление на Коло, Познань.

Правее нас должна была наступать на Мшонув, Сохачев, Иновроцлав 2-я гвардейская танковая армия, а с Пулавского плацдарма на Радом, Лодзь — 9-й и 11-й отдельные танковые корпуса.

Танковая лавина действительно становилась решающей силой в операции.

Наша 1-я гвардейская танковая армия к началу Висло-Одерской операции обладала не только огромной ударной силой и огневой мощью, но и прекрасными, опытными, несмотря на молодость, офицерскими кадрами, закаленными в боях сержантами и солдатами. Накануне наступления во всех подразделениях прошли партийные собрания, на которых приняли в партию немало лучших водителей, стрелков и командиров танков.

Наступило утро 14 января. Началось оно буднично, обыкновенно. Падал крупными хлопьями мокрый снег. Перед строем зачитывалось обращение Военного совета фрон-

та: «Боевые друзья! Настал великий час. Пришло время нанести врагу последний сокрушительный удар...

Наша цель ясна. Дни гитлеровской Германии сочтены. Ключи победы в наших руках...»

Но вот вздрогнула и загудела земля за Вислой, разрывая неестественную тишину, загрохотали тысячи орудий и минометов — началась артподготовка. Весь передний край обороны противника заволокло дымом и пылью. А огонь все нарастает, переносится в глубь вражеской обороны. Противник отвечает изредка, и то с дальних артиллерийских позиций; его ближайшие огневые точки, очевидно, подавлены.

Двинулась в наступление наша пехота. Противник выдвигает для контрудара свои резервы — 19-ю, 25-ю танковые дивизии. Ожесточенность боев нарастает с каждым часом.

Ломая сопротивление врага, продвигаются на запад части 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова, ныне Маршала Советского Союза. Прорвав полностью к полудню 15 января главную полосу обороны противника, 8-я гвардейская обеспечивает условия для ввода в прорыв нашей 1-й гвардейской танковой армии.

Еще за день до этого под гул мощной артподготовки по семи мостам через Вислу переправились тысячи танков, самоходок, бронетранспортеров. Стальная армада, готовая с ходу вступить в бой, ждала только команды.

На КП 29-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А. Д. Шеменкова, куда мы приехали для совместного руководства боем, — оживление, рабочая суэта: снуют офицеры связи, на разные лады кричат в микрофоны радисты и телефонисты. Штабисты А. Д. Шеменкова по-хозяйски предупредительны к нам, корректны, но нет-нет да улавливаем их недоуменные взгляды в нашу сторону. Наконец А. Д. Шеменков не выдерживает и с подковыркой спрашивает:

— Когда же, друзья танкисты, вы собираетесь начать боевые действия? Или будете за пехотой только трофеи подбирать?

Мне ясно его нетерпение, но разве ему невдомек, что приказы себе мы не сами сочиняем?

— Должен же кто-то и трофеи подбирать, — сдержил я старшему по званию. А своим офицерам приказал перебазираться в район нашего передового отряда, к полковнику И. И. Гусаковскому, — мне и самому было не по себе от вынужденного ожидания. Передовой отряд — в него вошли 44-я танковая бригада и самоходный артполк подполковника П. А. Мельникова — еще в ночь на 14 января переправился на западный берег Вислы. Мельников и Рузаковский были закадычными друзьями: их сближали темперамент, решительность характеров, я бы сказал, одинаковая динамичность натуры. Назначая их в передовой отряд, мы именно этими их качествами руководствовались.

В тринадцать ноль-ноль 15 января. — долгожданная команда: «Танки, вперед!»

Передовой отряд И. И. Гусаковского, обогнав боевые порядки пехоты, с ходу атакует противника. Ударили залпы танковых пушек и самоходок. Загорелись вражеские танки и штурмовые орудия, краска крестов текла по броне. Вслед за передовым отрядом в бой, так же с ходу, вступили главные силы корпуса.

Оборона противника дезорганизована. Масса пленных, сдаются пачками, объясняют: «Сыты войной по горло», «Лучше ужасный конец, чем ужасы без конца...».

Да, времена меняются. Я слушал пленных и вспоминал 41-й и 42-й годы. Рядовые пленные немецкие солдаты высокомерно цедили слова на допросах. А теперь: «Гитлер капут...»

Конечно, капут. Мимо пожарищ, завалов разбитой немецкой техники, трупов фашистских солдат войска корпуса стремительно несутся вперед. На северо-запад, к реке Пилице.

Вперед неостановимо рвутся танки. На душе радостно, хочется озорно крикнуть: «Где вы теперь, генерал Шеменков? Танкисты не подбирают трофеев, танкисты — впереди!»

Настали дни стремительного движения вперед, коротких и решительных боев, бессонных ночей. Нужно было торопиться, чтоб упредить отступающего противника, не дать ему занять новый оборонительный рубеж по северо-западному берегу реки Пилицы. Передовой отряд отваж-

ного И. И. Гусаковского, не ввязываясь в затяжные бои с противником, устремился к этой водной преграде.

Уже во второй половине дня 15 января войска 1-го Белорусского фронта своими танковыми и механизированными корпусами рассекли фронт оперативной обороны противника на участке протяженностью больше 200 километров. Немцы оказывали сопротивление только на отдельных участках, у больших городов и больших рек.

К вечеру отряд Русаковского вышел к Пилице, мотопехота форсировала реку, захватила плацдарм. Попытка перебросить танки сорвалась — лед не выдерживал их тяжести. Пришлось наводить 60-тонный мост. Тем временем подошли главные силы корпуса, боевые порядки растянулись.

И тут же этим воспользовался противник. Его 25-я танковая дивизия с востока сильно контратакует нас. Танки, штурмовая артиллерия, бронетранспортеры, пехота врага движутся сплошным строем, цепь за цепью. Бьются остервенело — терять нечего: или гибель, или окружение. Но им отлично противостоят наши 44-я и 45-я танковые бригады, выдерживая этот безумный натиск обреченных.

На рассвете 16 января ломаем голову с Русаковским, как через замерзшую Пилицу навести понтонный мост, ничего толкового придумать не можем. Вдруг откуда ни возьмись как с неба свалился на своем «виллисе» заместитель командующего нашей армией генерал А. Л. Гетман.

— Как вы смогли сюда попасть, Андрей Лаврентьевич, ночью, без охраны? — ошеломленно только и мог спросить я.

— Иду в прорыв и не могу остановиться, — отшутился А. Л. Гетман. — Лед, лед надо подрывать, прикажите сюда саперов, — посоветовал он и исчез вместе со своим «виллисом» так же внезапно, как и появился...

Понтонный мост мы навели. К полудню контратака противника захлебнулась. Кроме множества танков мы взяли в плен почти полторы тысячи гитлеровцев.

Около полудня неожиданно приехал командующий 8-й гвардейской армией В. И. Чуйков. О Василии Ивановиче, его храбрости, воле, оперативном искусстве я был наслы-

Захват немецких пленных

шан со времен Сталинграда, но судьба нас свела впервые вот тут. Василий Иванович попросил рассказать, как шло только что завершившееся отражение неприятельской контратаки, и осмотрел места боев. Немногословно поблагодарив, собрался уезжать. Я предложил ему охрану — бронетранспортер. «Перебьюсь и так», — недовольно буркнул он и умчался на юг.

Между тем передвижение в нашем районе было далеко не безопасным, на каждом шагу можно было наткнуться на блуждающие группы рассеянного противника. Таких групп стало еще больше, когда за три дня боев наши войска вклинились в глубь вражеской обороны на полтораста километров.

Это подтверждает и генерал Гудериан, хотя трактует действия этих расчлененных и неуправляемых групп весьма своеобразно: «...только «блуждающие» 24-го танкового корпуса и танкового корпуса «Великая Германия» вели, продвигаясь на запад, ожесточенные бои, подбирая на своем славном (!) пути многочисленные мелкие части и подразделения. Генералы Неринг и фон Зауцен добились в эти дни крупнейших военных достижений (!), достойных того, чтобы их особо описал новый Ксенофонт».

Отдаю должное познаниям генерала Гудериана в древ-

ней истории. Однако про позорное бегство Неринга и фон Заукена нового «Анабасиса» не напишут. Впрочем, ругаться не буду, мало ли за рубежом фальсификаторов истории Второй мировой войны, некоторых я уже упомянул выше. Только разве можно кого-либо из них всерьез называть «новым Ксенофонтом»?

Не знаю, живы ли до сих пор эти «доблестные» генералы. Если живы, пусть молятся господу богу, что помог им спасти их малопочтенную жизнь. Ибо с останками своих разгромленных корпусов, ночами перебегая из лесочка в лесок, они потому только и смогли пробраться к своим, что нашим войскам попросту было не до них. Только это обстоятельство и позволило Нерингу и фон Заукену унести ноги.

В своем стремительном наступлении наши танковые и механизированные войска не обращали внимания на отдельные опорные пункты и узлы сопротивления. И в этом был резон — своими дерзкими действиями наши танки сеяли растерянность и панику в глубоком тылу противника. Бронетанковые войска решали и будут решать свои задачи не только мощью вооружения и толщиной брони (любую броню можно пробить), а еще и движением, маневром.

Висло-Одерская операция снова показала, что крупные танковые соединения и объединения способны в наступлении самостоятельно или во взаимодействии с воздушно-десантными войсками и авиацией решать важнейшие оперативно-стратегические задачи по разгрому крупных оперативно-стратегических резервов врага, по захвату важнейших объектов в глубоком тылу противника.

В первые дни наступления танковые армии и отдельные танковые корпуса 1-го Белорусского фронта, громя немецкую группировку на Висле, проникнув в оперативную глубину, оторвались от общевойсковых армий, своих баз снабжения до 100 километров и вынуждены были приостановить наступление до подвоза горючего и боеприпасов. Если главные задачи танковых войск решаются маневром и движением, то для этого нужен танк с большим запасом хода, имеющий возможность далеко отрываться от своих баз.

В этом, пожалуй, первый урок применения бронетанковых войск, который нам дала Висло-Одерская операция.

Танки остаются главной ударной силой сухопутных войск. С большой теплотой вспоминаю я нашего «стального коня» времен Великой Отечественной — танк Т-34, снискавший себе славу на полях сражений. Но новые советские боевые машины, разумеется, намного совершеннее своих предшественниц. Современный танк — это мощный двигатель, радиостанция, приборы прицеливания и наблюдения (в том числе и в темноте), боеприпасы, снаряжение для маскировки, различное оборудование. Плюс ко всему более мощные пушки и пулеметы. В случае необходимости из танкового орудия можно стрелять на расстояние во много километров. Более того, нынешний танк ведет прицельный огонь эффективнее не только с места, но и с ходу. На нем установлено специальное стабилизирующее устройство, обеспечивающее устойчивое положение орудия, даже если танк в этот момент круто нырнул вниз или, наоборот, задрал нос вверх.

Танк — самый «невосприимчивый» к ядерному оружию. Он устойчив к ударной волне и отлично благодаря своей герметичности противостоит радиоактивному заражению.

Значительно увеличилась его скорость, чего требует характер современного боя, и, конечно, дальность действия. Понятно, наши конструкторы должны стремиться ее все время наращивать.

Советские танкостроители, используя богатейший опыт Великой Отечественной войны, достижения современной науки и техники, плодотворно работают в области создания новых образцов бронетанковой техники.

Разгромив остатки 25-й танковой дивизии противника, войска 11-го гвардейского танкового корпуса стремительно наступали на северо-запад, обходя вражеские опорные пункты и узлы сопротивления. Передовой отряд корпуса, вырвавшись на оперативный простор, устремился к городу Ловичу; 40-я и 45-я танковые бригады подходили к городу Рава-Мазовецка.

По полевым дорогам, сопровождаемая несколькими

бронетранспортерами и одним танком, двигалась к этому городу опергруппа штаба корпуса. На опушке небольшого лесочка опергруппа неожиданно наскочила на пехотную колонну противника. Передовой бронетранспортер дал в воздух несколько пулеметных очередей, и этого было достаточно, чтобы вся колонна — человек 900 — побросала оружие и подняла руки вверх: «Гитлер капут...»

Ко мне подошел их старший офицер, доложил о войсковой принадлежности, запросил пощады.

Их надо под охраной препроводить на пункт сбора военнопленных, но у меня нет для этой цели солдат. Что делать? Приказал препровождать колонну самому их старшему офицеру. По дороге забеспокоился — послал вдогонку на бронетранспортере офицера связи. Тот быстро возвратился, доложил: дошли все, как один.

Да, «Гитлер капут». Теперь они твердят это как пароль пощады, твердят, как дрессированные попугаи. А в сорок первом, помню, — ох как помню! — все было совсем иначе. Наглые, самоуверенные, они шагали по нашей земле, полные презрения к «аборигенам», «высшая раса господ». Под Смоленском наши разведчики увидели молоденького немецкого офицера. В щегольском отутюженном мун-

Немецкие солдаты сдаются в плен

дирчике, верхом на сверкающем никелем велосипеде, он ехал по лесной тропе, словно была это и не война, а увеселительная прогулка по бульварам поверженного Парижа.

Ему преградили дорогу автоматами. Ничуть не испугавшись, он схватился за кобуру пистолета. Выстрелить ему, конечно, не дали. А в кармане его был обнаружен блокнот с аккуратными записями на русском языке: «Ты есть плен», «Какой деревня?», «Сколько километр до Москау?» и т. п.

И вот теперь «Гитлер капут» твердят «покорители Европы» и сами, без охраны, колоннами идут сдаваться в плен.

«Я не страдаю недооценкой германского солдата, — пишет Г. Гудериан, — он был выдающимся воином, его можно было без всяких опасений бросить в наступление против противника, превосходящего в пять раз. При правильном управлении он благодаря своим блестящим качествам сводил на нет такое численное превосходство и побеждал».

Пожалуй, незачем вступать в спор с Гудерианом по поводу качеств этого «выдающегося воина».

Остановлюсь лишь только на одном утверждении Гудериана — на способности немецкого солдата времен Второй мировой войны успешно якобы сражаться против в пять раз превосходящего его противника. Проанализировать это утверждение генерала Гудериана особенно важно, ибо, если вдуматься, скрывает оно по меньшей мере два аспекта гудериановской трактовки причин поражения гитлеровской Германии. Причины эти кроются: а) только в весьма значительном численном превосходстве советских войск в людской силе и технике и б) отнюдь не в достоинствах советского полководческого искусства.

Г. Гудериан утверждает, имея в виду положение на висло-одерском участке советско-германского фронта, следующее: «Превосходство русских выражалось соотношением: по пехоте 11 : 1, по танкам 7:1, по артиллерийским орудиям 20: 1. Если оценить противника в целом, то можно было говорить без всякого преувеличения о его 15-кратном превосходстве на суше и по меньшей мере 20-кратном превосходстве в воздухе».

Да, наши войска под Варшавой и в районе Верхней Силезии имели в конце войны численное превосходство над противником.

Оставим на совести автора «Воспоминаний солдата» явно преувеличенные цифры. Не в этом дело. Действительно, к концу войны в результате героических усилий нашего народа мы имели превосходство в технике и вооружении. Хочу сказать другое: на определенных направлениях за счет других участков советско-германского фронта, растянутого на многие тысячи километров, создавалось большое превосходство — в результате оперативного мастерства советского военного командования! Оно — плод советского военного искусства. Численное превосходство Советских Вооруженных Сил на определенных участках фронта в последний период войны часто возникало в местах планируемого советского наступления, так была создана и необходимая группировка для Висло-Одерской операции.

Г. Гудериан почему-то не вспоминает ситуации осени 1941 года, начала войны, когда на советском Западном фронте в период нашего контрнаступления под Москвой соотношение сил было в пользу противника (по личному составу 1,4:1, по артиллерии 1,8:1, по танкам 1,7:1), а поражение потерпел противник!

Где же сокрушал германский «выдающийся воин» в пять раз превосходящего противника? Во время своего «триумфального» марша по странам Европы? Но Германия превосходила по вооруженным силам Чехословакию в восемь раз, Польшу — в четыре-пять раз. Готовя нападение на Францию, Германия совместно с Италией сосредоточила на границах Франции, Голландии, Бельгии силы, в четыре-пять раз превосходящие армии этих стран. Аналогичное положение было в войне с Норвегией, Грецией, Югославией.

Я отнюдь не склонен преуменьшать достоинства нашего противника, тем самым я бы преуменьшил значение нашей победы над ним. Солдат фашистской германской армии был серьезным и сильным противником. Он был опьянен угаром легких побед в Европе и ядом нацистской пропаганды, вколотившей ему расовые бредни о его пре-

восходстве над покоренными народами. Он был на диво исполнителен и дисциплинирован. Дисциплинирован до абсурда — чтоб быть слепой, «управляемой» деталью военной машины. Это ведь признает и сам Гудериан.

Когда я, отдавая должное достоинствам солдата противника, сравниваю его с нашим, советским, бойцом, тогда у меня исчезает приходящая с годами отдаления от военных лет беспристрастность. Да, я восторгаюсь нашим советским солдатом. Восторгаюсь потому, что слишком близок мне такой тип воина — не «хорошо управляемая» железная кукла в серо-зеленом мундире, а совершенно иной человек совершенно иного мира. И я не верю, что фашистский солдат мог бы совершить подобное тому, что произошло при форсировании реки Варты в той же Висло-Одерской операции.

Танковый экипаж командира батальона капитана В. А. Бочковского расстрелял все боеприпасы. Комбат выпрыгнул из машины и повел в атаку на окопы противника экипаж и мотопехоту. Механик-водитель старшина М. В. Пивовар заметил, что на комбата навел автомат немецкий офицер. Старшина в мгновение ока понял, что капитана можно спасти только одним способом, и он, не задумываясь, тут же прикрыл комбата собственным телом. Старшине М. В. Пивовару было 22 года от роду.

Пусть мне возразят, что находились фанатически преданные своим командирам солдаты и в армии фюрера. Может быть, и находились. Но ведь никому не надо разъяснять разницы между фанатизмом одиночек и тем, что называется массовым героизмом.

Величая себя в своих «Воспоминаниях» «солдатом», генерал Гудериан тем не менее не описывает в своей книге подвиги солдата, ни тем более массового героизма. Не было такого в захватнической армии фюрера, не могло быть по ее природе. А то бы Г. Гудериан не преминул, я уверен, о нем сказать, ведь он «не страдает недооценкой германского солдата».

Висло-Одерская операция продолжалась. Советские войска к 17 января продвинулись вперед на 100—160 километров. Передовой отряд нашего корпуса под командой

полковника И. И. Русаковского, осуществляя широкий маневр, обходя крупные населенные пункты, прорвал с ходу второй оборонительный рубеж противника, в девять часов вечера ворвался в город Скерневице, а в полночь уже овладел городом Ловичем. Пройдя за полдня почти 80 километров, главные силы корпуса овладели городами Лечница, Озоркув. Сосед справа — 2-я гвардейская танковая армия — городом Сохачевом, сосед слева — 8-й мехкорпус — обошел с севера Лодзь и захватил Александрув и Унехов.

К вечеру 18 января пришла радиограмма: «Поздравляю лично вас и руководимые вами войска со смелыми и успешными действиями. Выполняйте задачу и действуйте так же, как действовали. Жму вашу руку. Жуков. Телегин».

Солдаты и офицеры корпуса с воодушевлением восприняли благодарность командующего.

Стремительное наступление танков натолкнулось на труднопреодолимую преграду — реку Варту. Чтоб ее форсировать, нужно было организовать переправу в двух местах — западнее Озоркува и северо-западнее города Конины. А понтонных средств в корпусе явно недоставало. И переправа танков — это время, а в момент такого стремительного наступления промедление было смерти подобно.

А что, если обойти Варту с севера? Это хотя и удлинит на 20—30 километров путь к Познани, но зато даст значительный выигрыш во времени. Начальник штаба корпуса полковник Н. Г. Веденичев настаивал на выполнении приказа, предписывающего захватить плацдарм на реке Варте, я медлил. Попробовал запросить у штаба армии разрешения на придуманный маневр — получил взбучку. Значит, предстояло форсировать эту проклятую Варту. Как? Тут еще стеной повалил снег, а потом началась настоящая пурга. Машины еле двигаются, несмотря на зажженные фары.

Вдруг, как всегда словно с неба, появился заместитель командующего армией генерал А. Л. Гетман.

— Каким чудом в такую погоду, Андрей Лаврентьевич?

— Вечно у тебя один и тот же вопрос, — отмахнулся

А. Х. Бабаджян вручает орден офицеру своего штаба

он. — Сперва дай чего-нибудь согреться, промерз до печенок.

А потом поведал, что в крошечной тьме, блуждая по заснеженным дорогам, его машина с ординарцем и адъютантом пристроилась в хвост какой-то автоколонны и вместе с ней продвигалась на запад. И только какое-то совершенно случайное обстоятельство позволило дознаться, что автоколонна-то — немецкая, отступающая.

— Хорошо, что немцы не опознали вас, товарищ генерал.

— В такой чертовой темноте? Как чернила! Тут и черти друг друга не опознают.

Я высказал А. Л. Гетману все свои соображения — почему мне представляется более предпочтительным окружной маневр на север.

Андрей Лаврентьевич выслушал и долго молчаливо ходил по комнате, заложив руки за спину. Потом еще раз стремительно подошел к карте.

— Да, предложение твое заманчиво: и ускорит выход корпуса к Познани, и людей сбережет... Но ведь знаешь, как это называется: нарушение боевого приказа.

С тем и уехал. Скрепя сердце я стал было готовиться к форсированию Варты, как через некоторое время пришел новый приказ: обходить Варту с севера, в направлении Сомпольно, Гнезно, Познань.

«Неужели А. Л. Гетман успел добраться до штаба армии?» — мелькнула мысль.

С рассвета 19 января 40-я и 45-я гвардейские танковые бригады устремились на города Клодова и Дембе, но встретили ожесточенное сопротивление противника. Для усиления этой группировки была введена 44-я гвардейская танковая бригада, которая обошла узлы сопротивления с севера, развивая наступление на запад, с ходу атаковала маршевые колонны подходящей из глубины дивизии «Бранденбург», разгромила их, ворвалась в город Гнезно.

Сильный гарнизон противника в этом городе не ожидал подобной дерзости от танкистов; ошеломленный, он целиком без единого выстрела сдался в плен. Были захвачены размещенные здесь крупные воинские склады продовольствия и вооружения.

Нас восторженно встречало польское население Гнезна с польскими флагами, на которых был изображен белый орел. Потом нам рассказывали, что, согласно легенде, родоначальник поляков Лех, увидев на месте нынешнего Гнезна орлиное гнездо, произнес: «Здесь будем гнездиться...»

Не задерживаясь в Гнезне, бригада развивала наступление на запад, овладела крупным населенным пунктом Вулькаву. Главные же силы корпуса, захватив Клодову, Победзинску, вышли к Познани.

Далеко оторвались танкисты от главных сил фронта. Общеармейские армии, свернув боевые порядки, шли в колоннах по направлению к Познани. Впереди них, на широком фронте, острыми клиньями вгрызались в боевые порядки отходящего противника наши бронетанковые войска.

Танкистам приходилось сражаться с многочисленными «блуждающими» группами расчлененного противника. Одни из них поспешно сдавались в плен или разбежались по окрестным лесочкам, как описанные мною выше «доблест-

ные» части генералов Неринга и фон Заукена, другие сопротивлялись с ожесточением фанатиков.

Бои вспыхивали неожиданно — на перекрестках дорог, в рощах. Стреляли отовсюду: слева, справа, сзади — смешались все представления, где фронт, где тыл. То в лоб, то в спину летели снаряды. Дрались все: танкисты и шоферы, артиллеристы и ремонтники, автоматчики и связисты, зенитчики и саперы — перестало существовать разделение на «активные» и «неактивные» штыки.

Везде был фронт. Повара приводили пленных, захваченных возле полевой кухни. Офицеры связи доставляли вместе с секретными пакетами вражеских солдат и командиров, плененных по дороге. Наш корпусной медсанбат, чтоб развернуться в одном из населенных пунктов, вынужден был выбить оттуда саперную роту противника. В бой вступили легко раненые, врачи, санитарки — захватили в плен 79 вражеских солдат.

Пока на висло-одерском направлении шли ожесточенные бои, в ставке Гитлера шла перебранка руководителей вермахта, о чем мы подробно узнали после войны. Опять сошлюсь на воспоминания генерала Г. Гудериана.

Гитлер бесновался. «Во время моего доклада фюреру об обстановке и о тех приказах, которые я заготовил для закрепления нашего положения, — пишет Гудериан, — поступила радиограмма от коменданта крепости Варшавы, в которой указывалось, что город находится в наших руках, но что его придется оставить в течение последней ночи. Когда я доложил Гитлеру об этом, он разразился гневом и приказал любой ценой удержать Варшаву».

Но противник не устоял под натиском советских армий и частей Войска Польского. «Теперь гнев Гитлера, — продолжает Гудериан, — не знал никаких границ. Он совершенно утратил интерес к столь опасной для нас общей обстановке и занимался лишь варшавской неудачей... Гитлер приказал, чтобы офицеры генерального штаба, отвечающие за составление донесений и приказов, касающихся этого участка фронта, были готовы к допросу. Я заявил, что за события вчерашнего дня несу ответственность только один я и что поэтому арестовывать и допрашивать нужно

меня, а не моих подчиненных...» Фюрер ответил: «Я хочу покарать не вас, а генеральный штаб. Я терпеть не могу, когда группа интеллигентов осмеливается внушать свои взгляды своим начальникам...»

Гудериан пытается возразить Гитлеру по вопросу использования прибывающих резервов, но, увы, фюрер не внемлет генералу, подпавшему под влияние «интеллигентов». И Гудериан сокрушается: «Когда Гитлер отворачивался от меня и бежал к камину, я устремлял свой взор на портрет Бисмарка работы Лембаха, висевший над камином. Строго глядели глаза этого крупнейшего государственного деятеля, Железного канцлера, на сцену, которая разыгрывалась внизу, у его ног... Взгляд канцлера спрашивал: «Что вы делаете из моего рейха?»

В стане фашистских главарей идет тайное подсиживание друг друга. И Гудериан «благородно» возмущается их лицемерием, ханжеством, всячески стремясь доказать, что сам он не являлся безмолвным сатрапом Гитлера: «После этого мрачного эпизода из чудовищной драмы заката Германии я направился в приемную... Ко мне подошел Кейтель: «Как вы можете так возражать фюреру? Вы разве не видели, как он волновался? Что произойдет, если с ним случится удар?...» Несколько человек из окружения Гитлера присоединились к Кейтелю, и мне снова пришлось выдержать тяжелый бой, пока не утихомирились эти пугливые души».

Советские танковые войска наступали без передышки, днем и ночью, в туман и снегопад. Единственным тормозом наступления была нехватка горючего и боеприпасов. Коммуникации растянулись почти на 400 километров, базы снабжения остались на восточном берегу Вислы. Не работали железные дороги, были разрушены автомобильные мосты через реки. В захваченных трофейных складах был только бензин, годный для автомашин, но не было необходимого для танков дизель-топлива. Порой сутками стояли без движения боевые части.

А нужно было спешить, нужно было предупредить противника, чтоб не успел организовать оборону на реке Варте.

Ох, опять эта Варта, поперек горла эта Варта. Танкисты даже частушку сложили — были в ней такие слова:

Вперед Варта,
Справа-слева Варта.
Как от нее

избавиться завтра...

21—22 января к Варте вышли главные силы корпуса, 44-й бригаде не удалось захватить мост через реку — противник, отходя, успел его взорвать. Принял решение обойти Познань с севера, выйти немцам в тыл. Но как переправить главные силы корпуса через реку — понтонно-мостовой батальон отстал, ожидая подвоза горючего. Все та же история... Выхода нет, приходится подручными средствами переправлять на другой берег всю мотопехоту 27-й бригады, батальоны автоматчиков 40-й и 45-й танковых бригад и часть артиллерии.

На следующий день к Познани подошли части 8-го гвардейского мехкорпуса генерала И. Ф. Дремова, с ходу атаковали восточную окраину города, но атака была отбита организованной обороной противника. К сожалению, у И. Ф. Дремова не было информации о количестве войск противника в Познани — последние два дня не было никакой связи со штабом армии.

Далеко оторвались танковые соединения от остальных наших войск за эти десять дней стремительного наступления. Но вот 25 января появились колонны 29-го гвардейского стрелкового корпуса старого моего нетерпеливого друга генерала А. Д. Шеменкова.

Признаться, за эту декаду успели мы соскучиться по матушке-пехоте и очень обрадовались подходу частей 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова — на душе стало легче: не одни мы на этом огромном пространстве, да и что танки без «царицы полей»!

Корпус генерала И. Ф. Дремова захватил несколько аэродромов противника. Я не виделся с Дремовым с того самого дня, когда мы вместе ожидали приема у маршала Жукова. Видимо, квитаясь со мной за розыгрыш, что я учинил ему, Дремов спросил, лукаво улыбаясь:

— Хочешь, Армо, я тебя на самолете покатаю, у меня их много?

— Поди, еще сбросишь с высоты!

Хорошая шутка перед боем никогда не помешает

— Это только у вас на Кавказе обычай кровной мести! — понимающе рассмеялся добрейший Иван Федорович, и мы крепко обнялись.

Познань окружена. Освобождена земля братского польского народа в полосе наступления 1-й гвардейской танковой армии. Возгласами «Нех жие Армия Червона!», «Нех жие Россия!» встречают нас поляки. Старики, женщины, дети и мужчины обнимают и целуют закопченных и промазученных танкистов, в руках у жителей красные и красно-белые флаги, нам подносят угощения. Но нам некогда, мы спешим на запад. На запад, к рубежам самой Германии.

К концу дня 26 января передовой отряд 11-го гвардейского танкового корпуса — 45-я гвардейская танковая бригада полковника Н. В. Моргунова — достигает города Альтершпигеля (Тшцель). Старая германо-польская граница. Отсюда 1 сентября 1939 года фашистская Германия развязала Вторую мировую войну. Река Обра. На том берегу Германия.

Сколько советских людей ждали этого дня, ждали как праздника, как награды за все муки, страдания и лишения, которые принесла им фашистская Германия! И вот советские танки у ее границ — советские воины видят воочию ее землю. Как тут остановиться, сдержать свой на-

ступательный порыв! И передовой отряд пытается с ходу форсировать реку и ворваться на территорию врага.

Не тут-то было. Отойдя за реку, немцы взорвали все мосты, оказали нашему передовому отряду бешеное сопротивление.

26 января 45-я гвардейская танковая бригада вела бесплодные атаки в городе Альтергдпигеле. В ночь на 27 января новый передовой отряд — 44-я гвардейская танковая бригада полковника И. И. Гусаковского — пошел в обход этого города на север, форсировал реку Обру и, не встречая сопротивления, устремился на город Хохвальде.

В три часа ночи авангард бригады — 3-й батальон майора А. А. Карабанова — вдруг уткнулся носом в железные надолбы на середине шоссе. Что такое?!

Саперы установили, что вправо и влево от шоссе сплошной и очень глубокий противотанковый ров с минными полями и гранитными надолбами. Но железные надолбы на середине шоссе не укреплены, а лишь вставлены в бетонные колодцы.

Тут И. И. Гусаковский догадался, что наскочил на укрепленный район противника. А вынимающиеся железные надолбы устроены как ворота для пропуска войск. Недолго думая, он приказал надолбы эти вытащить из колодцев, открыть дорогу и продолжал свое движение на запад.

Это был так называемый одерский треугольник, гордость немецко-фашистского военного руководства — Мезеритцкий УР. Весьма серьезная и очень сильная преграда на пути к Одеру. Передний край его предполья шел по западному берегу реки Обры. Вслед за предпольем — прикрытием — главная полоса обороны. Она находилась примерно в 20 километрах западнее реки Обры и проходила по рубежу: Шверин (Сквежна), Мезеритц, Швибус.

Одерский треугольник был действительно чрезвычайно мощным сооружением. Он состоял из огромного количества крупных долговременных — железобетонных огневых укреплений — «панцерверке», выполненных по последнему слову техники и эшелонированных на глубину

до 6 километров. «Панцерверке» представляли собой двух-трехэтажные сооружения, на поверхности которых имелись спускающиеся и поднимающиеся пушечно-пулеметные бронеколпаки. Толщина стен и покрытий дотов доходила до 2,5 метров, а толщина бронеколпаков — до 350 миллиметров. «Панцерверке» были между собой связаны системой подземных ходов сообщения, имели силовые и фильтро-вентиляционные установки, систему водоснабжения и канализации, склады боеприпасов и продовольствия. Они были усилены полевыми укреплениями и прикрывались естественными и искусственными противотанковыми заграждениями (противотанковые рвы, надолбы, ежи и минные поля). Перед главной полосой шли непрерывным строем озера, вытянувшись с севера на юг, как будто специально, чтобы помешать наступлению наших войск.

Земля, леса, холмы, реки, ручьи и озера — все пространство казалось закованным в бетон и сталь. Почти все проходы были заминированы. Оборонительный рубеж представлял собой гигантский подземный город, построенный из бетона и стали. Немцы были уверены, что за такими укреплениями им удастся отсидеться, остановить наступление советских войск.

В послевоенные годы немало «очевидцев» писало о прорыве одерского треугольника, немало и нафантазировано по этому поводу. Может быть, склонность к гиперболам у некоторых наших авторов порождалась искренним стремлением показать значимость этого успеха советских войск. Но — Платон мне друг, а истина дороже — пора нашим военным историкам дать подлинное описание прорыва Мезеритцкого УРа, имевшего место в действительности.

Итак, это было везение, что отряд Гусаковского наткнулся на «ворота» в железобетонной стене Мезеритцкого УРа. Но к этому времени в, казалось бы, неприступном УРе обнаружались и другие уязвимые места. Оборонительные сооружения переднего края были заняты противником не сплошь, а очагами, а это позволяло проникать в систему

УРа в промежутках между дотами. Многие доты были заняты случайными отступающими группами солдат и офицеров противника, не знавшими системы УРа, не умевшими управлять «панцерверке». Некоторые «панцерверке» в глубине УРа и вовсе пустовали.

Бригада Гусаковского, миновав «ворота», воспользовалась молчанием врага и устремилась далее на запад, не предупредив главные силы корпуса. А противник, обнаружив пробоину в УРе, тотчас же задраил ее. И когда сюда подошла 45-я бригада, ее встретил ураганный огонь. Попытки прорвать здесь УР главными силами корпуса кончились неудачей.

Послали разведку на север и на юг. Она донесла, что южнее Хохвальде передний край УРа не занят войсками противника, что разведке удалось пройти систему дотов и установить связь с бригадой Гусаковского, а также частями мехкорпуса И. Ф. Дрёмова, которые, оказывается, тоже воспользовались этими «воротами» и проникли в глубь УРа.

Срочно, за полдня, наш корпус перегруппировался в район севернее города Швибуса и, не встречая особого сопротивления, вышел в тыл Мезеритцкому УРу. Почувствовав себя окруженными, многие гарнизоны УРа стали сдаваться нашим подходящим общевойсковым армиям.

При прорыве Мезеритцкого укрепленного района пали смертью храбрых многие танкисты, мотопехотинцы, саперы, артиллеристы. Погиб и отважный командир танкового батальона, первым вошедшего в УР, майор А. А. Карабанов.

Родина высоко оценила подвиг танкистов. Указом Президиума Верховного Совета СССР полковник Иосиф Ираклиевич Русаковский был награжден второй Золотой Звездой Героя Советского Союза. Звания Героя Советского Союза были удостоены майоры А. А. Карабанов (посмертно), Ф. П. Боридько, М. С. Пинский, капитан П. А. Днепров, старшие лейтенанты А. М. Орликов (посмертно) и К. П. Никонов, лейтенант И. Х. Кравченко, младшие лейтенанты Н. А. Виноградов, П. Ф. Колесников, механики-водители В. М. Бенберин, С. Г. Амеличкин.

Я лишь сейчас расскажу о трагическом случае, который произошел в районе Познани, не только потому, что известие о нем запоздало — все поглотил штурм Мезеритцкого УРа, — но и потому, что нельзя было об этом сказать походя.

Погиб Владимир Михайлович Горелов. Погиб нелепо, глупо. Непростительно, хотя и некого винить в том, что не уберегли его.

Не знаю человека в армии, который бы не любил Володю Горелова. Да и поди попробуй не полюби его — он словно сошел с полотна художника, изобразившего славного голубоглазого гиганта — русского богатыря.

В сентиментальности меня трудно заподозрить, но и сейчас, спустя несколько десятилетий, не могу говорить о гибели Володи без спазм в горле.

Подлая пуля пьяного бандита скосила его, угодив в спину. Слишком дорогую жертву потребовал Марс за нашу победу на границе рейха, и тем страшнее оскалился для нас лик войны. Тем страшнее, потому что все мы уже видели ее близкий конец.

Тело Героя Советского Союза В. М. Горелова танкисты отвезли во Львов, похоронили с почестями на холме Славы. Пусть бегут годы, а я, как только появляется первая возможность, стремлюсь побывать на холме Славы во Львове, постоять молчаливо у могилы Володи Горелова. Нет на свете для меня ничего священнее боевого братства, опаленного Великой Отечественной...

К исходу января передовые подразделения нашего корпуса вышли к реке Одер в районе города-крепости Кюстрин. Штаб корпуса мы расквартировали в Кунерсдорфе. И, только уже расположившись и устроившись здесь, вспомнили, сколь знаменит этот населенный пункт в истории русской военной славы. Это ведь именно здесь в 1759 году русские войска под водительством фельдмаршала П. С. Салтыкова наголову разбили прусскую армию, которой командовал сам король Фридрих II. Одного урока истории оказалось, видно, недостаточно. С высот Кунерсдорфа от-

лично просматривалась вся Приодерская равнина. Знал фельдмаршал Салтыков, где определить свою диспозицию.

Но любоваться окрестностями некогда — нужно спешить, необходимо скорее форсировать Одер, чтобы захватить плацдарм на его западном берегу.

К вечеру 1 февраля стали подходить передовые части 8-й гвардейской общевойсковой армии. 8-й мехкорпус нашей 1-й гвардейской танковой армии вел ожесточенные бои в лесах восточнее Франкфурта-на-Одере.

«Русское наступление посеяло хаос между Вислой в районе Торунь и Одером восточнее Франкфурта», — сокрушается бывший генерал вермахта¹.

Эта выдающаяся операция Советских Вооруженных Сил вошла в историю мирового военного искусства. Немецко-фашистским войскам было нанесено сокрушающее поражение, противнику пришлось оттянуть и перебросить сюда крупные силы с Западного фронта, тем самым облегчилось положение союзных войск, терпевших поражение в Арденнах, они получили возможность возобновления наступательных действий. За 16—18 суток наши танковые войска прошли с боями более 500 километров, совершили колоссальный скачок и стремительно вышли на дальние подступы к Берлину.

Что же следовало делать дальше? Может быть, развивать дальнейшее наступление прямо на Берлин, пройти еще 60—70 километров и взять с ходу германскую столицу?

Дело в том, что противник сумел ко времени подхода наших войск к реке Одер организовать достаточно прочную оборону. Даже уже после форсирования Одера частям и соединениям 8-й гвардейской армии потребовалось затратить немало усилий и времени (около двух недель), чтобы расширить на западном берегу захваченный плацдарм до размера, который позволил бы сосредоточить там необходимое количество войск 1-го Белорусского фронта для начала мощного наступления на Берлин.

¹ Типпедьскирх К. История Второй мировой войны. С. 515.

Но и после захвата нашими войсками плацдармов на западном берегу Одера противнику удалось сохранить за собой предмостные укрепления с центром в городе Кюстрин. Значительная часть его войск хотя и была окружена, но продолжала удерживать такие важные в оперативном отношении населенные пункты, как Шнейдемюль, Познань, Бреслау, сковывая наши силы, в том числе и соединения 8-й гвардейской армии. Коммуникации наших войск оказались растянутыми на 500 и более километров, железные дороги не работали, железнодорожные мосты через Вислу были выведены из строя, запасы истощились, боевая техника и вооружение требовали восстановления и пополнения. О прямом наступлении на Берлин в таких условиях не могло быть и речи.

Да еще в дополнение ко всему противник удерживал всю территорию Померанской провинции вплоть до города Гданьска, сосредоточив на севере свою крупную группу армий «Висла». Вот и пришлось 1-й гвардейской танковой армии совершить марш в направлении Восточной Померании и, временно войдя в состав войск 2-го Белорусского фронта, ударить по Гдыне. Об этой операции я расскажу в следующей главе.

Опасения за правый фланг 1-го Белорусского фронта были не напрасны. Вот и Гудериан это подтверждает в своих «Воспоминаниях солдата»: «Немецкое командование намеревалось нанести мощный контрудар силами группы армий «Висла» с молниеносной быстротой, пока русские не подтянули к фронту крупные силы или пока они не разгадали наших намерений».

Может быть, несмотря ни на что, следовало идти на риск, ибо любая военная операция связана с риском? Но риск в данном случае не был вполне обоснованным, и это достаточно убедительно показал Г. К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления». Коль скоро все-таки был риск, значит, не исключалась и неудача.

В решении такой большой и ответственной задачи, как операция по овладению Берлином, в результате кото-

рой должна была последовать капитуляция Германии, рисковать было слишком опрометчиво.

Весь ход Великой Отечественной войны советского народа отвергал расчет на случай, безрассудный риск. Закономерными, глубокой всесторонне продуманными были победы под Москвой в 1941 году, под Сталинградом в 1942-м, под Курском в 1943-м, на Украине и в Белоруссии в 1944-м, наконец, между Вислой и Одером в 1945-м.

Советская военная школа стремится исключить элемент случайности. Для нас был бы невозможен случай, столь решительно изменивший расчеты и планы командования, подобный тому, что описывает Г. Гудериан: «15 февраля 3-я танковая армия генерал-полковника Рауса была готова к наступлению! Утром 16 февраля она перешла в наступление, за которым лично наблюдал генерал Венк, точно знавший все мои намерения и планы. 16 и 17 февраля наступление проходило весьма успешно, мы начали надеяться... на удачу этой операции... Но тут произошло несчастье — Венк после своего доклада Гитлеру вечером 17 февраля сел в свою машину... он сел сам за руль и уснул... он наехал на перила моста, сильно разбился. Был доставлен в госпиталь. Выход из строя Венка привел к тому, что наступление застопорилось и его не удалось вновь наладить».

Вот ведь как: пострадал в автомобильной катастрофе один генерал — и сорвалось наступление.

Бывает... Говорят же, что, если б не простуда Наполеона, ни за что бы его гренадеры не покинули русскую столицу.

Но то исторический анекдот, а вот генерал Гудериан совершенно серьезно усматривает причину «исключительно быстрого развития успеха русских» в Висло-Одерской операции, видите ли, в том, что Гитлер «с опозданием обратил внимание на Восточный фронт», и еще — в назначении профана (Гимmlера. — А. Б.) на должность командующего группой армий «Висла».

Если поверить ему, действительно нечего взять из опыта Висло-Одерской операции, которая, явив образец стойкости и мужества, массового героизма советских солдат,

стала и образцом советского военного искусства. Какова была в ней роль танков? Поскольку, как говорится, сверху виднее, позволю себе полностью процитировать по этому поводу мнение командующего 1-м Белорусским фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова:

«Основная роль в развитии наступления на фронтах после прорыва обороны противника принадлежала танковым армиям, отдельным танковым и механизированным корпусам, которые во взаимодействии с авиацией представляли собой быстроподвижный таран огромной силы, расчищавший путь для общевойсковых армий.

Войдя в прорыв, танковые армии и механизированные корпуса развивали наступление с полным напряжением сил, днем и ночью не давая врагу передышки. Сильные передовые отряды наносили глубокие удары, в то же время не ввязываясь в затяжные бои с отдельными группировками противника.

Танковые армии и отдельные танковые корпуса в тесном взаимодействии с авиацией стремительными ударами дробили вражеский фронт, выходили на коммуникации его войск, захватывали переправы и узлы дорог, сеяли панику и дезорганизовывали тыл противника.

Глубокое проникновение бронетанковых войск в тыл противника не позволяло немецко-фашистским войскам использовать для обороны большинство заранее подготовленных рубежей. После прорыва привисленских укрепленных рубежей до выхода на познанский меридиан противник не сумел практически ни на одном из заранее подготовленных рубежей организовать прочную оборону»¹.

Висло-Одерское сражение — прекрасный пример глубокой наступательной операции Советских Вооруженных Сил.

В период Висло-Одерской операции танковые армии стремительно развивали наступление, действуя на 100—120 километров впереди главных сил фронта, создавали общевойсковым армиям условия для продвижения в опе-

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 613—614.

ративной глубине с минимальными потерями в живой силе и технике, позволяя им свертываться после прорыва обороны противника в походные колонны и без серьезных боев двигаться вперед по дорогам на расстоянии 300—400 километров. Я говорю — без серьезных боев, не имея в виду тактических действий по ликвидации так называемых блуждающих котлов — окруженных групп противника, оставшихся в тылах танковых армий. Не тратя на них времени, танковые ударные клинья продолжали стремительно и глубоко вгрызаться во вражескую территорию.

Достижение стратегического успеха благодаря такому применению крупных танковых объединений можно считать важным уроком победы, который преподали нам Белорусская, Львовско-Сандомирская и Яссо-Кишиневская операции 1944 года, наконец, Висло-Одерская 1945 года.

Глава седьмая

ВПЕРЕД... НА ВОСТОК

Да, опасения за правое крыло 1-го Белорусского фронта были не напрасны. В Восточной Померании противник накапливал значительные силы, сюда через балтийские порты Данциг и Гдыню морем прибывали все новые и новые его войска из Восточной Пруссии. Эта вражеская группировка под названием «Висла» угрожала не только правому крылу 1-го Белорусского фронта, но и всем его коммуникациям, тем более что войска 2-го Белорусского фронта вели затяжные бои в направлении Данцига и Гдыни. Продолжали сопротивление окруженные группировки врага в городах Познань, Шнейдемюль, Дойче-Кроне, Ансвальде.

В этих условиях необходимо было, уничтожив окруженные группировки, провести наступление на восточно-померанскую группировку врага, чтоб обеспечить надежность флангов войск, которым предстояло наступать на главном направлении — на Берлин.

Но я несколько отвлекусь от описания Восточно-Померанской операции, чтоб обрисовать общую стратегическую обстановку, сложившуюся к этому времени на советско-германском фронте.

Войска 3-го Белорусского фронта под командованием маршала А. М. Василевского, разгромив крупную вражескую группировку, окружили город-крепость Кенигсберг (Калининград), правое крыло этого фронта очищало от противника Земландский полуостров.

2-й Белорусский фронт — войска маршала К. К. Рокоссовского, прорвав один за другим оборонительные ру-

бежи противника, вышли к Балтийскому морю севернее города Эльбинга, отрезав пути отступления восточно-прусской группировке на запад. Главные силы этого фронта, как я уже говорил выше, вели бои в направлении морских портов на Балтике — Данцига (Гданьска) и Гдыни.

В центре стратегического наступления войска маршала Г. К. Жукова (1-й Белорусский фронт) и И. С. Конева (1-й Украинский фронт), разделившись с крупной группировкой врага, вышли широким фронтом к Одере и захватили здесь важные для дальнейшего продвижения плацдармы.

На юге, на землях Венгрии, Югославии, Австрии, 2-й и 3-й Украинские фронты — войска маршалов Р. Я. Малиновского и Ф. И. Толбухина — отражали удары больших сил врага в районах рек Грон и Драва и одновременно готовились к переходу в решительное наступление на венском направлении.

Между правым крылом 2-го Украинского и левым 1-го Украинского — в Чехословакии — наступали войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии И. Е. Петрова.

В первой половине февраля состоялась историческая Ялтинская конференция, подтвердившая требование стран-победительниц в отношении безоговорочной капитуляции Германии.

Успехи советского наступления позволили войскам западных держав незадолго до Ялтинской конференции возобновить свои наступательные операции в районе Арденн и нанести чувствительное поражение группе немецких войск, которой командовал генерал-фельдмаршал Рундштедт.

И вот что в этой связи пишет наш бывший союзник Дж. Фуллер:

«В нормальной войне поражение Рундштедта в Арденнах немедленно привело бы к окончанию военных действий. Однако вследствие требования безоговорочной капитуляции война отнюдь не была нормальной. Следуя этому идиотскому (!) лозунгу, западные союзные державы не могли предложить никаких других, даже самых суровых

условий. Их противник также не мог просить о каких бы то ни было условиях, даже самых унижительных. И вот получилось, что Гитлеру, подобно Самсону, оставалось обрушить все здание Центральной Европы на себя, на свой народ и на своих врагов».

Хороши библейские ассоциации с Гитлером! И вполне недвусмысленна попытка обелить злодея, найти оправдание его последнему злодеянию.

Помните, как Гудериан называл требование безоговорочной капитуляции «жестокостью, преступлением против человечества»?

Сопrotивляться далее, расплачиваясь народом за свои авантюры, было уже бессмысленно, но Гитлер продолжал безрассудное сопротивление. И кто — Фуллер, английский генерал, — его оправдывает: «Война уже была окончательно проиграна, его политической целью был теперь хаос, и из-за требования безоговорочной капитуляции Гитлер мог достигнуть этой цели»¹.

Фуллер — Гудериан: какое трогательное единство чувств, какое христианнейшее всепрощение врагу... Диву даешься! Это после того, как Британские острова по приказу Гитлера подвергались жесточайшей и безжалостной бомбардировке и столько невинных жертв понесло мирное население английских городов?

Что это — пресловутая добропорядочность английского джентльмена?

Как бы не так! Все проще, все грубее. Оказывается, «политически Восточная Европа уже была потеряна для демократии», а «с точки зрения западных союзных держав, выиграть войну стратегически и проиграть ее политически означало признать войну потерявшей всякий смысл»².

И бессмысленное (это определение самого Гудериана) кровопролитие продолжалось. Гитлеровские гарнизоны на Западе с готовностью сдавались без боя англоамериканским войскам, но остервенело сопротивлялись советским.

¹ Фуллер Дж. Ф. С. Вторая мировая война 1939—1945 гг. С. 466.

² Там же. С. 468.

Тем не менее 11 февраля пала крепость Дойче-Кроне, три дня спустя — Шнейдемюль.

16 февраля войска группы армий «Висла» предприняли активные наступательные действия и даже потеснили на 8—12 километров 47-ю армию 1-го Белорусского фронта. Но 18 февраля упорными действиями наших войск вражеское наступление было парализовано.

В этих действиях приняла участие часть сил 1-й и 2-й гвардейских танковых армий, совершивших в это время перегруппировку в район Берлинхена, откуда должна была начаться операция по разгрому противника в Восточной Померании.

В этой операции участвовали войска 2-го Белорусского фронта маршала К. К. Рокоссовского (2-я ударная, 65, 49, 70-я армии, для усиления сюда передали 19-ю армию и 3-й гвардейский танковый корпус) и правое крыло 1-го Белорусского (3-я ударная, 61-я, 47-я армии, 1-я и 2-я гвардейские танковые армии, 1-я армия Войска Польского).

Враг для противодействия нашему наступлению имел 35 дивизий и значительное количество отдельных частей.

Восточная Померания вытянута вдоль южных берегов Балтийского моря, территория ее изобилует множеством холмов, лесов, рек, ручьев, озер и озерец — между ними узкие проходы. Все это, естественно, затрудняет наступление, но зато очень помогает противнику организовывать оборону сравнительно малыми силами.

И дороги! Они в основном — если говорить о дорогах с твердым покрытием — проложены строго с запада на восток, связывают Восточную Пруссию с центром Германии, и нет их почти совсем с юга на север, как это надо бы нам для задуманного наступления.

В полосе предстоящего наступления ударной группировки войск 1-го Белорусского фронта с юга на север шла единственная дорога с твердым покрытием — на Кольберг. Все прочие дороги грунтовые. А тут началась оттепель, мокрый снег, дожди.

Разведка доносила: все дороги, межозерные и лесные проходы подготовлены врагом к заминированию, устроены лесные завалы, в населенных пунктах все готово к кру-

В заснеженном лесу

говой обороне — подвалы и чердаки домов приспособлены для пулеметных точек, на улицах каменные баррикады.

В лесах бродячие группы немецких солдат и офицеров — остатки рассеянных еще в Висло-Одерскую операцию войск противника. Передвигаться в одиночку потому небезопасно — есть случаи нападения на наших бойцов и командиров.

Но большинство бродячих групп — деморализованные, голодные, обросшие, оборванные солдаты — выходят к расположению советских войск, прося пощады и хлеба.

Вот они, «победители Европы», какой плачевный конец! Ни дать ни взять отступающее наполеоновское воинство после Березины. И тоже переодетые в отнятое у населения гражданское платье и даже женскую одежду.

Бдительное око советского воина выявляет этих «героев», пытающихся пробраться за Одер, поближе к своим войскам. Их направляют на пункты сбора военнопленных, отделяя от прочих беженцев.

Беженцами повсюду забиты дороги. Они бегут на запад, от русских, от «языческого истребления», которым их запугивала геббельсовская пропаганда.

Они изумленно глядят, как советские воины освобождают дома для размещения их детей и больных, как заботливо помогают старушке взойти на лестницу, как отдают немецкому мальчугану свою краюшку хлеба.

Им, отравленным нацистским пропагандистским ядом, невдомек, что советскому человеку с первого дня войны внушали, что гитлеры и фашисты приходят и уходят, а народ немецкий остается.

Им неизвестно, что советский солдат-победитель воспитан не на тлетворных, зловредных идеях мести, хотя ему есть за что мстить, а на светлых идеях человеколюбия, глубокого уважения к народам мира.

Время бежит. 28 февраля я с группой офицеров прибыл на КП командующего 3-й ударной армией генерала Н. П. Симоняка, в полосе которой должен был вводиться в прорыв наш танковый корпус. Следовало в последний раз уточнить все вопросы взаимодействия.

Н. П. Симоняк принял нас как нельзя любезно и радушно. Работа наша затянулась до самого рассвета.

— Оставайтесь, — предложил генерал, — мы танкистов любим. Вместе позавтракаем, а там — айда на врага. Обеспечим вас связью, и отсюда сможете руководить своими войсками.

Мы поблагодарили, но остаться, конечно, не согласились.

— Ну, добре. Тогда поскорее тикайте отсюда, хлопцы, бо скоро начнется артподготовка, а под снарядами по полям прогуливаться не очень безопасно.

И верно. Не успели мы проехать и полпути, как небо расколола артиллерийская канонада. Мы передвигались лощинками, петляли вправо, влево, пока не наткнулись на батарею 122-миллиметровых гаубиц. Оттуда выскочил

Комкор Бабаджян ставит подчиненным боевую задачу

старший лейтенант и довольно нелестно аттестовал нас. Приблизившись и увидев в машинах нескольких старших офицеров, извинился. Мы ответили, что ему незачем извиняться, мы действительно не очень умно поступаем, разгуливая под дулами гаубиц. Он пожелал нам счастливого пути, при этом так покачивая головой, что было понятно — не слишком он изменил свое мнение о нас.

Но что поделать, надо же было поскорее добраться до своих частей, ведь артподготовка означала: наступление фактически началось.

Началось. Войска 3-й ударной, 61-й армий и 1-й армии Войска Польского двинулись вперед по всему фронту. Двинулись, несмотря на мокрый снег и туман, который в низинах был настолько плотным, что не было видно ни зги. За три часа удалось продвинуться всего на полтора-два километра.

И противник оказывал сильное сопротивление, опираясь на хорошо в инженерном отношении организованную оборону. Необходимо было ускорить прорыв ее тактической зоны.

Танкисты ждали, что вот-вот их бросят на прорыв вражеской обороны. Так и случилось. Передовые отряды 11-го гвардейского танкового корпуса в 11 часов утра 1 марта двинулись вперед, на север, вслед за ними начали движе-

ние главные силы корпуса. Правее нас действовал 8-й гвардейский механизированный корпус И. Ф. Дремова.

За несколько дней до этого на совещании в штабе армии, где уточнялись задачи корпусов и где было определено, что единственная дорога с твердым покрытием оказывается в центре движения моего танкового корпуса, ко мне подошел Иван Федорович, взял ласково под руку и отвел в сторонку.

— Скажи, Армо, я твой друг или нет?

— Несомненно, ты один из моих лучших друзей, — отвечал я, предвидя, что Дремов задает вопрос отнюдь не риторически.

— Скажи еще, это правда, что по кавказским адатам полагается: если твоему другу что-либо понравится, ты должен ему это подарить?

— Почти что так.

— Почему почти?

— Ну... потому что адаты не позволяют дарить жену, любимого коня...

— Правильные адаты, — перебил меня Дремов. — Жену нельзя дарить, коня у нас с тобой нету. А вот дорогу на Кольберг давай поделим поровну.

Подбитая «Пантера»

— Это как же: правая сторона шоссе тебе, левая — мне?

— Не темни, Армо, ведь ты понял, давай этой дорогой пользоваться вместе. Возражай не возражай, все равно и мой автотранспорт пойдет по этой дороге. Понял? Соответствует это твоим адатам?

— Ладно, Иван Федорович, пусть соответствует. Только уж смотри отрегулируй как следует движение колонн.

Оттепель и весенние дожди сделали свое неблагоприятное дело — все грунтовые дороги превратились в сплошную кашу. Повсюду застредали автомашины, артиллерия.

Пока мы с И. Ф. Дремовым вдвоем на шоссе, все куда ни шло. Но тут на единственное шоссе стали сворачивать и другие колонны наступающих войск. Образовалось великое столпотворение — пробки, пробки, пробки. Одно счастье — пасмурно, низкая облачность — нелетная погода, а то бы худо пришлось нам от авиации противника.

Офицеры штабов, досылаемые для ликвидации заторов на дорогах, ничего не могли добиться. В горячке на бой с пробками ринулись и мы с моим заместителем полковником П. А. Гаркушей.

Но ни наши увещевания, ни строгие окрики, ни настойчивые распоряжения не возымели серьезного успеха — все офицеры тыловой службы стремились со своими запасами не отставать от боевых порядков своих войск, и пробки на нашей дороге не рассасывались, а, наоборот, утрамбовывались.

Мы с Гаркушей выбились из сил, а тут, как на грех, еще и наскочили на командарма М. Е. Катукова, который вместе с начальником оперативного отдела полковником М. Т. Никитиным пробивался сквозь заторы на север, поближе к действующим частям.

— Тебе, Армо, надо руководить боем своих передовых бригад, а не с пробками воевать! — строго выговорил мне командарм.

Я не стал возражать, Катуков был прав: несмотря ни на что, командиру следует точно определять, где он нужнее, и находиться именно там. Надо уметь и в условиях боя расчетливо распределять обязанности между собой, своими за-

местителями и помощниками, а не хвататься сгоряча за все самому.

— Необходимо ускорить продвижение бригад на север, — приказал командарм. — Учти внимательно дела соседей — это поможет. Никитин растолкует, что у них.

«При чем тут соседи?» — подумал было я.

Но М. Т. Никитин растолковал. Так растолковал, что сразу стало ясно, как действовать дальше.

Матвея Тимофеевича я знал с осени 1942-го, он был начальником штаба 3-го мехкорпуса, где я командовал бригадой. Он вызывал восхищение окружающих своей блестящей эрудицией и феноменальной памятью: без всяких записок мог диктовать длинные оперативные сводки, помнил о частях и соединениях то, что не хранили в памяти даже сами командиры этих частей.

— Амазасп Хачатурович, знаете, как проще всего ликвидировать эти пробки? — спросил в заключение М. Т. Никитин. — Действующим частям быстрее, с боями, продвигнуться на север. Когда танковые бригады вырвутся далеко вперед, автомобильные пробки рассосутся сами собой.

Подбитый PzKpfw IV

И в самом деле, выход единственный — самый простой и потому столь разумный. Я от души поблагодарил Матвея Тимофеевича, тогда — полковника Никитина, а впоследствии — генерал-полковника Никитина, начальника Главного штаба Сухопутных войск, восхищаясь его умением находить удивительно простые решения, казалось бы, безвыходно сложных проблем...

Медленно, с боями, но неуклонно пробиваются вперед, на север, танковые бригады нашего корпуса — 40, 44, 45-я. Особенно трудно передовому отряду — 44-й бригаде И. И. Гусаковского: на каждом шагу завалы, минные поля.

Но не слаще и 40-й М. А. Смирнова и 45-й Н. В. Моргунова, наступающим по бездорожью.

Лесные тропы, узенькие межозерные проходы завалены срубленными деревьями, в них упрятаны противотанковые мины. Наши саперы под огнем противника героически расчищают и разминируют эти лесные завалы.

Войска буквально дерутся не только с противником, но и с труднопроходимой, коварной местностью. К исходу первого дня операции удалось продвинуться незначительно.

Боевые действия не прекращаются и в ночь на 2 марта. К вечеру 2 марта 11-й гвардейский танковый и наш сосед справа — 8-й гвардейский механизированный корпуса

Танки идут к Балтике

А.Х. Бабаджян уточняет с подчиненными боевую обстановку

пробиваются вперед еще на 30—35 километров. Передовой отряд мехкорпуса овладевает городом Цульцифицем. Наша 44-я бригада — городом Лабесом.

С выходом на рубеж этих городов дело облегчилось — здесь уже началась хорошо развитая сеть шоссейных дорог. А значит, более благоприятные условия для ускорения выхода к побережью Балтики, для совершения обходных маневров и проникновения в глубокий тыл врага.

И верно. Вырвавшись на оперативный простор, утром 3 марта части корпуса стремительно вышли к городу Вангерину, овладели этим городом, углубились далее на север километров на 30. 45-я бригада Н. В. Моргунова заняла город Шлифенбайн. Путь к Балтике, по существу, был открыт.

Но случилось непредвиденное. Где-то в дорожных пробках застрял штаб нашего корпуса. Вторые сутки бьется его начальник полковник Н. Г. Веденичев, чтобы вывести штаб поскорее на север, поближе к ведущим бои бригадам.

Опергруппа штаба вместе со мной вынужденно, в ожидании подхода самого штаба, останавливается на хуторке южнее Вангерина. Попытка уговорить начальника штаба армии генерала М. А. Шалина, чтоб разрешил перемес-

тить опергруппу поближе к бригадам, не увенчивается успехом.

— Ничего не выйдет, Бабаджанян. И не просите. Пока не подойдет Веденичев и не займет нынешнее ваше место — ни шагу! Связь с войсками у вас есть? Вот и управляйте ими, куда подойдет штаб. Такой разрыв, да еще его увеличивать! Всё, и не пытайтесь уговаривать.

Да, Шалин был несгибаемым. И что еще важнее — абсолютно непререкаемым авторитетом. Авторитет его базировался не только на большом личном обаянии и тактичности, которыми в столь высокой степени обладал Михаил Алексеевич, но, главное, на большой культуре, глубоком знании дела. Шалин до войны был советским военным атташе в Японии, всю войну руководил штабами крупных объединений. Широкая образованность и эрудиция в различных областях знаний, а не только в военном деле, стяжали ему прозвище «ходячей энциклопедии».

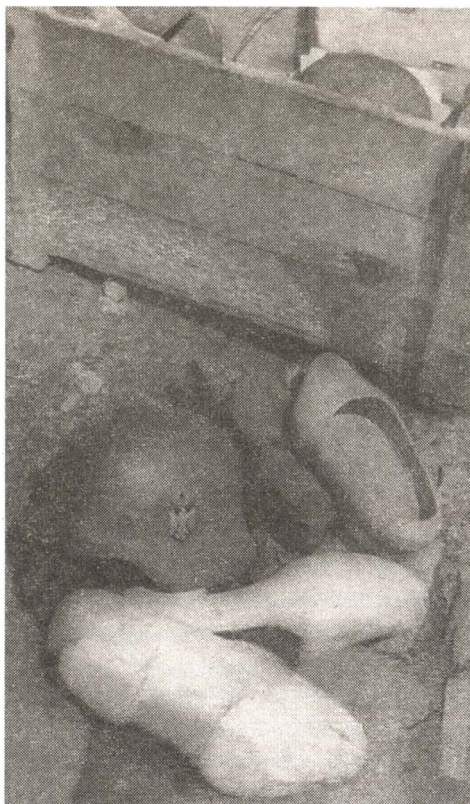
Начштаба Шалин излагал свои распоряжения с неколебимой логичностью, совмещенной с большим чувством такта. Подчиненный уходил от него с ощущением морального удовлетворения, даже когда ему указывалось на промахи. А начштаарм, отпустив его, говаривал сожалеючи: «Зря, наверное, распек беднягу...»

Великая Отечественная еще раз подтвердила, насколько велика роль штабов. Вся тяжесть по управлению войсками, организации снабжения, подготовке информации об обстановке, данных для принятия оперативных решений ложилась на плечи работников штаба. Естественно, поэтому столь высоки были требования к офицерам, выдвигаемым на штабную работу.

М. А. Шалин умел подбирать кадры для штабов. Не без его участия был переведен на должность начальника штаба корпуса и полковник Н. Г. Веденичев.

С Нилом Григорьевичем мы были знакомы еще с 1943 года, он тогда командовал 40-й танковой бригадой, а когда его во время боев под Курском назначили на штаб корпуса, все офицеры 1-й танковой армии отнеслись к этому с большим удовлетворением.

Встретившись на совместной работе в 11-м гвардей-

Захваченные танкистами трофеи —
немецкая каска и деревянные ботинки — «клумпы»

ском танковом корпусе, мы с Нилом Григорьевичем, пожалуй, дополнили друг друга, поскольку обладали противоположными характерами.

Спокойно-рассудительный, всегда уравновешенный, Веденичев весьма благотворно гасил мою подчас неоправданную горячность и вспыльчивость. Качества эти, увы, сопутствовали мне, и часто не на пользу дела. Нил Григорьевич умел вовремя и как-то незаметно, тактично останавливать эту мою экспансивность. Очень умело ему помогал в этом и начальник политотдела корпуса Иван Митрофанович Соколов.

Пусть страницы книги помогут мне еще раз выразить

Огневая точка, сделанная из башни танка «Пантера»

им, моим боевым товарищам, всю мою душевную признательность за дружбу и помощь в те далекие и трудные времена.

Итак, сидим и ждем Веденичева со штабом. Его все нет. А без штаба командир как без обеих рук.

В войну, в отличие от общевойсковых, штабы танковых войск работали в куда более сложных и тяжелых условиях. Сама природа действий танковых и механизированных соединений требовала более гибкой организации деятельности, иной структуры штабов.

В армии всегда говорили о штабах как о «мозговом центре». Помню, еще во времена моей армейской молодости ходила у нас в полку такая притча, приписываемая командиру полка Макару Миничу Тополеву:

— Командир полка — это голова, а начштаба — мозг.

— Выходит, комполка без мозгов?

— При толковом начальнике штаба и комполка всегда мозговитый.

Это притча 20-х годов. Нетрудно представить себе, сколь высоки требования к офицеру, назначаемому на штабную работу, сегодня, в современной армии, при ее сложности, технической оснащенности.

Ждем Н. Г. Веденичева со штабом. Все глаза проглядели. Вдруг во второй половине дня видим: на горизонте с юга — танки.

— Т-34, судя по силуэтам, — произнес наблюдавший в бинокль командующий артиллерией корпуса полковник Г. Ф. Кузьмин.

— Похоже, — согласился я. — Но наши бригады на севере, а эти с юга?

Не успел я это произнести, как головные машины с ходу открыли огонь по нашему хутору.

Стремглав скатились мы с Кузьминым в погреб, туда же укрылись и остальные члены нашей группы. Слышим, шум моторов приближается. И вроде наши машины, советские. Выглянули наружу, а там уже стоит тридцатьчетверка, люк ее откидывается, высовывается оттуда танкист и во весь голос восклицает:

— Мать честная! Так это ж наши...

Ну, я завелся не на шутку — досталось командиру танкового батальона 2-й гвардейской танковой армии, хотя, к счастью, никто из наших и не пострадал.

Когда потом я докладывал о случившемся нашему командарму, Михаил Ефимович улыбнулся.

— На войне всякое бывает. Ну а ты не очень горячись, — рассмеялся он, — подвернется случай — пугни в

Разбитый на подступах к Берлину «королевский тигр»

отместку богдановских танкистов. Только гляди не попади всерьез, они же в тебя попасть не смогли!..

Наконец прибыл Веденичев со штабом — все рассказывал, как не мог вырваться из тесных «объятий» автомобилистов.

— Перестань волноваться, Нил Григорьевич, нисколько не сомневаюсь, что ты сделал все возможное. Ну а теперь оставайся здесь, мы — вперед!

Оперативная группа двинулась на Вангерин. Мы догнали тылы 45-й бригады Н. В. Моргунова, сама бригада находилась уже в Шлифенбауме, это в 25 километрах севернее Вангерина. Помчались вперед, чтоб догнать Моргунова, надо было поставить этой бригаде новую задачу.

Николай Викторович Моргунов был одним из старейших наших комбригов — сидел на бригаде уже четвертый год, а опыта и знаний, личной храбрости ему не занимать. «Надо дать ему возможность проявить себя, — подумал я, — тем более что именно танки Моргунова могут здесь лучше других решить дело». Потому поручил Н. В. Моргунову составить передовой отряд, с утра 4 марта развить наступление на Кольберг и взять этот город.

45-я гвардейская танковая бригада, обойдя все узлы сопротивления противника, ворвалась на южную окраину Кольберга. Но, оторвавшись на 25—30 километров от главных сил, Моргунов не проявил дальнейшей решительности. Противник тут же воспользовался ослаблением темпа его наступления, организовал оборону города, и последовавшие затем атаки уже оказались безрезультатны.

Искусство вождения войск — действительно искусство в полном смысле этого слова. Да, всякой операции предшествует глубокий и точный расчет, где семь раз отмерь, один отрежь. Но ведение операции требует способности решаться на риск, уметь мгновенно отделить в своем представлении осторожность разумную от чрезмерной. И все это совершить буквально в считанные секунды. Быстрота решений — вот качество, которое тем более обязательно, когда в твоих руках такое оружие, как танки, — сама быстрота.

Тем временем на левом фланге 40-я бригада М. А. Смирнова, развивая наступление на северо-запад, преодолевая

Переправа по деревянному мосту

сопротивление рассеянных групп противника, овладела городом Трептовом и вышла к побережью Балтики. Передовой отряд корпуса И. Ф. Дремова подошел к Штаргарту. Сосед слева — войска 2-й гвардейской танковой армии — был западнее города Лабеса. 4 марта части 11-го гвардейского танкового корпуса — 40-я танковая и 27-я мотострелковая бригады — вышли на фронте в 80 километров к балтийским берегам, и восточная группировка войск противника оказалась полностью изолированной от центральной части Германии.

В подтверждение того, что танки его — на берегах Балтийского моря, командир 40-й гвардейской танковой бригады полковник М. А. Смирнов послал три бутылки морской воды маршалу Г. К. Жукову, генералу М. Е. Катукову и мне.

Михаил Александрович Смирнов, старый кадровый офицер, был дотошно пунктуален, немногословен, во всем любил исчерпывающую точность и лаконичность. Потому я не удивился столь краткой и исчерпывающей форме его «доклада», с удовлетворением переслал другие две бутылки мутноватой балтийской воды остальным адресатам.

Командир 27-й гвардейской мотострелковой бригады полковник К. К. Федорович вступил в командование этим соединением перед самым началом Восточно-Померан-

Польша, грузовики «Студебеккер» с пехотой и пушками ЗиС-3

ской операции. Он, выйдя к Балтийскому морю, не прислал вместо доклада бутылок с морской водой, но обычное его донесение доставило мне не меньшую радость. Должен сказать, что хотя я несколько не сомневался в его знаниях и оперативно-тактических способностях, но все-таки где-то в глубине души побаивался — ведь Федорович только-только принял бригаду, и сразу на такое задание. Но, как видите, Казимир Казимирович отлично справился с ответственной задачей.

И уж коль скоро я заговорил о комбригах 11-го гвардейского танкового корпуса, не могу вновь не отметить добрым словом Иосифа Ираклиевича Гусаковского. Читатель уже, наверное, заметил, что самые сложные и ответственные задачи всегда возлагались на 44-ю бригаду дважды Героя Советского Союза, ныне генерала армии, И. И. Гусаковского.

Восточнее нас части корпуса И. Ф. Дремова заняли города Бельгарт, Кёрлин.

Если в первые два дня наступления темп нашего продвижения не превышал 15—20 километров в сутки, то в последующие два дня он резко возрос. Стремительность наступления стала так велика, что, когда танки врываются в города, население как ни в чем не бывало продолжало

обычный образ жизни — на перекрестках полицейские продолжали регулировать движение городского транспорта, из дверей ресторанов доносились звуки музыки, на бирже коммерсанты совершали сделки, радио из Берлина время от времени передавало геббельсовские успокоительные сводки...

И вдруг — как гром среди ясного неба — танки с красными звездами на броне! Можно себе представить, какой ужас вызывали они в душе немецкого бюргера. Но танки столь же молниеносно исчезают в направлении на север, сколь внезапно появились. Вперед! У танков сейчас нет другой задачи.

В северной части Померанской провинции уже много хороших дорог — раздолье для автотранспорта. Но многие из них забиты мечущимися беженцами и бывшими военнопленными, освобожденными нашими войсками из немецких концлагерей, — французы, англичане, греки, югославы... кого только нет тут — вся Европа.

— Де Голль — Сталин, де Голль — Сталин! — скандируют французы, завидев советский танк.

— Черчилль — Сталин! — не отстают от них, хотя и более сдержанные, англичане.

Форсирование реки по временной переправе

Группа французов окружает меня. Экспансивностью они не уступают кавказцам, и, пожалуй, мы бы обошлись и без переводчика. Рассказывают, как их заставляли батрачить в хозяйстве одного прусского барона.

Куда им теперь — вот вопрос, который то и дело слышишь из уст бывших военнопленных. На фургонах, на лошадях, пешком, с белыми и красными флагами движутся они пестрыми колоннами по всем дорогам, горячо приветствуя советские войска.

5 марта несколько похолодало, и стало легче двигаться танкам и автомашинам.

Кольберг был еще в руках противника, но мы не старались его взять немедленно. Нужно было побережь резервы корпуса на случай необходимости повернуть на юг. Там, в районе Шлифенбайн, Лебес, назревал прорыв отходящих на запад войск противника.

Его 10-й армейский корпус СС и корпусная группа «Теттау», отходя под ударами войск 2-го Белорусского фронта и 1-й армии Войска Польского, стремясь пробиться на запад, сбили заслоны 21-й бригады 8-го гвардейского мехкорпуса и 5 марта захватили города Шлегвитца (Сло-

На одной из дорог у Вислы

новице), Лебендзе (Лобинец), Шлифенбайн, отрезали наш 11-й танковый от главных сил фронта.

Были приняты срочные меры. 6 и 7 марта ударами с юга и севера эта вражеская группировка была разгромлена. Здесь особенно успешно действовали 44-я и 64-я танковые, 19-я и 21-я механизированные гвардейские бригады, 134-й стрелковый корпус 19-й армии и войска 1-й армии Войска Польского. Противник потерял много убитыми и пленными, множество техники и вооружения.

8 марта Верховный Главнокомандующий сказал по прямому проводу нашему командарму М. Е. Катуюкову:

— Надо помочь Рокоссовскому не дать немцам занять войсками старые укрепленные районы, иначе придется организовывать новую фронтную операцию. Подумайте и сделайте все, что можете.

8 марта 1-я гвардейская танковая армия была передана в состав 2-го Белорусского фронта.

Теперь нам предстояло наступать... на восток. Мы так привыкли за годы войны к лозунгу «Вперед, на запад!», что даже язык с трудом выговаривал: «Вперед, на восток!» Но танкистам не приходится удивляться: в маневренности, в подвижности, в готовности в любую минуту изменить направление своего движения и неожиданно обрушиться на врага оттуда, откуда он совсем не ждет, — не в этом ли, может быть, самое главное существо бронетанковых сил?

Итак, вперед, на восток! Блокированный с суши Кольберг передан частям 1-й армии Войска Польского, а мы с рассветом 9 марта двинулись на восток, к Гданьской бухте.

С вечера выпал небольшой снежок, дороги приморозило. И природа за нас.

Наш корпус развивает наступление вдоль Балтийского побережья. По-прежнему правее наступает И. Ф. Дремов. В первый же день танки обогнали боевые порядки 19-й армии и устремились к реке Лебе.

Впереди нас действовали два передовых отряда армии — 19-я самоходно-артиллерийская бригада и 6-й армейский мотоциклетный полк. Создание армейских передовых отрядов было новшеством. Им надлежало пробить-

ся к реке Лебе и захватить на ней переправы, тем самым обеспечить подход и форсирование реки главными силами корпусов.

Танки мчатся мимо небольших городов и деревень. Местные жители, и так до смерти застрашенные геббельсовской пропагандой, и вовсе недоумевают: русские идут с запада! Они вывешивают белые флаги, хотя их преступное правительство еще не согласилось на безоговорочную капитуляцию, они боятся нас. О, как запугали их русской мстью!

Колонна Т-34-85 продвигается по заснеженной Польше

Мы не намерены мстить, мы пришли покарать фашизм, а не сводить счеты со стариками, женщинами, детьми. Других жителей в городах нет, всех, кто способен хоть с грехом пополам держать оружие, гитлеровцы насильно согнали в «фольксштурм» — тотальная мобилизация...

За сутки наши танки прошли 120 километров, вышли к Лебе. Переправы были к нашим услугам — их уже захватили передовые армейские отряды. 11 марта, сломив сопротивление противника на реке Пяснице, войска 11-го танкового корпуса вышли своим левым флангом к Хельмской косе, на следующий день — к порту Путциг (Пуцк), что в Данцигской (Гданьской) бухте. Упорные бои за города Нойштадт и Лауенбург вели войска 8-го гвардейского механизированного корпуса совместно с 3-м танковым.

Выйдя к Гданьской бухте, войска нашего корпуса незамедлительно устремились к Гдыне. 12 марта бригада Н. В. Моргунова форсировала реку Редзе, прорвала внешний оборонительный рубеж Гдыньского укрепрайона и к

Залитый водой немецкий противотанковый ров

вечеру следующего дня вышла к главному оборонительному рубежу противника в районе Ахенберга. Бригада К. К. Федоровича овладела Гроссендорфом, очистила от врага побережье залива южнее этого города. Бригада И. И. Гусаковского внезапным ударом овладела городом Путциг (Пуцк).

Гдыню взять оказалось не так-то просто. Гдыньский район был мощным укреплением — он состоял из внешнего оборонительного обвода и трех хорошо оборудованных полос обороны, которые составляла плотная линия дотов и дзотов, соединенных тремя линиями траншей. Все было сделано добротнo и давно. Вспомним, как долго не могли овладеть Гдыней немцы в 1939 году, осуществляя оккупацию Польши.

Подступы к оборонительным полосам прикрывала развитая сеть противотанковых и противопехотных заграждений, минных полей, железобетонных надолб, противотанковых рвов, заполненных водой. Зенитные установки укрепления были приспособлены и для стрельбы по наземным целям, в частности по танкам: Немцы прекрасно воспользовались всем, что в свое время соорудили здесь польские вооруженные силы для обороны Гдыньского района.

Город и порт Гдыня окружены крутыми оврагами, высокими холмами, покрытыми сплошными лесами. Высота

холмов — до 200 метров над уровнем моря, крутизна ска-
тов — до 50 градусов.

К северу от Гдыни — небольшое плато, окруженное с юга и востока морем, с севера, запада, юго-запада — непроходимыми болотами. Здесь противник построил сильные укрепления, в сочетании с естественными условиями местности отлично прикрывавшие подступы к Гдыне с севера. Всю эту мощную систему поддерживали 12 батарей береговой обороны и около 12 боевых военно-морских кораблей, стоявших на рейде.

И видимо, нацисты слишком исто́во молились Пресвятой Деве, чтоб даровала им прожить лишний день, — погода стала еще хуже, дожди пошли круглосуточно. Как будто бы океан переместился на небеса и не торопясь сбрасывал свои воды на землю. Незаметные прежде ручьи стали похожи на полноводные реки. По густой и липкой грязи, доходившей до колен, еле передвигаются пехотинцы в набухших шинелях и клянут непогоду почем зря. Туманы такие, как, наверное, знаменитые в Лондоне.

Корабли на рейде свирепствуют — непрерывно обстреливают прибрежные дороги и населенные пункты. Утихомирить их невозможно — они стоят на таком удалении, что недосыгаемы для нашей артиллерии, а тем более для танковых пушек. Неблагоприятная погода не позволяет этого сделать и нашей авиации.

13 марта я примчался на машине в город Путциг, в 44-ю бригаду, к полковнику Гусаковскому.

Танк преодолевает водную преграду вброд

Советские танки сосредотачиваются для нового удара.
Слева — разбитое немецкое штурмовое орудие

То, что происходило в городе, не поддается описанию. Залпы 30—40 корабельных орудий не дают даже возможности передвигаться по улицам. Мы с Гусаковским вынужденно просидели в подвале, не смея высунуть носа наружу.

Оставлять бригаду в городе не имело никакого смысла. Приказал отвести ее, чтоб не подвергать неразумным потерям. То же самое пришлось сделать и с 45-й бригадой, стоявшей перед узкой дамбой, ведущей на небольшое плато. 40-й бригаде не удалось наступать по узкой косе Хель — здесь противник взорвал дамбу.

Кончилась пора стремительных и маневренных действий, начался период изнурительных боев — прогрызание мощной вражеской обороны, когда темп продвижения исчисляется несколькими сотнями метров в сутки.

Не обошлось здесь и без курьезного случая.

И. И. Гусаковский захватил в Путциге много вражеских автомашин, склады горючего, продовольствия. Доложил мне, что есть и склад сладких вин, спрашивал, стоит ли послать несколько ящиков в штаб корпуса и армии — бригадный врач свидетельствует их доброкачественность.

Послали. Спустя сутки начались тревожные звонки: у

многих признаки отравления. Страхи, впрочем, быстро улеглись — оказалось, что это вовсе не вина, а специальная жидкость, которую придумали немецкие химики для своих солдат, долгое время питающихся сухим пайком...

В середине марта наш корпус по приказанию маршала К. К. Рокоссовского был перегруппирован на юг, в район Бишковитца, перед ним ставилась задача — совместно со 134-м стрелковым корпусом 19-й армии прорвать вражескую оборону и овладеть Гдыней. Вместе с нами действовала танковая бригада Войска Польского, прошедшая бок о бок путь от Кольберга до Гдыни.

Сосредоточившись в районе Бишковитца, мы готовились к наступлению. Ко мне на КП позвонил М. Е. Катуков:

— Как там у тебя?

— Нормально.

— Армо, пойми, что спрашиваю. Противник твой НП обстреливает? Нет? А дороги к НП?

— Изредка, да и то разрывы довольно далеко.

— Ага... Ну тогда мы приедем к тебе с Константиновым. Понял?

Конечно, понял. Константинов — это псевдоним Рокоссовского.

— Постараюсь не ударить в грязь лицом, — ответил я.

На НП у меня, кроме командирского танка и нескольких радиальных автомашин, ничего не было — срочно вызвал саперную роту для оборудования окопов и траншей.

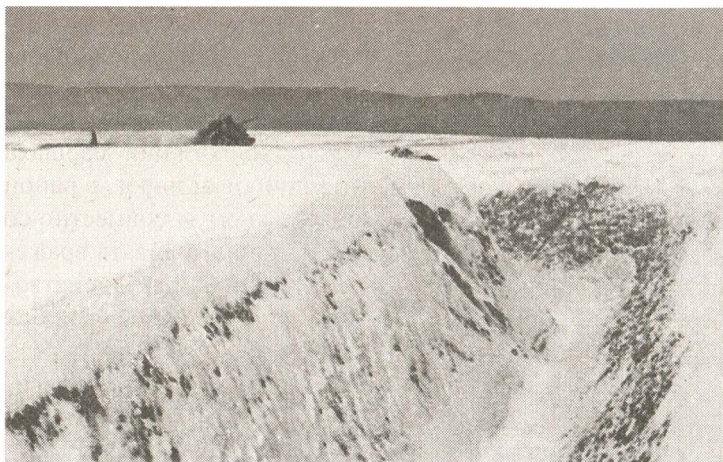
Через некоторое время позвонил М. А. Шалин:

— Так, порядок? Ну, смотрите, большой хозяин с Ефимовым (Катуковым, значит) будут у вас между четырнадцатью и пятнадцатью часами. Организуйте встречу и безопасность.

Ну, о последнем можно было и не напоминать. Маршал Советского Союза Рокоссовский был всеобщим народным любимцем, и все мы старались всячески уберечь его от шальной пули, от непредвиденной коварной случайности.

Наконец они приехали — Рокоссовский с Катуковым, я повел их в свежестроенные траншеи.

Не успели мы пройти несколько шагов, как прямо пе-

Немецкий противотанковый ров

ред нами разорвался снаряд. Через минуту второй, сзади. «Вилка!» — мелькнуло в голове. М. Е. Катуков, наклонившись ко мне, громко зашептал: «Что же ты, а говорил...» Константин Константинович услышал, улыбнулся, сказал Катукову:

— Не пили, не парад — война. Стреляет же не он — противник, не запретишь же ему. Давайте пока что в надежный окоп, а машины с бугра прикажите убрать.

Мы сидели в окопе молча минуты три-четыре, пока обстрел прекратился.

— Ну, — сказал Рокоссовский, — доложите коротко ваши соображения по наступлению.

Слушал внимательно, все время глядя на карту.

— Когда хотите начать?

— Завтра с рассвета, если разрешите, товарищ маршал.

— Хорошо, начало в 8.00. Но город должен быть освобожден.

— Постараемся.

Однако Рокоссовский не намеревался заканчивать разговор.

— Давно командуете корпусом?

Ответил за меня довольно подробно М. Е. Катуков. Рассказывая о встрече с К. К. Рокоссовским, а их было у ме-

ня несколько, я хочу еще раз подчеркнуть обаяние Константина Константиновича, которое порождало глубокую симпатию к нему не только среди тех, кто имел с ним непосредственный служебный контакт, но и в среде широких солдатских масс. Рокоссовский помнил и лично знал сотни людей, заботился о них, никогда не забывал о тех, кто достоин поощрения и награды, умел вникать в дела и заботы командиров, умел благожелательно выслушивать каждого.

19 марта начались атаки главной полосы Гдыньского укрепрайона. Холмистая, заросшая лесами местность весьма ограничивала маневр танков. Да еще дожди, дожди — Танки вынуждены действовать только вдоль дорог и лесных просек, танки становятся мишенью для противотанковых средств противника. Каждый метр — с боем. Чем ближе к городу, тем сопротивление врага отчаяннее. Но к исходу 20 марта части корпуса во взаимодействии с войсками 19-й армии ворвались в Гросс-Катц (Вельки-Каццы), а через два дня овладели Клайн-Катцем (Малы-Каццы), разрезав 2-ю немецкую армию на две — данцигскую и гдыньскую — группировки.

23 марта 40-я и 45-я гвардейские танковые бригады заняли город Сопот, а вскоре вместе с 310-й стрелковой дивизией завязали бои за южную окраину Гдыни.

Первым в город ворвался 1-й танковый батальон 40-й бригады под командованием майора Б. П. Иванова. Затем подошли 44-я бригада и 1-я танковая бригада Войска Польского — центр боев был перенесен в район порта.

Наконец силы противника под ударами 70-й и 19-й армий иссякли, сопротивление его 28 марта прекратилось.

Когда мы въехали в Гдыню, нас встречали радостные и счастливые поляки — подносили хлеб-соль, обнимали как освободителей.

Еще дымились там и сям пожары. Отходя на свои корабли, немцы не успели, к счастью, разрушить портовые сооружения, судостроительные верфи.

Я был в Гдыне спустя двадцать пять лет после освобождения. Как и в Ельне, меня избрали здесь почетным гражданином, и я горжусь этим, вижу в этом признатель-

Строй пленных немцев перед объективом фотографа

ность народа армии-освободительнице. Нас, гостей, водили по городу, с гордостью показывали его достопримечательности. Гдыня — красавица. Я как впервые увидел неповторимую красоту ее поросших лесом холмов, отраженных голубым зеркалом водной глади бухты.

Тогда, в 1945-м, нам было не до красот. Уже 27 марта указанием Ставки 1-я гвардейская танковая армия в связи с окончанием Восточно-Померанской операции направлялась к Одру, на запад. За короткий промежуток времени она совершила колоссальный маневр: от нижнего течения Одера, из района Кюстрина, повернувшись на 90 градусов, достигла берегов Балтики, Данцигской бухты, затем вновь совершила поворот еще на 90 градусов — уже на восток, ворвалась в Гдыню, а теперь опять повернула на запад.

На запад, опять вперед на запад! Прощай, Польша. Твоему освобождению мы отдали все, что было в наших силах. И даже больше — жизнь своих товарищей, твоих братьев. Немало дорогих могил мы оставляем на твоей земле, чтоб ты была свободна, чтоб ты процветала, чтоб был счастлив твой народ...

Пока войска 2-го Белорусского фронта вели борьбу за Данциг и Гдыню, войска 1-го Белорусского ликвидирова-

Пленные немцы

ли вражеское сопротивление в Кюстрине и овладели этой крепостью.

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов на территории Венгрии и Северной Югославии успешно отразили контрнаступление немцев в районе реки Грон, между Дравой и озером Балатон.

В Восточной Пруссии войска 3-го Белорусского фронта после тяжелой борьбы ликвидировали хейльсбергскую группировку противника.

В начале апреля окруженные группировки повсеместно, за малым исключением, были ликвидированы, и войска фронтов, подведя итоги зимне-весенней наступательной кампании, изготовились к новым решительным операциям.

А итоги эти были внушительны. Красная Армия, громя немецко-фашистскую военную машину, вторглась на территорию Германии, освободив Польшу, Румынию, Болгарию, Югославию, часть Чехословакии. Освобождение Венгрии и Австрии стало вопросом времени.

На западе англо-американские войска легко завершили окружение немецкой группировки в Рурском бассейне численностью около 325 тысяч человек и приступили к ее ликвидации. Уже в первой половине апреля 317 тысяч солдат и офицеров без особого сопротивления прекратили борьбу и сдались союзным войскам. Немецкий командующий фельдмаршал Модель покончил жизнь самоубийством. Оборона войск вермахта на центральном участке Западного фронта фактически распалась. Союзные войска стремительно шли к Эльбе...

Наша 1-я гвардейская танковая армия спешила к реке Одер, чтоб сосредоточиться в районах, откуда в числе других советских войск ей предстояло ринуться на фашистское логово — Берлин.

Глава восьмая

ПОБЕДА

Это была особенная весна — преддверие Победы, и потому, наверное, источала она такой щемящий душу мирный аромат.

5 апреля в штабе 1-го Белорусского фронта, расположившемся на окраине небольшого городка Бирнбаума, собрались командующие, члены военных советов, начальники штабов армий, командиры танковых и механизированных корпусов. Вскоре вошли маршал Г. К. Жуков, член Военного совета фронта К. Ф. Телегин, начальник штаба М. С. Калинин.

Г. К. Жуков медленно, подчеркивая значительность момента, начал:

— Был у Верховного. Обстановка складывается так, что пришлось созвать вас немедленно. Раньше мы полагали, что Берлинская операция начнется... несколько позднее...

Маршал кашлянул, помолчал секунду и объяснил, что теперь сроки меняются. Нас торопят союзники своим не совсем союзническим поведением. Быстро покончив с рурской группировкой противника, они намереваются наступать на Лейпциг, Дрезден, а заодно «попутно» захватить Берлин. Все совершается якобы в помощь Красной Армии. Но Ставке доподлинно известно, что истинная цель ускорения их наступления — именно захват Берлина до подхода советских войск. Ставке также известно, что спешно готовятся две воздушно-десантные дивизии для выброски на Берлин. Это, как видно, весьма устраивает гитлеровцев. Нам они оказывают упорное сопротивление

По дороге на Берлин

в каждом населенном пункте. А на Западном фронте сдают крупные города по телефону.

— Все это заставляет Ставку торопиться, — подытожил Жуков. — Что касается точной даты наступления, об этом скажу позднее. А сейчас приступим к изучению предстоящей задачи.

Отодвинулась шторка — и перед нами предстала карта, вся испещренная пятнами озер, прожилками ирригационных сооружений. Четко были обозначены полосы немецкой обороны — от Одера до Зееловских высот они шли одна за другой с интервалами в каких-нибудь 10—15 километров.

Вот отдернута вторая шторка — открылась рельефная карта Берлина. На ней было все: улицы, дома, укрепления, завалы, доты, даже изображены разрушенные бомбежками кварталы. На важнейших зданиях были наклеены ярлыки с номерами. Это был настоящий шедевр картографии. Потом нашему штабу удалось скопировать эту карту, и она очень помогла нам в штурме Берлина.

— Прошу обратить внимание на объект номер сто пять. — Кончик указки маршала прикасается к крупному четырехугольнику. — Это и есть рейхстаг. Кто первым войдет туда? Катукон? Чуйков? А может быть, Богданов или Берзарин? — Маршал поворачивается то к одному, то к

Командарм Катуков выступает с речью перед танкистами

другому генералу. Не ожидая ответа, продолжает: — А это номер сто шесть — имперская канцелярия...

Так перед нами предстал объект за объектом будущих наших атак...

А в самом Берлине в этот момент стоял хаос. Высшие круги фашистской Германии охватывал разброд, порожденный страхом перед предстоящей расплатой за все совершенные ими злодеяния. Гитлер объявил тотальную мобилизацию — под ружье ставились старики, инвалиды и безусые юнцы. День и ночь изощрялась немецкая пропаганда в описании «ужасов», которые ждут берлинцев, если туда войдут русские.

Гудериан и рейхсминистр Шпеер уговаривали Риббентропа и Гиммлера через международные каналы — нейтральные государства — попытаться найти политический выход: за спиной русских договориться с союзниками и добиться «почетного мира». Советская дипломатия вовремя разгадала готовящееся коварство.

И уже ничего не могло спасти фашистских главарей от возмездия.

Действительно, на рубеже Одер, Нейсе были сосредоточены крупные группировки трех наших фронтов, 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского, в составе которых четыре танковые армии и множество отдельных танковых

и механизированных корпусов, огромное количество артиллерии и авиации. Мы были сильны, как никогда.

Но задача перед нами ставилась весьма нелегкая. Противник на берлинском направлении, а особенно в направлении ожидаемого главного удара советских войск — Кюстрин, Берлин, создал высокие оперативно-тактические плотности своей обороны. Все подготовленные оборонительные полосы были заблаговременно заняты вражескими частями. В создании мощной и долговременной обороны противнику как нельзя лучше способствовала волнистая местность Бранденбургской равнины, покрытой почти сплошь лесами, изрезанной бесчисленными реками, речушками, каналами, большими и малыми озерами, с десятками и сотнями населенных пунктов.

На совещании у маршала Г. К. Жукова мы узнали основной замысел предстоящей операции.

Главный удар должны были нанести с Кюстринского плацдарма пять общевойсковых и две танковые армии. Общевойсковые армии прорывают тактическую зону обороны противника, создают благоприятные условия для ввода в действие танковых армий. Последние, действуя на флангах ударной группировки фронта, получают простор

«На штурм Берлина»

для маневра и стремительного рейда в тыл врага, тем самым, в свою очередь, создают благоприятные условия для успешного наступления общевойсковых армий. Танковые армады обходят Берлин с севера и юга и совместно с войсками 1-го Украинского фронта замыкают кольцо окружения где-то в районе Потсдама и Бранденбурга. К сожалению, это не относилось к нашей 1-й гвардейской танковой армии.

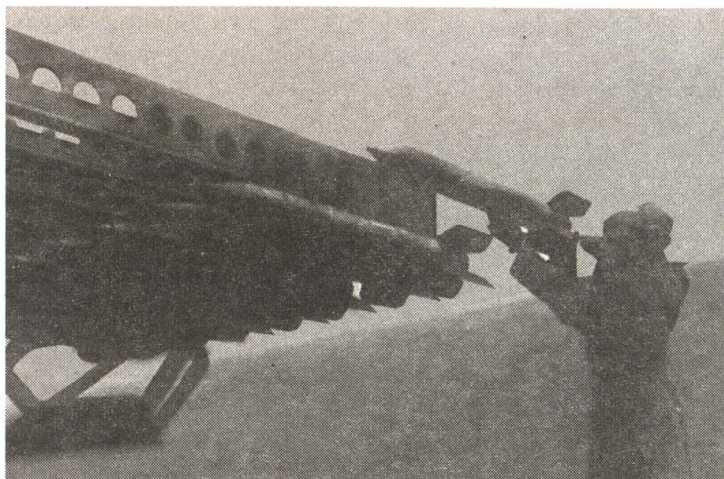
Надо сказать, что еще 5 апреля на совещании в штабе фронта командующий 2-й гвардейской танковой армией генерал С. И. Богданов настойчиво доказывал Г. К. Жукову, что нужно дать больше свободы его армии для более глубокого обхода Берлина с севера. Но Г. К. Жуков тогда одернул командарма:

— Вы собираетесь, товарищ Богданов, воевать за Берлин или будете все время уходить на север?

Но если 2-й гвардейской танковой армии довелось все-таки совершить дальний и весьма эффективный маневр захода в тыл Берлина, то 1-й гвардейской танковой армии не пришлось осуществлять подобного маневра. Почему? Об этом я скажу ниже, а сейчас продолжу описание завершающей битвы Великой Отечественной войны.

Комкор уточняет задание подчиненным

Установка реактивных снарядов на направляющие БМ-13

15 апреля, как только вечерние сумерки опустились на землю, 1-я гвардейская танковая армия снялась с места и под покровом ночи двинулась к Одеру. Как назло, ночь была звездная, ясная. В небе слышалось рокотание вражеских бомбардировщиков, его рассекали стрелы прожекторов, то тут, то там вспыхивали разрывы зенитных снарядов.

Перевалило за полночь, когда наши передовые отряды подошли к переправам через Одер. Редкие выстрелы с той стороны свидетельствовали, что враг нервничает, чувствует, что вот-вот начнется.

И началось. Памятную ночь 16 апреля разрезали вдруг разноцветные трассирующие разрывы, загудела, задрожала земля. Загрохотали гаубицы, завывли эрэсы — «катюши». Началась мощная артиллерийская и авиационная подготовка. Когда уши немного привыкли к этому адскому грохоту, можно было различить ухающие выстрелы дальнобойных пушек резерва Главного Командования.

Затаив дыхание, слушали этот шум солдаты и офицеры. Здесь были ветераны, слышавшие московскую, сталинградскую, курскую канонады. Но то, что совершалось теперь, мы не могли сравнить ни с чем.

Только чудо могло спасти Гитлера и его подручных, они и ждали чуда, как свидетельствуют историки. Но чудес, как известно, не бывает.

16 апреля, как только закончилась арт- и авиаподготовка, войска 1-го Белорусского фронта рванулись в решительное наступление. По всей протяженности плацдарма атаковали противника, прорвали первую полосу его обороны, быстро достигли второй полосы, проходившей по Зееловским высотам, но здесь были остановлены сильным организованным огнем противника.

Зееловские высоты господствуют над Приодерской низменностью, это очень серьезный рубеж на пути к Берлину. Войска 8-й гвардейской армии: пехота, артиллерия, приданные ей танки — все скопилось у подножия высот, не в силах двигаться дальше.

Помню, еще на совещании 5 апреля некоторые наши генералы настойчиво доказывали командующему фронтом, что главная полоса обороны у противника не первая, а вторая, проходящая через Зееловские высоты, что не по первой, а по второй полосе следует сосредоточить огонь артиллерии и авиации. Однако это их мнение не было учтено.

Рассвет 16 апреля 1945 г. Залп «катюш» по германским позициям

Бетонные укрепления на Зееловских высотах

«Сейчас, спустя много времени, — пишет Г. К. Жуков, — размышляя о плане Берлинской операции, я пришел к выводу, что разгром берлинской группировки противника и взятие самого Берлина можно было бы осуществить и несколько иначе»¹.

Находясь лично на командном пункте 8-й гвардейской армии, командующий фронтом маршал Г. К. Жуков, убедившись, что войскам этой армии не прорвать самим до конца всей глубины тактической обороны противника и что дальнейшее промедление может сорвать всю операцию, ввел в действие на участке 8-й армии 1-ю танковую армию.

А в ночь на 18 апреля, когда уже была прорвана вторая полоса обороны противника и наши войска продолжали наступление, ко мне на КП прибыл генерал Н. И. Герко, сообщив, что мне надо с ним вместе ехать назад, в город Зеелов, на совещание к члену Военного совета фронта К. Ф. Телегину.

— Сейчас?!

— Сию минуту.

¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. С. 643.

В горящем Зеелове

Я недоумевал: в разгар отражения остервенелых контратак противника бросить свои войска и ехать куда-то на совещание? Н. И. Герко в ответ только пожал плечами: «Приказ есть приказ...»

По дороге, вспаханной бомбами и снарядами, поздно ночью мы добрались до развалин Зеелова. После таких атак, какие выдержал этот городок, мудрено было, чтоб что-то тут осталось целым. По улочкам не проедешь — завалы разрушенных домов, камни на мостовой. Еле разыскали чудом сохранившийся дом, где проходило совещание.

Неверный свет коптилки освещал лица собравшихся. В середине за столом узнал К. Ф. Телегина, лицо его было строгим, но чувствовалось, что он очень расстроен.

По последним фразам присутствующих мы с Н. И. Герко поняли, что идет «разбор» задержки наступления у Зееловских высот. Я знал Константина Федоровича еще с осени сорок второго. Бывали трудные времена, но Телегин всегда оставался для меня образцом партийной принципиальности, подчеркнутой корректности, чем-то напоминал мне всегда комиссара Чапаевской дивизии. И вдруг... Не иначе и Константину Федоровичу крепко досталось за задержку у Зееловских высот...

Про себя отметил, что среди командиров, стоявших

перед членом Военного совета, большинство — танкисты. Вроде как танкисты виноваты в том, что им не обеспечили простора для действий.

Только после полуночи мы получили наконец возможность разехать к своим частям, ведущим бои с ожесточенным противником.

Дружно храня молчание, едем к передовой. Вот и наш КП в лесу, за высотой. Снуют броневички офицеров связи. Нас встречает начальник оперативного отдела корпуса полковник Н. И. Лебедев, докладывает обстановку.

Светаёт. Смертельно хочется спать — третьи сутки не смыкаем глаз. Заботливый Н. И. Лебедев советует «прикорнуть по-солдатски» — полчаса.

Где там! Чуть забрезжил рассвет, снова по всему фронту канонада, заурчали танки, двинулись с частями 8-й гвардейской армии на штурм вражеских позиций. Местность благоприятствует противнику в организации обороны — затрудняет наступление крупных танковых масс. Но что делать! Петляя между озерами, вражескими опорными пунктами и узлами сопротивления, наша танковая армия вместе с пехотой продвигается вперед.

Первая гвардейская танковая армия понесла значительные потери в первые же дни Берлинской операции. Мысль, что ввод танковых армий в тактической зоне обороны противника редко целесообразен и всегда нежелателен, еще раз подтвердилась, хотя и «следует подчеркнуть, — как пишет в своих мемуарах маршал Г. К. Жуков, — значительную роль 1-й гвардейской танковой армии 1-го Белорусского фронта...».

Пример наиболее эффективного использования крупных танковых сил явили действия в той же Берлинской операции 3-й и 4-й гвардейских танковых армий генералов П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко. Совершив блестящий маневр, эти армии 1-го Украинского фронта преодолели за очень короткое время колоссальное расстояние и вышли к Берлину, осадили его с юга и юго-запада.

Подавив оборону противника на Зеёловских высотах, наши войска остановились перед третьей полосой оборо-

Брошенное немецкое зенитное автоматическое орудие

ны, защищавшей Берлин, — Мюнхеберг, Дидерсдорф. Нелегка была берлинская страда.

Для совместной организации прорыва этого рубежа я с группой офицеров корпуса прибыл на КП 29-го гвардейского стрелкового корпуса к старому знакомому, генералу А. Д. Шеменкову. Штаб его расположился в старинном замке какого-то прусского барона. Здесь все пахло древностью: остроконечные готические крыши, массивные дубовые двери и оконные переплеты, толстые каменные стены замка, старый парк с аллеями и прудами...

Мы остановились в одном из залов замка. Это библиотека: книги в старинных переплетах до потолка. Нам на-

встречу вышел сухопарый седоватый человек с погонами советского подполковника, представился. Увы, не вспомню сейчас его фамилии. Он объяснил, что библиотеке этой цены нет и он специально прибыл сюда из Ленинграда, чтоб сохранить эти бесценные книги.

Наконец, миновав анфиладу залов, добрались до помещения, где работал штаб стрелкового корпуса.

А. Д. Шеменков сообщил мне, что в сроки, предписанные приказом, в восемь часов утра, начать наступление не сможет и переносит его на девять ноль-ноль.

— Но ведь тогда надо доложить по команде в армию, Чуйкову.

Однако уговоры мои не возымели успеха. Стрелковый корпус готовился начать прорыв только в девять часов. Рано утром появились В. И. Чуйков и М. Е. Катукоев.

— Готовы ли войска начать прорыв? — спросил В. И. Чуйков.

А. Д. Шеменков начал было мотивировать, почему он перенес час наступления.

— Как «перенес»?! — вскричал В. И. Чуйков.

Что произошло на КП стрелкового корпуса дальше, я не знаю, потому что М. Е. Катукоев сказал мне вполголоса:

— Тебе здесь делать нечего, скорее в войска — приказ должен быть выполнен в срок!

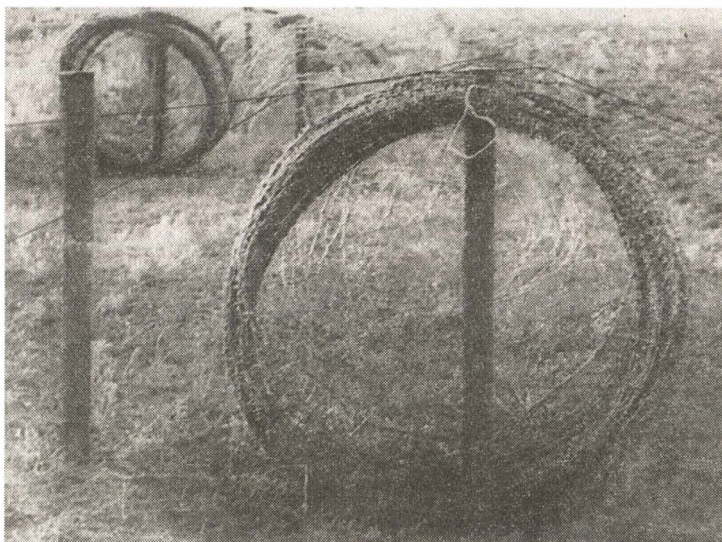
На одной из дорог Германии

Да, приказ есть приказ. И оперативно-тактическое творчество командира не должно входить в противоречие с ним. Такова уже природа военного искусства.

Стремглав примчавшись к себе, дал необходимые команды, и танки из своих пушек прямой наводкой ударили пятью залпами по противнику и ринулись в атаку, разорвав линию обороны. В образовавшуюся прогалину сплошным потоком рванулась лавина наших танков и пехоты 29-го гвардейского стрелкового корпуса.

Развивая наступление, гвардейские бригады — 44-я танковая полковника И. И. Русаковского и 27-я мотострелковая полковника К. К. Федоровича — выскочили на кольцо берлинской автострады. Есть берлинская «кольцевая»!

20 апреля пришла телеграмма: «Катукову, Попелю, 1-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично вам поручается организация и исполнение. Пошли-те от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4.00 утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и немедленно

Мотки колючей проволоки, которую немцы не успели натянуть на своих позициях

Танки принимают бой в лесу

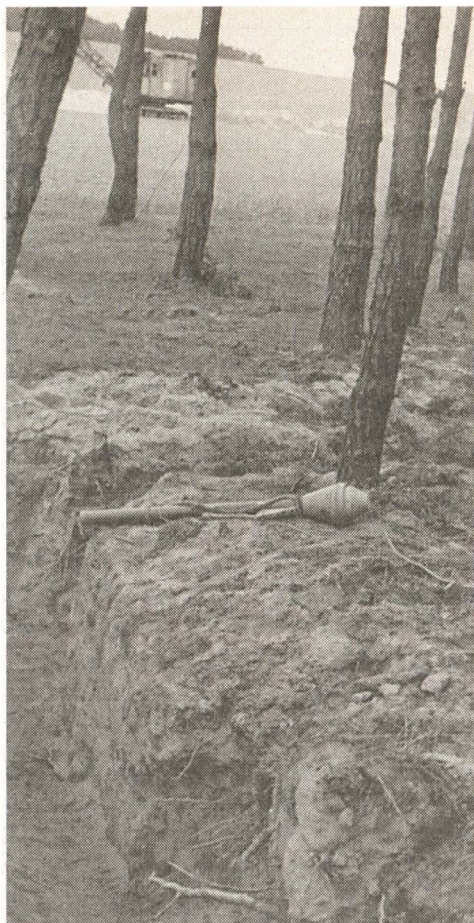
донести для доклада товарищу Сталину и объявления в прессе. Жуков, Телегин»¹.

Двойственное чувство охватило нас, когда мы читали эту телеграмму. С одной стороны, безмерная радость и гордость за то, что именно нам поручается столь почетная задача, с другой — огорчение, что телеграмма как бы узаконивала использование нашей танковой армии как подразделения общевойсковых соединений. Мы не могли не знать, что ждет танковую армию, обреченную на ведение уличных боев, скованную в движениях, уязвимую между громадами зданий, в узких переулках, где из каждой подворотни, из окон и с крыш на танки может быть обрушен гибельный огонь простых бутылок с зажигательной смесью.

Но чувство гордости взяло верх. Шутка сказать — входим в Берлин. 21 апреля совместно с частями 29-го гвардейского стрелкового корпуса мы уже ворвались в пригород германской столицы.

Танки устремляются вперед. Расстояние до заветной

¹ ЦАМО, ф. 299, оп. 17055, д. 4, л. 235. 286.

Оставленная немецкая позиция с брошенным фаустпатроном

цели все сокращается, а борьба становится все ожесточеннее. Узкие берлинские улочки не дают возможности использовать полностью боевые свойства грозных машин. Из окон и с крыш им угрожают не бутылки с горючей смесью, а нечто пострашнее — фаустпатроны.

Гитлеровская клика предпринимала отчаянные усилия, чтобы отсрочить неумолимо надвигавшееся возмездие. В специальном приказе Гитлера немецким вооруженным силам говорилось: «Тот, кто отдаст вам приказ об отходе,

подлежит, если вы его не знаете в лицо, немедленному аресту, а в случае необходимости — расстрелу, независимо от его звания».

Я думал в те дни штурма, что вражеские солдаты и офицеры среднего звена обмануты настолько, что не в силах остановиться. Но вот спустя много лет после войны, читая мемуары высших начальников вермахта, я понял, как глубоко было отравлено сознание всех слоев немецкого общества. «Мы стали солдатами, — пишет Г. Гудериан, — для того, чтобы защищать отечество, и для того, чтобы подготовить из нашей молодежи людей честных и способных с оружием в руках оборонять свою страну, и мы охотно выполняли эти свои обязательства. Мы считали, что военная служба является для нас выполнением высокого долга, основанного на любви к своему народу и к своей стране».

Они «обороняли свою страну» — оккупировали Австрию, Чехословакию, Польшу, Бельгию, Грецию, Югославию, Норвегию, Данию — не хватит ли этого перечисления, чтобы уже и не возражать этому явному лицемерию?

Это «любовь к своему народу» руководила ими, когда они пытались отправить в топки Освенцима и Майданека другие народы?

Склад немецких авиабомб, захваченный танкистами Бабаджяна

Казалось бы, и младенцу ясно, что наступил конец и дальнейшее сопротивление — абсурд, излишнее кровопролитие. Ан нет, тупое повиновение гитлеровским приказам и слепой фанатизм обреченных не знают границ.

На домах белой краской по-русски написано: «Берлин будет немецким». Кто-то из наших добавил мелом: «Правильно, но без фашистов».

Берлин окружен. Основная вражеская группировка — в котле! С северо-востока — 2-я гвардейская танковая армия и 3-я ударная армия. С востока — 11-й отдельный танковый корпус и 5-я ударная армия. На западе части 47-й армии и 9-й гвардейский танковой корпус овладели городом Науэнгом, а 24 апреля соединились с пробившимися с юга войсками 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. На юго-востоке части гвардейских 8-й и 1-й танковых армий и подошедшей с юга 3-й гвардейской танковой и 28-й армий 1-го Украинского фронта уже завязали уличные бои в самом Берлине.

Вот он, Берлин! Увы, нам не до его архитектурных красот. А ведь где-то тут, неподалеку, здание Берлинского университета, где учились Маркс и Энгельс, где был профессор Альберт Эйнштейн.

А на этих площадях опьяненные толпы неистово ликовали по поводу падения Вены, Праги, Варшавы, Гааги, Брюсселя, Парижа... Тут, в Берлине, выпестован немецкий фашизм.

Но ведь и это было здесь, в Берлине, — Карл Либкнехт и Роза Люксембург провозглашали основание германской компартии, здесь звучали речи депутата рейхстага от коммунистов Эрнста Тельмана.

Было. Был один из центров мировой культуры. И была пляска дикарей со свастикой на рукаве вокруг костров, сложенных из книг. Был обманут целый народ, которому предстояло прозреть.

Западногерманский историк Ю. Торвальд в своей книге «Конец на Эльбе» пишет: «...21 апреля, когда прорыв войск маршала Жукова на Берлин стал очевиден и когда на улицах города появились охваченные паникой беженцы с востока... Геббельс впервые потерял самообладание.

Баррикада на улице одного из немецких городков

В 11 часов под завывание сирен, возвещавших танковую угрозу, в кинозале его особняка собрались на очередное совещание его сотрудники... Лицо Геббельса было мертвенно-бледным... Впервые он признал, что пришел конец... Его внутреннее напряжение вылилось в страшный припадок ненависти... «Немецкий народ, — кричал он, — немецкий народ! Что можно сделать с таким народом, если он не хочет воевать... Все планы национал-социализма, его идеи и цели были слишком возвышенны, слишком благородны для этого народа. Он был слишком труслив, чтобы осуществить их. На востоке он бежит. На западе он не дает солдатам воевать и встречает врага белыми флагами. Немецкий народ заслужил участь, которая его ожидает...»¹

Так они предавали народ, который сумели прежде обмануть. Но карающая десница уже была занесена над головами главарей гитлеровского рейха.

На улицах и площадях Берлина идут бои. Бойцы наши теснят врага повсюду — на этажах, в подвалах, на черда-

¹ Thorwald J. Das Ende an der Elbe. Stuttgart, 1959. S. 81—82.

ках. Танки, непрерывно стреляя, медленно ползут по улицам. Саперы не успевают разминировать мостовые, разбирать завалы. Уже отвоеваны у врага многие улицы, важные крупные городские сооружения. В одном из таких огромных зданий — с колоннами, внушительным фасадом, перед которым разбит сквер, — по настоянию полковника Н. Г. Веденичева, питавшего слабость к искусству, особенно к архитектуре, мы расположили штаб корпуса.

Приехал командующий нашей армией генерал М. Е. Катуков. Приглашаю командующего войти в наши «апартаменты», а он, ничуть не оценив моего гостеприимства, повернулся спиной и зашагал прочь.

— Не пойду. И советую немедленно убраться из этого шикарного палаццо. Такие большие здания, как это, наверняка заминированы.

Пока Н. Г. Веденичев отдавал распоряжения отделам штаба о немедленной эвакуации, мы с М. Е. Катуковым стояли в скверике и прислушивались к гулу самолетов, улетающих из Тиргартена на северо-запад.

— Гитлер и его компания драпают... — вслух подумал я.

— Не исключено, — согласился Михаил Ефимович.

В три часа ночи наш палаццо взлетел на воздух. М. Е. Катуков оказался прав.

Опасность в уличных боях подстерегала советских воинов на каждом шагу. Вражеские солдаты, окруженные в одном доме, по им одним ведомым подземным ходам, которых было много в старой части города, перебирались в другой. Использовалась для этой цели противником и широко разветвленная канализационная сеть. Стреляли в спину, стреляли из-за угла. Всюду разбрасывались листовки на русском языке, в них нас старались запугать: «В Берлине 600 тысяч домов, и каждый дом — это крепость, которая будет для вас могилой...»

Но ничем не запугать нашего солдата. Он вошел сюда, чтобы покарать фашистов. Но он вошел и затем, чтобы освободить от фашистов немецкий народ.

В разрушенном городе не действовал водопровод, не было электроосвещения. В подвалах, засыпанных обломками, томились женщины и дети. Для спасения мирного

населения мы организовали специальные команды. Они извлекали из-под обломков людей, оказывали им первую медицинскую помощь. Немало при этом гибло советских солдат, противник заминировал все, даже жилые кварталы.

Я собственными глазами видел, как наши солдаты заботливо помогали немецким женщинам переносить детей в безопасное место, как отдавали при этом свой солдатский паек малышам.

Маленькие берлинцы без страха подходили к предназначенным специально для населения походным кухням, протягивали худенькими ручонками свои чашки и плошки и смешно просили: «Кушат». «Кушать» — это было первое русское слово, которое они научились произносить.

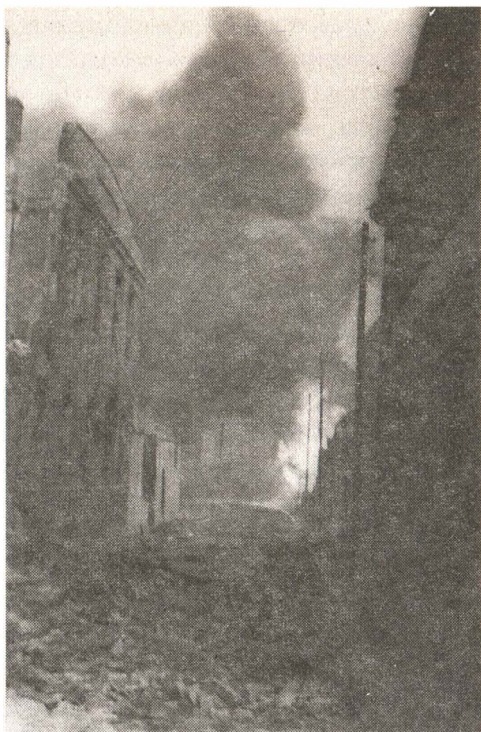
Повар наливает мальчугану полную кастрюльку. «Данке шён», — говорит мальчуган, но не отходит. «Чего тебе, хлопчик? — непонимающе спрашивает повар. — Еще налить?» Но ведь у мальчика больше нет посуды в руках. «Фюр мама», — объясняет маленький берлинец, тычет пальцем на свою кастрюльку и убегает. «Значит, еще придет», — сообщает повар.

Группа автоматчиков сержанта М. М. Даринкова 27 апреля, рискуя жизнью, из верхних этажей горящего дома вытащила больше 20 женщин и детей. Может быть, жен и детей тех, кто стрелял в них фаустпатронами.

Великодушны советские люди, великодушие это идет оттого, что они никогда не ставили знака равенства между фашистскими оккупантами и немецким народом.

Великодушие это воплощено и в памятнике советскому солдату, что стоит в берлинском Трептов-парке. Сколько я ни убеждал себя, что изображенный там воин, одной рукой держащий меч, а другой прижимающий к своей груди немецкую девочку, — это символ, это обобщенный образ и т. п., всякий раз, когда, бывая в Берлине, я стою перед этим памятником, мне чудится в выражении лица гранитного солдата то одно, то другое до боли знакомое и родное лицо моих однополчан.

Берлин стоял весь в пламени и клубях черного дыма. По нему били тысячи пушек, его бомбила авиация. Его

На берлинской улице

хозяева так и не приняли условий капитуляции, по которой был бы немедленно прекращен огонь.

Вспомним, 12 октября 1941 года гитлеровская ставка дала указание командующему группой армий «Центр»: «Фюрер вновь решил, что капитуляция Москвы не должна быть принята, даже если она будет предложена противником».

Что ж, вполне «логическое» продолжение. Пусть гибнут тысячи, сотни тысяч — что до них гитлеровской клике, потерявшей человеческое подобие. «Если нам суждено уйти, то пусть тогда весь мир содрогнется!» — кричал Геббельс.

Вечером 27 апреля на Ангальтском вокзале солдаты 27-й мотострелковой и 40-й танковой бригад захватили множество железнодорожных эшелонов. Один из них был

целиком набит шоколадом «Колло» в плитках. И тут не выдержало солдатское сердце — стали раздавать шоколад голодной немецкой детворе. И чтобы дети не боялись, отламывали от каждой плитки по кусочку и отправляли себе в рот, хотя было строжайше запрещено пользоваться трофейными продуктами — они могли быть отравлены.

Спустя несколько часов мне доложили, что у некоторых солдат явные признаки отравления — тошнота. Вспомнив курьезное происшествие под Гдыней, приказал немедленно сжечь этот эшелон. Но потом выяснилось, что не было никакого отравления, просто солдатам слишком много плиточек пришлось первыми перепробовать, скармливая шоколад голодной берлинской ребятне...

В ночь на 30 апреля ко мне в бункер — здесь помещалась опергруппа штаба корпуса — привели немецкого майора с солдатом-переводчиком. Майор передал, что уполномочен начальником гарнизона парка «Генрих V» — гарнизон насчитывает около 900 человек — сообщить о сдаче в плен. Будет ли им сохранена жизнь — вот о чем он беспокоился. Я заверил, что всем, кто сложит оружие, советское командование гарантирует безопасность...

— Я же так ему и говорил! — воскликнул переводчик на чистейшем русском языке. На вопрос: «Где вы так выучили русский?» — переводчик объяснил, что сам он не-

Колонна пленных на улице Берлина

мец, но родился и вырос в Одесской области, был школьным учителем, не успел эвакуироваться, немцы его мобилизовали в армию. — Я объяснял начальнику гарнизона, что советские люди не станут расстреливать пленных. Я убедил его, что это противно природе советского общества. Я о многом передумал за годы войны и вынужденной службы в немецкой армии...

Верилось, что он искренен, что советский образ жизни оставил достаточно глубокую борозду в сознании этого человека.

Все теснее становилось кольцо окружения. Особенно яростно сопротивлялись воинские соединения «Мюнхенберг», 11-й моторизованной дивизии СС и другие. Они обороняли центр Берлина, район Тиргартена — зоосад, рейхстаг, здания гестапо, имперской канцелярии.

В ночь на 30 апреля танки 44-й и 45-й гвардейских танковых бригад били из своих пушек прямой наводкой по имперской канцелярии.

Никто из нас не знал тогда, что именно здесь, в бронированных подземельях, прячутся Гитлер, Геббельс, Борман и другие главарь фашистской Германии и что именно тут разыграется финальная сцена трагедии, кончившейся как бессмысленный фарс.

Днем наши войска предприняли отчаянный штурм укрепленного района зоосада и имперской канцелярии. Стало известно, что бесноватый фюрер покончил с собой.

Гитлер мертв. Но ему, уже мертвому, приходит ответ от гросс-адмирала Деница, которого он назначил своим преемником: «Мой фюрер! Моя преданность Вам безусловна. Я сделаю все возможное, чтобы вызволить Вас и Берлин. Однако, если судьба принудит меня править рейхом в качестве назначенного Вами преемника, я буду продолжать эту войну до конца»¹.

Даже западногерманские историки, так много сделавшие для утверждения легенды о единоличной ответственности Гитлера за поражение Германии, даже они принуждены сейчас признать эту идею несостоятельной.

¹ Цит. по: Проэктор Д. М. Агрессия и катастрофа. С. 618 — 619.

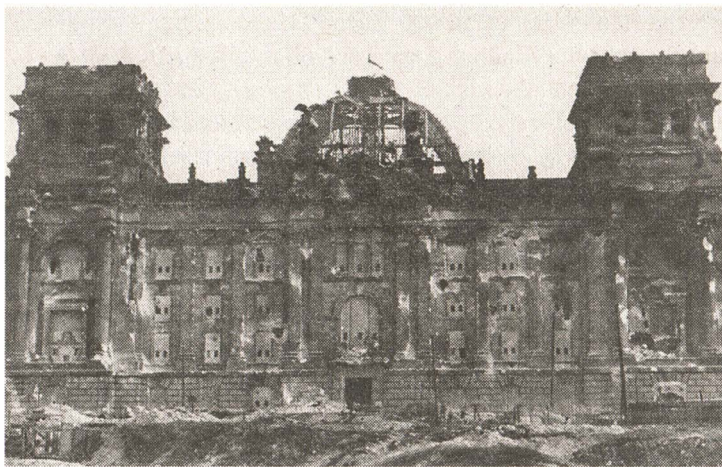
Советские танки на берлинской улице

«Было бы не только неисторично и неправдоподобно, — пишет один из них, — но и опасно превращать Гитлера в единственного козла отпущения, приписывать ему кроме постоянной инициативы и самой тяжелой ответственности за решения в последней инстанции еще и всю вину за ошибки, приведшие к катастрофе на Востоке, как это часто делалось по понятным причинам после 1945 года. Если рассуждать так, то, к примеру, получается, что только военные специалисты одерживали для него победы, а он один терпел лишь поражения. Иными словами, это означает: без Гитлера и эта война была бы выиграна! Подобный взгляд понятен психологически, но он не выдерживает критики с точки зрения истинного положения вещей. Разве Гитлер смог бы планировать и вести эту гигантскую, вначале протекавшую успешно войну с людьми, которые, обладая всей дальновидностью, неохотно подчинялись ему, чтобы «предотвратить худшее»? А тем, кто пытается оправдать свое послушание аргументом, что они якобы всегда были против Гитлера, но, руководствуясь интересами фронта, не могли подать в отставку, можно возразить следующее: со стратегической точки зрения нет ничего хуже, чем променять свои принципиальные пози-

ции относительно ведения войны на ложную линию, зная заведомо, что она приведет к поражению. Кто так поступает, совершает, по мнению Наполеона, не только военную глупость, но и преступление»¹.

Нет, вместе со своим фюрером моральную ответственность за всю войну и ее печальный для рейха исход несут не только ближайшие политические помощники Гитлера, но и Кейтель и Йодль, Манштейн и Гудериан, Типпельскирх и Дениц — весь генералитет вермахта.

Вечером 30 апреля воины 3-й ударной армии водрузили на рейхстаге Знамя Победы. Первой получил достойный подарок.

Рейхстаг после капитуляции Берлина. На куполе видно Знамя Победы

В это праздничное утро в берлинском небе сопровождается эскортом истребителей штурмовики пронесли красные полотнища со словами: «Победа!», «Да здравствует 1 Мая!», «Слава советским войскам, водрузившим Знамя Победы над Берлином!».

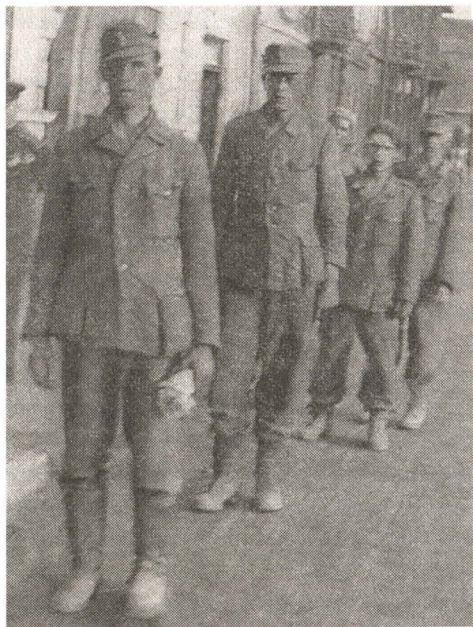
В ночь на 2 мая начался последний штурм централь-

¹ У h l i g Н. Das Einwirken Hitlers auf Planung und Führung des Ostfeldzuges. «Aus Politik und Zeitgeschichte», 16 März 1960. S. 162.

ного сектора Берлина. Утром 1-я гвардейская танковая армия ворвалась в Тиргартен, соединилась с частями 2-й гвардейской танковой армии и Войска Польского, принимавшего участие в штурме Берлина вместе с Советскими Вооруженными Силами.

Шестнадцать суток дрались гвардейцы-танкисты в необычайных для танковых армий условиях — при глубоко эшелонированной, насыщенной противотанковыми средствами обороне противника, — бок о бок с пехотой штурмовали Зееловские высоты, участвовали в ожесточенных уличных боях, несли огромные потери, переживали горечь и боль утрат, но дрались храбро и дерзко, не щадя себя, чтоб ускорить долгожданный час победы.

Не выдержав удара, немецко-фашистские войска 2 мая с утра начали сдаваться в плен. Только нашей танковой армии сдались 7700 вражеских солдат и офицеров. Они выходили из подвалов, из метро, сползали с чердаков — грязные, заросшие, осунувшиеся, с низко опущенными голо-

Военные

вами. Только что над ними, как приговор, раздались жалкие слова, разнесенные радиорупорами: «30 апреля фюрер нас, присягавших на верность ему, бросил на произвол судьбы...»

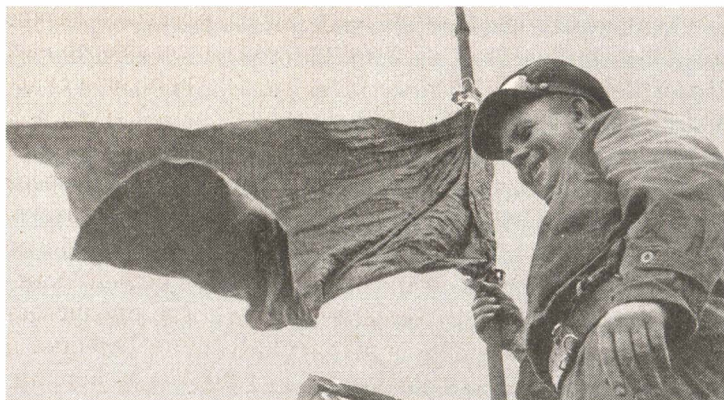
Это говорил командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг. Убеждал: «Вы считаете, что по приказу фюрера все еще должны сражаться за Берлин, несмотря на отсутствие тяжелого оружия, боеприпасов, несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленной борьбу. Каждый час, который вы продолжаете сражаться, продлевает уносные страдания гражданского населения Берлина и наших раненых. Каждый, кто падет в борьбе за Берлин, принесет напрасную жертву».

Берлин капитулировал.

Изучая уроки Победы, пристало нам, военным, взглянуть на эту завершающую операцию войны при всей нашей законной гордости, гордости победителей, глазами беспристрастными, как этого требует наука. Всякая, особенно военная.

Строгая научная объективность заставляет меня признать, что если в Висло-Одерской операции танки, введенные в так называемый чистый прорыв, с первого же дня получили широкий простор для стремительных действий, что принесло Красной Армии победу, а им славу, то в Берлинской операции 1-я гвардейская танковая армия была использована, увы, не лучшим образом. Ее прямолинейный ввод в прорыв, удар в лоб обороны противника, когда она совместно с общевойсковыми армиями, совместно с пехотой атакует один за другим оборонительные рубежи противника — все это не соответствует настоящему предназначению крупных танковых объединений, какими являются танковые армии. Речь идет не о танках непосредственной поддержки пехоты и не о танках отдельных танковых бригад, приданных общевойсковым армиям, которые, как правило, действуют так же, как первые, а о крупных танковых объединениях, предназначенных для развития успехов наступления.

История Великой Отечественной войны знает приме-

Одно из многочисленных знамен, установленных на здании рейхстага

ры, когда танковые армии использовались не только для развития успеха наступления, но и для отражения ударов противника при проведении наших оборонительных операций. Так было летом 1943 года под Курском, когда танковые армии Центрального и Воронежского фронтов находились во втором эшелоне; в оборонительных боях они измотали, обескровили наступающую ударную группировку врага и тем подготовили условия для нашего контрнаступления.

Но Берлинская операция — наступательная, и 1-я танковая армия — крупное танковое объединение, — действуя здесь, по существу, как танки непосредственной поддержки пехоты, несла значительные потери. Единственный аргумент, на мой взгляд, в пользу такого ее применения при штурме Берлина — то, что это финальная сцена войны, после которой сразу же должен был опуститься занавес — капитуляция врага.

Мне возразят, что были и положительные примеры действий танковых армий в первом эшелоне — танковые армии прорывали вражескую оборону и выходили в ее глубину. Но ведь какая это была оборона! Разве можно сравнить ее, слабую и неглубокую, с тем, что противник организовал вокруг Берлина.

Уроки бывают разные. Берлинская операция — тоже урок, который нам преподала победа.

Берлин пал. Но еще продолжали сопротивление вражеские войска в Чехословакии. И тогда на помощь Златой Праге прямо через Рудные горы рванулись войска 1-го Украинского фронта. Танки Д. Д. Лелюшенко и П. С. Рыбалко, совершив за ночь 80-километровый бросок, на рассвете 9 мая ворвались на окраины Праги. Вслед за ними здесь оказались войска 2-го и 4-го Украинских фронтов.

Прага была спасена. В операциях советских войск принимали участие 1-й Чехословацкий армейский корпус, 2-я армия Войска Польского, 1-я и 4-я румынские армии.

Но еще днем 2 мая сопротивление в Берлине прекратилось, остатки берлинского гарнизона сдались в плен...

Карлсхорст, восточное предместье Берлина. Полночь накануне 9 мая. Мне не довелось присутствовать при подписании безоговорочной капитуляции, увидеть своими глазами, как Кейтель, Штумпф, Фридебург подписывали этот акт. Но я отчетливо представляю всю меру удовлетворения, переполнявшего победителей, перед которыми стоял коленопреклоненно поверженный фашизм.

Мы все, бравшие Берлин, были в тот момент с ними, мы победили.

«В гигантском военном столкновении с империализмом и его наиболее чудовищным порождением — фашизмом, — говорится в Тезисах ЦК КПСС к полувековому юбилею Советской власти, — победил социалистический общественный и государственный строй. Источниками силы Советского Союза явились социалистическая экономика, социально-политическое и идейное единство общества, советский патриотизм и дружба народов СССР, сплоченность парода вокруг партии коммунистов, беспримерный героизм и мужество советских воинов. Это была победа социалистической идеологии над человеконенавистнической идеологией империализма и фашизма»¹.

Великая Отечественная — это не только война людей и техники, это еще и столкновение двух военных школ, двух военных искусств.

¹ Цит. по: Коммунист. 1967. № 10. С. 14—15.

Гейнц Гудериан не был столь оригинален в своих военно-теоретических концепциях, каким его пытаются представить за рубежом.

Советская военно-теоретическая мысль, как я уже отмечал выше, еще в начале 30-х годов сосредоточилась на разработке проблем глубокой наступательной операции. Появление и бурный рост новых технических средств — танков, авиации, артиллерии — коренным образом изменяли взгляды на характер боя, операции и войны в целом. Они, как впоследствии подтвердила действительность, справедливо представлялись исключительно напряженными, ожесточенными, скоротечными и маневренными. При таких особенностях большая роль отводилась бронетанковым войскам.

Это представление разделяли военные теоретики и в других странах мира. Еще в 1934 году австрийский генерал П. Эймансберг в своей книге «Танковая война» писал: «Ныне не существует другого боевого средства для атаки, кроме танков, объединенных в оперативном соединении и поддерживаемых сильным военно-воздушным флотом, а также всем другим эффективным оружием».

Эти взгляды П. Эймансберга и легли в основу теоретических разработок генерала Г. Гудериана, изложенных им в его известной довоенной книге «Внимание, танки!».

Теоретические разработки Г. Гудериана в значительной степени определили успехи немецко-фашистских войск в операциях в Западной Европе в 1939—1940 годах и в начальный период войны против СССР. Бронетанковые войска считались ударной силой в наступательной операции для прорыва обороны и развития наступления в глубину.

Первоначально успех сопутствовал гудериановским танковым армиям. Но он изменил им, как только немецкие танковые группировки столкнулись с по-настоящему сильной, не сравнимой с тем, что они встречали в западноевропейских странах, глубоко эшелонированной обороной советских войск, как это было, например, под Москвой, Сталинградом и Курском.

Немецко-фашистские танковые армады начали терпеть

на фронтах поражение за поражением. Ни Г. Гудериан, ни другие немецкие танковые стратеги так до самого конца и не сумели проявить гибкость, внести необходимые изменения в раз и навсегда разработанный ими шаблон.

Напротив, советское военное искусство, творчески применяя опыт войны, в ходе самой войны отменяло привычные постулаты и творчески развивало теорию использования такого мощного оружия, как танки. Именно такой подход к теории позволил на практике обнаружить превосходство советского военного искусства еще в Сталинградской операции 1942 года и сохранить это превосходство до самого победного конца войны.

Как всякое искусство, и военное — отражение идеологии его творцов. Советская военная доктрина опирается на марксистско-ленинское толкование военно-теоретических проблем. Учитывая, разумеется, все экономические факторы развития своей страны, которые определяют техническую оснащенность и обеспеченность армии, она прежде всего ориентируется на человека, полагая, что главная сила армии — всегда люди.

Так было в Великую Отечественную, так будет и в новой войне, если ее все-таки развяжут агрессоры. Споры нет, современное ракетно-ядерное вооружение — сильное ору-

Бокал вина за Победу

жие. Но наша военная наука не абсолютизирует его, по-прежнему отводя главную роль в достижении победы человеку.

Это, пожалуй, главный урок нашей победы.

Только тот победит, учил Ленин, кто верит в народ. Большевики руководствовались этой мыслью Ленина и победили — внутреннюю реакцию, интервенцию в Гражданскую войну, разруху и вековую экономическую и техническую отсталость страны в годы восстановления и развития народного хозяйства. Потому что верили в народ, сумели вдохновить народ на ратный и трудовой подвиги.

Вера в могучие творческие и духовные силы народа была залогом победы и привела к победе наши Вооруженные силы, наше советское общество в смертельной схватке с фашизмом.

Советская военная доктрина справедливо предполагает, что в будущей мировой, возможно ядерной, войне, если ее развяжут темные силы империалистической реакции, еще более по сравнению с предыдущими мировыми войнами возрастет роль народных масс.

Руководители государства, естественно, только при активном участии народа могут осуществить гигантские работы по подготовке страны к отражению агрессии, реализации во время войны морально-политических, экономических, военных возможностей.

Непобедимость советского народа, народов стран социалистического содружества и их вооруженных сил в том, что ими руководят КПСС и братские партии, вооруженные марксизмом-ленинизмом, знанием законов войны, обладающие опытом и пользующиеся безграничным доверием народных масс.

Л. И. Брежнев отмечал на XXV съезде КПСС: «Ни у кого не должно быть сомнений и в том, что наша партия будет делать все, чтобы славные Вооруженные Силы Советского Союза и впредь располагали всеми необходимыми средствами для выполнения своей ответственной задачи — быть стражем мирного труда советского народа, оплотом всеобщего мира».

Вождь нашей партии и создатель Советского государства В. И. Ленин в своих «Письмах о тактике» требовал: «Марксист должен учитывать живую жизнь, точные факты *действительности*»¹. Забвение этого требования привело бы к неизбежным просчетам в военном строительстве, в организации обороны страны.

«...Без науки современную армию построить нельзя» — эта ленинская формула требует повышения научного уровня военного руководства, это властное требование нашего быстротекущего времени. Научно-технический прогресс немедленно отразился и в военном деле — ядерное, ракетное и прочее современное оружие, техническая революция во всех других видах вооружения потребовали столь же немедленного изменения казавшихся незыблемыми положений стратегии и тактики, диалектического развития проблем военного и политического руководства армией.

В условиях войны, которая неизбежно вовлекает в свою орбиту колоссальные человеческие массы, проблема научного руководства обороной самой жизнью выдвигается на первый план.

Ни одна армия, как бы она ни была великолепно вооружена, обучена, не может победить без опытных военных руководителей. Я имею в виду не только полководцев, но и широкий круг командного состава, который обучает солдат, ведет их в бой, тем самым влияя на судьбу войны.

Урок этот подтвердила и победа советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне.

С тех пор многое изменилось в мире. И хотя окрепли силы, которые стремятся поставить точку в истории войн, не исчезли еще на Земле, а, напротив, всячески пытаются утвердиться силы, готовящие новую войну.

Война не является фатальной неизбежностью, учит партия. Мы все делаем, чтоб войны не было. Но она может вспыхнуть.

Если смотреть истине, хотя бы самой печальной, как требовал Ленин, прямо в лицо, надо смело сказать: война с ядерным и прочим новым оружием — страшная война,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 134.

приведет к уничтожению огромной массы людей, невиданному разрушению материальных ценностей.

Такая война предъявляет командиру и военачальнику новые, особые, высокие требования. Маневренность, скоротечность боевых операций потребуют от него абсолютной мобилизации воли, мысли, умения решать сливающиеся воедино в условиях ядерной войны политические и военные задачи. Он должен быть способен принять на свои плечи ответственность не только за свою часть или подразделение, но и за огромные массы людей, которые подвергнутся на его участке ядерному нападению. Ясно, сколь значительна при этом роль нашего офицерского корпуса, как велика забота партии и народа о его качественном росте.

Замечу, кстати, что теперь не только военные академии, но и большинство военных училищ — высшие учебные заведения. Это тоже один из путей повышения научного уровня военного руководства. Я мог бы назвать десятки имен крупнейших ученых, профессоров и докторов наук, целую армию доцентов и кандидатов наук, преподающих в академиях и училищах. В наших танковых, например, войсках высшее военное или высшее инженерно-техническое образование имеет почти каждый офицер. Со временем его будут иметь все офицеры Советской Армии.

Выпускник военного училища помимо диплома, свидетельствующего о получении военного образования, одновременно получает обычный вузовский диплом. О том, насколько высок уровень подготовки специалиста в военных учебных заведениях, можно судить хотя бы по такому факту: программа, скажем, по математике, физике в танковых технических училищах такая же, как в прославленном Московском высшем техническом училище имени Баумана и других столичных вузах. И желающим поступить в военный вуз нужно выдержать конкурс такой же, как в гражданский институт или университет.

Четыре-пять лет курсант военного вуза — командного, технического — наряду с техническими, военными дисциплинами глубоко изучает марксистско-ленинскую теорию, познает законы общественного развития, обретает широкий кругозор, воспитывается в духе преданности де-

лу народа, делу партии. Из военных училищ выходят политически и научно высокообразованные, морально и физически крепкие, инициативные, самостоятельные и энергичные молодые офицеры армии и флота.

Политическая и идейная убежденность советского офицера сегодняшнего дня — это не голословная декларация об «идейной честности офицера», разговорами о которой полны зарубежные военные журналы. Искренность и глубина этой убежденности позволяют ему вести за собой воинские массы, сплывают с ними воедино: Воспитание такой убежденности — предмет первой заботы советских военных училищ.

* * *

Мы, коммунисты, считаем: война не неизбежна, ее можно предотвратить. Однако, пока существует империализм, нужно быть готовым к любым неожиданностям, готовым встать на защиту нашего Советского государства, нашего советского народа.

Передо мной книга известного английского теоретика, генерала Дж. Фуллера «Вторая мировая война 1939—1945 гг.».

Генерал фарисействует: война — это зло. Но, утверждает он далее... от нее никуда не денешься: «В зависти, алчности и страхе надо искать корни войны». Рядясь в тогу миротворца, он вопрошает словами святого Иакова: «Откуда появляются войны и борьба? Не являются ли они результатом страстей, бушующих внутри нас?»

Какая глубокомысленная бессмыслица! Выходит, причины войн надо искать не в системе империализма, а в природе человека, в его врожденной воинственной психологии. Но ведь это делает войну вечной и неизбежной, а сущность ее — внеклассовой! Однако вся кровавая история империализма достаточно убедительно показывает, что виновником войн был и остается империализм. Именно агрессивные цели империализма порождают реакционную политику, продолжением которой являются многочисленные войны и конфликты против освободительного движения народов.

...Величавая фигура женщины застыла у гранитной стелы, стремительно уходящей в голубизну неба. Это памятник павшим тремстам двадцати воинам из моего родного села Чардахлы. Было в то время в селе около четырех тысяч жителей. А на фронтах сражалось 1250 чардахлинцев.

В День Победы со всего села идут к памятнику павшим. Здесь накрывают столы. И первый тост по обычаю — не чокаясь. Это тост памяти павших. Те, кто отдал жизнь за свободу Отчизны, должны жить в нашей памяти вечно.

Время от времени в своих Чардахлах встречаю тех, кто, как и я, давно покинул родное село. Большинство почему-то военные — Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, генерал Г. Г. Манасян, а офицеров и не счесть.

А ведь Чардахлы уж такое, казалось бы, не воинственное селение... У нас даже всегда подтрунивали: мужчины, дескать, зря и кинжалы носят...

Чабан у нас там есть знаменитый — Степан Качарян, ему без малого сто лет, до сих пор с кинжалом на поясе ходит.

— Сынок, — объясняет он мне, — оружие, оно ведь у нас для защиты. Ты это не хуже меня знаешь...

1977 г. Москва

Приложения

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ К. Ф. ТЕЛЕГИНУ

Уважаемый
Константин Федорович!

Ваше письмо получил 6 января. Долгое время лежал в госпитале в г. Ленинграде. Извините за неумышленную задержку с ответом.

По существу Вашего письма:

1-е — Вы с негодованием оспариваете факт расследования причин неуспеха на Зееловских высотах и на этой основе считаете, что тон моей статьи по этому вопросу оскорбляет Вас и является неуважительным к старому фронтовому товарищу и крупному политическому руководителю. Вместе с тем Вы в своем письме признаете, что факт расследования этого вопроса был не 18 апреля, а 17 апреля, при этом разговор был не в Зеелове, а недалеко от Зеелова. Не с командирами, вызванными с поля боя, а танкистами товарищами Шаровым, Воронченко и Попелем. А что касается разговора ночью в Зеелове, то все это чистый вымысел Бабаджаняна. Примечательно то обстоятельство, что Вы сами невольно признаете факт расследования неуспеха при прорыве Зееловских высот. Я, так же как и другие танкисты, хотел бы узнать (до сих пор мы не знаем), почему член Военного совета фронта по этому поводу допрашивал не тех, кто должен был по плану операции обеспечить и нести ответственность за прорыв и создать необходимые условия для ввода в прорыв танковую

армию, а допрашивали тех, кто не имел перед собой задачу прорыва этого оборонительного рубежа противника.

Есть умная народная притча. «У памяти человеческой есть много врагов, которые медленно, но верно подтачивают ее. Но среди этих врагов неуловимый враг — время, когда из кладовых памяти забываются факты прожитой жизни». Спору нет, что кто-то из нас забыл этот случай расследования в городе Зеелове 18 апреля, т.е. после того, как город был освобожден нашими войсками.

Вы возмущаетесь тем, что тон разговора члена Военного совета фронта с заслуженными командирами на этом разбирательстве является тоном «бюрократа». Что эти командиры перед членом ВС стояли навытяжку, и это никак недопустимо для крупного политического руководителя, и на этой основе Вы считаете себя оскорбленным. Конечно, любой эпизод прошлого можно толковать в превратном смысле. Я, например, считаю, что разговор старшего начальника с младшим вполне нормальным и закономерным, когда старший начальник разговаривает с младшим, младший обязан стоять перед старшим и отвечать стоя, а не сидя или лежа. Видимо, когда Вы допрашивали Шарова, Воронченко и Попеля, последние перед Вами стояли и на Ваши вопросы отвечали стоя, а не сидя и лежа. Если младший ведет себя по отношению к старшему развязно, то старший вправе строго призвать последнего к порядку, особенно когда этот разговор идет в бою. Вы обвиняете меня в том, что я неуважительно пишу в этой статье о товарище Телегине. Тем более что в статье очень лестно написано о маршале Жукове, а о Вас, кроме этого злосчастного случая, ни одного слова. Дело в том, что редакция журнала потребовала от меня сокращения объема статьи, и моя ошибка в том, что вместе с другими вопросами я подсократил и описание образа члена Военного совета фронта генерала Телегина, который встает перед читателем как один из старейших опытных и умных политических руководителей Красной Армии. В книге, конечно, если удастся издать ее, Телегин своим образом становится для молодых офицеров и политработников подражаемой

фигурой. В Вашем лице читатель найдет превосходные качества многочисленной армии политработников нашей армии. Это будет образ современного комиссара — Фурманова. Я считаю, это будет полезным с точки зрения воспитания подрастающего поколения. К моему сожалению, этот эпизод выпал из статьи, но он готовится в книге.

Вы пишете, что Ваша телеграмма спасла меня от упреков руководства нашей армии и что я об этом Вам рассказывал сам лично. Правильно, я лично Вам рассказывал, когда мы с Вами ехали в поезде в Одессу. Но опять память подводит. Я рассказывал о Вашей с Жуковым телеграмме в период Висло-Одерской операции, а не Берлинской. Телеграмма была за двумя подписями — Жукова и Телегина, а когда начал проверять содержание этой телеграммы в архивных делах Министерства обороны, то оказалось, что под телеграммой стоит почему-то только подпись маршала Жукова. Содержание этой телеграммы мною приводится в статье, когда шло наступление наших войск в Висло-Одерской операции, и ее Вы можете читать в статье. В книге же эта телеграмма независимо от архива представляется двумя подписями, т.е. Жукова и Телегина.

Следующий вопрос, который Вы ставите передо мной, — это о заслушивании маршалом Жуковым командиров танковых и механизированных корпусов перед проведением Висло-Одерской операции.

Первый вопрос, который Вас возмущает, это вопрос, почему я назвал всех присутствующих «помощниками», и что член Военного совета фронта никогда не был «помощником» командующего, что **«член Военного совета имеет свои особые задачи по своему положению, имеет свои функции и персональную ответственность перед ЦК партии и вместе с командующим отвечал (а зачастую и больше) за положение дел на фронте».**

Словом, Вы прочли «лекцию» политграмоты и «просветили» меня о роли члена Военного совета.

Уважаемый Константин Федорович! Могу сообщить, что ровно 18 лет я был в роли командующего армией и командующим войсками округа, за 18 лет был не только бес-

сменным членом Военного совета армии и округа, но и председателем этого совета. Если за эти годы, за 18 лет, я оказался «неспособным» осмыслить роль политического члена Военного совета, то навряд ли сумею усвоить Ваши нравоучения об обязанностях члена Военного совета и задачи, которые возлагаются партией на него. Уверяю Вас, что для меня, старого командующего, это пройденный этап и Вы напрасно хотите «просвещать» меня в этом вопросе. В наше время уже каждый школьник твердо знает о роли члена Военного совета. Слово «помощник» в литературном лексиконе мною применено не в прямом смысле, что член Военного совета по штатно-должностным положениям является «помощником» командующего, а в том смысле, что именно эти люди **помогают** командующему правильно решить все вопросы руководства войсками. Откровенно говоря, мне никогда в голову не приходило, что слово «помощник» может вызвать у Вас столь бурный протест. Оказывается, Вы очень ревностно заботитесь о своем должностном САНЕ. Если это так, то немедленно приношу свое извинение. Теперь о самой беседе Жукова с командирами корпусов. Вы пишете, что я неуважительно отзываюсь о наших командирах, что я вроде разыграл Дрёмова и написал, что они снисходительно посматривали на меня. Не пойму Вас, Константин Федорович, неужели каждую шутку по адресу того или другого боевого товарища Вы принимаете как оскорбление? Вы же умнейший человек, а повели себя в этих простых, непринципиальных вопросах отнюдь не по Вашему высокому положению. Вы берете под защиту тех, кто отнюдь не против такого юмора. Более того, в результате чрезмерной Вашей мнительности по поводу и без повода Вы без основания приходите к умозаключению, что все это происходит потому, что Бабаджаняну не давали генеральского звания. Откуда у Вас такая фантазия? Может быть, я жаловался кому-нибудь или настаивал? Может быть, я выражал свое неудовольствие по этому вопросу?

У Вас нет таких фактов, да и не могло быть. Я вполне был доволен своим положением, больше того, я гордился

тем, что полковнику доверяли целый танковый корпус, и с первых же дней боев старался оправдать это высокое доверие. Может быть, Вы сами чувствуете за собой вину по этому вопросу? Тогда так и скажите. Зачем Вам понадобилась эта фантазия?

Ну, коль Вы начали поднимать этот вопрос, который ничего общего не имеет с важнейшими событиями того времени, то позвольте вернуться к действительности. Вот в Вашем письме Вы пишете, что я назначен «командиром корпуса во второй половине ноября... Естественно, надо было проверить в деле...».

Вы пишете черным по белому, не зная даже, когда я назначен на эту должность. Ваши «помощники» Вас подвели. А следовало бы Вам знать, тем более что корпусом командовал молодой полковник. Поинтересоваться, что за офицер, давно ли командует. Ну, предположим, что эта сторона дела была выпущена. «Естественно, надо было бы проверить в деле». Правильно, каждого из нас надо проверять на деле. Но Вы меня проверили в деле в Висло-Одерской операции. Как будто осечки не было. Вы начали проверять в Померанской операции, на Север до Балтики и поворотом на Данциг, осечки так же не было. В первом случае наградили полковника орденом «Суворова I ст.». (Не подлежал полковник к реляции такому полководческому ордену. Спасибо Вам за это.) Во второй операции был награжден орденом Красного Знамени. Началась третья, завершающая операция, а Вы еще продолжали «проверять в деле». Что-то долго «проверяли» — целых десять месяцев.

Вот как обстоит дело, уважаемый Константин Федорович.

Не сваливайте с больной головы... У меня складывается впечатление, может быть, я не прав, что все зло по этой статье связано не с заботой об объективности описания событий завершающего периода войны, а заботой, как бы не обошли Ваши заслуги. Уверяю Вас, об этом будет написано с достаточной полнотой независимо от того, что Вы довольно строго и зачастую несправедливо хлещете мою персону. Ничего, я выдержу, бейте по мелким вопросам и

дальше. Я был бы весьма польщен, если бы Телегин написал свое мнение по главным вопросам этой статьи и потом указал бы недостатки, которые снижают значимость этого материала. Но увы! Этого не случилось. А ведь Ваше мнение имело бы большое значение по правильному обобщению событий этого важнейшего периода войны. И жаль, что член Военного совета фронта, старейший крупный политработник Красной Армии, имеющий богатейший опыт руководства партийно-политической работой, начал свои возмущения с второстепенных вопросов.

Уважаемый Константин Федорович! Мы с Вами прошли путь всей Великой Отечественной войны. Наши пути в этой войне были разные по своим масштабам и значимости. Вы начали войну с крупных должностей политической работы, я начал с низов. Вы руководили крупными делами партийно-политической работы. Вы войну видели в таком виде, как это излагается нами в теоретических взглядах нашей военной доктрины. А я войну видел так, как она была на самом деле.

Вы призывали солдат и офицеров на свершение подвига и обеспечивали всем необходимым для победы над врагом. А я непосредственно водил их на подвиг также во имя нашей победы. Вы слышали канонады артиллерии на расстоянии, а я ощущал эту канонаду на собственном теле. Не каждый раз Вам угрожала вражеская пуля или осколок снаряда. А я, находясь в гуще людей, всегда по соседству бродил рядом со смертью.

На 46-м году своей службы, как видите, по своему прошлому, я вроде и не похож на «шелкопера», да еще «безответственного». А Вы сочли нужным «присвоить» мне это оскорбительное прозвище. Не ошибаются только «святые», а постольку поскольку на свете нет святых, то нет и непогрешимых людей. Могло случиться, что у меня где-то случилась «метоморфоза»? Безусловно, могло. Если хотите, и я могу привести примеры более принципиального характера, говорящие о ненормальностях в руководстве войсками фронта в ходе двух последних операций, хотя об этом я ни в статье, ни в книге ничего не пишу. Вам, но и

нам, танкистам, известно, что в период Висло-Одерской операции после прорыва общевойсковыми армиями всю тактическую зону обороны противника на Магушевском плацдарме, вся тяжесть боевых действий до выхода войск фронта к реке Одер легла на плечи 1-й и 2-й гвардейских танковых армий и отдельных танковых корпусов. (Об этом в своих воспоминаниях также пишет сам маршал Жуков.) Наши общевойсковые армии, по существу, до выхода их на линию Одер серьезных боев не вели (если не считать бои в окруженных городах). Но, несмотря на это, по неизвестной до сих пор причине 1-я гвардейская танковая армия во главе Военного совета этой армии была передана в подчинение командующего 8-й гвардейской армией. Ведь это был беспрецедентный случай в истории Красной Армии, когда одна армия подчиняется другой армии, Военный совет одной армии подчиняется командующему другой армии. Для офицерского состава танковой армии, да и не только танковой армии, это решение Военного совета фронта было необъяснимо. Следуя этой логике, можно было предположить, например, подчинение Военного совета 1-го Белорусского фронта командующему 1-м Украинским фронтом. Заранее знаю, что Вы сразу же восстали бы против такого дерзновения на права Военного совета фронта. И я тоже восставал бы. Спрашивается: если нельзя так поступать по отношению Военного совета фронта, так почему можно было унижать Военный совет танковой армии? При этом Вы же так поступили и в Берлинскую операцию, где командующий 8-й гв. армией во всеуслышание в своих мемуарах пишет о том, что он командовал не только своей армией, но и 1-й гвардейской танковой армией. А почему Вы ни разу не пытались одну общевойсковую армию подчинить другой общевойсковой армии? Вы скажете, этого нельзя делать. Почему? Ведь с танковой армией поступали же так дважды. Или, может быть, Вы думаете, что танковая армия — это средство усиления общевойсковых армий? Нет. Танковая армия — это не артиллерийская дивизия прорыва и не авиационный корпус для обеспечения атакующих войск. Она такая же армия, как и обще-

войсковая, лишь с той разницей, что на нее возлагаются более глубокие и ответственные задачи в фронтовой операции. Где же была принципиальность члена Военного совета, когда наказываются и оскорбляются достоинства и честь Военного совета и огромного количества офицерского состава танковой армии?

Приказ переподчинения 1-й гвардейской танковой армии в Висло-Одерской и Берлинской операциях, дорогой Константин Федорович, подписаны и Вами. Ибо без Вашей подписи приказы не имели законную силу. Все это происходило при Вашем молчаливом согласии. Даже после войны, когда за 25 лет были проведены многочисленные научные конференции, где исследовались и разбирались эти наступательные операции, было написано огромное количество воспоминаний и мемуаров, нигде ни одним словом не говорится об этих беспрецедентных случаях с 1-й гвардейской танковой армией.

Все, в том числе и бывшие руководители, этот неприятный вопрос обходят молчаливо. Вот Вам «объективность» в освещении исторических фактов. Нужно быть до конца последовательным нам самим, а потом этого же требовать и от других.

И последнее: Вы пишете, что, «говорят», я превратился в игральный инструмент в руках Садовского. И на этой основе Вы даете мне рекомендацию, чтобы я, «подписывая документ, знал, что сочиняет Садовский». Во-первых, хочу порекомендовать, чтобы Вы не строили мнения по слухам («говорят»), слухи — не факты. Не Садовский сочиняет, чтобы Садовскому сочинять, надо, чтобы он знал, о чем писать. Разве допустимо руководствоваться слухами? Пишу я. Дело Садовского при моем согласии придать этому «творению» литературную форму. Ваши «помощники» и «информаторы» Вас и здесь подводят. Я, в свою очередь, рекомендую Вам не слушать этих шептунов.

Я считаю, что Ваше обращение непосредственно ко мне с Вашими «строгими» претензиями и замечаниями полезнее, чем советы многочисленных шептунов. Лично я Ваши замечания принимаю как достойные и постараюсь

быть более внимательным к событиям Великой Отечественной войны.

Независимо от того, в каком виде поступят Ваши замечания и пожелания, я с большим уважением их приму к сведению. А что касается вопроса долга перед своими боевыми товарищами, могу заверить Вас, что я всегда относился и отношусь, особенно к тем, кто был моим наставником, с должным уважением и вниманием, хотя, как Вы пишете, «получил высокое звание». Лично к Вам, уважаемый Константин Федорович, у меня самое приятное и уважительное отношение, и я всегда вспоминаю прошлое с благоговением. И Вы напрасно бросаете обвинение в мой адрес.

*С искренним уважением,
А. БАБАДЖАНИЯ*

**МИНИСТРУ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВ. МАЛИНОВСКОМУ Р.Я.**

Уважаемый Родион Яковлевич!

В канун исторической даты — двадцатилетия со дня Победы над фашистской Германией — меры, принятые Центральным Комитетом партии и Советским правительством к тому, чтобы полностью восстановить заслуги непосредственных участников боевых действий периода Великой Отечественной войны, как-то сами по себе наводят на раздумья о событиях этих суровых лет в жизни нашей страны и людях, принимавших в них участие.

Не знаю, насколько это удобно с точки зрения этики и субординации, однако, руководствуясь исключительно чувством товарищества по отношению к сослуживцу, чувством глубокого и искреннего уважения к человеку, которого я очень хорошо знаю по совместным боевым действиям, полагаю возможным, товарищ Министр обороны, обратиться к Вам с этим личным письмом и поделиться некоторыми мыслями о генерале армии тов. ГЕТМАНЕ А.Л.

Как известно, Андрей Лаврентьевич вступил в войну в самом ее начале в должности командира танковой дивизии. С 1942 года и почти до капитуляции Германии он командовал танковым корпусом, принимал личное участие в крупнейших сражениях на фронтах Великой Отечественной войны. Его заслуги и боевые подвиги отмечены мно-

гими правительственными наградами и высоким воинским званием.

И все же, оглядываясь ныне на путь, пройденный тов. ГЕТМАНОМ А.Л., одним из первых боевых генералов наших славных танковых войск, невольно приходишь к мысли, а почему его имени нет среди тех танкистов, которых Партия и Правительство удостоили высшей награды, присвоив почетное звание Героя Советского Союза?

В самом деле, Родион Яковлевич, перебирая в памяти представителей «старой гвардии» танковых войск, мне, например, трудно назвать еще кого-либо из крупных военачальников-танкистов, кто, подобно генералу ГЕТМАНУ А.Л., провоевал с первого до последнего дня Великой Отечественной войны, непосредственно на полях сражений руководил танковыми частями и соединениями и не удостоен почетного звания Героя Советского Союза.

Во время войны, начиная с 1942 года, мне довелось служить с Андреем Лаврентьевичем в войсках 1-й гвардейской танковой армии и совместно участвовать во многих боевых операциях. Среди других генералов и офицеров-танкистов тов. ГЕТМАН А.Л. выделялся хорошим знанием военного дела, большим практическим опытом руководства войсками; широкой эрудицией, исключительной честностью, справедливостью и скромностью, высоким самообладанием и мужеством в самых сложных условиях боевой обстановки. Танковый корпус, которым он командовал, совершил немало замечательных подвигов на полях сражений.

Говорят, «на войне всякое бывает» — и успехи, и неудачи. Возможно, были некоторые промахи и в руководстве боевыми действиями подчиненных частей и у генерала ГЕТМАНА А.Л. (А у кого из командиров танковых соединений, провоевавших всю войну, их не было?)

Тот парадоксальный факт, что генерал ГЕТМАН А.Л. не был в свое время представлен к присвоению почетного звания Героя Советского Союза, а он несомненно заслуживал этого звания, на мой взгляд, объясняется, мягко говоря, предвзятым отношением к нему со стороны командования 1-й гв. ТА, и прежде всего ныне маршала бро-

нетанковых войск тов. КАТУКОВА М.Е. и генерала тов. ПОПЕЛЯ Н.К., которые, как мне хорошо известно, необъективно оценивали боевую деятельность Андрея Лаврентьевича и руководство им подчиненными частями.

Все эти раздумья и побудили меня, уважаемый Родион Яковлевич, обратиться к Вам с данным неофициальным письмом. Мне представляется, что в связи с 20-летием со дня Победы над фашистской Германией было бы закономерным восстановить справедливость и рассмотреть вопрос о присвоении генералу армии тов. ГЕТМАНУ А.Л. почетного звания Героя Советского Союза за его умелое руководство подчиненными частями, личное мужество и отвагу, проявленные в годы Великой Отечественной войны.

*С искренним и глубоким уважением,
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
А. БАБАДЖАНИЯ*

« » *апреля 1965 года*

**ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНИЙ МАРШАЛА
СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВАРИЩА
ЧУЙКОВА ВАСИЛИЯ ИВАНОВИЧА
«КОНЕЦ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА»**

За последние годы Военным издательством Министерства обороны Союза ССР выпущено в свет заметное количество мемуарных произведений. Их авторы, в большинстве своем видные военачальники и непосредственные участники Великой Отечественной войны, делятся с читателями своими воспоминаниями о событиях этого важнейшего периода в жизни советского народа. В целом это, несомненно, положительное явление, тем более что военные мемуаристы Запада, в их числе и генералы гитлеровской Германии, произведения которых получили довольно широкое распространение не только за рубежом, но и в нашей стране, всячески стараются исказить события Второй мировой войны, фальсифицировать историю.

Значение советской мемуарной литературы трудно переоценить. Каждое произведение этого жанра призвано к тому, чтобы помочь читателю глубже, детальнее познать то или иное событие, исторический факт, о которых автор пишет как непосредственный их участник или очевидец. И как бы само собою подразумевается достоверность излагаемого материала, ведь автор не «сочиняет», а **рассказывает** о том, что видел и пережил сам, при этом он не просто говорит о том, что произошло и как это было, но и выражает свое отношение к излагаемым событиям, высказывает свою точку зрения в их оценке.

Поэтому вполне понятен интерес читателя к произведениям советской военно-мемуарной литературы и тем более к тем, авторы которых занимали высокие должности в годы Второй мировой войны. Это отнюдь не из-за преклонения перед авторитетами высокопоставленных личностей, а прежде всего из-за убеждения в том, что, находясь на высоком посту в период, описываемый автором, он мог быть непосредственным участником важнейших исторических событий и фактов и, следовательно, может не только правдиво о них рассказать, но и дать им квалифицированную оценку, сделать правильные обобщения и выводы.

Как известно, мемуары являются одним из важнейших источников для познания истории, поэтому мне представляется, что ценность, значимость любого мемуарного произведения определяется, во-первых, исторически правдивым изложением событий, о которых автор рассказывает читателю, и, во-вторых, глубиной обобщений и выводов, сделанных им на основе анализа этих событий, их правильной оценкой.

К сожалению, в воспоминаниях некоторых наших авторов о событиях Великой Отечественной войны допускаются искажения исторических фактов и событий, чрезвычайно вольное их толкование, не всегда делаются обоснованные выводы, что, несомненно, нельзя считать нормальным, так как подобные воспоминания не только не способствуют более глубокому и полному пониманию прошедших событий, а, наоборот, дезориентируют читателей, создают у них неправильное мнение об этих событиях и людях, принимавших в них участие.

В текущем году в журнале «Октябрь» (№№ 3, 4 и 5) опубликованы воспоминания Маршала Советского Союза тов. ЧУЙКОВА Василия Ивановича под названием «Конец Третьего рейха», посвященные заключительному этапу Великой Отечественной войны.

В воспоминаниях довольно подробно рассказывается о боевых действиях 8-й гвардейской армии, замечательных подвигах ее воинов, о подготовке и проведении ряда боевых операций, а также о событиях, связанных с пере-

говорами о безоговорочной капитуляции немецко-фашистских войск.

Маршал Советского Союза тов. ЧУЙКОВ В.И. в годы Великой Отечественной войны командовал крупным, прославленным в боях объединением — 62-й армией, впоследствии переименованной в 8-ю гвардейскую, — героически сражавшимся в Сталинграде и принимавшим непосредственное участие в штурме Берлина. Поэтому вполне понятен большой интерес читателей к его воспоминаниям и оценке описываемых событий.

«Каждая строка этих мемуаров, — пишет тов. ЧУЙКОВ В.И., — результат моих наблюдений, переживаний и размышлений, порой, может быть, субъективных, но всегда искренних» («Октябрь», № 5, стр. 161).

Это очень хорошее и справедливое резюме автора по содержанию своего произведения. Зная его как человека прямого и решительного, не вызывает ни малейшего сомнения, что все сказанное в воспоминаниях сказано искренне, от души. Вместе с тем он не мог избежать субъективности в высказываниях о пережитых событиях. Ведь это его личные воспоминания, и они описываются так, как запечатлелись в памяти и сознании автора.

Однако сказать о том или ином событии **искренне** вовсе не значит сказать правильно, а всякая субъективность имеет к тому же определенную направленность.

При всей искренности тов. ЧУЙКОВА В.И. его воспоминания «Конец Третьего рейха» изобилуют значительными искажениями исторических фактов и событий, а многие выводы и обобщения сделаны действительно субъективно, в полном смысле этого слова, без достаточных оснований и доказательств.

Рассказывая, например, о ходе боевых действий в Берлинской операции, автор пишет:

«1-я танковая армия и 11-й танковый корпус, введенные в бой командующим фронтом в первый день сражения за Зееловские высоты, двигались позади боевых порядков 8-й гвардейской армии, запрудив дороги и стесняя маневры. Танкисты не только не вырвались вперед, но и

на второй, и на третий день операции оставались позади общевойсковых армий» («Октябрь» № 4, стр. 149).

Такая трактовка действий войск 1-й, кстати говоря, гвардейской танковой армии с вводом в бой в Берлинской операции совершенно не отвечает действительности.

Мне было поручено командовать 11-м гвардейским танковым корпусом, входившим в состав 1-й гвардейской танковой армии, и довелось участвовать в Берлинской операции, в частности, в бою за Зееловские высоты. Танкисты не «оставались позади общевойсковых армий», как пишет автор, а смелыми и решительными действиями совместно с воинами 8-й гвардейской армии прорывали оборону противника и успешно справились с этой задачей.

Как известно, в ходе Берлинской операции особенно упорное сопротивление противник оказал на второй полосе обороны, проходившей перед Кюстринским плацдармом на рубеже ВРИЦЕН — ЗЕЕЛОВ, с передним краем по Зееловским высотам. Ему удалось здесь задержать продвижение наших войск, в том числе и 8-й гвардейской армии.

Для наращивания силы удара командующий войсками фронта ввел в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии.

Вот как описываются их действия и, в частности, 1-й гвардейской танковой армии в Истории Великой Отечественной войны, изданной Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС:

«Командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал-полковник танковых войск М.Е. КАТУКОВ предпринял маневр по охвату зееловского узла обороны: 11-й отдельный танковый корпус, развивая наступление севернее ЗЕЕЛОВА, а 11-й гвардейский танковый и 8-й гвардейский механизированный корпуса южнее. **В результате этого оборона противника была дезорганизована. Танкисты стали успешно продвигаться на запад.** 8-я гвардейская армия под командованием генерал-полковника В.И. ЧУЙКОВА 17 апреля овладела ЗЕЕЛОВЫМ. **Так была прорвана здесь вторая полоса обороны гитлеровцев**» (том 5-й, стр. 265). (Подчеркнуто мною. — А.Б.).

Где же истина в оценке действий наших войск в вышеупомянутый период Берлинской операции: в воспоминаниях Маршала Советского Союза тов. ЧУЙКОВА В.И. или же во мнении редакционной комиссии Истории Великой Отечественной войны Советского Союза под председательством секретаря ЦК КПСС тов. ПОСПЕЛОВА П.И., в состав которой входят такие крупные военачальники, как Маршалы Советского Союза тт. СОКОЛОВСКИЙ В.П., ГРЕЧКО А.А., БАГРАМЯН И.Х., ЗАХАРОВ М.В., генералы тт. ЕПИШЕВ, ЖЕЛТОВ и другие? Конечно, на стороне редакционной комиссии, а не тов. ЧУЙКОВА В.И.

Вызывает недоумение стремление автора воспоминаний «Конец Третьего рейха», образно говоря, «свалить с больной головы на здоровую».

К сожалению, это не единичный случай в воспоминаниях тов. ЧУЙКОВА В.И., когда он допускает чрезмерно вольное толкование важнейших событий периода Великой Отечественной войны, пытаясь, что называется, «навести тень на плетень».

Развивая дальше свою мысль о якобы неудачных действиях танковых армий, участвовавших в Берлинской операции в составе 1-го Белорусского фронта, тов. ЧУЙКОВ В.И. пишет:

«...танковые армии не вышли в прорыв, и планом операции не было предусмотрено, что они должны делать в такой обстановке. На этот вопрос никто не мог ответить. Я говорю об этом с полной ответственностью, так как в полосе наступления 8-й гвардейской армии действовала 1-я танковая армия. Она не заняла должного места вплоть до Берлина, да и в самом Берлине» («Октябрь», № 4, стр. 158).

И затем автор приводит в качестве положительного примера боевые действия 3-й и 4-й гвардейских танковых армий 1-го Украинского фронта, успешно вышедших на оперативный простор и получивших самостоятельные задания и направления.

Действительно, танковые армии 1-го Украинского фронта совершили блестящий маневр, вышли на подступы к Берлину с юга и вписали славную страницу в летопись

истории советского военного искусства. Но нельзя же так формально, догматически сравнивать действия танковых армий 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, находившихся совершенно в различных условиях.

Ведь надо полагать, Маршал Советского Союза тов. ЧУЙКОВ В.И. отлично знает, что в тот период времени на всем советско-германском фронте наиболее мощная группировка противника была на Берлинском направлении. Именно на этом направлении, и особенно на направлении ожидаемого главного удара советских войск (КЮСТЕРИН — БЕРЛИН), немецко-фашистскому командованию удалось создать в обороне наиболее высокие оперативные плотности: одну дивизию на 3 километра фронта и на каждый километр фронта 66 орудий и минометов (а в районе ЗЕЕЛОВА и до 200 орудий) и 17 танков. При этом, как известно, все подготовительные оборонительные полосы были заранее заняты войсками, что создавало для противника благоприятные условия для длительной и упорной обороны. Поэтому нисколько не умаляя, а, наоборот, еще раз подчеркивая решительные, мужественные и умелые действия танкистов 1-го Украинского фронта, следует сказать, что нельзя догматически, без учета сложившейся обстановки, противопоставлять их танковым армиям 1-го Белорусского фронта и на этой основе шельмовать последних, охаявая их боевые действия «...вплоть до Берлина, да и в самом Берлине».

С таким же основанием танкисты, скажем, 1-й гвардейской танковой армии могут заявить, что 8-я гвардейская армия, не сумев прорвать главную полосу обороны противника, не выполнила тем самым возложенную на нее задачу, не обеспечила ввода в прорыв танковой армии, которая вынуждена была штурмовать зееловские позиции и нести значительные потери:

Вполне понятен весь абсурд подобных взаимных обвинений, не имеющих ничего общего с действительным, объективным анализом боевых действий в ходе Берлинской операции.

1-я гвардейская танковая армия действовала, исходя

из реально сложившейся обстановки. И неправда, что она «не заняла должного места» в Берлинской операции. Танковые армии наступали в тесном взаимодействии с общевойсковыми армиями, порою отрываясь от них на 10—15 километров, как это было на второй день ввода в сражение 1-й гвардейской танковой армии, после прорыва второй полосы обороны противника, и с честью выполнили возложенные на них задачи.

Мне трудно судить, мог или не мог кто ответить, что должны были делать танковые армии, коль они не вошли в прорыв, предусмотренный планом операции. Это, видимо, хорошо известно тов. ЧУЙКОВУ В.И., ведь он так безапелляционно об этом пишет. Но бесспорно одно: танковые армии 1-го Белорусского фронта не бездействовали в связи со срывом сроков проведения операции, а активно действовали и хорошо дрались, в том числе и в Берлине.

Кстати говоря, о действиях танкистов в Берлине сам же тов. ЧУЙКОВ В.И. пишет:

«Танковая армия, приданная приказом командующего фронтом 8-й гвардейской армии, в первый же день штурма перестроила боевые порядки по тому же принципу, по какому перестроились общевойсковые части. Танки влились в штурмовые отряды и начали тесно взаимодействовать с ними, потери бронированных машин сократились до минимума. Славные танкисты генерала КАТУКОВА закончили свой боевой путь вместе с гвардейцами-пехотинцами в ТИРГАРТЕНЕ, в центре Берлина» («Октябрь», № 4, стр. 164).

Из этого рассуждения видно, что 1-я гвардейская танковая армия в **первый** же день штурма Берлина правильно перестроила свои боевые действия и, следовательно, «заняла должное место».

Чем же объяснить такую метаморфозу в воспоминаниях автора? На мой взгляд, она объясняется очень просто. Ведь в данном случае тов. ЧУЙКОВ В.И. подчеркнул, что 1-я гвардейская танковая армия была придана командующему 8-й гвардейской армии, а уж под его руководством любые войска должны действовать только отлично, во вся-

ком случае, это твердое убеждение автора, красной нитью проходящее через все содержание его воспоминаний «Конец Третьего рейха».

Действительно, танкисты 1-й гвардейской танковой армии и в Берлине дрались хорошо. Но это отнюдь не является личной заслугой тов. ЧУЙКОВА В.И., и пусть меня извинит Василий Иванович, не к чести полководца всякий успех приписывать себе, а от промахов и ошибок открещиваться как от «нечистой силы».

Ведь если говорить откровенно, то и город ЛОДЗЬ был взят не войсками 8-й гвардейской армии, как об этом пишет автор воспоминаний «Конец Третьего рейха», а частями 8-го гвардейского механизированного корпуса 1-й гвардейской танковой армии. В уличных боях за этот город погибли командир 19-й гвардейской механизированной бригады полковник ЛИПОТЕНКОВ и сотни других бойцов 8-го гвардейского механизированного корпуса 1-й гвардейской танковой армии. Зачем же понадобилось автору воспоминаний придавать забвению память о погибших в боях героях и приписывать чужую славу войскам 8-й гвардейской армии? Ради исторической правды автору не мешало бы сказать о том, что и к городу ПОЗНАНЬ первыми из советских войск подошли и форсировали р. ВАРТУ части 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии и только к исходу второго дня туда подошли войска 8-й гвардейской армии, взявшие впоследствии эту крепость.

Аналогично было и с захватом плацдарма на западном берегу реки ОДЕР. Достоверно известен и отражен в исторических документах (акт о сдаче плацдарма) тот факт, что первыми захватили плацдарм на западном берегу ОДЕРА в районе г. КЮСТРИН войска 1-й гвардейской танковой армии, в частности, танкисты ныне генерал-полковника ГУСАКОВСКОГО И.И. и мотострелковая бригада под командованием полковника СОЛОВЬЕВА. Этот плацдарм был передан 27-й стрелковой дивизии (командир дивизии генерал ГЛЕБОВ) 8-й гвардейской армии и расширен ею, но это уже после.

А посмотрите, как своеобразно эти события излагает тов. ЧУЙКОВ В.И. («Октябрь», № 4, стр. 124—126).

31 января наши войска находились в 40 километрах от ОДЕРА. Все взаимодействующие армии были на одном уровне. «И вот ранним февральским утром наша 8-я гвардейская армия снова пошла вперед». О других армиях ни слова, ну это, так сказать, дело автора. «1 февраля 1945 года войска 8-й гвардейской армии подошли вплотную к ОДЕРУ.

Не дожидаясь прибытия средств усиления, я принял решение: 4-му гвардейскому корпусу с ходу форсировать ОДЕР и к исходу 2 февраля овладеть плацдармом на его западном берегу...»

А далее автор, по существу, признает, что начатая переправа сорвалась, но обвиняет в этом генерала СЕРЕДИНА, не прибывшего своевременно с зенитной артиллерией для прикрытия переправы. «...По неизвестной причине, — пишет он, — эта дивизия не выполнила приказа командующего фронтом».

Коль автор воспоминаний не выяснил этих причин (хотя, по-видимому, ему следовало это сделать), то читателям, естественно, трудно оценивать действия генерала СЕРЕДИНА. Несомненно одно, командующий 8-й гвардейской армией, ставя задачу командиру 4-го гвардейского корпуса на форсирование реки ОДЕР, должен был позаботиться о реальном обеспечении и прикрытии переправы. Возможно, генерал СЕРЕДИН и виноват в несвоевременном прибытии для прикрытия переправы, но всю неудачу форсирования реки ОДЕР сваливать на него по меньшей мере нелогично.

Однако такова уж тенденция, изложенная автором воспоминаний «Конец Третьего рейха»: все, что хорошо, — моя заслуга, все, что плохо, — виноваты другие. Ни на одной странице своих воспоминаний автор не находит места для самокритичного анализа боевых действий руководимых им войск, а преподносит их или как сплошной триумф, или же кивает на других, кто якобы помешал успеху.

Маршалу Советского Союза тов. ЧУЙКОВУ В.И. хо-

рошо известно, что 1-я и 2-я танковые армии были **гвардейскими**. Однако в своих воспоминаниях он лишил их этого высокого звания, называя просто танковыми. В то же время автор всемерно подчеркивает, что 8-я армия — гвардейская, представляя ее действия как сплошное победоносное шествие.

Уместно спросить автора воспоминаний «Конец Третьего рейха», а за какую доблесть в Берлинской операции, как говорится, «с треском» был снят командир 29-го стрелкового корпуса 8-й гвардейской армии генерал тов. **ШЕМЕНКОВ**? Надо полагать, не за успешные действия. Об этом факте автор деликатно умалчивает, зато он не скупится в рекламировании якобы неудачных действий соединений и частей 1-й гвардейской танковой армии.

Читаешь воспоминания тов. **ЧУЙКОВА В.И.** и диву даешься. До чего же «несообразительными» были воины 1-й гвардейской танковой армии и какие «смекалистые» пехотинцы 8-й гвардейской армии! В подтверждение этой мысли автор приводит прямо-таки «сногшибательные» примеры.

«Находчивость и смекалка пехотинцев, — пишет он, — помогли увеличить огнестойкость брони, каждый танк штурмового отряда получил дополнительные бронез экраны из мешочков с песком. Эти мешочки прижимались к броне проволокой, шпагатом или пришивались к тросам, укрепленным на бортах и башнях» («Октябрь», № 5, стр. 129).

У каждого осведомленного читателя может вызвать только иронию подобное суждение автора об увеличении «огнестойкости брони» танка с помощью шпагата и мешочков, которые «пришивались к тросам». Нетрудно понять, что весь этот пример автора действительно, образно говоря, «шит белыми нитками».

Не менее «оригинален» и другой пример, с помощью которого автор воспоминаний стремится подчеркнуть превосходство «смекалистых» пехотинцев 8-й гвардейской армии над танкистами. Товарищ **ЧУЙКОВ В.И.** пишет:

«Казалось, на том и закончатся попытки танкистов прорваться в **ТИРГАРТЕН**. Но опять выручила находчи-

вость пехотинцев. Они предложили штурмовой танк, покрытый мешочками с песком, облить мазутом, соляркой, к бортам привязать дымовые шашки и выпустить этот танк «горящим».

Эксперимент удался. Первый танк на подходе к месту воспламенился. Эсэсовцы растерялись — как же так, горящий танк продолжает двигаться и ведет огонь?» («Октябрь», № 5, стр. 133).

Чтобы убедиться в «правдивости» этого, на мой взгляд, надуманного примера, надо самому сесть в горящий танк, наполненный боеприпасами и повести его в бой.

Конечно, неосведомленным читателям трудно и порой почти невозможно разобраться, правду или неправду пишет автор. На это, видимо, и рассчитывает тов. ЧУЙКОВ В.И., искажая исторические факты и события периода Великой Отечественной войны. Время идет, люди умирают, а книга остается. Но в данный момент еще немало очевидцев и участников тех событий, о которых пишет автор воспоминаний «Конец Третьего рейха»; они не могут, не имеют права допустить любого извращения истории в угоду личных целей автора, возвеличивания им своего собственного «я».

А в этом отношении воспоминания «Конец Третьего рейха» являются одним из ярких образцов безмерного восхваления автором своих заслуг. В воспоминаниях поперано все: и историческая правда важнейших событий и фактов, и объективная характеристика действий товарищей по оружию, и уважение к заслугам рядом действовавших объединений, которые, как и 8-я армия, были гвардейскими и не менее прославленными. Над всем этим возвышается раздутое до невероятных размеров авторское «я».

В самых различных обстоятельствах и ситуациях автор неизменно подчеркивает свои личные достоинства, предвидение и прозорливость при этом нередко весьма сомнительных с точки зрения правдивости.

В подтверждение сказанного можно было бы привести сколько угодно примеров из содержания воспоминаний «Конец Третьего рейха». Однако для этого потребовалось

бы, по существу, переписать почти все произведение. Поэтому ограничусь только некоторыми извлечениями.

Рассказывая, например, о переброске в июле 1944 года 8-й гвардейской армии на одно из главных направлений, автор пишет:

«Ведь задолго до этого я пришел к мысли, больше того, к уверенности, что должно случиться именно так, что мне предстоит вести свои полки на штурм Берлина» («Октябрь», № 3, стр. 106).

Трудно сказать, возможно, у автора действительно такие мысли были, но в тексте воспоминаний они высказаны помпезно, без чувства скромности.

В этом же свете выглядит и следующее рассуждение тов. ЧУЙКОВА В.И.

«Говоря откровенно, — пишет он, — многие командиры, в том числе и я, не особенно приветствовали на своих КП и НП начальство: без него управлять ходом боя легче. Старшие начальники любят вмешиваться и не всегда удачно поправляют подчиненных; в присутствии старшего начальника ему в порядке субординации докладываешь свои решения, которые он может и не утверждать, что, несомненно, сковывает инициативу.

Я тоже частенько посещал КП своих подчиненных, бывало, и вмешивался в их работу, отменял решения, но это, как правило, диктовалось боевой обстановкой» («Октябрь», № 4, стр.144).

Вообще говоря, это рассуждение автора ошибочно по своему существу, ибо оно не способствует воспитанию военных кадров в духе уважения старших начальников, доверия к их опыту и знаниям. В частности же, тов. ЧУЙКОВ В.И. еще раз подчеркивает, что вмешательство **других**, даже вышестоящих военачальников в руководство боем «сковывает инициативу» и, следовательно, **плохо**. А когда же **он**, Василий Иванович, вмешивался, то **хорошо**, так как это «диктовалось боевой обстановкой». Можно подумать, что присутствие тов. ЧУЙКОВА В.И. на КП своих подчиненных вызывало у них восторг и восхищение.

Своего рода «кредо» о взаимосвязи личного достоин-

ства и скромности автором высказано довольно определенно.

«Почти у каждого человека, — пишет он, — в новой обстановке, перед выполнением новых задач обостряется чувство собственного достоинства. Природа не лишила и меня таких чувств. Кстати, я не верю людям, которые, играя в напускную скромность, говорят, что они не думают о себе, о своем достоинстве» («Октябрь», № 3, стр. 108).

Видимо, автор вообще не допускает мысли о том, что могут быть люди действительно скромные по своему характеру, а не играющие в напускную скромность, меньше всего думающие о своих достоинствах и больше всего о порученном им деле. Так и хочется сказать:

«Уважаемый Василий Иванович, снимите очки «величия», посмотрите вокруг себя простыми глазами и Вы увидите сотни, тысячи советских людей, по-настоящему скромных, отдающих все свои силы и способности общенародному делу и совершенно не кичащихся своим собственным достоинством».

Если бы действительность соответствовала, с позволения сказать, «философии» автора воспоминаний «Конец Третьего рейха», утверждающему, что перед выполнением каждой новой задачи у людей «обостряется чувство собственного достоинства», то в советском обществе давно бы уже перевелись нормальные люди. Они превратились бы в самовлюбленных эгоистов, дефилирующих друг перед другом, как индюки на птичьем дворе.

Благо, что это не так. Благо, что наши люди живут и воспитываются на основе марксистско-ленинской философии, выдвигающей на первое место при решении каждой новой задачи — **ответственность** перед народом за ее выполнение, а партия неустанно воспитывает у каждого члена нашего общества настоящую человеческую скромность и принимает решительные меры по отношению к тем, у кого настолько «обострилось чувство собственного достоинства», что закружилась голова от сознания собственного величия, и они оказываются не в состоянии решать новые задачи в новой обстановке.

Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что тов. ЧУЙКОВ в своих воспоминаниях пытается представить себя перед читателями таким новатором в военном деле, **создателем** новых оперативно-тактических приемов ведения боевых действий.

«Мне хотелось найти такой оперативно-тактический прием, — пишет автор, — **который ошеломил бы противника новшеством и внезапностью**» («Октябрь», № 3, стр. 108).

Ничего не скажешь, посылка солидная. Как же она реализуется? Об этом в воспоминаниях написано следующее:

«Наконец, после напряженных раздумий, после тщательного анализа сведений, собранных о противнике, стало созревать решение. Оно базировалось на **личном** опыте.

На Южном фронте мной применялась разведка, перерастающая в наступление» («Октябрь», № 3, стр. 109).

И далее автор излагает суть этого приема, который он решил использовать и в предстоящей операции. И только-то. Как говорится, «Гора родила мышь». А какие громкие фразы этому предшествовали: «...ошеломить противника», «новшество» и т.д.

Кстати, это «ошеломляющее новшество» автор применяет и в последующих операциях, в частности в Висло-Одерской операции, и, закономерно опасаясь упрека в шаблоне, оговаривается: «Едва ли противник успел разгадать **новую** тактику: ведь на Висле перед нами были другие части» («Октябрь», № 3, стр. 118).

Аналогично было и при наступлении с Мангушевского плацдарма:

«...Я предложил, — пишет тов. ЧУЙКОВ В.И., — тот же вариант наступления, который хорошо оправдал себя в Ковельской операции» («Октябрь», № 3, стр. 131).

Автор так уверовал в это «ошеломляющее новшество», что и при анализе Берлинской операции не преминул его вспомнить:

«Я убежден, что, если бы по примеру прошлого разведка была проведена по методу перерастания ее в наступление, с наращиванием сил, мы могли бы в тот же день,

14 апреля, овладеть Зееловскими высотами» («Октябрь», № 4, стр. 143).

Вот, оказывается, в чем причина задержки наших войск перед зееловскими позициями, — не применили «ошеломляющую новшеством» тактику, якобы разработанную на основе **личного** опыта автором воспоминаний «Конец Третьего рейха».

Лавры «первооткрывателя», видимо, никак не дают покоя тов. ЧУЙКОВУ В.И. Рассказывая о тактике боевых действий наших войск в Берлине, он пишет:

«Одним из таких многочисленных отходов от уставных догм обусловлено появление тактики мелких штурмовых групп. Она родилась в уличных боях на берегах Волги» («Октябрь», № 5, стр. 129).

Но ведь известно, что тактика мелких штурмовых групп применялась и ранее, до великой битвы на Волге. Еще в войне с белофиннами, при прорыве линии Маннергейма на Карельском перешейке наши войска применяли тактику боевых действий штурмовыми группами. Тов. ЧУЙКОВ В.И. об этом прекрасно знает, так как сам участник войны с белофиннами. Зачем же заявлять свое право на авторское свидетельство за изобретение, которое давно уже изобретено другими.

Отнюдь не о скромности автора воспоминаний свидетельствует и такое, например, его заявление, когда он пишет:

«...**Я решил** не втягивать свои главные силы, а также 1-ю танковую армию в бой за ПОЗНАНЬ» («Октябрь», № 3, стр. 143).

Уважаемый Василий Иванович, Вы могли принимать любое решение по руководству своими войсками, но отнюдь не 1-й гвардейской танковой армией. У нее был свой командарм, который и принимал соответствующие решения. Никто Вам не давал полномочий для принятия решения о боевых действиях 1-й гвардейской танковой армии, да Вы его и не принимали.

- А с каким апломбом, прямо-таки хочется сказать, наполеоновски предстает перед читателями автор воспо-

минаний в связи с приведенным текстом ультиматума гарнизону города ПОЗНАНЬ:

«Я, генерал ЧУЙКОВ, разбивший вашу 6-ю армию Паулюса в Сталинграде, предлагаю вам немедленно сложить оружие и сдаться в плен. Я гарантирую вам жизнь и возвращение на родину после войны» («Октябрь», № 4, стр. 133).

Но ведь 6-ю армию Паулюса разбивал не один генерал ЧУЙКОВ, там были и другие генералы, командовавшие армиями, фронтами, и даже Маршалы Советского Союза. Об этом автору воспоминаний полезно было бы помнить еще тогда, во время составления текста ультиматума, а тем более сейчас, публикуя его для широкого круга читателей.

Или, например, что стоит сценка беседы автора воспоминаний с немецким генералом Кребсом:

«ЧУЙКОВ: — Где вы были во время Сталинградского сражения и как вы к нему относитесь?

КРЕБС: — Тогда я воевал на Центральном фронте у Ржева... Вы были в Сталинграде командиром корпуса?

ЧУЙКОВ: — Нет, командуя армией.

КРЕБС: — Я читал сводки о Сталинграде и доклад Манштейна Гитлеру. Кто вы?

ЧУЙКОВ: — Я ЧУЙКОВ.

КРЕБС: — ЧУЙКОВ?!

Долгая пауза. Кребс пристально смотрит на меня» («Октябрь», № 5, стр. 143).

Одним своим именем тов. ЧУЙКОВ прямо-таки шокировал начальника Генерального штаба сухопутных войск Германии.

Читаешь подобные строки воспоминаний «Конец Третьего рейха», и как-то даже неловко становится от бесконечных позирований автора перед читателями.

Кстати говоря, вообще весь рассказ автора о встрече с генералом Кребсом выдержан в духе чрезмерного подчеркивания своей роли и полномочий в проходивших переговорах о капитуляции.

Вызывает, например, сомнение, чтобы еще до решения Москвы и даже каких-либо указаний командующего

фронтом тов. ЧУЙКОВ взял на себя инициативу и полномочия для разъяснения Кребсу, что «мы можем вести переговоры только о полной капитуляции перед союзниками: СССР, США, Англии. В этом вопросе мы едины» («Октябрь», № 5, стр. 139).

Или же такое заявление тов. ЧУЙКОВА В.И. Кребсу:

«Мы дадим вам радиосвязь. Обнародуйте завещание фюрера по радио. Это прекратит кровопролитие».

Такое решение могло принять только Советское правительство, но не командующий армией.

А взять эпизод хода переговоров после приезда генерала Соколовского.

«КРЕБС: — Надо Деница вызвать сюда, пропустите его.

СОКОЛОВСКИЙ: — Я не полномочен это решать.

— Немедленно капитулируйте, — сказал я, — тогда мы организуем поездку Деница сюда» («Октябрь», № 5, стр. 149).

Как видите, Соколовский не полномочен, а Чуйков — полномочен?!

Автор воспоминаний «Конец Третьего рейха» договорился до того, что якобы и в памятнике-монументе, воздвигнутом в Трептов-парке в Берлине, увековечен подвиг сержанта 8-й гвардейской армии тов. Масалова, спасшего от смерти немецкую девочку.

Подвиг сержанта Масалова действительно достоин всемерного одобрения и популяризации, но зачем же путать божий дар с яичницей?

Неужели тов. Чуйков В.И. не знает, что в памятнике-монументе, стоящем в Берлине, увековечен подвиг не какого-то отдельного лица, а героический подвиг советского воина-освободителя, спасшего будущее человечества (в образе скульптуры девочки) от фашизма. Зачем же ему понадобилось одним росчерком пера зачеркнуть на символическом памятнике-монументе имя Советский солдат и написать там фамилию сержанта 8-й гвардейской армии?

Можно только сожалеть, что такая популярная, ува-

жаемая и авторитетная газета, как «Комсомольская правда», «клюнула» на это сенсационное открытие тов. Чуйкова В.И. и с присущей ей задором взялась разыскивать конкретных лиц, подвиг которых якобы прославлен в памятнике-монументе, низводя тем самым его символику до уровня обыкновенного памятника бойцу.

* * *

В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза тов. ЧУЙКОВ В.И. делает целый ряд довольно оригинальных, но крайне сомнительных, вследствие слабой аргументации, выводов и обобщений. Они нередко расходятся с принятой у нас официальной точкой зрения и поэтому, на мой взгляд, заслуживают определенного внимания.

Подводя итоги Висло-Одерской операции, тов. Чуйков В.И. пишет:

«За восемнадцать дней мы прошли с боями, без остановок более пятисот километров, совершили огромный по масштабу и стремительный по темпу стратегический бросок. И если бы Ставка и штабы фронтов как следует организовали снабжение и сумели доставить к Одеру нужное количество боеприпасов, горючего и продовольствия, если бы авиация успела перебазироваться на приодерские аэродромы, а понтонно-мотостроительные части обеспечили переправу войск через Одер, то наши четыре армии — 5-я ударная, 8-я гвардейская, 1-я и 2-я танковые — могли бы в начале февраля развить дальнейшее наступление на Берлин, пройти еще восемьдесят-сто километров и закончить эту гигантскую операцию взятием германской столицы с ходу.

Ситуация нам благоприятствовала. Гитлеровские дивизии, связанные наступательными действиями наших войск в Курляндии, в Восточной Пруссии, в районе Будапешта, конечно, не могли помочь берлинскому гарнизону. Дивизии же, перебрасываемые Гитлером с Западного фронта из Арденнских лесов, еще не были готовы для активных действий. Я уверен, что 1-й Белорусский и 1-й Украинский фронты могли выделить дополнительно по три-че-

тыре армии, чтобы вместе с нами решительно двинуться на главный военно-политический центр фашизма — на Берлин. А овладение Берлином решало исход войны» («Октябрь», № 4, стр. 128—129).

А далее утверждает:

«...что сил для продолжения Висло-Одерской операции исключительно до штурма Берлина у нас было достаточно; что опасения за правый фланг 1-го Белорусского фронта были напрасны, так как противник не располагал достаточными резервами для нанесения серьезного контрудара (кстати, это признал и сам Гудериан в своих «Воспоминаниях солдата»);

что планированный удар противника из района Штеттина мог осуществиться не ранее 15 февраля, причем незначительными силами;

что при решительном наступлении на Берлин в первой половине февраля силами семи-восьми армий, включая три-четыре танковые, мы могли сорвать удар противника из района Штеттина и продолжать движение на запад;

что для защиты столицы Германии в начале февраля у Гитлера не было достаточных сил и средств, как не было и подготовленных инженерных оборонительных рубежей; следовательно, путь на Берлин, по существу, оставался открытым» («Октябрь», № 4, стр. 129—130).

Несомненно, вывод автора о возможности взятия Берлина с ходу и окончания войны еще в феврале 1945 года является довольно оригинальным. Однако он крайне слабо аргументирован и поэтому не убедителен.

Невольно возникает вопрос: если путь на Берлин был открыт, то кто же мешал войскам 8-й гвардейской армии успешно форсировать реку Одер и триумфальным маршем прийти в логово фашистского зверя?

Однако, как признает автор воспоминаний, его войскам не удалось с ходу форсировать Одер, и дело тут, очевидно, не в том, что генерал Середин не обеспечил зенитного прикрытия, а в том, что противник сумел **ко времени подхода наших войск к реке ОДЕР** организовать достаточно прочную оборону. Это подтверждается еще и тем, что

уже после форсирования реки ОДЕР частям и соединениям 8-й гвардейской армии потребовалось затратить немало усилий и времени (порядка двух недель), чтобы расширить плацдарм до размеров, обеспечивших сосредоточение там необходимого количества войск 1-го Белорусского фронта, начавших с него мощное наступление на Берлин.

К тому же даже после захвата нашими войсками плацдармов на западном берегу реки ОДЕР противнику удалось сохранить за собой предмостные укрепления с центром в городе КЮСТРИН. Значительная часть его войск хотя и была окружена, но продолжала удерживать такие важные в оперативном отношении пункты, как города ШНЕЙДЕМЮЛЬ, ПОЗНАНЬ, БРЕСЛАУ, сковывая наши силы и средства, в том числе и соединения 8-й гвардейской армии. Противник удерживал также всю территорию Померанской провинции вплоть до города ДАНЦИГА, сосредоточивая на севере крупную группировку «ВИСЛА». К этому следует добавить, что коммуникации наших войск оказались растянутыми на 500 и более километров, железные дороги не работали, железнодорожные мосты через реку ВИСЛА были выведены из строя; запасы истощились, боевая техника и вооружение требовали восстановления и пополнения. Спрашивается, о каком наступлении на Берлин могла идти речь в таких условиях?

Конечно, в настоящее время проще рассуждать об этом. Если бы то да если бы другое... то можно было бы взять Берлин с ходу и в феврале закончить войну. Но, видимо, все эти «если» надо рассматривать с позиций того времени, а не сегодняшнего дня. Были ли тогда возможности, чтобы в сроки, указанные автором, материально обеспечить проведение операции по взятию Берлина и окончанию войны или нет. При этом нельзя забывать и того, что эту операцию надо было провести **навверняка** с полной гарантией в успехе.

Автор заявляет, что проведение этой операции «было связано с риском». Но какая военная операция обходится без риска? («Октябрь», № 4, стр. 129.)

На мой взгляд, с таким мнением автора в данном слу-

чае никак нельзя согласиться. Бесспорно, при проведении каждой военной операции есть определенный риск, но он, как правило, обуславливается расчетом на какие-то факторы, сводящие этот риск на нет. Иначе это будет не риск, а безрассудный азарт и авантюризм, которые неизбежно приведут к поражению «рискующего».

Прибегая к терминологии автора, можно задать ему такой вопрос. А если операция, которую, по его мнению, можно было провести в феврале 1945 года, окончилась бы для нас неудачно?

Нетрудно понять всю тяжесть и последствия подобного поражения не только в связи с потерями в живой силе и технике, но и в моральном отношении. При этом нельзя сбрасывать со счетов и возможную реакцию на такое поражение наших союзников военного времени — США и Англии.

В решении такой большой и ответственной задачи, как проведение операции по овладению Берлином, в результате которой должна была последовать капитуляция Германии, делать ставку на риск по меньшей мере безрассудно. Эту операцию надо было так тщательно и всесторонне подготовить, чтобы провести ее с полной гарантией в победе.

Поэтому мне представляется, что вывод Маршала Советского Союза тов. Чуйкова В.И. о возможности взятия Берлина и окончания войны в феврале 1945 года требует более всесторонней аргументации, изучения, а возможно, и специального обсуждения. Преподносить же его в таком виде широкому кругу читателей было со стороны автора по крайней мере преждевременно, если не сказать больше.

Не очень вески аргументы автора и в его утверждении о том, «...что капитуляция германских вооруженных сил началась или, точнее, состоялась значительно раньше 8 мая, что командование германских вооруженных сил было вынуждено принять условия безоговорочной капитуляции из рук Вооруженных сил СССР» («Октябрь», № 5, стр. 135—136).

Из содержания воспоминаний можно предполагать,

что это утверждение основывается главным образом на следующих доводах: результаты переговоров с генералом Кребсом, который записал себе наши условия капитуляции, на письме доктора Фриче, просившего взять Берлин под защиту, на приказе немецкого генерала Вейдлинга о прекращении сопротивления в Берлине и, наконец, на самом факте взятия Берлина нашими войсками.

Все эти перечисленные доводы не могут служить достаточно веским аргументом для вывода, сделанного автором. Генерал Кребс записал наши условия капитуляции, но он их не подписывал. Доктор Фриче и генерал Вейдлинг констатировали факт капитуляции Берлина, но не Германии.

Поэтому, на мой взгляд, нет никаких оснований ставить под сомнение тот исторический факт, что безоговорочная капитуляция состоялась 8 мая 1945 года, как это делает автор воспоминаний «Конец Третьего рейха».

Вызывает недоумение и такой вывод, сделанный автором воспоминаний. Говоря об усилении противоречий между Советским Союзом и его союзниками, он пишет:

«То, что определенные расхождения существовали, не было секретом.

Это было известно и нам, военным. Но со всей ответственностью можно заявить, что между военными союзниками, между солдатами антигитлеровской коалиции никаких противоречий не было. Мы имели одну общую цель, одного общего врага и стремились быстрее покончить с ним» («Октябрь», № 5, стр. 153).

На мой взгляд, в этом выводе перепутано все и вся, а сам по себе он является ошибочным и вредным. Если внимательно вдуматься в этот вывод, то нетрудно понять, что, по мнению автора, были государства: СССР, США, Англия; их правительства, между которыми существовали «определенные расхождения». В то же время были военные союзники: СССР, США и Англия, между которыми «никаких противоречий не было».

Это же абсурд. «Военный союзник» не отвлеченное понятие, а в данном случае страна, во главе которой стоит

правительство, и это правительство проводит свою политику, которая неизбежно отражается и на поведении данной страны как военного союзника. И не прав тов. Чуйков В.И., что между СССР, США и Англией как военными союзниками «никаких противоречий не было». Они были и хорошо известны каждому взрослому советскому человеку. Эти противоречия нашли свое конкретное отражение и в несвоевременной поставке нашей стране вооружения и техники, предусмотренной соответствующими договорами, и в стремлении США и Англии затянуть открытие второго фронта, и по многим другим вопросам.

Все это давно известная истина, и, естественно, вызывает недоумение, для чего понадобилось тов. Чуйкову В.И. путаницу своих суждений выносить на страницы печати под видом такого глубокомысленного и «ответственного» заявления.

В заключение следует сказать, что воспоминания Маршала Советского Союза тов. Чуйкова В.И. «Конец Третьего рейха» подготовлены к печати и выпущены в свет крайне небрежно. В них перепутаны наименования ряда городов, неправильно написаны некоторые фамилии, истинные наименования объединений и т.п. На всем этом лежит печать поспешности и недоработок автора, а также чрезмерной доверчивости и невнимательности редакции.

Правда, это журнальный вариант готовящейся к печати книги тов. Чуйкова В.И. Однако мне представляется, что неряшливые страницы и в журнальном варианте не делают чести ни автору произведения, ни редакции одного из старейших и уважаемых читателями журналов, каким является «Октябрь», печатающийся в издательстве «Правда».

Из всего сказанного можно сделать следующий вывод.

В воспоминаниях Маршала Советского Союза тов. Чуйкова В.И. «Конец Третьего рейха» собран хороший, интересный и полезный материал о боевых действиях наших Вооруженных сил на заключительном этапе войны с гитлеровской Германией. Однако многие исторические события и факты автором воспоминаний излагаются неверно, тенденциозно, а ряд важных обобщений и выводов

сделаны поспешно, без достаточной аргументации и доказательств. Поэтому публикация их в таком виде, как они представлены в журнале «Октябрь», может только ввести в заблуждение читателей, чего, на мой взгляд, допускать никак нельзя.

Всем содержанием воспоминаний автор непомерно возвеличивает свою роль; у него отсутствуют элементарная скромность и самокритичность, в то же время он без должного чувства меры охаивает действия вышестоящих штабов, их представителей, умаляет роль объединений, совместно с которыми 8-я гвардейская армия участвовала в боевых операциях.

Отсюда следует, что книга Маршала Советского Союза тов. Чуйкова В.И. «Конец Третьего рейха» должна выйти в свет лишь после серьезной переработки ее автором и тщательной сверки излагаемых событий и фактов с подтверждающими их документами истории. Иначе эта книга принесет не пользу, а вред.

И вообще, товарищи, пора навести порядок с изданием мемуарных произведений.

*ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
А. БАБАДЖАНИЯ*

22 октября 1964 года

ПО ПОВОДУ КНИГИ В.Г. ГРАБИНА «ОРУЖИЕ ПОБЕДЫ»

За последние годы вышло в свет много мемуарных произведений, посвященных событиям Второй мировой войны. Их авторы, в большинстве своем видные военачальники, непосредственные участники Великой Отечественной войны, делятся с читателями своими воспоминаниями о событиях этого важнейшего периода в жизни советского народа.

Значительно меньше воспоминаний о работе наших конструкторских и заводских коллективов, внесших огромный вклад в дело создания и обеспечения боевой техникой и вооружением наших доблестных Вооруженных сил.

Поэтому понятен тот интерес, с которым были встречены воспоминания Героя Социалистического Труда, генерал-полковника технических войск В.Г. Грабина, в прошлом видного конструктора артиллерийского вооружения, опубликованные в журнале «Октябрь» под названием «Оружие Победы» (№№ 10, 11, 12 за 1973 год и №№ 8 и 9 за 1974 г.).

Произведения этого жанра призваны к тому, чтобы помочь читателю глубже познать те или иные события, важные исторические факты, о которых автор пишет как непосредственный их участник или очевидец.

Поэтому читатели надеются на достоверность излагаемого материала; полагая, что автор не сочиняет, а рассказывает о том, что видел и пережил сам, и не только рассказывает, но и дает квалифицированную оценку этим

фактам и событиям, делает правильные обобщения и выводы. Это накладывает большую ответственность как на автора, так и на издательства.

Всякие неправильные обобщения и выводы, искажения фактов не только не способствуют более глубокому пониманию прошедших событий, а, наоборот, дезориентируют читателей, создают у них ложное представление об этих событиях и людях, принимавших в них участие.

Особо недопустимо, когда, мягко говоря, авторы скатываются на путь самовосхваления, одновременно предавая забвению сделанное другими коллективами и лицами, незаслуженно обижая и даже оскорбляя их.

Примером подобных мемуаров являются воспоминания В.Г. Грабина.

Воспоминания в основном посвящены созданию и становлению конструкторского бюро на одном из приволжских артиллерийских заводов в период 1934—1941 гг. и его работе по разработке 76-мм дивизионной, 57-мм противотанковой и 76-мм танковой пушек. Автор достаточно подробно описывает процесс конструирования новых артиллерийских систем, их изготовление и испытания на различных уровнях. Показывает то новое и полезное, что было внесено им в дело проектирования и внедрения в производство артиллерийских систем.

По своей теме книга могла бы дать читателям, большинство из которых не помнит и не может помнить то предвоенное время, большее представление о труде советских людей, и в первую очередь конструкторских и заводских коллективов, их руководителей в деле укрепления обороноспособности страны, роли и месте военачальников, военных специалистов, руководивших разработкой систем вооружения и определявших направления развития вооружения и военной техники, но, к сожалению, этой цели автор не достиг. И не потому, что круг деятельности его был недостаточно широк, он не имел постоянных контактов с указанными коллективами и специалистами, или дело, которым он непосредственно занимался, не давало ему этой возможности. Напротив, автор имел

для этого богатейшие возможности, которыми в своих воспоминаниях воспользовался лишь с одной целью — непомерного раздувания своей роли, самовосхваления, приписывания себе качеств провидца, постоянно поучающего окружающих, многие из которых оглулены, выведены людьми невежественными, рутинерами, обывателями, неспособными понять нужды современной армии и характер предстоящих событий.

Особенно неприглядно выглядят руководящие работники военного ведомства, а также целые коллективы Центральных управлений Наркомата обороны.

При чтении книги создается впечатление, что никто, кроме Грабина В.Г., ничего не понимал в деле создания пушек, в том числе танковых. Самое удивительное, что в разряд непонимающих отнесены и Главное артиллерийское управление (ГАУ), и Автобронетанковое управление (АБТУ), которые были основными заказчиками и в действительности, по существу, руководили созданием нового вооружения и военной техники, оснащением им войск и освоением его. Как известно, со своими задачами эти управления успешно справились. Об этом свидетельствует та роль, которую сыграли танки и артиллерия в Великой Отечественной войне. По Грабину же, руководители ГАУ самые настоящие ретрограды, которым «и в голову не приходило» (№ 11, 1973 г., стр. 134), сколько выстрелов придется делать дивизионной пушке во время войны, они обмениваются недоуменными взглядами и саркастическими усмешками по поводу того, что Грабину разрешено включиться в работу по созданию 76-мм дивизионной пушки. «Мы их выручаем, а они волком смотрят» (№ 8, 1974 г., стр. 166).

Руководители АБТУ Павлов и Лебедев ни больше ни меньше не понимают роли танка и его назначения, считая, что главное — это движение и броня.

Грабин любит поучать всех и вся. Послушать его, так ни артиллеристы, ни танкисты не понимали, какая же пушка нужна танку. При этом снова автор не утруждает себя тем, чтобы привести какие-либо аргументы своих

оппонентов по занятой ими позиции. Грабин пишет: «В Главном бронетанковом управлении... первая встреча состоялась с заместителем начальника Лебедевым. Разговор не занял много времени. На наше предложение Лебедев почти слово в слово повторил то, что говорил мне два года назад по поводу специально для танка созданных пушек:

— Если пехота вашу пушку примет, тогда мы возьмем ее на вооружение среднего танка. Если пехоте ваша пушка не нужна, то и нам не нужна.

Все мои попытки убедить его в том, что танку все же требуется не полевая, а специальная пушка, что наше орудие уже скомпоновано в средний танк и танкисты высоко оценили пушки, ни к чему не привели. Было ясно, что здесь мы попусту теряем время.

Тогда мы обратились к начальнику ГБТУ Федоренко, но здесь разговор был еще короче. Как только я объяснил, зачем мы пришли, Федоренко сию же минуту встал и направился к сейфу. Вынув из сейфа папку, порылся в ней и сказал:

— В решении правительства пушка Ф-34 не значится.

Так и вернулись на завод мы ни с чем» (№ 9, 1974 г., стр. 155).

Стенограммы разговора с Федоренко у нас нет. Но из написанного следует, что он якобы был против установки пушки Ф-34 на танк Т-34 и не обговаривал с руководителями завода и КБ условия, при которых эта пушка могла быть установлена в танк.

Почему же на вопрос т. Сталина: «Как войска и лично Вы оцениваете пушку Грабина?», Федоренко ответил: «Пушка очень хорошая, танкистам нравится. Это самая мощная танковая пушка в мире. Наш Т-34 господствует на полях сражений»? (Там же, стр. 156.)

Выходит, никто из военных должностных лиц, имевших прямое отношение к делу создания танков, не хотел ставить в танк мощную пушку, был категорически против пушки Грабина, и все-таки в короткие сроки она

была установлена, и те же военные отзывались о ней восторженно.

Не менее бесцеремонен автор в характеристике «инспектора артиллерии Воронова», который ратует за старую «сорокапятку», не видя необходимости в создании более мощной противотанковой пушки (там же, стр. 157).

Столь же неубедительно описана беседа со Сталиным в декабре 1941 года по вопросу уменьшения длины ствола 57-мм пушки ЗИС-2 по рекомендации т. Говорова якобы из-за ее большой мощности (пробивает немецкие танки насквозь) и очень высокой меткости.

« — Значит, вы не согласны укоротить ствол? — спросил Сталин.

— Да, я считаю это нецелесообразным.

— Тогда мы ее снимем с производства.

— Лучше это.

— Значит, мы ее снимаем, — заключил Сталин.

Решением Государственного Комитета Обороны производство ЗИС-2 было прекращено».

В подтверждение своей правоты Грабин далее пишет, что в 1943 году ЦАКБ, которое он возглавлял, в докладной записке на имя т. Сталина предложило возобновить производство ЗИС-2.

«Государственный Комитет Обороны одобрил это предложение. И через три недели после решения ГКО армия вновь стала получать пушки ЗИС-2...» (там же, стр. 164). Многочисленные многоточия поставлены Грабиным.

Ничего удивительного в этом решении ГКО не было. И, очевидно, дело было не в длине ствола и высокой меткости, а в тех трудностях, которые переживала страна, и изысканием возможности обойтись временно меньшей номенклатурой орудий и боеприпасов.

Вопросы борьбы с танками с первых дней войны находились под неослабным вниманием ЦК партии и правительства. Это нашло свое выражение не только в организации производства и расширении выпуска противотанковых ружей, зажигательных средств, мин, 45-мм пушек,

но и в заботах о повышении огневой мощи противотанковой артиллерии, выпуске самоходных установок, усилении вооружения танков, авиации и др. При этом учитывался намечающийся выпуск немцами новых, более мощных танков.

Следует помнить, что в 1943 году многие важнейшие предприятия промышленности, перебазированные на Восток, ввели в строй новые мощности.

Заостряя внимание читателей лишь на указанных фактах и своей прозорливости, автор ставит под сомнение не только репутацию весьма уважаемых и доказавших свои способности и преданность Родине лиц, но и выхолащивает смысл правительственных решений. (Мол, сначала сняли с производства ЗИС-2, а потом вынуждены были возобновить выпуск.)

Вообще т. Грабин питает страсть к поучениям, не отказывая себе в этом даже при докладе руководителям партии и правительства (Сталину, Ворошилову, Молотову и др.). Докладывая о пушке Ф-22, о том, что она «...изготовлена из отечественных материалов и на отечественном оборудовании, что очень существенно (поясняет он им далее), особенно в случае войны» (№ 11, 1973 г., стр. 152).

Весьма лихо т. Грабин расправляется со своими «противниками», вкладывая в их уста речи, которые вновь и вновь должны показать нам его собственную прозорливость и невежество, косность либо ошибочность взглядов всех остальных.

Так, когда Елян и Грабин приехали в Москву к начальнику ГАУ (дата не указывается) с предложением использовать пушку Ф-34 для танка, начальник ГАУ якобы ответил: «Нужна или не нужна ваша пушка, решают танкисты. Мы же в данном случае оформляем ТТТ и договор на создание и поставку пушки. Ничем вам помочь не могу» (№ 9, 1974 г., стр. 154). Довольно четкая позиция.

В один из мартовских дней 1941 года тот же начальник ГАУ, приехав на завод, выражает опасение в связи с перспективами развития танков в Германии, проявляя при

этом особую озабоченность по поводу недостаточной огневой мощи советского танка КВ-1:

«В этой связи особенно беспокоит вооружение нашего танка КВ-1 76-мм пушкой Ф-32, которая по мощности уступает даже пушке Ф-34 среднего танка. КВ-1 нужно срочно перевооружить...

— У некоторых из нас сложилось неправильное представление о танковой пушке. Она действительно должна быть специально создана для данного типа танка» (№ 9, 1974 г., стр. 168).

Здесь уже не танкисты решают, какой должна быть танковая пушка. От былой инертности начальника ГАУ не остается и следа. Попутно делается признание о правоте Грабина и ошибочности позиции ГАУ. Такой метод «цитирования» Грабин использует неоднократно.

Красной нитью через всю книгу проходит не сотрудничество, а борьба, которую Грабину приходилось вести с Артиллерийским управлением Наркомата обороны, с заказчиком, с «военными товарищами». Грабин пишет: «...На смену творческим волнениям пришло новое доселе неиспытанное чувство предстоящей борьбы в тяжелых и неравных условиях... До сих пор никто из Наркомата обороны, кроме представителей АУ Елисеева и Бурова, ни малейшего интереса к этой пушке не проявил. Словом, военных руководителей наша пушка совершенно не интересовала» (№ 11, 1973 г., стр. 145).

Описывая результаты испытаний на прочность 76-мм пушки, когда на последних выстрелах появились отказы и пушка вышла из строя, Грабин, в частности, пишет:

«Никому из нас и в голову не могла прийти возможность подобного финала. Не было у пушки таких дефектов, не должно было этого случиться, а случилось... Вот вам результат борьбы молодого завода и молодого коллектива конструкторов» (№ 11, 1973 г., стр. 165).

Далее т. Грабин поясняет: «...Причина заключалась в плохой сварке... сварили бы хорошо, и никакой беды не было бы» (там же).

После этого и вовсе не уместна драматизация и, непо-

нятно, при чем тут борьба молодого завода и молодого коллектива конструкторов?

Поверить автору, так военные испытатели на войсковых полигонах получали «своеобразное удовлетворение», когда «в новой пушке что-то ломалось», и «искренне» огорчались, «если не ломалось ничего» (№ 11, 1973 г., стр. 161).

На заседании Правительства рассматривается вопрос о пушке Ф-22 (как и во многих других случаях, даты автор не приводит). Грабин пишет:

«В приемной в Кремле, когда мы туда прибыли, уже было множество и военных, и штатских... Мне даже стало не по себе. Если все они навалятся на пушку, то ей не устоять. Военные все с ромбами, тут же и маршалы, а штатских тоже, по-видимому, товарищей ответственных и не считать. Если бы пушка выдержала испытания, тогда бы не страшно было, а то нас поколотили, и крепко. Как защищаться? Ума не приложу...

С докладом выступил неизвестный мне инженер Артиллерийского управления. Он начал читать подготовленный текст о результатах испытания. В основном это был перечень недостатков пушки: полуавтомат работает ненадежно, подъемный механизм при выстреле сдает, рессоры ломаются и еще, и еще, и еще...

...Очень тяжело было мне, побитому конструктору, слушать такие итоги, да еще в таком месте — в Кремле, в присутствии таких высоких руководителей. Я забыл все, что готовил к выступлению. Хотелось убежать из зала заседаний. А докладчик все молотит и молотит, как обухом по голове. Одни только недостатки оказались у пушки» (№ 12, 1973 г., стр. 123).

В чем видит Грабин предвзятость отношения военных к нему?

Что они докладывают руководителям партии и правительства результаты испытаний без прикрас, останавливаясь на недостатках.

А как они могли иначе? Сам Грабин признает эти недостатки в своем выступлении.

«Я начал с того, что все перечисленные недостатки действительно существуют, — сам видел при испытаниях. Недостатков много, но главных три» (там же).

Как видим, представитель Артиллерийского управления не «молотит и молотит», а докладывает то, что и обязан доложить по результатам испытаний такого важного и массового вида вооружения, как пушка.

Далее Грабин обвиняет в злом умысле инспектора артиллерии, требовавшего использовать для новой 76-мм пушки патроны пушки образца 1902/30 г., которых в стране имелись большие запасы:

«Вот «ход конем» — не одним, так другим губят пушку» (там же, стр. 124).

Это требование поддержали не только другие военные, их одобрило заседание.

Никаких непреодолимых трудностей перед КБ Грабина не было поставлено, и вскоре пушка Ф-22 была доработана, выдержала испытания, и комиссия рекомендовала ее на вооружение Красной Армии.

Можно допустить, что молодой конструктор Грабин не мог учитывать всех причин, которые обусловили принятие Правительством решения о быстрейшей отработке дивизионной пушки при обеспечении возможности использования мобилизационных резервов гильз. Но умудренному большим жизненным опытом генерал-полковнику вряд ли простительно не учитывать этого теперь.

Но дело, видимо, не в этом. Раз уж автор решил «доказать», что все были против него и какую героическую борьбу ему пришлось вести «в тяжелых и неравных условиях», то ему не до объективных фактов.

Необходимость дальнейшего совершенствования дивизионной пушки очевидна только Грабину.

Он пишет: «...ГАУ не возобновило с нашим заводом договор на продолжение производства Ф-22 в 1941 году, мотивируя это тем, что дивизионными орудиями армия полностью удовлетворена в соответствии с мобилизационными планами Генштаба. А если это так, то кому

нужна новая дивизионная пушка, будь она сверхсовершенна?..

И все же мы взялись за эту работу, предварительно взвесив все «за» и все «против». Соображения были следующие: **самый приблизительный подсчет** (подчеркнуто мной. — А.Б.) показывал, что на вооружении Красной Армии к началу 1941 года все-таки меньше дивизионных орудий, чем было на вооружении русской армии перед Первой мировой войной. Масштабы Первой мировой войны не могли не уступать развороту будущей войны, неотвратимость которой ни у кого из нас не вызвала сомнений. Следовательно, не исключена возможность, что придется возобновлять производство Ф-22 УСВ. А раз так, гораздо выгоднее иметь про запас на случай войны новую дивизионную пушку, которая по всем показателям будет превосходить Ф-22 УСВ» (№ 9, 1974 г., стр. 169).

Здесь Грабин не ограничивается оглушением отдельных должностных лиц. Видимо, ни ГАУ, ни Генеральный штаб были не в состоянии либо не удосужились произвести даже «самый приблизительный подсчет», чтобы сравнить количество стволов дивизионной артиллерии у нас и в старой русской армии, правильно оценить мобилизационные потребности, мыслили категориями Первой мировой войны и совершенно не представляли себе масштабов будущих боевых действий.

Зачем понадобилось автору путать вопросы серийного выпуска с разработкой новой пушки? Всему миру известно, что в вопросах развития вооружения и военной техники нельзя стоять на месте. Не ставили точку на последнем серийном образце ни артиллерия, ни танки, ни авиация.

И вновь противопоставление себя всем и вся, не видящим дальше своего носа, выпячивание собственной личности — единственного провидца, умеющего заглянуть в будущее и смело закладывающего его основы вопреки всеобщему противодействию.

Непозволительно фамильярно и бесцеремонно Грабин разглядывает и описывает одного из выдающихся героев

Гражданской войны, видного военного деятеля М.Н. Тухачевского:

«Внешность М.Н. Тухачевского не соответствовала моим представлениям о большом пролетарском полководце. Уж очень красив и молод, созданный как будто не для военных, а совсем для других (?) дел» (№ 11, 1973 г. стр. 134).

Говоря о приверженности М.Н. Тухачевского к идеям использования в артиллерии динамо-реактивного принципа, автор приписывает ему легкомыслие и недалекость в решении вопросов, имеющих первостепенное значение для обороны страны, и мимоходом так характеризует его, а заодно подчеркивает свою принципиальность и смелость:

«По-видимому, искренне убежденный в своей правоте, он не мог доказать ее, но, как человек увлекающийся, горячий, не считал для себя возможным отступать. Как я понял, ему до сих пор не только никто не возражал относительно его идеи перевода всей артиллерии на динамо-реактивный принцип, но даже поддакивали: не все решаются говорить начальству правду, если знают, что эта правда будет начальству неприятна. Я же как специалист не мог, не имел права не возражать» (№ 11, 1973 г., стр. 150).

В своих воспоминаниях автор приводит многочисленные примеры бесед с т. Сталиным, который советуется с ним по вопросам вооружения и, в частности, танкового.

Так, в очередной раз вызвав к телефону Грабина, Сталин говорит:

« — Я хочу с Вами посоветоваться. Есть мнение, что тяжелый танк вооружен маломощной пушкой, не отвечающей задачам тяжелого танка...»

И продолжает:

« — Значит, у вас давно сложилось мнение о недостаточной мощности семидесятишестимиллиметровой пушки для тяжелого танка?

— Да, товарищ Сталин.

— Очень жаль, что я раньше не знал об этом. Скажите,

пожалуйста, можно ли в тяжелый танк поставить стосеми-миллиметровую пушку?

— Можно, товарищ Сталин.

— Значит, мощную стосемиимиллиметровую пушку мы установим в тяжелый танк?

— Да, товарищ Сталин.

— Спасибо Вам за совет, до свидания» (№ 9, 1974 г., стр. 169, 170).

Полноте, т. Грабин, что мешало Сталину узнать ваше мнение? И почему о возможности установки в танк 107-мм пушки он спрашивает вас, а не главного конструктора тяжелых танков т. Котина Ж.Я.? Или Сталину не было известно, кто устанавливает пушку в танк?

Почему-то автор умалчивает о дальнейшей судьбе 107-мм пушки. Видно, причины неудач с ее отработкой нельзя взвалить на военных.

В безудержном самовосхвалении автор переходит всякие границы. Он пишет:

«18 мая на городской площади состоялась моя встреча с избирателями, и дернула меня нелегкая во всеуслышание заявить, что фашистская Германия — наш злейший враг и война неизбежна в ближайшем будущем. Впрочем, «нелегкая дернула» — неточное объяснение. Я прекрасно понимал и значение пакта о ненападении, связывавшего в то время СССР и Германию, и то, каких трудов стоит продление мирной передышки, и то, как нужна она, чтобы дать Красной Армии современное боевое оружие. И вместе с тем, оказавшись перед моими избирателями, я не мог не высказать им «открытым текстом» того, что меня волнует.

Читатель, знакомый с обстановкой в стране в те предвоенные месяцы, поймет, как прозвучало мое выступление перед сотнями людей и чем это могло для меня обернуться» (№ 9, 1974 г., стр. 174).

Чего здесь больше — рисовки, самолюбования или политической незрелости?

На протяжении всей книги (более 170 журнальных страниц) не нашлось ни одного доброго слова о других

главных конструкторах, о других, не конструкторским бюро Грабина созданных, орудиях. Наоборот, автор старается подчеркнуть недостатки других и самовлюбленно перечисляет преимущества своих решений, своих пушек (№ 11, стр. 155; № 12, стр. 136; № 8, стр. 180) и т.п.

А ведь известно, что мощные длинноствольные орудия, за которые ратовал якобы один Грабин, были установлены на последующих образцах наших танков. В их разработке принимало участие и КБ Грабина, однако лучше с этой задачей справились другие КБ, чьи орудия и были приняты.

Получается (по книге) довольно-таки мрачная картина, и если бы не Грабин и руководимое им конструкторское бюро, то Советская Армия осталась бы без пушек. И сколько «предвидения» у молодых конструкторов во главе с Грабиным, которые в 1934 году решили переехать в Приволжье на безвестный завод, «чтобы возродить на новой основе мозговой центр ствольной артиллерии» (№ 10, стр. 135). Как громко и как нескромно.

Это конструкторское бюро сделало много, его работа по заслугам оценена партией и правительством. Но Грабин в своих воспоминаниях наделяет свое конструкторское бюро такими способностями, которые якобы позволяли решать несвойственные ему задачи. По книге получается, что не над КБ (ОГК) директор завода, а, наоборот, над директором КБ (ОГК). Вот один из примеров. В ОГК «в конце концов единодушно решили: запускать ЗИС-3 и ЗИС-30 на валовое производство» (№ 9, стр. 181).

Непонятно, почему и по чьему заданию КБ обсуждает проблемы танкового вооружения (№ 8, стр. 184), определяет «главенствующие характеристики танка» и приходит к выводу, что «танк — повозка для пушки». Это же абсолютное непонимание сущности танка как вида вооружения. Кроме того, автор воспоминаний очень слабо разбирается в устройстве танков. Только этим можно объяснить такие выражения: «средние танки с колесно-гусеничным движением», «верхний и нижний лобовые листы, нави-

сающие над гусеницей» (№ 8, стр. 19), «мощность брони» (№ 9, стр. 170).

Ошибочные взгляды т. Грабина на предназначение танка как боевой машины иллюстрирует также его ссылка на вооружение французского танка (№ 8, 1974 г., стр. 183). Автор не утруждает себя анализом, нужно ли иметь на танке 155-мм гаубицу (а это была гаубица, а не пушка, как ошибочно пишет автор) наряду с 75-мм пушкой, к чему привела установка такого вооружения в танк. А ведь известно, что этот французский танк, созданный в 1928 году, при весе 75 т имел максимальные толщины брони 35—50 мм, его не выдерживали мосты, он был малоподвижен (максимальная скорость — 15 км/час), громоздок, легко уязвим.

Очевидная сомнительная боевая ценность этого танка обусловила прекращение работы над ним.

Такова же была судьба и других подобных машин. В то же время, когда появилась необходимость и с созданием у нас 122-мм пушки с клиновым затвором (кстати, не конструкции КБ т. Грабина), ее удалось установить в 1943 г. в модернизированный танк ИС-1, получивший индекс ИС-2.

Этот танк при весе 45 т явился наиболее мощным танком Второй мировой войны. Наряду с высокой огневой мощностью он был подвижен и хорошо защищен. Известно, что командование немецко-фашистской армии во избежание больших потерь запрещало своим танкистам вступать в единоборство с этим советским танком.

Непонятно, почему Грабин берется за несвойственное ему дело.

Если верить Грабину, то созданием артиллерийского вооружения в тридцатые годы никто не руководил, в этом деле был хаос, а ГАУ и АБТУ являлись тормозом развития вооружения. Системы не было, а был труд одного КБ (Грабина) и отдельных одиночек. Вот как Грабин описывает процесс создания танковых пушек КВ и Т-34.

Грабин встречается с Соркиным (военный инженер из ГАУ) на курорте, и последний предлагает Грабину взяться

за разработку танковой пушки (№ 8, стр.181). Затем КБ получает «заказ на специальную танковую пушку, **добытый** (подчеркнуто мной. — А.Б.) стараниями Р.Е. Соркина (№ 8, стр. 184). На помощь приходит военный инженер из АБТУ В.И. Горохов. «Очень быстро они (Горохов и Соркин) раздобыли их для нас и доставили на завод легкий танк БТ-7 выпуска 1935 года» (№ 8, стр. 184). И «танк с нашей Ф-32 стал солидным, грозным. Первый раз танковое орудие не выглядело второстепенным придатком боевой машины, пушка и танк составляли одно целое».

Действия Соркина и Горохова непонятны (особенно военному читателю) и, как они показаны в книге, во многом противозаконны. Эти военные инженеры выведены одиночками-героями, выступающими в обход своих начальников. Они «...не жалели ни времени, ни своих сил, чтобы делом — новой танковой пушкой — опровергнуть «кавалерийские концепции» ГАУ и АБТУ» (№ 8, стр. 185). А Горохов берет на себя право заявить: «76-мм пушка для вооружения среднего танка уже имеется. Поздравляю вас, друзья, с большим успехом!»

А как создается пушка для среднего танка?

«...От Горохова и Соркина нам стало известно, что одному из КБ предложено спроектировать средний танк и вооружить его 76-мм орудием... И хотя ни от ГАУ, ни от АБТУ мы не получили приглашения подумать об этой работе, а сведения о среднем танке были неофициальными, это нас не смутило, и мы решили срочно заняться пушкой для среднего танка» (№ 8, стр. 186). Трудно поверить, что это может происходить в социалистическом государстве с его плановой экономикой. Получается, что пушка Ф-34 для среднего танка никем не была заказана, а на стр. 194 (№ 8, 1974 г.) читаем: «По приказу заказчика нашу пушку отправили на советско-финляндский фронт». Видимо, заказчик все-таки был.

В книге имеется также большое число противоречивых утверждений, неточностей, неясных выражений, хронологических неточностей.

Вот несколько примеров.

На совещании в Кремле Грабин в своем выступлении подчеркивал, что одним из преимуществ его пушки Ф-22 является то, что «она дешевая» (№ 11, стр. 159). И вдруг она оказалась «малотехнологичной — трудной для производства, следовательно, дорогостоящей» (№ 8, стр. 159).

Грабин пишет, что «конструктивная схема КВ также выгодно отличала его от тяжелых танков капиталистических стран» (№ 8, стр. 186), а буквально через пять страниц читаем, что этот «танк был конструктивно несовершенен» (№ 8, стр. 191).

Не стыкуются даты в эпизоде вызова Грабина к Жданову (№ 9, стр. 174).

Неверно утверждение, что «...за всю Великую Отечественную войну не было зарегистрировано ни одного случая, когда бы ствол (речь идет о пушке танка) зачерпывал землю и при выстреле разрывался» (№ 8, стр. 187). На самом деле такие случаи были не единичны.

В книге встречается множество неудачных литературных оборотов и сравнений. Так, например:

— «так называемых военпредов, то есть по приемке продукции» (№ 10, стр. 117);

— «налаженная рабочая обстановка пошла под откос» (№ 10, стр. 134);

— «форменное бездорожье» (№ 11, стр. 148);

— ствол артиллерийского орудия сравнивается с ножкой штатива для фотоаппарата (№ 11, стр. 134).

Книга названа «Оружие Победы». Не слишком ли претенциозно? Победа была достигнута с использованием всех видов оружия, что известно каждому школьнику. Что же касается артиллерии, то ее вклад в дело Победы не ограничивается только орудиями, созданными КБ Грабина.

Приходится сожалеть, что редакция весьма уважаемого журнала «Октябрь» нашла возможным опубликовать в таком виде воспоминания В.Г. Грабина, в которых исторические факты изложены тенденциозно, а порой и искажены, оговорен ряд заслуженных военных деятелей, умаляется роль других конструкторов и непомерно раздуты личные заслуги автора.

Книга т. Грабина в представленном виде не может быть издана, т.к. она пользы не принесет, а причинит только вред.

Рецензируя книгу Грабина, я рассматривал ее с позиций читателя-танкиста. Очевидно, для всесторонней оценки книги в части, касающейся вопросов, связанных с созданием и производством артиллерии, и в особенности полевой, свой отзыв должны дать соответствующие специалисты.

*МАРШАЛ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК
А. БАБАДЖАНЯН*

15 ноября 1974 г.

НА ОСТРИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

Под таким названием мне довелось прочитать новую книгу, которая, я убежден, займет достойное место в ряду не только мемуарной, но и военно-научной литературы последних лет, ибо в ней глубоко проанализированы многие бои в сражениях Великой Отечественной войны, сделаны поучительные выводы, даются ценные рекомендации. Речь идет о книге Героя Советского Союза маршала бронетанковых войск КАТУКОВА Михаила Ефимовича.

Имена крупных танковых военачальников в ходе Великой Отечественной войны были широко известны не только воинам Советской Армии, но и всему народу. Среди них чаще других называлась фамилия командующего 1-й танковой армией генерала КАТУКОВА М.Е. — ныне маршала бронетанковых войск, дважды Героя Советского Союза.

Мне, как участнику войны и проведшему почти всю войну в составе этой армии, довелось быть очевидцем всех боев и сражений, о которых повествует автор книги «На острие главного удара».

Маршал КАТУКОВ рассказывает о войне чистую и искреннюю правду, оценивает ее честным взглядом солдата, и война рисуется нам такой, какой она была на самом деле. Он ведет читателя через поля почти всех сражений и битв Великой Отечественной войны, и мы, участники этих сражений, как бы чувствуем себя на борту

танка, ныряющего сквозь крупнейшие танковые сражения.

Автор книги принимал самое активное участие в битве под Москвой, в боях на Калининском, Северо-Западном, Воронежском, Первом Украинском и Белорусском фронтах. Он не только участвовал, но и руководил крупным танковым объединением — танковой армией в битве под Курском, в операциях, которые получили наименования Житомирско-Бердичевской, Проскурово-Черновицкой, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской, Померанской и Берлинской, где танковая армия под командованием маршала КАТУКОВА действовала успешно в необычных и трудных условиях. В многочисленных и жестоких боях за нашу Родину у автора книги выработывались новая тактика боя, новые взгляды на операции и сражения, на применение танковых войск, где каждый бой подтверждал мастерство и славу советских танкистов.

На его глазах рождались и уходили в бессмертие десятки и сотни героев-танкистов. Автор помнит всех, с кем он делил горечь неудач и с кем шел к победе. Он помнит их поименно, живых и павших, для него нет безымянных героев. Они глядят на читателя с фотографий, глядят именами и своими бессмертными подвигами. И это особенно трогает и волнует тех, кто был непосредственным участником описанных в книге событий. Факты всегда остаются фактами. Они никогда не умрут, а книга маршала КАТУКОВА обильно насыщена ими. Она насыщена именами участников боев и сражений, героями трудовых дней в тылу и поэтому найдет себе самого разнообразного читателя — от профессиональных военных, ветеранов войны и историков до восторженных юношей. Ветеран услышит голоса друзей, увидит то поле сражения, где довелось ему драться с врагом. Вспомнит ли он пасмурные ноябрьские дни под Орлом и Москвой 1941 года или бои под Курском, на Правобережной Украине, под Львовом и Сандомиром, на Висле или на Одере — это, в сущности, не главное. Главное в том, что он непременно вспомнит великий

подвиг воинов Советской Армии и всего советского народа, совершенный во имя защиты нашей любимой Родины.

Книга маршала КАТУКОВА никого не оставит равнодушным. В каждом, кто ее прочтет, обязательно пробуждается признательность к героям далеких военных лет и укрепляет веру молодого поколения — защитников Родины — в правоте нашего дела.

Читая такие книги, удивительно явно ждешь события тех дней, и эти события, несмотря на прошедшие более чем четверть века, не кажутся столь далекими.

На основе обширного фактического материала автор исторически правдиво описал действия 1-й танковой армии, показал массовый героизм солдат, сержантов, офицеров и генералов. Будучи патриотом своего рода войск, он значительное место отводит показу места и роли танковых войск в Великой Отечественной войне, центральное место при этом занимают описание и анализ боевых действий танковых частей и соединений 1-й танковой армии. Автор дает обоснование ряда теоретических положений по применению крупных подвижных соединений как в наступлении, так и в обороне. В частности, глубоко рассматриваются вопросы массированного использования танков на направлениях главных ударов, эшелонирование их в обороне, взаимодействие танковых соединений с другими родами войск и авиацией. Автор подчеркивает, что широкий маневр, стремительность наступления на большую глубину и в современных условиях составляют основу боевых действий танковых войск.

В книге дан ряд поучительных заключений о стиле руководства войсками, правдиво показана роль партийно-политического аппарата в организации и руководстве боем, подчеркнута значение морально-психологической подготовки воинов. Автор воздает должное главному герою войны — советскому солдату, воспитанному Коммунистической партией, его отваге, мастерству, преданности Родине, его непоколебимой уверенности в победе.

Книга маршала КАТУКОВА имеет большое теорети-

ческое и практическое значение для решения многих проблем военного дела в современных условиях. Она поучительна, написана хорошим языком, легко читается. Превосходны ее оформление, построение и стиль изложения. Книга будет, безусловно, достойно принята широким кругом читателей. В ней каждый найдет для себя много интересного. Она сыграет большую роль в военно-патриотическом воспитании молодежи. Она зовет молодое поколение советских людей к новым победам во славу нашей социалистической Родины.

*ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
МАРШАЛ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК
БАБАДЖАНИЯ*

ТАНКИ ОЖИВАЛИ ВНОВЬ

Я с удовольствием прочел книгу И. ГОЛУШКО под таким названием, в которой он рассказывает о боях в период тяжелых дней города Ленинграда, рассказывает чистую и суровую правду, и война видится читателям такой, какой мог видеть ее автор с тех участков, на которых ему довелось побывать. И так далеко, как далеко можно видеть с передовой цепи, из башни танка, с пункта технического наблюдения заместителя командира танковой роты по технической части, а сейчас, в наши дни, — с высоты, на которой стоит начальник штаба тыла Вооруженных сил. Со всех этих ступенек И. ГОЛУШКО честным взглядом солдата смотрит на войну и правдиво о ней повествует. Он ведет читателя через поля тяжелых боев Великой Отечественной войны, и читатель все время чувствует себя как бы на самом острие событий, подобно тому, как танки были, есть и будут на острие наступления. Читая книгу, мы как бы движемся на борту танка, ныряющего сквозь дым и грохот танковых сражений, в которых автор принимал участие. И это особенно трогает и волнует, это особенно дорого. Факты всегда останутся фактами, они никогда не умрут, а книга насыщена ими, и поэтому она займет свое место в уже достаточно богатой мемуарной литературе о войне. Книга найдет себе самого разнообразного читателя — от ветеранов войны до молодого человека. Ветеран войны услышит голоса друзей, увидит то поле боя, где довелось сражаться, а восторженные юноши, которым, как знать, может, тоже придется иметь дело в бою с бронированными машинами, прочитав ее, получат яр-

кое представление о наших танках, советских танкистах и их боевых делах.

Вспомнят ли эти люди последние дни блокады героического Ленинграда или страшные бои на подступах к городу, где под дулами немецких пушек шли танки и пехота в смертельную атаку — это, в сущности, не главное, главное в том, что они обязательно, непременно вспомнят великий подвиг наших солдат, массовый героизм советского народа. Таково свойство хороших современных книг! Они никого не оставляют равнодушными, в каждом сердце пробуждают признательность к героям далеких военных лет, укрепляют нашу надежду на молодое поколение защитников Родины. И что особенно важно, читая такие книги, отчетливо видишь события тех дней. Они не кажутся далекими, не несут в себе того, чего боялись ревнители т.н. современной темы, и все, что не о «сегодняшнем дне», относили к истории, не той, однако, истории, которая живет с нами, вошла в нашу память, в наши думы, дела, а к иной, отдающей нафталиновой пылью веков... Но вот она, эта история, как на ладони, рядом с нами, в нас, она дышит, как живая, и мы прислушиваемся к ее нелегкому дыханию, как к своему, мы ею живем и ею гордимся.

Завидная искренность и правдивость воспоминаний И. ГОЛУШКО оставляет глубокий след в сознании людей и окажет большое влияние на формирование высокого нравственного облика послевоенных поколений.

Автор книги не творит историю задним числом, что, в общем, должно соблюдаться всеми, кто пишет о таком прошлом, как война. Он пишет все как есть, как было, как могло быть, как должно быть и как не должно быть.

Признанный командир-танкист, прошедший сквозь огонь сражений, он имеет на это моральное право. Автор в книге повествует и высоко отзывается о своих боевых товарищах, о славном рабочем человеке, о тех, кто беззаветно отдавал все свои силы и жизнь для организации отпора коварному врагу.

Автор показывает события не крупномасштабно, а конкретно и через восприятие отдельных лиц, описывает героические подвиги простых советских людей. Каждая страни-

ца книги повествует о том, как наши люди — сыновья общей семьи советских народов, бойцы и командиры, рабочие и инженерно-технический состав выполняли свой священный долг перед Родиной.

Книга эта заслуживает того, чтобы ее прочли «от корки до корки». Это хорошая настольная книга для танкистов, особенно для тех, кто непосредственно работает у танков. Но это не значит, что она не вызывает замечаний. Чувствовать танки так, как чувствует их И. ГОЛУШКО, — это стихия автора, его привязанность, его любовь и страсть. Естественно поэтому, что в центре его воспоминаний — танкисты. Вместе с тем отсутствие панорамы театра военных действий, хотя бы нескольких общих слов о пехоте, саперах, артиллеристах и воинах других родов войск несколько сужает картину боевых действий, описанных в книге.

Пусть в бою трудно было уследить, кто, где и как действовал, хотя совсем не видеть действий соседей тоже нельзя. У автора была возможность полнее показать боевые действия, это было бы справедливо по отношению ко всем, кто шел рядом, и это еще больше подчеркнуло бы роль танковых частей. Но этот «грех» не делает погоды, не определяет ее. Книга наглядно показывает массовый героизм советских людей, хорошее и доходчивое повествование и заслуживает того, чтобы ее читали.

*НАЧАЛЬНИК ТАНКОВЫХ ВОЙСК
МАРШАЛ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК
БАБАДЖАНИЯ*

« » августа 1974 года

**НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
УПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ
И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ТОВАРИЩУ ГОЛИКОВУ Ф.И.**

Уважаемый Филипп Иванович!

Ваше письмо по поводу книги Н.К. Попеля «Танки повернули на запад» и оценки ее тов. Барштейном получил. Не скрою, оно явилось для меня приятным сюрпризом, и я с большим удовольствием изложу свое мнение по интересующим Вас вопросам.

**О КНИГЕ Н.К. ПОПЕЛЯ
«ТАНКИ ПОВЕРНУЛИ НА ЗАПАД»**

Не вдаваясь в подробности рассмотрения сильных и слабых сторон упомянутой книги, следует отметить, что в целом это, несомненно, нужное и полезное произведение.

На основе обширного фактического материала Н.К. Попель исторически правдиво описал боевые действия 1-й танковой армии, правильно показал массовый героизм ее солдат, сержантов, офицеров и генералов.

Безусловно, в книге «Танки повернули на запад» имеется ряд неточностей в освещении отдельных боевых эпизодов и событий, в некоторых случаях перепутаны фамилии участвовавших офицеров и генералов и т.п. Но это в известной мере и естественно, так как трудно избежать подобных неточностей при описании боевых действий такого крупного объединения, как танковая армия, да еще спустя почти около 20 лет.

На мой взгляд, значительно большим «грехом» тов. Попеля Н.К. является то, что в книге «Танки повернули

на запад» он чрезмерно много, до подробностей, порою не соответствующих действительности, рассказывает о тов. Катукове и лично о себе, поневоле создавая впечатление, что именно они являлись «вершителями судеб» боевых действий 1-й танковой армии, а это не только нескромно, но и принципиально неверно.

Тем не менее даже с учетом тех недостатков, которые имеются в вышедшем издании книги «Танки повернули на запад», она несомненно полезна не только с точки зрения познания боевых действий крупного танкового объединения в годы Великой Отечественной войны, но и для воспитания молодого поколения и прежде всего советских воинов. К тому же надо полагать, что тов. Попель Н.К. продолжит работу над этой книгой и при определенной помощи сумеет устранить имеющиеся недостатки.

Что касается оценки книги «Танки повернули на запад» тов. Барштейном как «идеологически вредной, насквозь лживой», то она абсолютно ни на чем не обоснована, кроме болезненного самолюбия и собственного недомыслия тов. Барштейна.

Тов. Барштейна я знаю как крайне несерьезного и безответственного человека, способного оклеветать кого угодно. В прошлом году мне дважды довелось встретиться с тов. Барштейном, и я пришел к твердому убеждению, что он психически неполноценный человек. Может быть, это звучит несколько странно, но, анализируя его поведение (неограниченное высокомерие, грубость, нахальство, оскорбление окружающих, непрерывные «обличающие» жалобы по всякому поводу и без повода и т.д.), невольно приходишь к выводу, что в психике тов. Барштейна имеется заметное отклонение от нормы.

В связи с книгой Н.К. Попеля «Танки повернули на запад» мое твердое мнение: не принимать всерьез заявление и «оценок» тов. Барштейна, а за клевету и оскорбление товарищей его давно уже пора призвать к порядку.

*С искренним уважением,
ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК
А. БАБАДЖАНИЯ*

23 июля 1961 г.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ С ГЛАВНЫМ МАРШАЛОМ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК БАБАДЖАНИЯНОМ АМАЗАСПОМ ХАЧАТУРОВИЧЕМ

Я Амазаспа Хачатуровича знала и раньше, до того момента, когда он стал непосредственным моим начальником, я в этом Управлении работаю 33-й год. Мне выпало большое счастье на протяжении многих лет трудиться с выдающимися военачальниками: маршалами бронетанковых войск ФЕДОРЕНКО Я.Н., РЫБАЛКО П.С., БОГДАНЫМ С.И., генералом армии РАДЗИЕВСКИМ А.И., маршалом бронетанковых войск ПОЛУБОЯРОВЫМ и Главным маршалом бронетанковых войск БАБАДЖАНИЯНОМ Амазаспом Хачатуровичем.

Главный маршал бронетанковых войск БАБАДЖАНИЯН А.Х. в то время, когда я его увидела, был еще генерал-майором. Приезжал он из войск к командующему БТ и МВ СА маршалу бронетанковых войск ФЕДОРЕНКО Я.Н., а затем был на докладе у маршала бронетанковых войск РЫБАЛКО П.С. Но эти встречи были мимолетными и совсем не то, как пришлось мне работать с ним и непосредственно выполнять его указания.

Вспоминаю его приход в Управление. Дней за десять до прихода маршала бронетанковых войск БАБАДЖАНИЯНА А.Х. (в то время он был еще маршалом бронетанковых войск) в Управление маршал бронетанковых войск ПОЛУБОЯРОВ П.П. (бывший начальник танковых войск) мне говорит:

— Евгения Викторовна, если Вы хотите уходить на пенсию, то я могу сейчас Вас проводить на заслуженный отдых, т.к. на днях приходит к Вам новый начальник танковых войск маршал бронетанковых войск БАБАДЖА-НЯН Амазасп Хачатурович, но если он с Вами поработает, то он Вас не отпустит.

Но я на это ответила:

— Павел Павлович, если можно, то я еще поработаю. Вы знаете, почему мне нужно быть среди коллектива, мне свое горе легче переносить в коллективе (в то время я похоронила сына 35 лет).

Буквально дней через пять после этого разговора был назначен начальником танковых войск маршал бронетанковых войск БАБАДЖАНИЯН Амазасп Хачатурович.

Это было в мае 1969 года. Заходит Амазасп Хачатурович в секретариат. Поздоровался, остановился у моего стола, спросил меня:

— Как Ваше здоровье, Евгения Викторовна?

Я ответила ему:

— Ничего — спасибо.

— Много прошло лет, как мы с Вами встречались? — спросил меня Амазасп Хачатурович!

Я ему ответила:

— Да, Амазасп Хачатурович, порядочно прошло времени.

Он пригласил меня к себе в кабинет и сказал:

— Ну что ж, Евгения Викторовна, будем с Вами работать. Вы мне будете помогать. У Вас огромный опыт и большие знания.

При этом разговоре он спросил меня о моей семье: о муже и о детях. Я ему сказала, что мой муж пока здоров, но сын у меня остался один, первого сына я похоронила, а второй сын мой танкист и работает в Академии БТВ ст. преподавателем — полковник, кандидат технических наук.

Затем Амазасп Хачатурович перешел на служебные вопросы и попросил вызвать к нему всех его заместителей и начальников управления, что я и сделала.

Потом было общее собрание всего личного состава, и маршал бронетанковых войск ПОЛУБОЯРОВ П.П. нас познакомил с Амазаспом Хачатуровичем официально.

Итак, я стала с ним работать. У него была очень большая переписка с избирателями, все письма с его резолюциями он направлял мне на исполнение. Его указания я исполняла точно и в срок.

К нему писали люди из различных уголков нашей необъятной Родины, в том числе старые друзья-однополчане, школьники, пионеры и комсомольцы, которым он с большим удовольствием отвечал.

Письма школьникам он писал, как отец своим детям: и ласково, и внимательно, и поучительно.

Когда он пришел к нам в Управление, он был депутатом Верховного Совета Союза ССР по Молдавскому избирательному участку, а остальное время избирался депутатом Верховного Совета РСФСР по Челябинской области, г. Чебаркуль.

Избиратели обращались к нему по всем вопросам. По обеспечению транспортом, по строительству узла связи и многим другим вопросам. Школьники, вернее, их родители, обратились к маршалу бронетанковых войск о выделении автобусов для перевозок детей в школу, которая расположена в нескольких километрах от совхоза, по вопросу обеспечения жилой площадью. Этот вопрос очень сложный. Приходилось писать неоднократно, до тех пор, пока вопрос не решался положительно.

К Главному маршалу бронетанковых войск БАБАДЖА-НЯНУ А.Х. обращались и офицеры, и генералы, женщины-служащие, жены офицеров, матери офицеров, и всех он принимал и для каждого находил ласковое слово, иногда и делал замечания, но от него уходили люди с легким сердцем.

Очень большая переписка у него была с земляками из Армении и Азербайджана, которые к нему обращались по всем вопросам, на все письма он отвечал.

Вот к нему обратился лично из его избирательного округа мальчик из Уйского р-на Челябинской обл. Володя Черненко. Этот ребенок в детстве перенес полиомелит, а эта болезнь дает тяжелые осложнения на конечности, вот этот ребенок лично написал письмо Главному маршалу Амазаспу Хачатуровичу с просьбой помочь ему лечь в экспериментальный институт.

Главный маршал написал письмо в Детский Научно-ис-

следовательский институт им. Турнера в г. Ленинграде — это было 28 августа 1971 года, и в ответ на ходатайство Главного маршала БАБАДЖАНЯНА Володю положили в институт, и до сего времени он находится под наблюдением врачей, и периодически его вызывают на повторное лечение.

Последнее письмо Володя написал Амазаспу Хачатуровичу, когда он лежал в госпитале, в котором он писал, что здоровье его хорошее, учится он только на «хорошо» и «отлично», что в прошлом году он был в Ленинграде на консультации, и ему разрешили, наконец, ходить без костылей с тросточкой и что у него появились надежды, что он будет ходить без тросточки, ему об этом сказали врачи.

Второй мальчик из п. Уйское Челябинской обл. МАЛЬЦЕВ Саша. Он тоже обратился к Главному маршалу помочь ему в лечении. Главный маршал устраивал этого мальчика в тот же институт, где ему сделали операцию и рекомендовали съездить на курорт. По ходатайству Главного маршала через министра здравоохранения РСФСР ему предоставили путевку на юг в Евпаторий.

Неоднократно писала к нему девочка из Азербайджанской ССР, Нах. АССР, Ордубадского р-на с. Бист Мурадян Арфеник.

Арфеник пишет к Главному маршалу БАБАДЖАНЯНУ А.Х. на армянском языке, вот один из ответов на ее последнее письмо:

«...Дорогая Арфеник! Твое письмо прочитал, и молодец ты, что стремишься к благородной профессии, быть врачом, помогать и спасать людей от недуга. Поэтому ты должна усиленно учиться только на «хорошо» и «отлично».

Моя книга «Дороги Победы» выпущена в 1972 году, в ней ты подробно узнаешь о полковнике ГОРЕЛОВЕ, Герое Советского Союза, который погиб на фронте, о ком ты просишь сообщить. Посылаю тебе свою фотографию, согласно твоей просьбе. Желаю тебе, деточка, отличного здоровья, прекрасного настроения и больших успехов в учебе.

*С искренним уважением,
ГЛАВНЫЙ МАРШАЛ БРОНЕТАНКОВЫХ ВОЙСК
БАБАДЖАНЯН*

11 апреля 1977 года

Таких писем очень много.

Если Главный маршал БАБАДЖАНИЯН А.Х. давал слово помочь, то он делал все, что от него зависело, и даже то, что и от него не зависело. Он мог поехать к вышестоящим начальникам с ходатайством о самом маленьком рядовом человеке, он подавал руку помощи и знакомым, и незнакомым, воинам, прошедшим с ним всю войну. Мне кажется, что врагов у этого человека не было и не могло быть.

Я помню и такой случай, который был лично со мной. В конце октября 1971 года на работе у меня был тяжелый приступ — воспаление желчного пузыря. Меня сразу увезли в Главный госпиталь, положили туда меня только по личной просьбе Амазаспа Хачатуровича.

На второй день моей болезни вдруг слышу шум в коридоре, и говорят, что идет Маршал. Я и не подумала, что это идет Амазасп Хачатурович, и вдруг в мою палату заходит Маршал наш, он приехал навестить меня и поговорить с лечащим врачом. У моей кровати был такой разговор. Хирург — начальник отделения полковник КУЗНЕЦОВ М.Н. — Маршалу говорит, что операция Евгении Викторовне необходима, все показатели говорят за операцию.

Амазасп Хачатурович и говорит:

— Делать — это ваше дело. Вы врачи, и прошу Вас поставить ее на ноги, она для работы очень нужна — это моя правая рука.

Второй раз он приехал в госпиталь перед своим отъездом в санаторий накануне почти перед моей операцией. Успокоил меня, чтобы я не волновалась, сказал, что все будет хорошо; пожелал мне здоровья. И 21 ноября 1971 года мне сделали операцию, а 9 января 1972 года я уже была на работе. После операции мне было необходимо санаторно-курортное лечение, Маршал об этом всегда сам помнил и всегда через ЦВМУ доставал для меня путевку. И говорил мне, когда я его благодарила:

— Ведь нам с Вами надо работать, а для этого нужно здоровье, вот и лечитесь.

Эта заботе меня настолько тронула, что я всегда вспоминаю его только с благодарностью.

Я никогда в жизни по своим личным вопросам его не беспокоила, и если он мне что-то делал, то это была его личная забота обо мне.

Когда он лежал последний раз в госпитале, я приезжала к нему подписывать поздравления в связи с 60-летием Великой Октябрьской революции, он их подписывал, а их было так много. А Амазасп Хачатурович все равно беспокоился, чтобы кого-нибудь не пропустить и не забыть. Я его спросила, надо ли писать поздравления офицерам и генералам нашего управления. Он сказал:

— Нет, не надо, я из госпиталя выйду к празднику и лично поздравлю всех.

Последний мой разговор о нем был по телефону 31 октября 1977 года. Он позвонил мне сам и говорит:

— Евгения Викторовна, здравствуйте, что-то Вы меня забыли.

Я ему ответила:

— Что Вы, Амазасп Хачатурович! Ведь я у Вас была в четверг.

— А сегодня уже понедельник.

— Ну, Амазасп Хачатурович, ведь Вы больной человек, и Вас беспокоить я считаю неудобным.

— Евгения Викторовна, я Вас прошу зайти ко мне, сегодня уже 5 часов вечера, и ко мне должен приехать нач. отдела кадров, завтра с утра я буду ждать.

И это был мой последний с ним разговор.

А в 5 часов 30 минут мне домой позвонил Оперативный дежурный нашего управления и передал, что Главный маршал бронетанковых войск БАБАДЖАНЯН Амазасп Хачатурович в 4 часа 25 минут утра скончался.

Это было известие для меня, как гром в чистом небе, но факт остался фактом: Амазаспа Хачатуровича не стало.

Амазасп Хачатурович никогда не щадил свое здоровье, даже можно сказать, и жизнь. Во время своей последней болезни он лежал в госпитале, а к нему шли все и по служебным вопросам, и по личным. Он всех принимал и стремился, даже будучи в госпитале больным, помочь. Вызывал к себе начальников отделов и управлений, от которых зависело решение того или другого вопроса, с которым к

нему обратились. Ведь люди сами не понимали, что они его не берегут. И вот результат — его не стало. Перестало биться сердце большого человека, видного военачальника, вышедшего из бедных слоев армянского народа. Он родился 18 февраля 1906 года в семье бедного крестьянина, у его отца была очень большая семья, было много детей. Родина его была в Азербайджанской ССР, п. Чардахлы Шамхорского района. Этот поселок расположен среди гор, поэтому он очень любил горы. Он был еще совсем ребенком, когда отец его отправил пасти скот в горы. Его детство мне хорошо известно, Амазасп Хачатурович писал много своих воспоминаний и в журналы, и книги, а я печатала его рукописи для отправки в печать.

Главный маршал умело владел юмором. Он очень любил и знал в совершенстве историю армянского народа и нашу русскую историю, особенно военную историю. Любил книги и много читал, особенно исторические книги и книги про войну.

С ним было приятно говорить и слушать его. Он умел рассказывать эпизоды из своей жизни и особенно военные походы во время Великой Отечественной войны. Хорошие моменты из фронтовой жизни у него прекрасно изложены в его книге «Дороги Победы».

Даже во время фронтовой жизни он находил моменты передавать и вставлять свой юмор, а этим даром он умел пользоваться. У него, кроме того, была великолепная память. Он, например, писал свою книгу «Дороги Победы» и помнил даже имена товарищей, с которыми воевал, не только командный состав, но и рядовых воинов. Он писал эту книгу с большим желанием.

Ну, что говорить об этом человеке — можно много писать и говорить очень много, а за мою жизнь, за время моей работы я встречалась и работала с большими людьми. Начала я работу в 1923 г.

Хочу закончить это маленькое воспоминание об АМА-ЗАСПЕ ХАЧАТУРОВИЧЕ как о человеке, который всю свою жизнь без остатка отдал на благо нашей любимой Родины и ее Вооруженных сил.

Он очень любил свою семью — жену Аргунью Арша-

ковну и своих детей. У него их было трое — сын и две дочери. У него было четыре внучки, особенно он был привязан к последней, самой маленькой внучке Катеньке (имя Екатерина дано в честь его матери), о ней он говорил всегда много и скучал, если долго ее не видел. Ну, конечно, и к остальным внучкам он относился с большой любовью. Он детей очень любил.

Я вместе с ним проработала с мая 1969 года до 1 ноября 1977 года, и у меня о нем осталось самое светлое воспоминание. И пока я буду жить, я никогда его не забуду.

Секретариат УНТВ,

Е. Соловьева

21 февраля 1978 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. ПРЕДГРОЗЬЕ	7
Глава вторая. ВОЙНА!	61
Глава третья. «ВНИМАНИЕ, ТАНКИ!»	105
Глава четвертая. ПОВІЙ, ВІТРЕ, НА ВКРАЇНУ	173
Глава пятая. ОБЪЯТИЕ ДРУГА	231
Глава шестая. НАКАНУНЕ	268
Глава седьмая. ВПЕРЕД... НА ВОСТОК	308
Глава восьмая. ПОБЕДА	340
Приложения	376

Амазасп Бабаджанян

ТАНКОВЫЕ РЕЙДЫ

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *С. Горшкова*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15.

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495)745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 10.02.2009.
Формат 84 x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 4 000 экз. Заказ № 6088

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**

E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

*International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**

E-mail: vlpzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.

Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. За.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ТАНКОВЫЕ РЕЙДЫ 1941–1945

Он воевал по-суворовски: не числом, а умением.

Он по праву считается одним из лучших танковых командиров Великой Отечественной.

На склоне лет он стал главным маршалом бронетанковых войск и начальником танковых войск Советского Союза.

А прославился Амазасп Бабаджанян еще в августе 1941 года, когда его танковый полк, совершив ночной марш по вражеским тылам, захватил «высоту смерти» под Ельней, что заставило немцев оставить город.

С тех пор танковые рейды стали специализацией этого храброго, находчивого и высокообразованного командира. В течение всей войны танкисты Бабаджаняна, сражавшиеся в корпусе легендарного Катукова, были на острие главного удара Красной Армии – сметали вражескую оборону, громили немецкие коммуникации, брали города в глубоком тылу противника. Полковник Бабаджанян отличился при форсировании Днестра, на Сандомирском плацдарме (где был тяжело ранен в грудь, но всего через 20 дней вернулся в строй) и в битве за Берлин. Обо всех этих сражениях Амазасп Хачатурович рассказал в своих мемуарах, признанных одной из лучших книг о боевом применении советских танков в Великой Отечественной войне.

В данном издании воспоминания главного маршала бронетанковых войск дополнены уникальными фотографиями из семейного архива и личными записями автора, порой очень жесткими и критическими, которые прежде никогда не публиковались.

ISBN 978-5-699-32119-3

9 785699 321193 >